

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. 46

**ANCIENT CEMETERIES AND SETTLEMENTS:
POST-BURIAL RITES, SYMBOLIC INTERMENTS,
AND GRAVE PLUNDERING**

St. Petersburg
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Труды. Т. 46

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ И ПОСЕЛЕНИЯ:
ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ,
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И ОГРАБЛЕНИЯ**

Санкт-Петербург
2016

УДК 902/904
ББК 63.4

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления.
Труды ИИМК РАН. Т. 46. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. — 244 с.: ил.

Ancient cemeteries and settlements: post-burial rites, symbolic interments, and grave plundering. Proceedings of IHMC RAS. Vol. 46. — St. Petersburg: IHMC RAS; The Neva Book Printing House, 2016. — 244 p.: ill.

ISBN 978-5-9908534-0-9

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMC RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), А. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, М. Е. Килуновская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, M. E. Kilunovskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык: А. Б. Вишняцкий
English translation: L. B. Vishnyatsky

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Б. Кирчо, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин, доктор исторических наук О. В. Шаров
Editorial referees: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences L. B. Kircho, Doctor of Historical Sciences V. A. Aleksbin, Doctor of Historical Sciences O. V. Sharov

Настоящий сборник статей посвящен проблеме нарушенных в древности или символических погребений. Авторы рассматривают несколько взаимосвязанных направлений изучения этих явлений: следы постпогребальных обрядов (часто принимаемые за следы ограблений), методы их выявления и интерпретации; различные категории символических захоронений, где само тело умершего полностью или частично отсутствовало. Часть статей посвящена приемам выявления древних ограблений могил, выяснению методов и мотивов действий грабителей. Важными являются уточнение терминологии, повышенное внимание к полевой фиксации и публикации деталей таких комплексов; возможности корректного привлечения этнографических параллелей. Немаловажны также датировка поздних проникновений в могилы; критерии выявления синхронных захоронениям и более поздних ограблений; активное использование данных физической антропологии; выявление характеристик сакрального пространства некрополя и его округи. В ряде работ отражены ценные полевые наблюдения; в других содержится критический анализ преобладающей методики фиксации и имеющихся реконструкций ритуалов; третьи продолжают ведущуюся в литературе полемику. Тексты размещены по хронологическим блокам (бронзовый век — ранний железный век — раннее средневековье), а внутри таких блоков — по регионам. Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Евразии.

The present volume is devoted to the problem of ancient symbolic burials and grave plundering. The authors consider a number of interrelated directions in the study of these phenomena: traces of post-burial ceremonies (often mistaken for the traces of grave plundering); methods of their identification and interpretation; various categories of symbolic interments where the body of the deceased person was partly or completely missing. Some papers deal with the question of how to identify ancient grave robberies and to ascertain the robbers' motives and ways of action. Special attention is paid to the improvement of terminology, thorough field documentation and detailed publication of such complexes, and the possibility to use ethnographic parallels. Equally important are also the chronology of late intrusions into graves; the criteria used to discriminate between earlier and later robberies; the use of data provided by physical anthropology. A part of papers is devoted to important field observations, the other are mainly focused on critical analysis of the predominant methodology of documentation and reconstructions of ancient rituals, still others continue some earlier discussions of related topics. The texts are arranged in chronological blocks (Bronze Age — Early Iron Age — Early Middle Ages). The volume is intended for archaeologists, ethnographers, historians and for all those interested in the archaeology and ancient history of Eurasia.

На лицевой стороне обложки: Латунная фибула (брошь) со стеклянными вставками; памятник Харбас 1 в Приэльбрусье, VII в. н. э. Рис. 18 к статье Т. Р. Садыкова и Н. С. Курганова.

On the front side of the cover: Brass fibula (brooch) with glass inserts; Harbas 1 site in the Elbrus region, 7 c. AD. Fig. 18 to T. Sadykov's and N. Kurganov's paper.

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2016

ISBN 978-5-9908534-0-9

© Авторы статей / Authors of papers, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Яценко (<i>Москва, Россия</i>), М. Е. Кидуновская (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Нарушенные погребения: проблемы изучения.....	7
Вл. А. Семёнов, М. Е. Кидуновская (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). «Разрушение», «разграбление», «ритуал» — погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы).....	15
Н. Ю. Смирнов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Хронологические индикаторы нарушения погребений позднего бронзового века в Туве (на примере кургана 3 могильника Ээрбек 10).....	37
В. А. Новоженев (<i>Караганда, Республика Казахстан</i>). Разграбление могил как коммуникативное послание «свой — чужой».....	41
Э. Р. Усманова (<i>Караганда, Республика Казахстан</i>). Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи II тыс. до н. э.).....	51
А. В. Бондаренко (<i>Москва, Россия</i>). Нарушенные погребения андроновской, еловской и ирменской культур эпохи бронзы Западной Сибири (по материалам Еловского II могильника).....	56
А. Е. Гришин (<i>Новосибирск, Россия</i>). Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы одиновского некрополя Сопка-2/4А (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья).....	72
Е. В. Куприянова (<i>Челябинск, Россия</i>). Следы постпогребальной деятельности в могильниках эпохи бронзы: ограбление или обряд? (На примере памятников у с. Степное).....	84
М. Т. Кащуба (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Погребения на поселениях в раннегалльяттской культуре Сахарна Восточного Прикарпатья: норма или исключение?.....	96
М. А. Очир-Горяева (<i>Казань, Республика Татарстан, Россия</i>). Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии.....	113
Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимченко (<i>Киев, Украина</i>). Феномен ограбления степных скифских погребений в «макроэкономике» Северного Причерноморья.....	129
А. П. Бородавский, Е. А. Бородавская (<i>Новосибирск, Россия</i>). Вторичные погребения раннего железного века горной долины Нижней Катунь.....	134
С. А. Яценко (<i>Москва, Россия</i>). Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н. э.....	147
Е. В. Вдовченков, С. М. Ильяшенко (<i>Ростов-на-Дону, Россия</i>). Древние ограбления некрополя Танаиса (к постановке проблемы).....	157
Н. Н. Серегин (<i>Барнаул, Россия</i>). Проблемы интерпретации «символических» захоронений раннесредневековых тюрков Центральной Азии.....	169
А. А. Белицкая (<i>Сыктывкар, Республика Коми, Россия</i>). Целенаправленные разрушения погребений курганных могильников Европейского Северо-Востока.....	179
В. С. Аксёнов (<i>Харьков, Украина</i>). Некоторые замечания к вопросу интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры (по материалам Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника).....	189
Т. Р. Садыков, Н. С. Курганов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Подземные склепы памятника Харбас 1 в Приэльбрусье.....	205
Э. Ю. Шестопадова (<i>Владикавказ, РСО — Алания, Россия</i>). Ритуальные разрушения погребений по материалам Дагомского и Архонского могильников.....	221
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	241

CONTENTS

S. A. Yatsenko (<i>Moscow, Russia</i>), M. E. Kilunovskaya (<i>St. Petersburg, Russia</i>). The disturbed graves: Problems of their study.....	7
VI. A. Semenov, M. E. Kilunovskaya (<i>St. Petersburg, Russia</i>). «Destruction», «Plundering», «Ritual» — funeral rite in the context of ancient cultures (with particular reference to the archeological sites of Tuva)	15
N. Yu. Smirnov (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Chronological markers of disturbances of the Late Bronze Age burials in Tuva (as exemplified by barrow 3 of the Eerbek 10 cemetery).....	37
V. A. Novozhenov (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>). Grave plundering as a communicative message «us — them».....	41
E. R. Usmanova (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>). Symbolic and destroyed burials in the «text» of the Andronovo funeral rite (based on the materials of the Lisakovsk Burial Complex, II millennium BC).....	51
A. V. Bondarenko (<i>Moscow, Russia</i>). Disturbed burials in the Bronze Age cultures of Andronovo, Elovka and Irmen, West Siberia (with special reference to the materials of the Elovka II cemetery)	56
A. E. Grishin (<i>Novosibirsk, Russia</i>). Intentionally disturbed burial assemblages at the OdinoVo culture necropolis of Sopka-2/4A (Bronze Age of the Ob'-Irtysh interflaves).....	72
E. V. Kupriyanova (<i>Chebyabinsk, Russia</i>). Traces of post-burial activity in the Bronze Age cemeteries: robbery or ritual? (With particular reference to the sites near the Stepnoye village)	84
M. T. Kashuba (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Settlement burials in the Early Hallstatt culture of Saharna in the East Carpathian area: norm or exclusion?	96
M. A. Ochir-Goryaeva (<i>Kazan, Republic of Tatarstan, Russia</i>). Traces of post-funerary rituals in the Scythian burials of Eurasian steppes	113
N. A. Gavrilyuk, N. P. Timchenko (<i>Kiev, Ukraine</i>). Plundering of the steppe Scythian burials in the «macroeconomics» of the North Black Sea region	129
A. P. Borodovskiy, E. L. Borodovskaya (<i>Novosibirsk, Russia</i>). Secondary burials of the Early Iron Age in the mountainous valley of the Lower Katun	134
S. A. Yatsenko (<i>Moscow, Russia</i>). The character of ancient robberies of barrows belonging to two groups of the Sarmatian elite of the 1–2 cc. AD	147
E. V. Vdovchenkov, S. M. Iliyashenko (<i>Rostov-on-Don, Russia</i>). Ancient robberies of the necropolis of Tanais (problem statement)	157
N. N. Seregin (<i>Barnaul, Russia</i>). Problems in interpretation of «symbolic» burials of the early medieval Turks in Central Asia.....	169
A. L. Belitskaya (<i>Syktuykar, Komi Republic, Russia</i>). Intentional destruction of graves in the burial mound cemeteries of the European Northeast.....	179
V. S. Aksenov (<i>Kbarkov, Ukraine</i>). Some remarks on the question of interpretation of the destroyed skeletons in the sites of the Saltovo-Mayaki Culture (based on the materials of the Verchne-Saltov IV catacomb cemetery)	189
T. R. Sadykov, N. S. Kurganov (<i>St. Petersburg, Russia</i>). Underground burial vaults of Harbas 1 in the Elbrus region	205
E. Yu. Shestopalova (<i>Vladikavkaz, North Ossetia — Alania, Russia</i>). Ritual destruction of burials as reflected in the materials of the Dagom and Arkhon cemeteries	221
LIST OF ABBREVIATIONS.....	239
LIST OF CONTRIBUTORS	241

С. А. Яценко, М. Е. Килуновская

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Идея дискуссии по нарушенным людьми погребениям древних культур Евразии возникла в ноябре 2013 г. Опубликованная здесь серия статей и прошедший в январе 2015 г. в Челябинском государственном университете круглый стол являются ее реализацией. Авторы вводной статьи дают общий обзор соответствующей проблематики и предлагают перечень методических и методологических рекомендаций по работе с нарушенными погребениями. Большое внимание уделяется также вопросам терминологии, которая нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: нарушенные погребения, постпогребальные действия, идентификация древних ограблений, полевая фиксация, уточнение терминологии, некросфера, сакральное пространство некрополя и округи.

S. A. Yatsenko, M. E. Kilunovskaya. The disturbed graves: Problems of their study. The idea of a special discussion devoted to the disturbed burials in the ancient cultures of Eurasia was first put forward in November of 2013. It was materialized at the Round table held in Chelyabinsk University in January 2015, and the series of papers published in this volume represents the second stage of its realization. The authors of this introductory paper give a general overview of the problem and provide a list of methodological recommendations for those who have to deal with the study of the disturbed burials. Particular attention is also paid to the questions of terminology, which is in need of refinement.

Keywords: disturbed graves, post-burial actions, identification of ancient lootings, field documentation, clarification of terminology, necrosphera, sacred area of a necropolis and its outskirts.

В этом сборнике публикуется серия статей по значимой, но слабо разработанной теме: погребальным и поминальным комплексам с человеческими останками и/или погребальными приношениями, нарушенным вследствие человеческих действий¹. Идея обсуждения этой темы принадлежит одному из авторов данного текста (М. Е. Килуновской), а возникла она в связи с публикацией проблемной статьи другого автора (Яценко 2013). В ходе 10-й конференции «Боспорский феномен» в ноябре 2013 г. в ИИМК РАН у нас возникла мысль организовать специальную инициативную секцию «Археология древних ограблений и символических захоронений» в составе IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани (октябрь 2014 г.), однако эту идею реализовать не удалось. В августе 2014 г. от редколлегии РАЕ поступило предложение опубликовать имеющиеся тексты в очередном выпуске Ежегодника. В конечном итоге наши усилия реализовались в сборнике.

26–27 января 2015 г. в Челябинском государственном университете был проведен Всероссийский круглый стол с международным участием «Археология древних ограблений и символических захоронений»². Наряду с докладами по конкретным культурам и могильникам состоялась продуктивная двухдневная дискуссия с прямой трансляцией и возможностью диалога в Интернете. Рассматривались четыре основные темы: 1) проблемы диагностирования постпогребальных действий и их интерпретации (эта тема свелась преимущественно к обсуждению дилеммы «ритуал или ограбление»); 2) критерии выявления древних ограблений, реконструкция методов и мотивов действий грабителей; 3) полевая фиксация и публикация материалов антропогенно нарушенных (потревоженных) и частичных погребений; 4) оценка имеющейся терминологии по проблеме и отбор оптимальной русскоязычной терминологии.

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета.

² Организатор — Е. В. Куприянова, директор учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ.

В публикуемых статьях представлены материалы различных культур Евразии от бронзового века до раннего средневековья. В одних статьях ценны полевые наблюдения; в других присутствует, кроме прочего, критический анализ преобладающей методики фиксации и имеющихся реконструкций выявляемых ритуалов; третьи продолжают уже начатую несколько лет назад полемику. Тексты размещены по хронологическим блокам (бронзовый век — ранний железный век — раннее средневековье), а внутри таких групп — по регионам.

Рассматривая представленные статьи в целом, отметим, что, как правило, исследователи интересуются трактовкой нарушенных и символических захоронений. Чаще всего это оппозиция: ритуальные действия / «прагматические» ограбления. Кроме того, рассматриваются постпогребальные действия предположительно обычно в рамках поминок или обряда обезвреживания, совершаемые в могилах и вокруг них; парциальные погребения и вероятные человеческие жертвоприношения; технические приемы, практические задачи и суеверия предполагаемых грабителей. Реже внимание авторов привлекают такие сюжеты, как разница обрядности первичных и более поздних однокультурных погребений в кургане или групповом склепе, специфика ритуала кенотафов, проблемы оптимального ведения полевой документации и др. Знакомство с этими текстами приводит к выводу, что в настоящее время более актуальными часто являются тщательная фиксация, анализы антропологов и криминалистов и связанные с ними первичные обобщения, а не далеко идущие теоретические заключения. Рискнем сказать, что более реальной целью на данном этапе является не принятие «окончательных» решений, а грамотная формулировка проблем. Публикация предлагаемых материалов еще раз свидетельствует о том, что интерес к археологически выявляемым свидетельствам обрядов некротиферы (Корусенко, Полеводов 2013) в последние годы оказался весьма велик³.

Интерес к описанию и интерпретации «нестандартных» или «специальных» (*deviant burials*), потревоженных или, предпочтительнее, нарушенных погребений (Кузьмин 1991: 146)⁴ появился у археологов, изучающих конкретные культуры, уже давно; при этом наиболее активное обсуждение изначально шло в связи с исследованиями ряда древних обществ юга Восточной Европы. Еще на V Археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г. между ведущими археологами возникла дискуссия по поводу нарушенных скелетов катакомбной культуры бронзового века (Уварова 1887). Не случайно с материалом этой культурной общности связана и первая в Северной Евразии монография на подобную тему (Мельник 1991). Вызвала дискуссию интерпретация характера нарушения погребений в культурах позднеантичной эпохи (черняховская и др.; см. Сымонович, Кравченко 1983; Никитина 2008: 137; Обломский 2015) и раннего средневековья (салтово-маяцкая: Аксёнов 2002; Флёров 2007; 2012; Афанасьев 2010; 2012; в рамках последней важна и специальная монография В. С. Флёрова 2007 г.). Зачастую одни и те же серии нарушенных погребений при этом трактовались как результат то ли ритуальных действий, то ли ограблений с целью наживы.

Любопытно, что с самого начала исследователей более всего интересовал именно факт манипуляций с останками умерших. Судя по высокой цитируемости, наибольшее впечатление на коллег произвела кандидатская диссертация О. В. Зайцевой (Зайцева 2005). В ней проблема нарушенных останков умерших рассматривалась комплексно и на широком материале западносибирских культур от неолита до средневековья с привлечением медицинских и криминалистических сведений о последовательности разложения трупа (с мягкими тканями и скелетированного), сравнительно дробной терминологией типов нарушенных останков (вторичные, расчлененные и парциальные погребения) и предполагаемых мотивов расчленения трупа или проникновения в могилу (в их числе — несколько неопределенное «вскрытие с целью установления связи между живыми и мертвыми»). Проблема выявления перемещений сопровождающих человеческие останки артефактов, похоже, волновала специалистов меньше (в силу меньшей их очевидности, уникальности их комплекта во многих случаях, а также из-за главной роли человеческих останков и, наконец, из-за более эмоционального восприятия их перемещений).

³ Отдельная проблема — характер включенности живых людей в эту сферу. Это не только участники похорон и поминок, служители культов и т. п. Вспомним, например, знаменитую древнюю традицию полноценных *прижизненных поминок* у таджиков, совершаемых для многих людей и подчас — за много лет до их смерти (Писарчик 1976; Бабаева 1993).

⁴ Мы осознаем, что термин «погребение» / *burial* имеет двоякий смысл (как *процесс* постепенного перехода умершего в иной мир и как некий объект — *сооружение или скопление* останков и сопровождающих артефактов). Такое двойственное понимание создает подчас ряд неудобств.

До недавнего времени мало уделялось внимания специальным ходам/лазам, по которым люди позже проникали в могилы, и даже специфике и сохранности находимых в них предметов (см. статьи М. А. Очир-Горяевой и С. А. Яценко). Неожиданно мало заинтересовали участников нашего «проекта» кенотафы (см. статьи Ю. В. Степановой и Н. Н. Серегина, где раннетюркские оградки предположительно трактуются как кенотафы), отчасти потому, что они в среднем реже разрушались.

Помимо весьма острой для трактовки погребально-поминальной обрядности многих культур и особенно конкретных могильников дилеммы «ритуал или ограбление», другой проблемой является во многих случаях *датировка* более поздних проникновений в могилы и поминальные комплексы. Споры идут и о времени, которое могло пройти до проявления хрупкости металлических изделий, костных останков и т. п. в условиях конкретной могилы/могильника. Во многих случаях о датировке мы можем лишь догадываться. Ясно одно: в подавляющем большинстве из множества рассматриваемых в текстах ситуаций речь идет о вмешательстве людей, относящихся к той же культурной традиции, причем достаточно близком по времени к погребению (не позже 1–2 поколений) — сородичей, соседей или различных недоброжелателей. Эти люди, чаще всего, хорошо знали детали погребально-поминального ритуала, структуру некрополя и размещение нужных им погребений, планировку самих могил и характер сопроводительных вещей.

Третья проблема — возможность корректного привлечения исторических и этнографических параллелей для предположительно той же этнолингвистической общности или той же территории. В большинстве случаев сделать это крайне трудно из-за смены населения в данной местности (часто — многократной) или долгого распространения в ней одной из мировых религий (когда мотивировка тех или иных ритуалов подчас резко менялась)⁵. Наконец, весьма различной была для разных территорий степень интереса к погребально-поминальной обрядности и квалификация этнографов. Ситуации прямого сохранения на протяжении 2000 лет многих языческих традиций без их активного подавления в негосударственных обществах очень редки; один из таких примеров дает алано-осетинская традиция (Яценко 1998), причем «аланы» в Центральном Предкавказье археологически надежно и непрерывно прослеживаются с конца I в. н. э. (Габуев, Малашев 2009: 148–149). С другой стороны, мы знаем примеры вполне удивительной преемственности в этой сфере на территориях, где неоднократно сменялись народы разных этнолингвистических и даже расовых групп (ср. параллели у современного населения российского Саяно-Алтая с кочевниками скифской эпохи, проявляющиеся, в том числе, при погребении шаманов: Тоцакова 1978: 129, 131 сл.; Кенин-Лопсан 1987: 88).

В последние годы широкое распространение в литературе получил необычный термин «ритуальные ограбления». Он выглядит, на наш взгляд, как минимум, двусмысленным. Во-первых, в русском языке «ограбление» обычно означает изъятие у человека (или группы людей) материальных ценностей с применением насилия или власти (тоже разновидности насилия). Во-вторых, под этим термином *de facto* одновременно понимают два совершенно разных явления: прагматические нелегальные действия по извлечению значимых артефактов лишь с легкой примесью сопровождающих их суеверий и предполагаемое санкционированное родовым/семейным коллективом изъятие ценностей. Важно, однако, что в последнем случае речь идет именно о *догадке*, ни разу не подтверждаемой фактами: никаких достоверных исторических или этнографических сведений о наличии подобной практики в традиционном обществе еще ни разу не приводилось. Единственным (и весьма шатким) аргументом является знание проникавшими в погребения людьми тонкостей устройства могил и т. п. («чужаки и враги не имели реальной возможности так грабить»). В настоящее время такая трактовка выглядит, скорее, как не слишком оправданная модернизация традиционных культур (помещаемые в могилу ценности предстают в них чем-то вроде долгосрочного вклада, который без проблем и без особого уважения к умершему родичу можно в любой момент изъять). Парадоксально, что при этом вполне достоверные и многочисленные факты реальных, но неофициальных изъятий «могильных» ценностей современниками и в пределах той же культуры (кровниками, жертвами порчи и иными

⁵ Так, после почти 1,5 тысячи лет господства ислама в Средней Азии сохранившиеся здесь в немалом количестве древние погребальные и поминальные традиции таджикского и смешанного ирано-тюркского населения в основном приобрели явно новые мотивации (ср. Снесарев 1969: 107–182; Карамышева 1986).

недоброжелателями покойного и его близких родственников; прагматическими, но суеверными грабителями) часто реально не учитываются.

Еще одной распространенной (теперь уже в прошлом) крайностью было приписывание почти всех постпогребальных действий «прагматичным» грабителям (что было своеобразной проекцией в прошлое весьма развитой в Российской империи деятельности бугровщиков/«счастливчиков», а в советское время — официального атеизма с его узкопрагматическими трактовками многих сложных явлений). Вполне естественно, что после долгого периода господства последнего подхода «маятник» симпатий исследователей и научная «мода» резко качнулись в противоположную сторону. Казалось бы, в эпоху бронзы, с ее еще весьма ограниченными хозяйственными возможностями, в большинстве обществ на территории Северной Евразии практический соблазн для потенциальных грабителей был относительно невелик⁶. Однако один из авторов — А. Е. Гришин — приводит убедительные аргументы в пользу преобладания именно ограблений с изъятием основных ценностей в нарушенных могилах кротовской культуры Западной Сибири. Символично, что новый виток обсуждения данной проблематики начался именно со статьи С. А. Яценко по сарматским синхронным ограблениям, так как сарматологи до сих пор скептически относились к самой возможности сформулировать критерии различения древних и недавних ограблений.

Интересно, что большинство нарушений в могилах бронзового века специалисты склонны объяснять серией постпогребальных обрядов (см. о термине: Флёрв 2007), тогда как для погребений эпохи ранних кочевников (особенно для элиты) речь почти всегда идет именно о классических ограблениях с целью добычи ценных вещей. Думается, это не случайность, а отражение реальных социокультурных процессов прошлого, проявившихся у многих группировок ранних кочевников: достоверно документированное современниками интенсивное втягивание скифской, сакской и сарматской кочевой элиты в мировые торговые связи; возможность накопления ею больших богатств от реализации на рынках земледельческих соседей пушнины, рабов и т. п.; многочисленные факты получения высококачественных престижных атрибутов «на стороне» — на заказ, в качестве даров или добычи; роскошь погребальных сооружений знати при очевидной бедности рядовых соплеменников; наличие большого спроса у сородичей и соседей на драгоценные металлы и парадное оружие; частая смена этнического доминирования в конкретных районах степной зоны. Все это делало актуальными тайные ограбления курганов аристократии артелями «старателей» как для собственной выгоды, так и для подчас закулисно руководивших ими влиятельных лиц (об экономической стороне этого «промысла» см. статью Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тимченко). У периферийных групп племенных и раннегосударственных сообществ раннего средневековья в условиях отсутствия или лишь начального распространения «мировых религий», судя по представленным материалам, роль локальных обрядовых постпогребальных «нарушений» была также очень заметной.

В тех случаях, когда для элитных курганов кочевников Южного Урала скифского времени делается вывод об ограблениях с изъятием ценностей, мы часто видим сожжение после этого частично сохранившихся обширных деревянных конструкций в насыпи. И. В. Ульянов (2002: 16–17; 2008: 13–14) и затем А. Д. Таиров (2014) убедительно аргументировали эти сожжения как действия грабителей с целью обезопасить себя от мести живых и «запечатать» выход в подземный мир. Эти акции находят интересные параллели с действиями шаек профессиональных грабителей после разорения очередных могил знати (по материалам древнеегипетских уголовных дел эпохи Нового Царства⁷). Несомненно, грабители разделяли существовавшие в тогдашнем обществе представления о защитной и очистительной роли огня в отношении умершего (и от него). Очень подробная информация о них сохранялась с архаическими мотивациями у наследников сармато-аланов — осетин еще в XIX в.⁸

⁶ На ум приходит старая арабская пословица «Даже сорок разбойников не сумеют ограбить одного голодранца».

⁷ Так, в протоколе допроса под пытками главы одной из таких шаек, каменотеса Инхернатха (1123 г. до н. э.) в подробном описании последовательности действий группы при ограблении гробницы фараона Себекемсафа и его супруги под конец отмечается странное и немотивированное, рискованное и опасное для дыхания в замкнутом склепе, совершенно «лишнее», на первый взгляд, действие торопившихся бандитов: «Мы сожгли их гробы» (Дурье 1960: 229).

⁸ Речь идет о разжигании небольшого костра на теле умершего при погребении, а также затем у могилы в течение 1–3 ночей после похорон, о гадании по дыму примогильного костра о судьбе и реакции умершего, о разжигании такого костра от священного домашнего очага самой влиятельной женщиной в большой семье, о первоначальном добром пожелании покойному «Сидеть тебе в огне!» (судзгә фәбадай) и т. п. (Яценко 1998: 68).

Постпогребальные действия с умершими и приношениями им отнюдь не сводились к предполагаемым ритуалам очищения и обезвреживания, а также к ограблениям. Среди них было много таких, которые нам сегодня покажутся крайне экзотичными и малопонятными. Так, у кочевых саков Южного Казахстана юноше для вступления в брак надо было, среди прочего, победить будущую жену в ритуальном единоборстве в некоем подземном святилище [Aelian. Var. hist. XII. 38], что, видимо, как-то отражает распространенные представления о «смерти-свадьбе» и культ предков (ср. сложные сети ритуальных подземных коммуникаций у саков и кочевников скифской эпохи Южного Приуралья в статье М. А. Очир-Горяевой). Весьма разнообразны были и постпогребальные действия на древних курганах представителей более поздних культур. Среди них — распространенный на Северном Кавказе (и в ряде других областей Евразии) обычай в засуху разрывать целые древние могильники коллективными усилиями больших групп общинников для добычи отнюдь не ценностей, а костей «чужаков» — людей, по преданиям, не своего этноса (их надо было поливать водой, а также повалить поминальные каменные изваяния, после чего обязательно предполагались сильные дожди; напротив, в затяжную дождливую погоду разрытые могилы зарывали обратно, кости и часть вещей возвращали на место, в статуи воздвигали вновь) (Чурсин 1925: 77; Мадаева 1983: 91, 93). В нартском эпосе значим мотив волшебного сна на старинном кургане, который позволяет герою попасть в иной мир и получить материальные блага оттуда (см. Хамицаева, Бязыров 1989: 260).

Особый комплекс погребальных ритуалов, связанных с манипуляциями с человеческими останками, отмечается и на поселениях, которые рассматриваются на примере раннегалльских памятников Восточного Прикарпатья (см. статью М. Т. Кашубы). В культурном слое поселений встречаются находки человеческих черепов и/или их фрагментов, а также скопления с обработанными костями человеческих скелетов, которые являются специальным депонированием человеческих скелетов в объемных емкостях из органических материалов (дерево, кора или кожа).

Ниже публикуются согласованные результаты коллективного обсуждения перечисленных проблем на Всероссийском круглом столе в Челябинске. Наиболее значимые выводы и предложения коллегам по изучению антропогенно нарушенных (потревоженных) захоронений сводятся к следующему.

I. Критерии выявления древних ограблений, реконструкция методов и мотивов действий грабителей

Термин «ограбления» для акций в рамках той же культурной традиции имеет смысл употреблять тогда, когда вполне доказаны преимущественно материальные цели и неофициальные средства проникновения. Отмечаются два вида ограблений с целью наживы: 1) древние ограбления (часто преследовавшие цель добычи ценного металла и дорогого оружия или имевшие характер осквернения); 2) ограбления в новейшее время, когда, среди прочего, формировались локальные и мировой рынки сбыта антиквариата. Представляется важной фиксация формы и заполнения грабительских ходов/лазов, остатков и следов инструментов грабителей, проявления их суеверий, характер разборки ими трупов и вещей (при детальной планиграфической фиксации или хотя бы уровней всех перемещенных костей и артефактов), а также трупов предполагаемых грабителей. В различении следов древних и недавних ограблений немалую роль играют такие факторы, как доля нарушенных погребений определенных периодов, явно выборочное отношение поздних «посетителей» к могилам разных половозрастных групп, характер сохранившихся сопровождающих вещей (см. Яценко 2013). Изучение деятельности новейших грабителей представляет специальный интерес, помогая понять логику изъятия содержимого нарушенных ими могил.

II. Полевая фиксация и публикация материалов

Антропогенное нарушение погребения стоит воспринимать не как досадную помеху, а как возможность получения качественно новой информации. Между тем, большинство проблем с нарушенными погребениями возникает на этапе первичной фиксации. Подобные комплексы заслуживают более пристального внимания научного сообщества. Они должны фиксироваться и описываться столь же тщательно, как и ненарушенные погребения, как в полевых условиях, так и при подготовке публикаций. В идеальном варианте это послойная фото- и компьютерная фиксация.

Рекомендуются:

- использование 3D-сканирования в процессе расчисток могильных ям и фотофиксация каждого слоя в высоком разрешении;

- прорисовки останков со всеми имеющимися деталями, сопровождающимися подписями к чертежу, оптимальный масштаб 1:5;
- четкая и подробная фиксация грунтов и заполнений погребальных сооружений, в особенности смешанных;
- при выборке ямы можно оставлять бровки со сношением их через каждый метр глубины или же выбирать ямы с оставлением профиля, т. е. по их половине. Однако возможность этого зависит от особенностей грунтов и специфики погребения;
- антропологические и иные материалы крайне важно фиксировать *на месте*, а не *после* извлечения из погребений;
- постоянное присутствие археолога-специалиста при выборке грунта и расчистке погребений;
- в идеале присутствие на раскопе палеозоолога, почвоведа и особенно физического антрополога. В случае отсутствия антрополога необходимо как можно больше фотографировать в процессе расчистки костные останки, фиксируя отдельные сочленения, особенности взаимного залегания костей; упаковывать кости отдельно по местонахождению, сопровождая их описанием квадратов/глубин; не мыть костный материал перед передачей антропологу; извлекать монолитом черепа и крупные вторичные скопления костей (оборачивая бинтами либо пищевой пленкой);
- сопровождать публикации приложениями в цифровом формате на дисках, где с высоким качеством подаются чертежи, фото и реконструкции; при невозможности этого давать в публикации ссылку на интернет-ресурс, где размещена эта информация;
- желательно внести предложение в Отделы полевых исследований, в РАН по созданию защищенных сайтов для размещения полевых материалов.

III. Оценка имеющейся терминологии по проблеме и отбор оптимальной русскоязычной терминологии

Часть используемой сегодня русскоязычной терминологии выглядит малопривлекательной для корректного описания неясных археологам ситуаций. Терминотворчество должно учитывать сложившуюся в постсоветских гуманитарных науках ситуацию и традиции (популярность терминов греческого и латинского облика, растущее число английских терминов или калек с них).

- Наиболее нейтральным (до достоверного выявления мотивации действий людей в прошлом), объективным и, вместе с тем, всеобъемлющим для рассматриваемых явлений (кроме парциальных захоронений останков) представляется термин «нарушенные (потревоженные) погребения». Он включает комплексы, нарушенные в процессе исполнения ритуалов, ограблений, земляных работ и иных случайных вмешательств и др., вне зависимости от последующей интерпретации характера и причин нарушений. Среди нарушенных погребений выделяются две основных группы: нарушенные соплеменниками и потревоженные вследствие инокультурных вмешательств по отношению к чужакам / прежним хозяевам территории / врагам. Среди последних важны два основных вида вмешательства: осквернение (включая ограбления) и освоение чужого ритуального пространства. Первоочередная задача исследователя в этом плане — зафиксировать и проанализировать свидетельства их возможной идентификации для будущего обоснованного отнесения погребений к одной из этих групп.
- Вместо интерпретационного по характеру термина «постпогребальные обряды» до более достоверного выяснения мотивов предложено использовать более широкий по объему термин «постпогребальные действия». Крайне неудачным представляется термин «обряды ограбления» (если только речь не идет о проявляющихся иногда суевериях грабителей, изымавших материальные ценности).
- Предполагается пять основных моделей нарушенных погребений: 1) погребения без повреждения инвентаря, но со следами манипуляций с останками умершего и/или сопровождающих животных; 2) постпогребальное повреждение могильных сооружений без изъятий инвентаря и манипуляций с останками людей или животных; 3) кенотаф как могила без захоронения останков человека (чаще всего — погибшего «на стороне»); 4) классическое, прагматичное ограбление с целью изъятия материальных ценностей и без явных следов сопровождающих его ритуалов; 5) ограбление, сопровождающееся некоторыми ритуальными действиями. К каждой модели предлагается выработать свой набор методов фиксации и дополнительную терминологию, что выведет на качественно новый уровень извлечения информации.

- Наиболее сложен адекватный подбор терминов в случаях постпогребальных действий ритуального характера в отличие от явных ограблений (см. Зайцева 2005). Важно строго разграничивать действия, происходящие во время погребения и спустя длительное время после него. Мы исходим из понимания погребально-поминальной обрядности как *процесса* ухода умершего в иной мир и дальнейшего общения с ним, состоящего из нескольких этапов, зачастую длительных. Задача исследователя — по возможности зафиксировать эти этапы.
- В отношении пространства погребального памятника представляется более удачным термин «некротфера» ритуала (Корусенко, Полеводов 2013), а не традиционный «погребальный обряд». Он включает как погребальные и поминальные обряды родственников и соседей покойного, так и действия грабителей и представителей более поздних культур в отношении останков умерших, связанных с ними сооружений и артефактов, а также материальные проявления ритуализации пространства и времени, связанные с погребальными памятниками. Важным является и понятие сакрального пространства некрополя и его окружения (см. Хршановский 2013). Часто в традиционных обществах кладбища размещались в разнотипных святых местах, у храмов и т. п., иногда почитавшихся несколькими соседними этносами; в ряде ранних кочевых обществ, в свою очередь, большинство известных святилищ выявлено на периферии некрополей, где, видимо, отпирался культ предков клана. С позиций фиксации археологических остатков, в это понятие включаются также размещенные вне некрополя поминальные объекты (статуи, жертвенники и т. п.), а также приношения в святилищах, предположительно связанные с почитанием умерших и т. п. Все эти объекты в разных поколениях и у разных культурных групп вызвали к себе различное отношение (от почитания до осквернения).

Аксёнов В. С. 2002. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА 3, 98–114.

Афанасьев Г. Е. 2010. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // Гуляев В. И. (ред.). Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. ТД Всероссийской научн. конф. М.: ИА РАН, 63–64.

Афанасьев Г. Е. 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // РА 2, 113–126.

Бабаева Н. С. 1993. Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX — начало XX века). Душанбе: Дониш.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус.

Гаприлова А. А. 1996. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопному отчету и исторические выводы // Алексеев А. Ю. и др. (ред.). Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ВИЧИ, 89–102.

Зайцева О. В. 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Карамышева Б. Х. 1986. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Басилов В. Н. (ред.). Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 139–181.

Кенин-Лопсан М. Б. 1987. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск: Наука.

Корусенко М. А., Полеводов А. В. 2013. Некротфера ритуала: к содержанию понятия // Томилов Н. А. (ред.). Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. научных трудов. Т. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского тех. ун-та, 100–105.

Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Хршановский В. А. (ред.). Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.

Лурье И. М. 1960. Очерки истории древнеегипетского права XVI–X веков до н. э. Л.: Изд-во ГЭ.

Мадаева З. А. 1983. Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX — начале XX в. // СЭ 4, 87–93.

Мельник В. И. 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука.

Никитина Г. Ф. 2008. Черняховская культура Поднепровья (по результатам анализа археологических источников). М.: Таус.

Обломский А. М. 2015. Расчлененные погребения гуннского времени в Верхнем Подонье: ритуал или ограбление? // Обломский А. М. (ред.). Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV — V в.). М.: ИА РАН, 181–201.

Писарчик А. К. 1976. Смерть. Похороны // Кисляков Н. А., Писарчик А. К. (ред.). Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 118–164.

Снесарев Г. П. 1969. Реликты религиозных верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука.

Сымонович Э. И., Кравченко Н. М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры. М.: Наука (САИ Д1-22).

Таиров А. Д. 2014. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Ситдиков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 241–243.

Тоцакова Е. М. 1978. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука.

Уварова П. С. 1887. (ред.) Труды пятого Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. М.: Тип. Мамонтова А. И. и Ко.

Ульянов И. В. 2002. Роль огня в погребальной практике ранних ираноязычных кочевников Урало-Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН.

Ульянов И. В. 2008. Ритуал или преступление? (к вопросу о применении огня при ограблении курганов ранних кочевников евразийских степей) // Троицкий вестник 3, 13–17.

Флёров В. С. 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус.

Флёров В. С. 2012. Заметки к теме «Обряд обезвреживания погребенных» // Дивногорский сборник 3. Воронеж: Научная книга, 222–234.

Хамицаева Т. А., Бязыров А. Х. (сост.). 1989. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука.

Христановский В. А. 2013. Сакральная топография Илурацкого плато // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен. Греки и варвары — на Евразийском перекрестке: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб.: Нестор-История, 249–255.

Чурсин Г. Ф. 1925. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис: б. и.

Яценко С. А. 1998. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА 3, 67–74.

Яценко С. А. 2013. О сарматских ограблениях синхронных курганов // ТПАИ 2 (8), 25–41.

Вл. А. Семёнов, М. Е. Килуновская

«РАЗРУШЕНИЕ», «РАЗГРАБЛЕНИЕ», «РИТУАЛ» —
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ ТУВЫ)

Для погребального обряда в разных культурах характерны различные манипуляции, как с телами усопших, так и с самими захоронениями. В данной статье прослеживается распространение погребальной практики и связанных с ней разрушений на примере Тувы. Мы пытаемся понять, с чем мы сталкиваемся: с ритуалом или обычным ограблением курганов. Часто при раскопках можно узнать о тех, кто грабил курганы, благодаря впускным погребениям более позднего времени. Это обычная практика пришельцев на чужой территории как доказательство своих прав на землю. В то же время отмечается и разрушение погребений до строительства наземного сооружения, т. е. насыпи, когда могила или курган были открыты для совершения погребально-поминальных действий. В одних случаях человеческие останки и погребальные конструкции в виде срубов разрушены полностью, в других — могилы разрушены лишь частично. Кроме того фиксируются случаи частичной мумификации трупов, создание ритуальных двойников. Все это свидетельствует, что «ограбление» могил в скифское время в Туве было частью погребального обряда.

Ключевые слова: Тува, неолит, афанасьевская культура, окуневская культура, алды-бельская культура, уюкская культура, саглынская культура, могильник, курган.

VI. A. Semenov, M. E. Kilunovskaya. «Destruction», «Plundering», «Ritual» — funeral rite in the context of ancient cultures (with particular reference to the archeological sites of Tuva). Funeral rites in different cultures are characterized by various manipulations with both the dead bodies prepared for interring and the burials themselves. The authors use the archaeological materials of Tuva to trace the association between funeral practices and different kinds of disturbances. The main purpose is to understand whether we have to deal with rituals or ordinary lootings. The inlet burials made in later periods can often give us a clue as to who the looters were. It was a usual practice for invaders, who destroyed and plundered old graves to prove their rights on newly seized lands. At the same time, there are also burials that had been destroyed before the barrow mound was constructed, when the grave was still open for performing funeral-commemorative rituals. In some cases human remains and burial constructions in the form of timber frameworks are completely destroyed and displaced, while in other cases only partial destruction is observed. In addition, both partly mummified corpses and ritual counterparts have been recorded. All this testifies that in the Scythian time the «plundering» of graves was a part of the funeral rite.

Keywords: Tuva, Neolithic, Afanasievo culture, Okunevo culture, Aldy-Bel culture, Uyuk culture, Sagly culture, graveyard, burial mound.

При исследовании древних курганов мы часто сталкиваемся с парадоксальными явлениями: нетронутый грабителями надмогильный «холм» покрывает иногда полностью отсутствующее погребение, разрозненные кости скелетов или скелеты с отсутствующими частями и т. д. При этом стратиграфия заполнения могильной ямы не нарушена или яма заполнена приносным грунтом, зачастую озерным илом или глиной. Такие погребения, как правило, именуются «разграбленными», но встает вопрос, зачем грабителям снова засыпать яму, да еще восстанавливать сам курган? Чаще же мы имеем дело с курганами, в которых четко видны следы ограбления: грабительская воронка в центре наземного сооружения и грабительский ход, который ведет в погребение. Но и в этих случаях перед

исследователями остаются проблемы, связанные с характером этих ограблений: в какое время они осуществлялись и с какой целью. Третий важный аспект — это постпогребальные манипуляции с останками умерших, которые частично или полностью разрушаются в процессе «грабительских» действий. Попытки ответа на эти вопросы чрезвычайно важны для реконструкции погребальных обрядов и представлений, связанных с взаимодействием мира живых и мертвых, характерных практически для всех древних обществ.

Как пишет М. Элиаде, нам очень мало известно о религиозной символике погребальных церемоний в архаических и традиционных обществах. Мы сознаем степень нашего невежества в этом вопросе, когда по счастливой случайности современный антрополог получает возможность быть свидетелем погребального ритуала и получить его объяснение (Элиаде 2002: 65). К сожалению, археолог такой возможности лишен: он восстанавливает погребальные ритуалы интуитивно, опираясь на свой эмпирический опыт и многочисленные наблюдения, полученные в процессе полевых исследований, суммируя которые, он создает гипотетическую модель «ритуала», существовавшего в том или ином древнем социуме. Вместе с тем Рейхель Долматов, наблюдавший погребение девушки племени индейцев коги (Колумбия) и детально описавший его, замечает, что «археолог далекого будущего, вскрыв эту могилу, найдет всего лишь скелет, лежащий головой на восток, камешки и раковины. Ритуалы и, конечно, их религиозную подоплеку не восстановит по этим ископаемым остаткам» (Цит. по Элиаде 2002: 22).

Поведение людей в отношении умерших сородичей принимало самые разнообразные формы, но многие детали погребений убедительно свидетельствуют, что на самых ранних стадиях становления культуры, начиная с мустьерского времени, существовал погребальный обряд. Позднее, уже в ориньяке, в могилы стали помещать погребальный инвентарь и использовать охру, что может свидетельствовать о появлении религиозных представлений о загробной жизни. Обратимся к исключениям из правил. Так, в пещере Мас-де'Азиль (Северные Пиренеи) был обнаружен женский череп с вставленными в глазницы костяными дисками (Элиаде 2008: 20).

Грот Гросс Офнет (или просто Офнет) вблизи Нордлингена содержал в двух ямах захоронения 33 черепов, засыпанных охрой. Вместе с черепами лежали украшения из просверленных раковин и оленьих зубов. Этот памятник относится к мезолиту. Существует мнение, что захоронения черепов в гроте Офнет связаны с культом или охотой за головами, как это представлено на островах Океании и в Австралии (см. Монгайт 1973: 177–178). Известны и другие примеры неординарных захоронений в каменном веке, анализируя которые, становится ясно, что смерть в некотором смысле являлась продолжением жизни. Умершие наделялись мистической силой, которую можно было использовать во благо общества, но она (эта сила) могла оказаться и вредоносной. Так складывался культ мертвых.

В неолитических слоях Иерихона Б лица умерших закрыты гипсовыми масками. Там же создаются квазипогребения «людей», сделанных из тростника и покрытых глиной — раскопки Гарстанга, Кетрин Кенъон (см. Семёнов 2008: 153–154). В этот период ведутся поиски связи с усопшими или отрешение их от мира живых. В неолитических протогородах Анатолии усопшие остаются в одних домах или храмах вместе с живыми, пройдя после смерти мучительную инициацию. Наиболее полно этот погребальный обряд изучен Дж. Меллартом в процессе раскопок Чатал-Хейюка. Усопших выставляли на специальных площадках, где их терзали стервятники. Останки усопших, предварительно освобожденные от мягких тканей и сухожилий, часто захоранивали под суфами святилищ, а их черепа помещали на платформах под рельефами и в санктуариях с росписями, содержащими сцены терзания трупов хищными птицами. Погребальная практика освобождения умершего от мягких тканей может с известной долей вероятности быть сопоставимой с обмолотом зерна, затем снова брошенного в землю (см. Там же: 200)¹.

Через много тысячелетий после исчезновения анатолийской неолитической культуры обряд «отдания» усопших хищным зверям и птицам можно будет увидеть в иранских социумах огнепоклонников-зороастрийцев и среди буддистов-ламаистов в Центральной Азии, в частности, в Урянхайском крае, т. е. в Туве.

¹ Подобные обряды в Минусинской котловине были распространены в тесинский период (III–I вв. до н. э.). Тела покойников освобождались от мягких тканей, череп покрывался гипсом и раскрашивался, кости скелета скрепляли прутьями и обматывали травой, после чего обряжали и хоронили (Кузьмин 2011: 178).

Мы попытаемся проследить развитие погребального обряда и связанных с ним практик разрушения захоронений на примере исследуемого нами региона, а именно, Тувы, занимающей большую часть Саяно-Алтайского нагорья. Культуры Тувы на протяжении тысячелетий находились в тесном контакте с Алтаем, Казахстаном, Хакасо-Минусинской котловиной и Монголией, что не мешает говорить об их своеобразии.

Наиболее ранние объекты погребальной практики были выявлены в первом (нижнем) слое стоянки Тоора-Даш, который датируется эпохой неолита. Здесь были открыты 13 каменных сооружений, выстроенных в цепочку на уровне поймы Енисея (рис. 1). Их конструкция и расположение свидетельствуют о сакральной, а конкретнее, о погребальной принадлежности, однако человеческих костей в них обнаружено не было. По мнению антрополога А. Г. Козинцева, это не удивительно, поскольку нижний уровень стоянки периодически заливался во время паводков Енисея и кости погребенных могли полностью истлеть и за 200–300 лет, а не то что за 5–6 тысячелетий. Однако остались некоторые артефакты. В кург. 1 (диаметр каменного сооружения около 2 м, глубина ямы около 0,5 м) найдено 60 отщепов халцедона без следов использования, орудия из камня и кости, в частности, односторонний гарпун и проколка.

Аналогичные каменные сооружения, датируемые ранним бронзовым веком, обнаружены на стоянке Азас II в Тодже (рис. 2). Стоянка расположена на правом берегу протоки, соединяющей озера Азас и Ходжир-Холь. В 1989–1990 гг. здесь было обнаружено три каменных сооружения эпохи бронзы, а в 1991 г. еще три, но уже таштыкского времени. Ранние сооружения после разборки развала камней

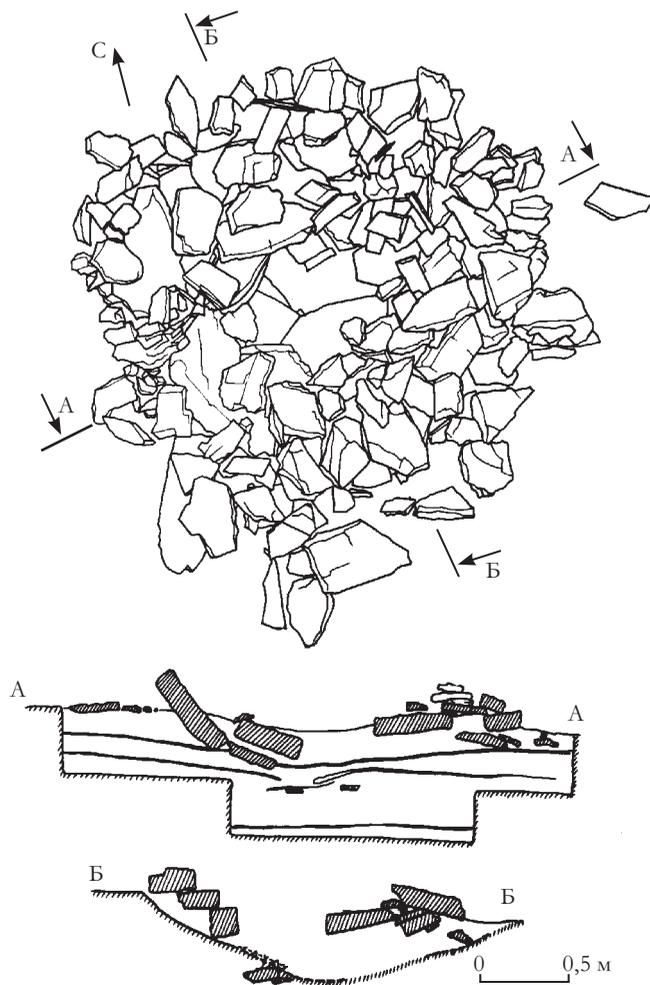

Рис. 1. Погребальное сооружение в неолитическом слое стоянки Тоора-Даш

Fig. 1. Burial structure in the Neolithic layer of the Toora-Dash site

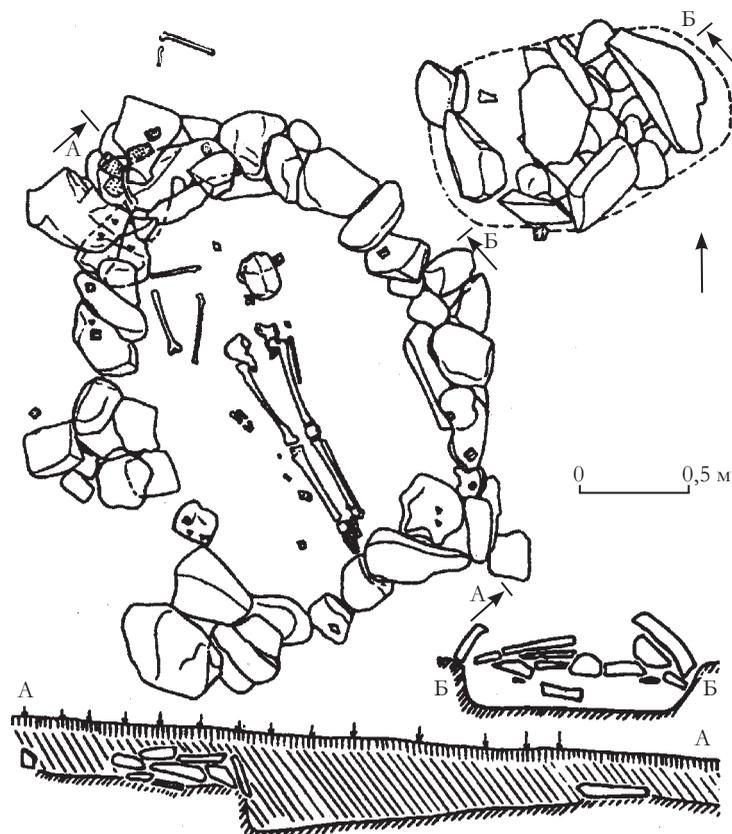

Рис. 2. Стоянка Азас II. Курган 1. Ранний бронзовый век

Fig. 2. Azas II site, barrow 1. Early Bronze Age

имели размеры $1,7 \times 1,2$ м, $2,2 \times 2,0$ м и $1,5 \times 1,2$ м. В кург. 1 внутри кольца овальной формы, ориентированного в направлении ЮЮВ–ССЗ, обнаружена неглубокая могильная яма, в которой находился неполный скелет — череп без нижней челюсти, установленный на свое основание, тазовые кости в сочленении с длинными костями ног, положенными пятками кверху, разрозненные кости рук, атлант (2-й позвонок). Между черепом и безмянными костями сохранилось расстояние примерно в 0,25 м. Внутри могилы найден кремневый наконечник стрелы и два фрагмента орнаментированной керамики. С востока к основному погребению примыкала пристройка с разрозненными костями детского черепа и фрагментом длинной кости. При разборке всего комплекса собрано большое количество обломков круглодонного сосуда, украшенного вертикальными оттисками гладкого штампа (Семёнов 1992: 71). По определению И. И. Гохмана, череп принадлежал женщине 30–35 лет европеоидного облика, сходного с черепами из могильника эпохи бронзы Аймырлыг XIII (окуневская культура) (Гохман 1980: 28). В этом погребении особенно интересно то, что женский скелет лежал *in situ*, но он был явно преднамеренно расчленен: изъята грудная клетка с руками. Таким образом, это первое свидетельство существования постпогребальных действий в раннем бронзовом веке исследуемого региона.

В остальных курганах были обнаружены разрозненные человеческие кости. В сооружении 2, имевшем первоначальный диаметр 3 м, был обнаружен только зуб человека, белые костяные пронизки и фрагменты орнаментированной керамики. В целом керамики здесь было очень много, также как и каменного инвентаря. В третьем объекте оказались только фрагменты черепа погребенного.

В данной ситуации любопытно то, что погребения совершались на поселении, в культурном слое. Поселение, судя по обилию разнородной керамики и каменных артефактов, существовало неопределенно долгий срок. Наряду с окуневской керамикой имеются фрагменты, возможно, более ранней посуды и, несомненно, более поздней. На этом основании для поселения можно допустить хронологические рамки в пределах III–I тыс. до н. э. Судя по открытым здесь погребениям таштыкской

культуры, оно могло существовать и в начале — середине I тыс. н. э., поэтому неудивительно разрушение погребений в процессе хозяйственной деятельности или преднамеренно. Судя по всему, «поживиться» здесь было нечем, но вредоносная «аура» мертвцов вызывала негативное отношение к их присутствию на поселении. Основным населением Азаса II были, вероятно, носители тувинского варианта окуневской культуры, имевшие тот же антропологический тип, что и афанасьевцы Саяно-Алтайского нагорья. Согласно данным И. И. Гохмана и А. Г. Козинцева, эти окуневцы влились в этногенез скифской культуры степной Евразии.

С разрушением человеческих останков мы сталкиваемся и на афанасьевском могильнике Хайыракан I, который исследовался в 1978 г. и 1987–1988 гг. А. М. Мандельштамом и Л. И. Ревой (рис. 3). Этот памятник по многим признакам сопоставим с погребальными комплексами Азаса II. Погребения совершались в неглубоких ямах, окруженных каменной кладкой диаметром 5–6 м, перекрытых каменной наброской. Могильник был исследован полностью — всего пять курганов. Все скелеты

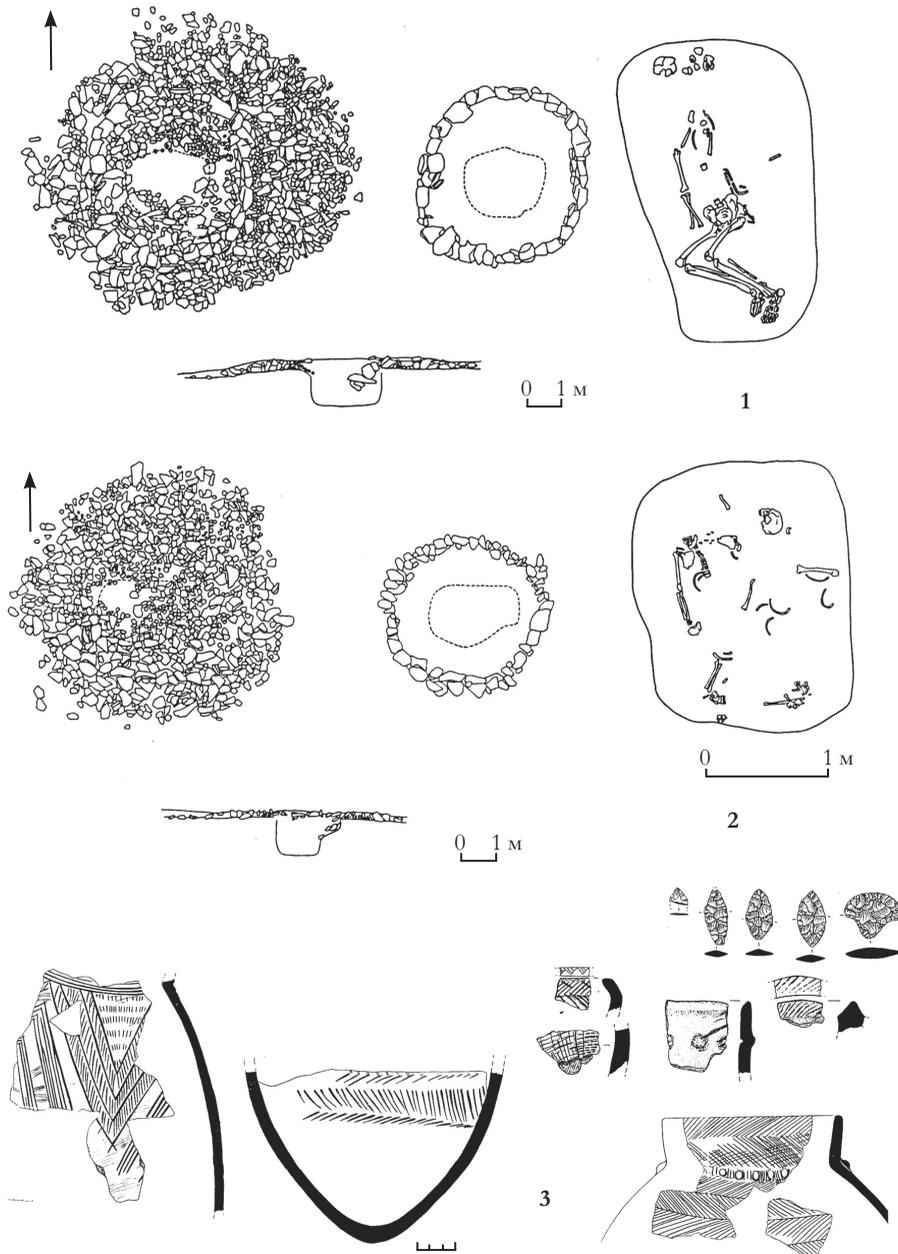

Рис. 3. Курганы афанасьевской культуры на могильнике Хайыракан I
 Fig. 3. Barrows of the Afanasievo culture at the cemetery of Khaiyrakan I

были разрушены. Антропологические материалы (в основном черепа) отсутствовали. В погребальном обряде использовалась охра. Инвентаря в могилах не было, но в надмогильных сооружениях оказалось довольно много керамики и кремневые наконечники стрел. По ним удалось идентифицировать памятник как афанасьевский. В могилах встречается керамика и бусы-пронизки из белой пасты. Как в Тодже, так и в Хайыракане I ограбление смысла не имеет, но происходит преднамеренное разрушение скелетов (Рева 1995; Семёнов 2012). Эти непродуктивные сами по себе действия были, вероятно, направлены на вполне определенные цели, связанные с установлением контактов с усопшими членами общины. Как отмечал М. Элиаде: «Приближение физиологической смерти является только сигналом того, что должен быть совершен новый ряд ритуальных действий для „создания“ новой личности усопшего <...> и что еще более важно, душу необходимо проводить в ее новое жилище и ритуальным образом приобщить к обществу ее обитателей» (Элиаде 2002: 65).

Следующая по хронологии группа погребений, которые выявлены на могильном поле Аймырлыг в Удуг-Хемской котловине (Аймырлыг XIII и XXXVII), сохранилась значительно лучше. Каменные ящики (гробницы) не были перекрыты курганными сооружениями. Скелеты почти во всех могилах сохранились сравнительно хорошо (рис. 4). Однако и здесь есть несколько потревоженных захоронений с перемещенными костями и черепами. В целом этот памятник, как и группа Аймырлыг XXXVII, выглядят изолированными в общем контексте развития древних культур Тувы, хотя А. М. Мандельштам видел в них пролог культуры ранних скифов (Мандельштам 1983; Стамбульник, Чугунов 2006).

Пожалуй, ближе всего к тоджинским памятникам стоит одиночное погребение в грунтовой яме под кольцевой выкладкой из плитняка, раскопанное О. А. Митько (2006) в долине р. Ус. Здесь оказалось потревоженное захоронение ребенка, которому было около 7 лет. Погребальный инвентарь состоял в основном из мелких украшений. По нашему мнению, здесь имела место акция, связанная с погребальными ритуалами. Пример из Усинской котловины приведен в связи с тем, что долина р. Ус сопряжена в культурном, да и географическом отношении с Тоджей, Усинской котловиной и Саянским каньоном Енисея. Это единый этнокультурный регион, сформировавшийся уже в эпоху бронзы или даже раньше. Исследования последних лет показали, что к этому региону, может быть, примыкают и верховья рек Казыр и Кизир, собственно, уже в горах Восточного Саяна (Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. 2006). В таежных и часто облесенных долинах Саянского среднегорья довольно долго существовали пережитки окуневской культуры и многочисленных ее дериватов.

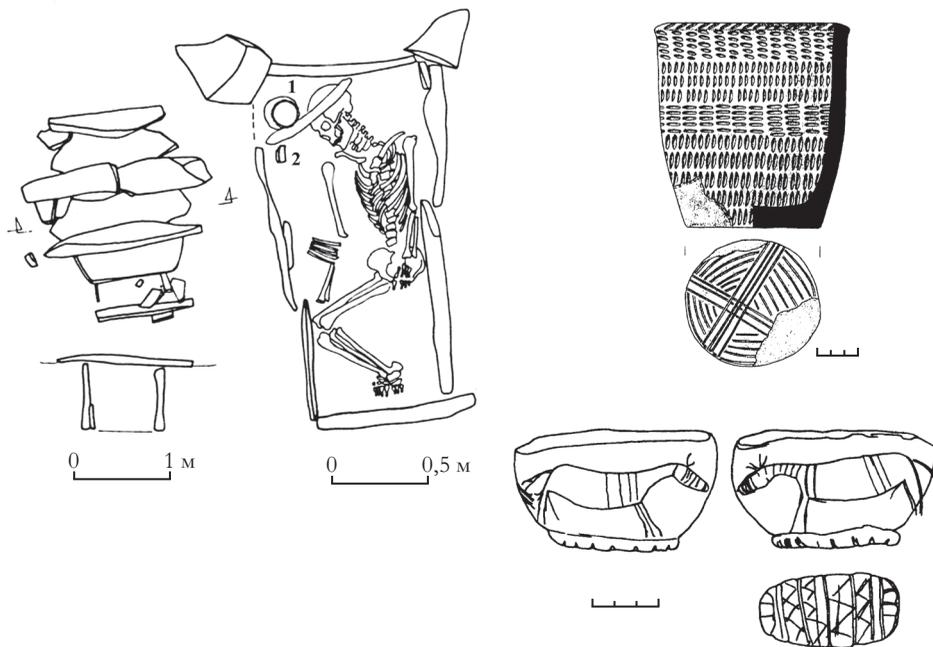

Рис. 4. Захоронения окуневской культуры на могильнике Аймырлыг XIII

Fig. 4. Burials of the Okunevo culture at the cemetery of Aimyrlyg XIII

В позднем бронзовом веке в степных и горностепных регионах Саяно-Алтая распространяется новое культурное образование и соответствующее ему мировоззрение. Это предшественники скифов, а возможно, и создатели кургана Аржан-1 (настолько близка концептуальная схема Аржана-1) — носители культуры монгун-тайгинского типа. Курганы монгун-тайгинской культуры можно определить по визуальным признакам, не прибегая к предварительным раскопкам. Особенность этих конструкций заключается в том, что для умершего создавалось наземное сооружение — циста в два, три, четыре и более слоев плит, которая перекрывалась одной или двумя-тремя массивными плитами. Циста, вероятно, еще до начала ее строительства окружалась каменным кольцом. Затем пространство между цистой и кольцом-крепидой с разной степенью тщательности кладки заполнялось подходящей, т. е. доступной породой: галечником, валунником или плитняком (Семёнов 2002). В цисте, как правило, находится один погребенный, очень редко два, но и тогда цисты бывают спаренными. Особенностью этого погребального обряда является почти 100 %-ное отсутствие погребального инвентаря. Иногда в курганах под массивными валунами или плитами встречаются фрагменты керамики или еще реже бронзовые изделия, но это единичные случаи (количество их точно не уточнено).

Незащищенность цисты от проникновения (перекрытие, как правило, не закладывалось камнем) и отсутствие внутри каких-либо ценностей, казалось бы, могли удерживать «бугровщиков» от разрушения погребений. Тем не менее, кости погребенных во многих цистах отсутствуют, в других — представлены в разрозненном состоянии, в третьих — изъяты конкретные части скелета, что и наводит на определенные размышления. При раскопках одного из очень хорошо сохранившихся курганов на могильнике Кун-Саир в Туве (на пограничной территории Тувы и Монголии) была выявлена идеально сохранившаяся циста, но одна из незначительных плит перекрытия отсутствовала (рис. 5). Внутри был похоронен мужчина в возрасте 40–45 лет. У скелета была изъята левая лопатка именно через лаз, сделанный в перекрытии могилы. Дальнейшие исследования погребения показали отсутствие обеих стоп ног. Нужно отметить особенности мужского скелета — высокий рост (более 180 см), многочисленные

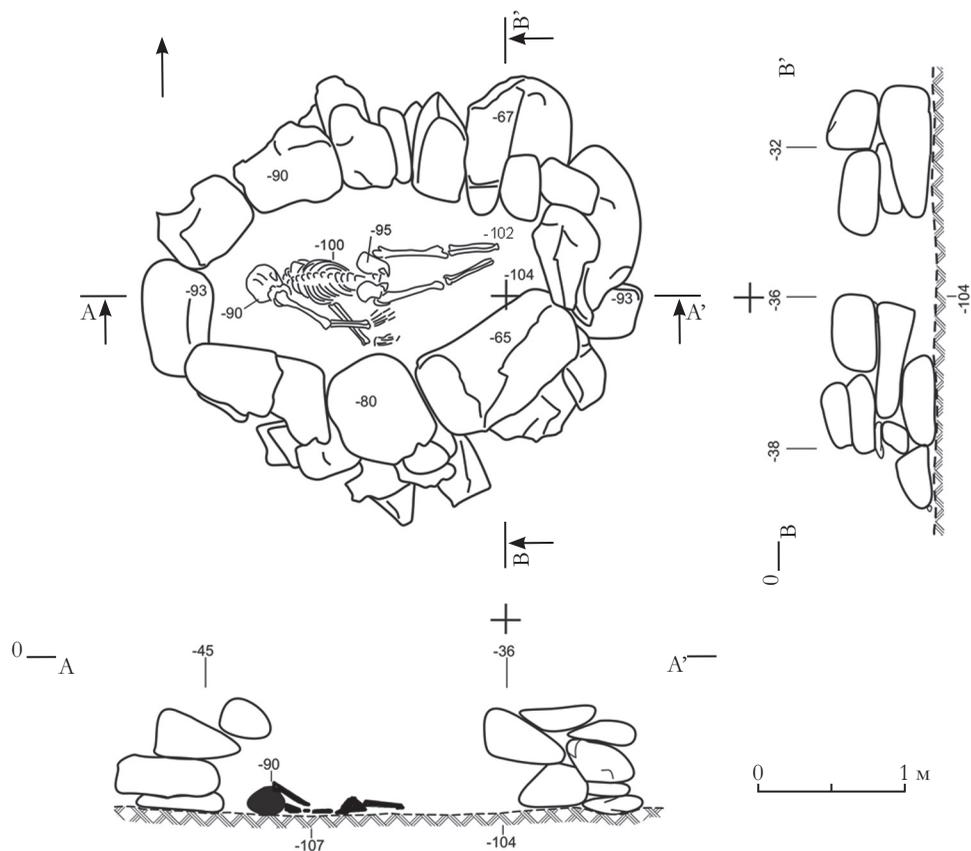

Рис. 5. Могильник Кун-Саир. Погребение в цисте. Монгун-тайгинская культура

Fig. 5. Kun-Sair cemetery. Burial in a cist. Mongun-Taiga culture

напльвы на костях ног, свидетельствующие о развитой мускулатуре, а напльвы на шейных и верхних позвонках говорят о сильном искривлении шеи на левый бок. По-видимому, умерший человек с такими патологическими изменениями имел особый статус, что привело к определенному вниманию к его захоронению и продиктовало какие-то действия, связанные с изъятием части скелета.

Массив монгун-тайгинских памятников достаточно велик, особенно на западе Тувы — непосредственно в самой Монгун-Тайге, где скифские памятники практически не известны (Семёнов 2014). Там в 1995 г. был исследован большой курган на р. Холаш (рис. 6). Под курганом оказалась мерзлота. Курган окружало 105 сопроводительных объектов, из которых в семи небольших курганах были захоронения от скифского до тюркского времени. В двух случаях к курганам пристроены поминальнички. Остальные 95 объектов рассматриваются как поминальные кольцевые выкладки. С восточной стороны было установлено несколько вертикальных стел (Семёнов 1997: 22–28, рис. 11).

Центральная яма глубиной около 3 м оказалось пустой, в заполнении найдено всего несколько человеческих костей: ключица, лучевая кость и фрагмент лопатки. Никаких остатков погребальной камеры в ней не было. Судя по всему, не было и захоронений. Часть человеческих костей обнаружена в насыпи кургана, возможно, это следы более поздних тувинских подхоронений, так как среди них был шаманский колокольчик, железные удила и железный треугольник. Под насыпью кургана на уровне древнего горизонта найдено несколько скоплений человеческих костей: в основном черепа, фрагменты таза и длинные кости рук и ног (интересно, что в заполнении ямы и в насыпи кургана отсутствовали ребра и позвонки).

Кроме того под насыпью кургана обнаружено два оленных камня с изображениями, выполненными в монголо-забайкальском стиле. На одном камне выбито три фигуры оленей, устремленных вверх к изображенному здесь кругу. На втором камне та же самая сцена, только изображены два оленя, устремленные вверх к выбитому кругу, который, возможно, в обоих случаях является солярным знаком. На противоположной стороне второго камня еще имеется знак в виде колечка меньшего размера. Оленные камни, вероятно, символически «захороненные» в кургане, имели очень архаичный облик и, по всей вероятности, они сопряжены с погребениями в цистах монгу-тайгинской культуры, выявленными с северной стороны ямы. Совершенно ясно, что яма предшествует сооружению цист, поскольку они, безусловно, приурочены к ее краю. Сам этот комплекс уникален. Три высокие цисты пристроены одна к другой. Две параллельные имеют общую стенку, третья пристроена к первым двум с западной стороны. Стенки цист выложены из плитняка в четыре слоя. Иногда имеются «вставки» более тонких плит для выравнивания высоких стенок. Перекрытие трех цист из массивных плит совершенно не потревожено. К третьей цисте, по-видимому, примыкала четвертая, которая не была достроена (от нее сохранилась только одна стенка, около которой лежали человеческие кости) (Там же: рис. 44). В парных цистах погребенные лежали на левом и правом боку, соответственно, со слабо согнутыми в коленях ногами. Здесь мы сталкиваемся с бинарной оппозицией. Третий скелет сохранился совсем плохо. Проблема заключалась в том, что все цисты обжили мелкие «курганские» мыши², которые за три с небольшим тысячелетия заполнили свои обиталища пометом. Часть костей истлела, а часть была ими переработана, но все-таки кое-что удалось зафиксировать (никогда не знаешь, с кем придется столкнуться в процессе исследований).

Большой курган, обнесенный каменной оградой, с комплексом монгун-тайгинских цист и поминальных колец вокруг, действительно, позволяет предположить существование достаточно сильного вождества, способного возвести такой памятник, как Аржан-1 (нужно добавить, что в кургане Аржан-1 все захоронения людей были потревожены).

Любопытным является еще один объект, приуроченный к кургану Холаш. Это кург. 83, который надежно датируется по керамике сагынской культуры и бабочковидной бронзовой пряжке, тип которых распространяется от Ордоса до Верхней Оби. Большая серия таких изделий происходит и из Тувы (Семёнов 1994). Предварительная дата IV–III вв. до н. э., которая может быть уточнена в настоящее время, так как в процессе новейших раскопок по трассе железной дороги Кызыл-Курагино было обнаружено несколько комплексов сагынской культуры. Для нашей темы интересно другое: здесь в каменном ящике, размерами 1,85 × 1 м, оказалось парное ярусное захоронение двух человек. Первый

² А. Брем, видимо, о них ничего не знал.

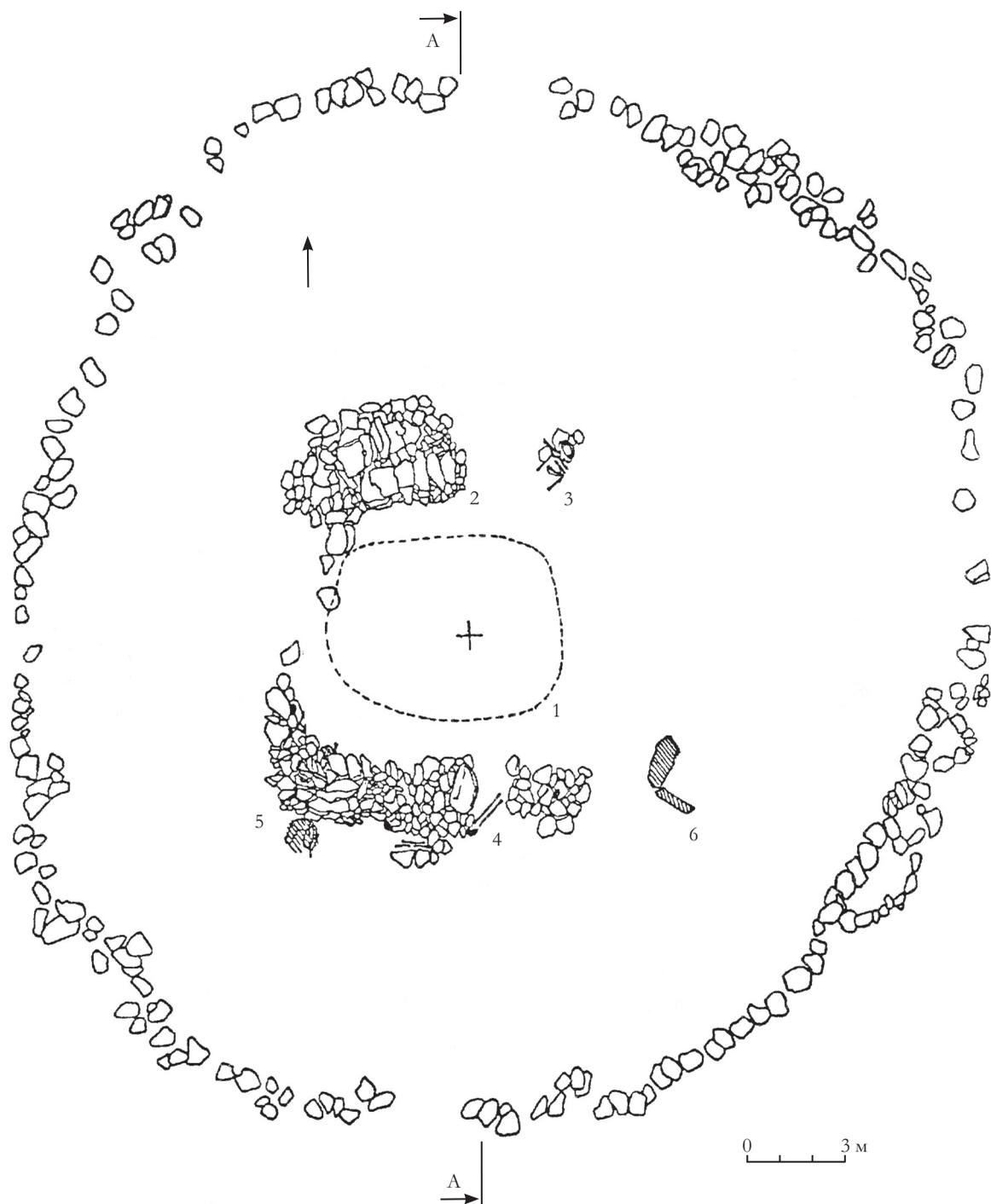

Рис. 6. Могильник Холаш. План кургана после разборки наземного сооружения. Монгун-тайгинская культура. 1 — центральная могильная яма; 2 — погребения в цистах; 3–5 — скопление человеческих костей на уровне древнего горизонта; 6 — оленные камни

Fig. 6. Kholash cemetery. Plan of the barrow after the above-ground structure was disassembled. Mongun-taiga culture. 1 — central grave pit; 2 — burials in cists; 3–5 — accumulation of human bones on the level of the ancient horizon; 6 — deer stones

из них, похороненный раньше, был ориентирован головой на ЮВ. При нем был погребальный инвентарь, в который входили лук со стрелами, керамический сосуд, деревянное блюдо с мясной пищей, пояс из двух полос кожи и сумочка, в которую был вшит рыбий плавник. Сверху через лаз сюда же был подхоронен другой умерший с ориентацией в диаметрально противоположную сторону — головой на СЗ. У левой руки этого погребенного находились фрагменты меховой одежды. Под мехом лежал кошелек с аппликацией в виде растительного орнамента. Кошелек был наглухо зашит. Внутри находился гребень с 22 деревянными зубчиками, вставленными в прорезь круглой деревянной палочки. Это первое изделие подобного рода в культуре ранних кочевников Тувы. Подобные ярусные погребения известны на Памире. На могильнике Акбейт известно такое же бинарное захоронение двух человек, положенных головами на С и Ю (Литвинский 1972: 198, табл. 49).

Выделяются несколько типов монгун-тайгинских курганов, которые различаются по конструкции погребальных камер. Кроме цист, сложенных из плит и уложенных плашмя, есть камеры, сделанные из вертикально поставленных камней. Это так называемый шанчигский тип памятников, который хронологически соотносится с курганом Аржан-1 (Чугунов 2006: 69). На могильнике Бай-Даг 6 в долине р. Эрбек было раскопано несколько таких захоронений. Особенно интересен объект 1, который представлял собой сооружение с внешним каменным кольцом, сложенным из уложенных плашмя плоских плит (рис. 7). Внутри этого кольца было сооружено кольцо-крепида, построенное также из крупных и средних плит, стоявших вертикально. Это кольцо-крепида окружало насыпь кургана из беспорядочно лежащих мелких и средних плит. В центре этой конструкции находилась циста — могильное сооружение овальной формы, сделанное из крупных плит, установленных вертикально в 2–3 ряда (со временем они наклонились к центру), и более мелких плит, положенных сверху, ориентированная длинной осью по линии З–В. Перекрытия цисты не прослеживалось. В центре сделана горизонтальная площадка, местами выровненная мелкими плитами, на которой были положены останки погребенного. Размеры цисты по внешнему краю 2,2 × 2,1 м, высота 0,6 м, внутреннее пространство цисты — 1,6 × 0,6 м. Внутри цисты зафиксированы остатки захоронения взрослого мужчины около 40 лет. Погребенный был уложен на спине. На месте сохранились кости правой руки (без кисти), левая плечевая, правая лопатка, пять грудных позвонков, частично ребра и кости таза, что указывает на ориентацию скелета на запад. Кости перемещены, скорее всего, в силу естественных причин, может быть, потревожены животными, так как перекрытия погребальной камеры не обнаружено. В то время как позвонки, ребра и кости рук сохранились *in situ*, следует отметить, что череп находился в восточной части цисты, куда он, по всей видимости, был уложен преднамеренно, так как размеры погребальной камеры не предполагают его расположения на западе. Можно предположить, что череп был преднамеренно отчленен от скелета и помещен в ноги. Это очень интересная черта погребального обряда, четко прослеженная на этом памятнике.

Статистики ограбленных и неограбленных курганов монгун-тайгинской культуры нет. В сущности, они раскапывались спорадически, когда попадали в зоны строительства дорог, оросительных систем, зоны затопления и др. Иногда скелет был нетронут, но чаще его вообще не было в цисте или оставалось несколько костей, как правило, это были кости ног. Иногда они перекрывались курганами алды-бельской культуры раннескифского времени, что дало повод А. Д. Грачу сделать умозаключение, что этот акт является символом победы алды-бельцев (т. е. скифов) над монгунцами (Грач 1980: 122; рис. 74–79). На наш взгляд, факты перекрывания курганов монгун-тайгинской культуры курганами алды-бельской культуры не свидетельствуют о доминировании последней. Дело в том, что на могильниках довольно часто алды-бельские курганы пристраиваются и перекрывают друг друга, образуя большие курганы-кладбища, что говорит об устойчивом погребальном обряде. В настоящее время в Туве раскопано большое количество алды-бельских курганов, большая часть из которых представляет собой комплексы из примыкающих друг к другу курганных насыпей. Это могильники Куйлуг-Хем, Хемчик-Бом, Алды-Бель, Сарыг-Булун, Чинге, Бай-Даг 6, Эки-Оттут 1 и 2, Кошто и др. (раскопки Вл. А. Семёнова, М. Е. Килуновской, К. В. Чугунова). Интересная ситуация была на могильнике Эрбек 2 на правом берегу р. Эрбек (раскопки М. Е. Килуновской): курганы в разных частях памятника располагались попарно — алды-бельский и монгун-тайгинский, не примыкая друг другу. Возможно, на каком-то этапе имело место сосуществование двух культур. Могилы монгун-тайгинского типа, скорее всего, разрушались в более позднее время, видимо, в средневековье (см. Смирнов 2014).

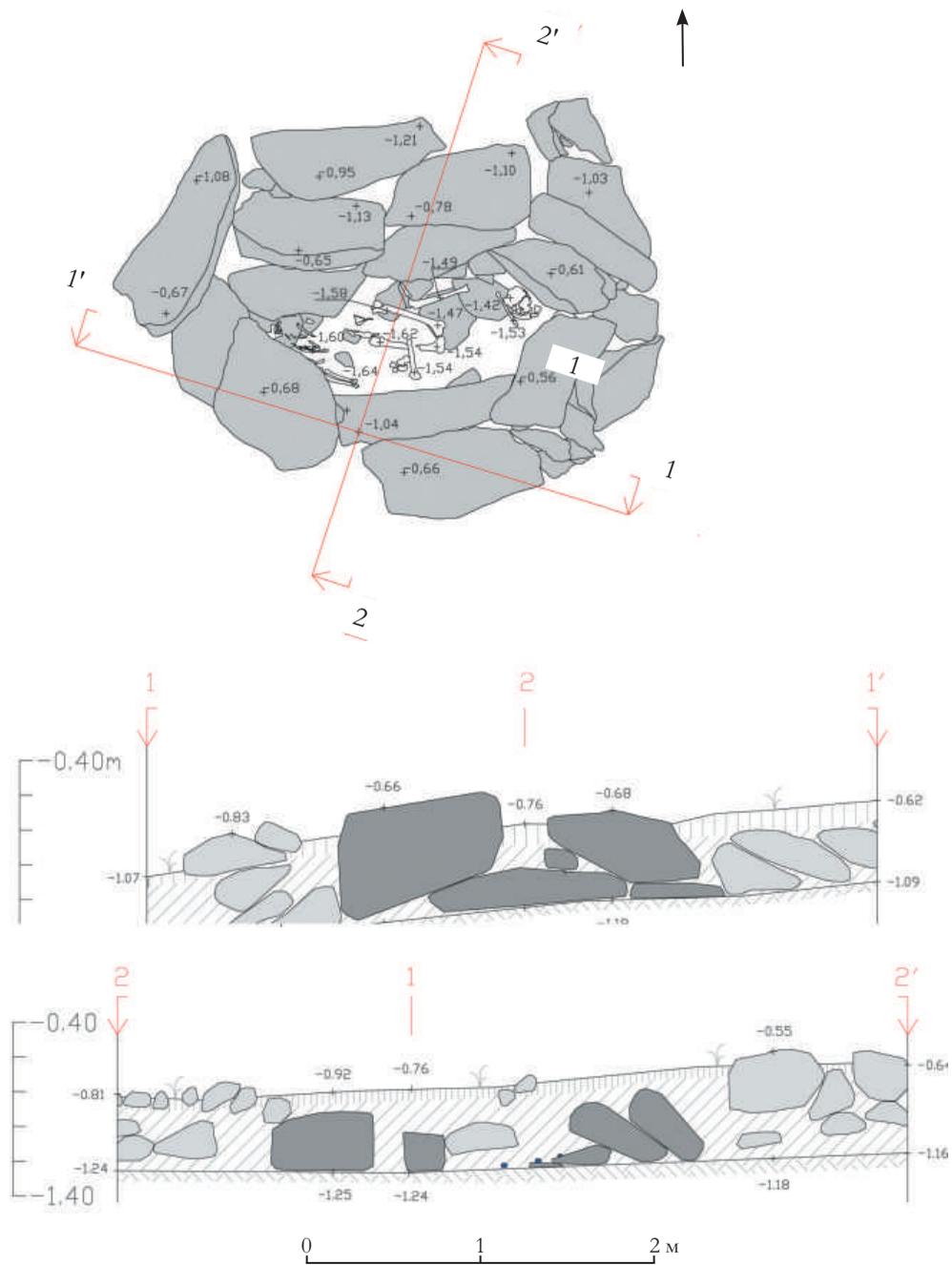

Рис. 7. Могильник Бай-Даг 6. Погребение в цисте. Монгун-тайгинская культура (шанчигский тип)
Fig. 7. Bai-Dag 6 cemetery. Burial in a cist. Mongun-Taiga culture (Shanchig type)

Для алды-бельской культуры характерно наличие нескольких погребений в ямах, каменных ящиках и деревянных колодах под одной насыпью. Из всех известных нам погребений алды-бельской культуры разграблено около 70 %. Так, на могильнике Бай-Даг 6 (Кызылский кожуун, раскопки ТАЭ ИИМК РАН 2012 г.) — это все погребения мужчин, в которых осталось несколько наконечников стрел, ножи и бронзовые детали портупей (Килуновская, Семёнов 2013: 199, рис. 8–11). Остатки самих скелетов находились в заполнении могилы, скорее всего, из могил взято все оружие.

На могильнике Чинге (правый берег) было исследовано несколько курганов алды-бельской культуры в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища. В 2006–2008 гг. исследовались сравнительно большие кург. 15 и 16, примыкающие друг к другу и окруженные с запада и юга небольшими каменными выкладками, возможно, поминальниками (рис. 8)³.

Объект 16 находился в непосредственной близости к югу от кург. 15, исследования которого мы начали в 2006 г. В тот сезон была особенно высокая вода, поэтому выбранные курганы находились на максимальном удалении от уреза воды в резервуаре. Однако мы успели в тот год только расчистить и зафиксировать наземное сооружение (размерами 10,5 × 8,5 м), выявить ограду из крупных камней (плиты и валуны) и шесть могильных пятен. В 2007 г. исследования были продолжены. Здесь было выявлено пять захоронений раннескифского времени (четыре — в каменных ящиках и одно — в деревянной раме), а также одно впускное захоронение гунно-сарматского времени. Эти работы благодаря полевым наблюдениям продемонстрировали, что кург. 15 был сооружен позже кург. 16, так как часть валика выброса из погр. 6 кург. 15 и каменная наброска перекрывали часть ограды кург. 16. Это лишний раз подтверждает, что традиция пристраивания своих могильных сооружений к могильникам предшественников характерна для алды-бельской культуры.

Сооружение кург. 16 было сильно размыто, камни самой конструкции перемещены и выворочены, верхний слой дерна почти везде отсутствовал. Все это следствие прибойной волны на крайнем пределе набора воды, в результате чего происходит разрушение береговой линии (береговая абразия). Под насыпью было обнаружено 10 погребений в каменных ящиках: в центре было погр. 1, остальные располагались в СЗ и ЮЗ секторах кургана. Все захоронения были разрушены, даже погребения младенцев. В некоторых случаях несколько костей было вытащено из погребальных камер и положено на края ямы, а затем каменные ящики были тщательно закрыты камнями из больших плит и забутованы, что позволяет предположить ритуальный характер этих действий, не связанных с обычной практикой ограбления с целью добычи каких-либо предметов (рис. 9; 10). Возможно, перед нами какой-то сложный погребальный ритуал, связанный с открытием могил и перемещением костей погребенных. Наводит на размышление тот факт, что царский курган Аржан-2 вообще не был подвергнут разграблению. Утверждение, что этому помешало то, что захоронение находилось не в центре, а в стороне, не кажется убедительным. Наблюдение за всеми известными нам алды-бельскими захоронениями показывает, что они были потревожены до сооружения курганной насыпи, когда курган-кладбище был открыт для совершения погребально-ритуальных обрядов.

В 2011–2012 и 2014 гг. ТАЭ в долине р. Эрбек были раскопаны курганные комплексы переходного уюкско-алды-бельского типа (VI–V вв. до н. э.). Они представляют собой также курганы-кладбища, когда под одной насыпью находятся несколько могил в глубоких ямах со срубам, окруженные захоронениями (в основном детскими) в каменных ящиках и колодах (могильники Эки-Оттуг 1 и 2). Процент разрушения могил в этих памятниках — 90 %. Детские захоронения здесь, как правило, не тронуты, но все погребения в срубам разрушены полностью. В некоторых случаях на древней дневной поверхности лежат даже бревна от срубов, которые были полностью вытащены вместе с костями. Эти погребения, по-видимому, тревожились неоднократно, о чем говорят впущенные в яму захоронения гунно-сарматского времени и раннего средневековья, но все-таки первоначально они были разрушены до сооружения курганной насыпи, что опять же свидетельствует об определенных ритуальных действиях.

Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на материалах могильника Белое Озеро 3 (Уюкская котловина, раскопки ТАЭ 2013 г.). Здесь раскопано четыре кургана, которые явно имели престижный характер, о чем свидетельствует довольно сложная архитектура и остатки золотых

³ Работы на памятнике по времени были ограничены из-за скорости набора воды в резервуаре, уровень которого повышался ежедневно приблизительно на 0,2–0,3 м.

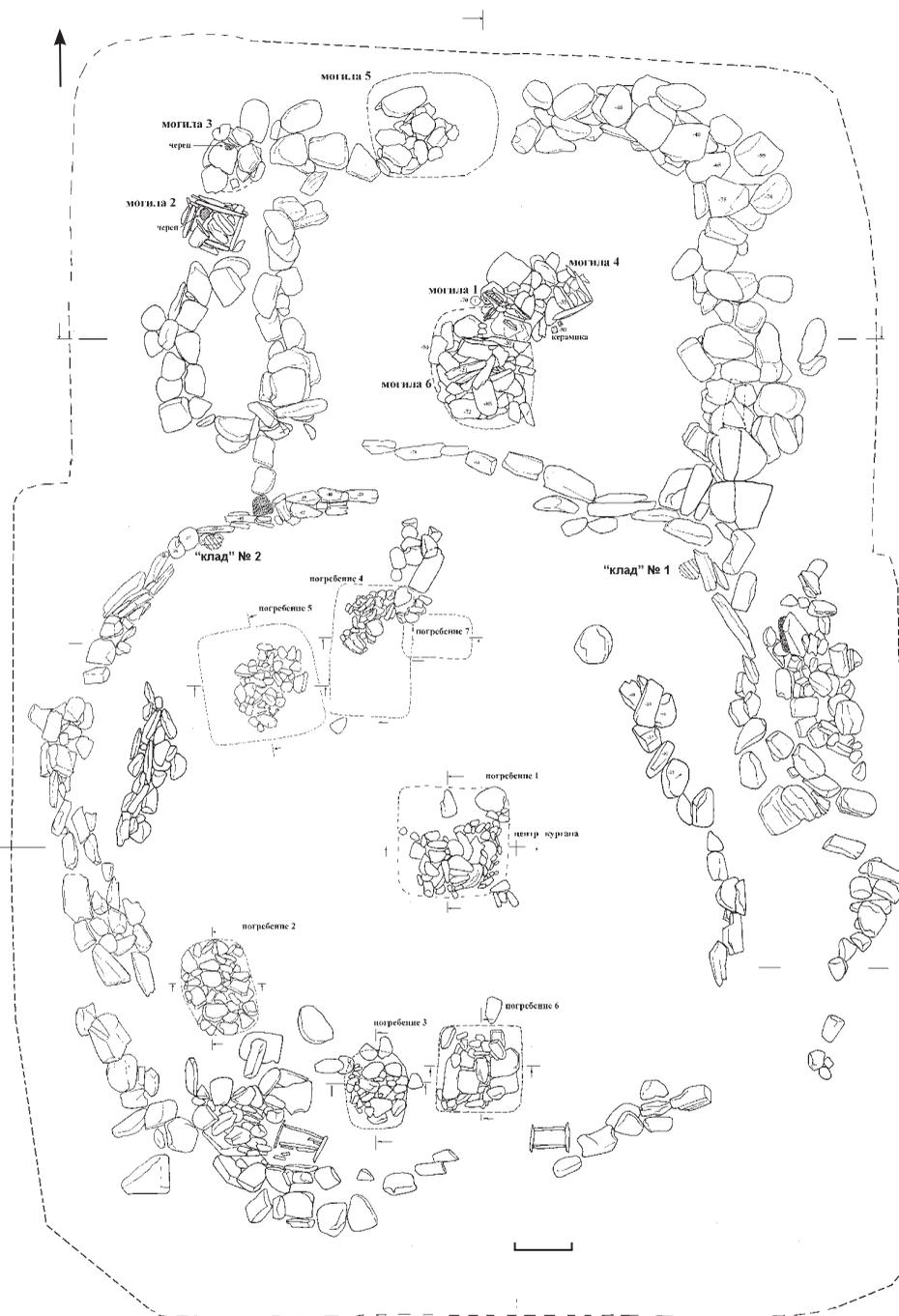

Рис. 8. Могильник Чинге. План курганов 15 и 16 после разборки наземного сооружения.
Алды-бельская культура

Fig. 8. Chinge cemetery. Plans of barrows 15 and 16 after the above-ground structure was disassembled.
Aldy-Bel culture

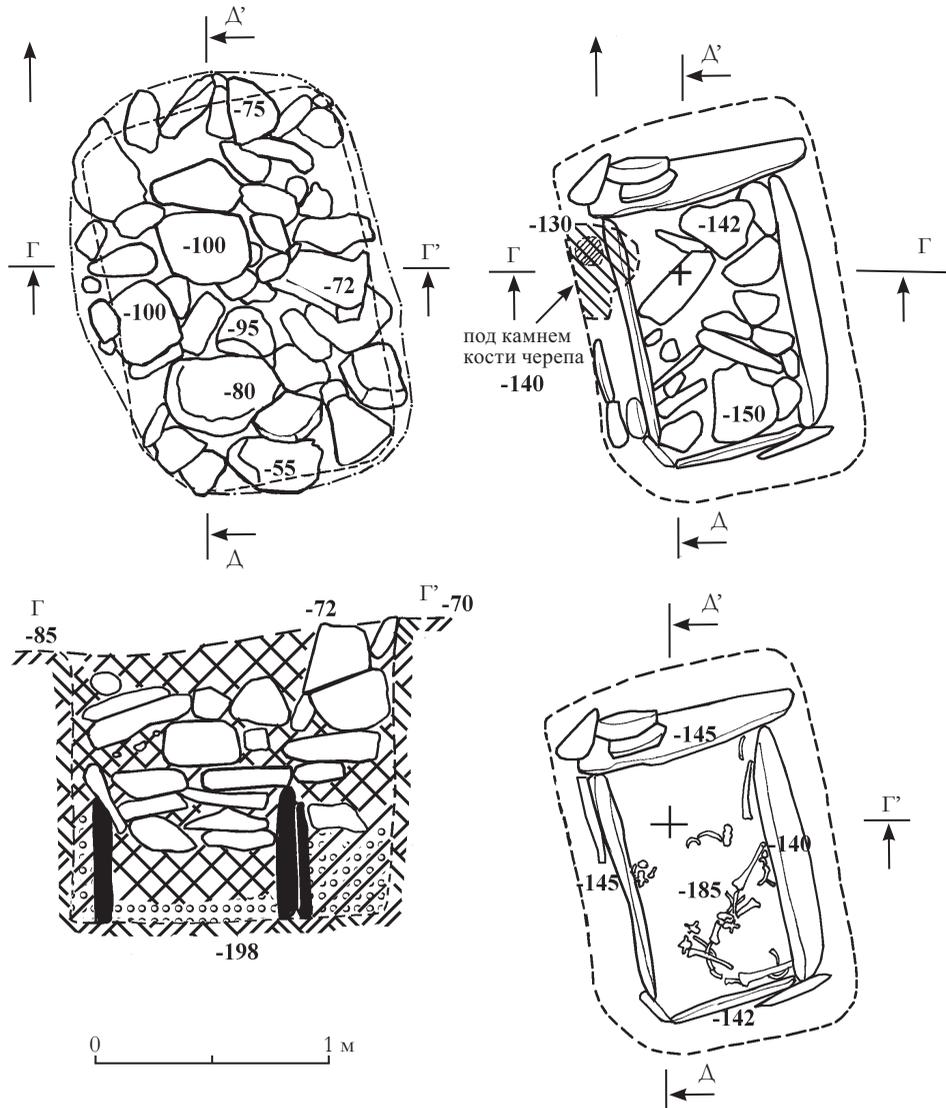

Рис. 9. Могильник Чинге. Объект 16. План могилы 2. Алды-бельская культура

Fig. 9. Chinge cemetery. Object 16. Plan of grave 2. Aldy-Bel culture

украшений. Все ямы «грабались» до сооружения курганной насыпи и после разрушения были буквально запечатаны слоем глины, принесенной с Белого озера (Семёнов и др. 2014: 327–345).

Та же картина прослеживается и на курганах уюкской культуры на могильнике Кош-Пей (Семёнов 1994; 2010), где для запечатывания могилы использовалась глина, а в кург. 3 над могилой был сооружен шатер из жердей. Могильник находится в Уюкской котловине к ЮЮВ от поселка Аржан, около подножия изолированной горной гряды Кош-Пей, которая возвышается около 1100 м над уровнем моря и вытянута в широтном направлении. Она имеет длинный пологий северный склон, от подошвы которого в направлении с Ю на ССВ расположены три цепочки земляных и каменно-земляных курганов, насчитывающие 55 насыпей различной величины. Здесь в группе Кош-Пей 1 в 1989 г. и 2008–2009 гг. было раскопано три кургана (рис. 11–13), а четвертый курган исследуется в настоящее время. В 1991 г. еще один курган был раскопан на могильнике Кош-Пей 2. В результате раскопок удалось изучить особенности данных погребальных сооружений, неизвестных или не описанных в других частях Тувы, получить более 300 различных предметов разной степени сохранности и серию дат ^{14}C , благодаря чему была создана надежная хронологическая привязка кош-пейских курганов к другим памятникам скифского времени Саяно-Алтайского нагорья и Казахстана. Они датируются второй

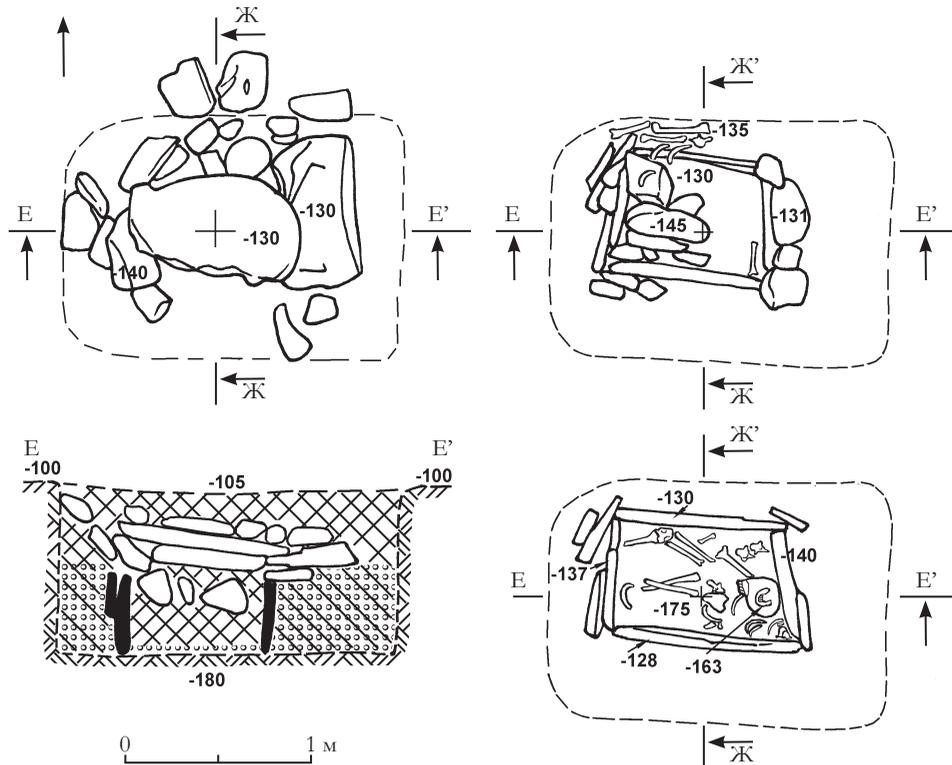

Рис. 10. Могильник Чинге. Объект 16. План могилы 3. Алды-бельская культура

Fig. 10. Chinge cemetery. Object 16. Plan of grave 3. Aldy-Bel culture

половиной VI — началом V в. до н. э. Кош-Пейские курганы относятся к уюкской культуре Тувы и могут рассматриваться как погребения высшего социального слоя восточно-сакских племен, сменивших предшествующую им «элигу» алды-бельской культуры.

На Кош-Пее 1 было раскопано три кургана: один земляной, один облицованный камнем и один блюдцеобразный — западина, прогиб, окруженный валиком выброса. Все курганы разграблены, на дне не было обнаружено ни одного целого скелета, но в то же время из них происходит внушительный комплекс предметов, который свидетельствует о принадлежности погребенных здесь лиц к высшему слою скифского общества, т. е. воинскому сословию, нобилитету. Здесь обнаружены бронзовые зеркала (медалевидные и с дужками по центру диска), наконечники стрел двух типов (трехгранные черешковые и трехлопастные), бронзовый котелок, покрытые золотом железные кинжалы, железные чеканы и бронзовые втоки от их рукояти, неопределенные изделия из железа, часть которых была плакирована золотом. Погребальные облачения украшались золотыми пантерами, оттиснутыми из фольги; орлами с распростертыми крыльями; золотыми пластинками; бисером; нашивными полусферическими бляшками и др. Из других украшений из золота выделяются мелкий бисер; полусферические бляшки; навершие головного убора в виде козла, стоящего на конусовидной подставке; серьга с витой из золотых нитей цепочкой с сердоликом. Специфическими предметами являются два оселка, один из которых в верхней части покрыт золотой фольгой. Помимо золотых украшений в срубе собраны сердоликовые, бирюзовые и пастовые бусы, мелкий голубой бисер, клыки кабанов. Особенно интересен клык кабана с выгравированной сценой терзания. Особого внимания заслуживают железные, плакированные золотом поясные пряжки, одна из которых выполнена в виде скребущего хищника, а две другие — спиралевидные с «запятами» в центре.

Для всех курганов характерна сложная конструкция наземных сооружений диаметром около 50 м (высота насыпи кург. 1 — 2 м, кург. 3 — 3 м). Первоначально, перед погребением, была зачищена поверхность земли до материка — снят дерн и слой белой засоленной земли, залегающей под почвой. Затем на этой «сакральной территории» уложили слой глины и развели огонь — произвели

некий обряд очищения, соответствующий каким-то нормам погребальной обрядности. В кург. 3 на глиняной платформе вокруг валика выброса были уложены ветки караганника (рис. 13). После этого была выкопана яма размерами около 8×8 м и глубиной более 5 м. Гигантский выброс, сложенный крупнозернистым песком, лег вокруг ямы, образовав первичное «тело» кургана. С ЮЗ угла (кург. 1 и 2) и с ЮВ (кург. 3) в яму вел ход или дромос, по которому могли выносить грунт, а затем использовали при строительстве сруба и в процессе собственно погребения. Вероятно, обломки гладкостенной керамики, обнаруженные на краю могильной ямы, и кости животных в северной поле кургана являются следами каких-то ритуальных действий (трапеза, поминки?).

На краю ямы находились различные деревянные конструкции, временно создававшиеся у могилы до сооружения кургана. В верхней части ямы кург. 3 и над ней была выявлена решетчатая конструкция с частично сохранившимся берестяным покрытием (рис. 13). Вероятно, это было куполообразное сооружение наподобие юрты, покрытое затем курганной насыпью. В «юрту» через ЮВ угол ямы вел дромос протяженностью 4,7 м. На дне дромоса, заполненного супесью и древесной трухой, были найдены пяточная кость и фаланга стопы человека. В погребальном обряде такой дромос имел чисто символическое значение. Но затем этим дромосом воспользовались грабители, пробившие по нему свой лаз вглубь кургана, вплоть до сруба, сооруженного на глубине 5,2 м от края ямы. По периметру яма была окольцована четырьмя массивными бревнами лиственниц. Они предохраняли стенки

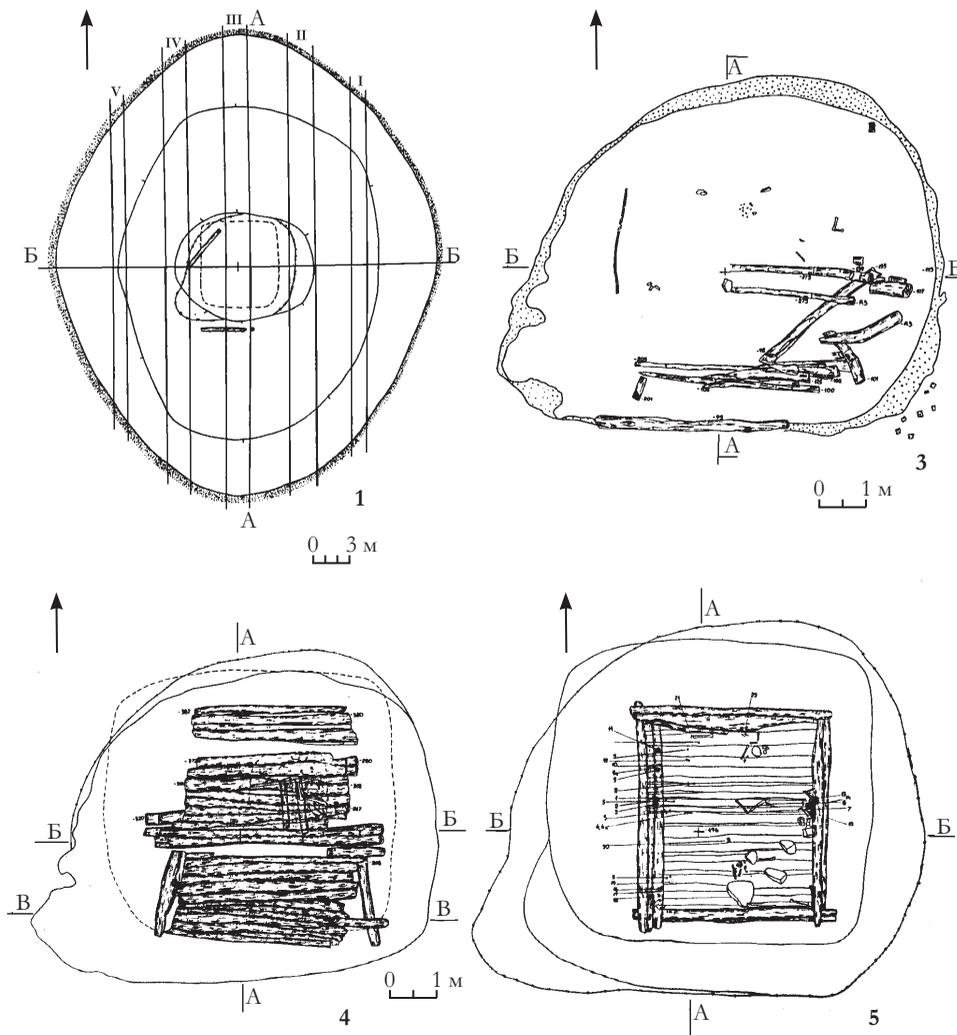

Рис. 11. Могилиник Кош-Пей 1. Курган 1. Уюкская культура

Fig. 11. Kosh Pei 1 cemetery. Barrow 1. Uyuk culture

ямы от осыпания и, видимо, использовались для подъема нарытого грунта на поверхность в каких-то емкостях типа мешков на веревках или плетенных из кожи арканах.

Затем белый грунт, снятый предварительно при очистке погребальной площадки, уложили как платформу вокруг валика выброса и частично поверх него, при этом сюда же, т. е. на выброс, попала и прокаленная земля. Сверху этой земляной подушки в кург. 3 уложен слой камней. Далее сверху курган досыпали грунтом, доставленным со стороны, который, оползая, перекрыл белую платформу. Позднее насыпь покрыл слой дерна естественного происхождения. Рва, который характерен для такого типа курганов в Центральной Азии, на данном памятнике не зафиксировано.

Могильная яма была перекрыта накатом из бревен, насланных в направлении В-З. Стены ямы в кург. 3 облицованы деревянными плахами, покрытыми слоями бересты шириной 30 см и толщиной около 10 см. Плахи не были скреплены между собой и упирались в земляные стенки ямы. На западной и восточной стенках прослеживается по семь таких плах, сплошь покрытых вываренной берестой, которая используется для покрытия чумов у тофоларов и других аборигенов Саяно-Алтайского нагорья и по сей день. Береста могла также использоваться для гидроизоляции.

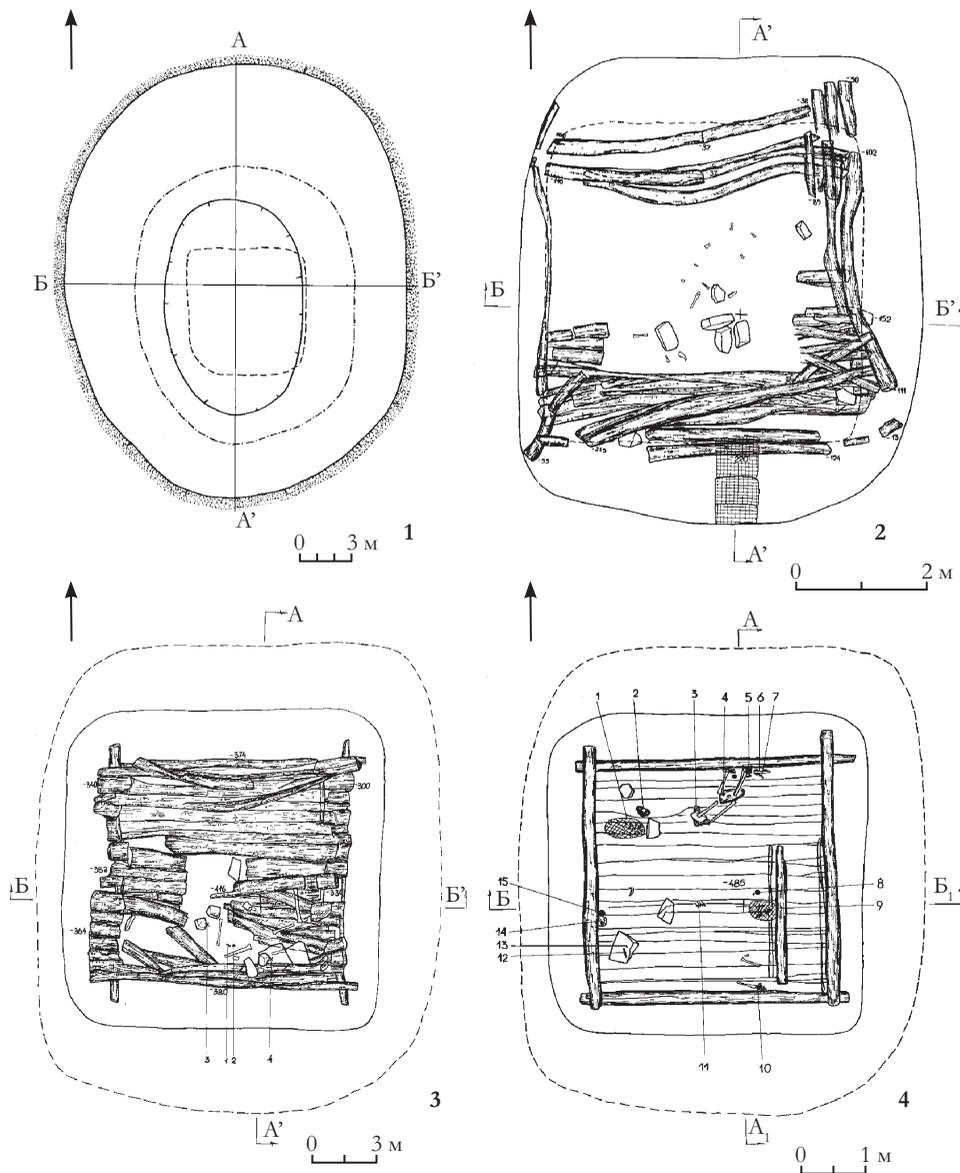

Рис. 12. Могильник Кош-Пей 1. Курган 2. Уюкская культура
 Fig. 12. Kosh Pei 1 cemetery. Barrow 2. Uyuk culture

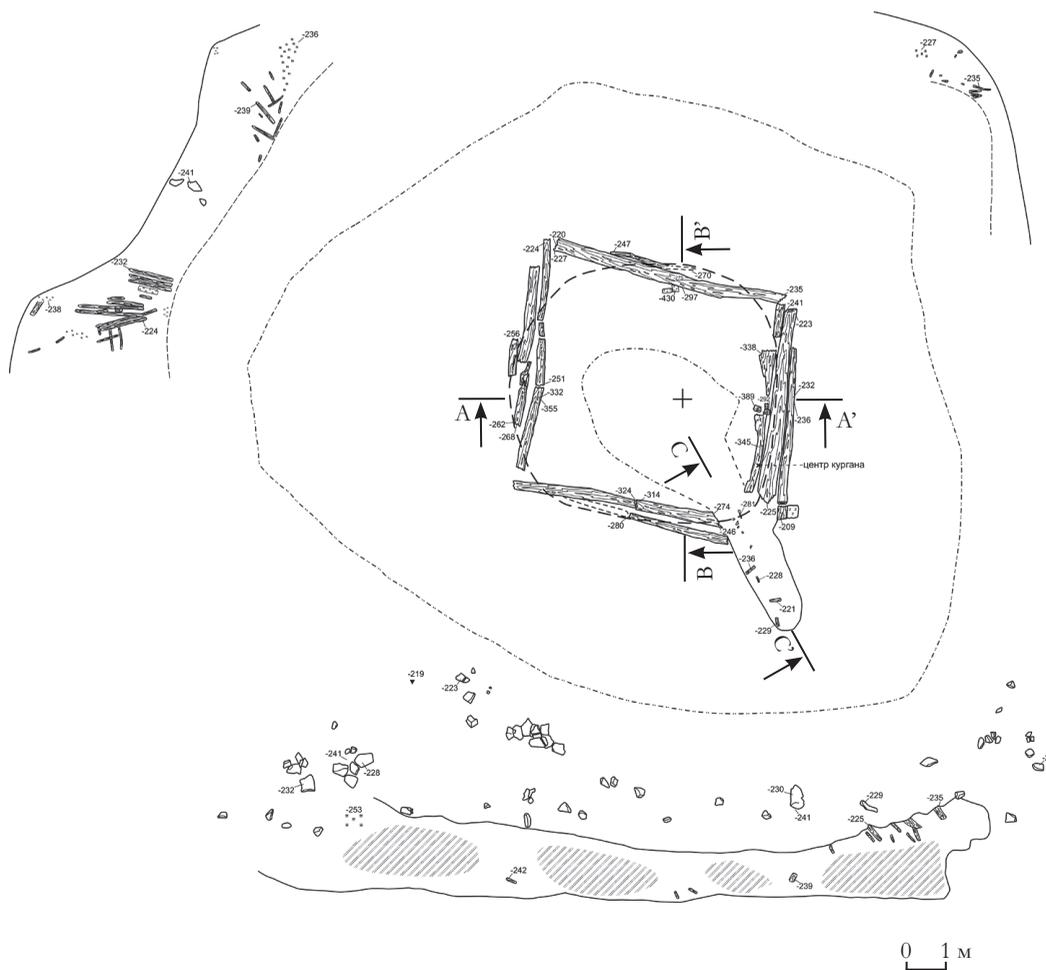
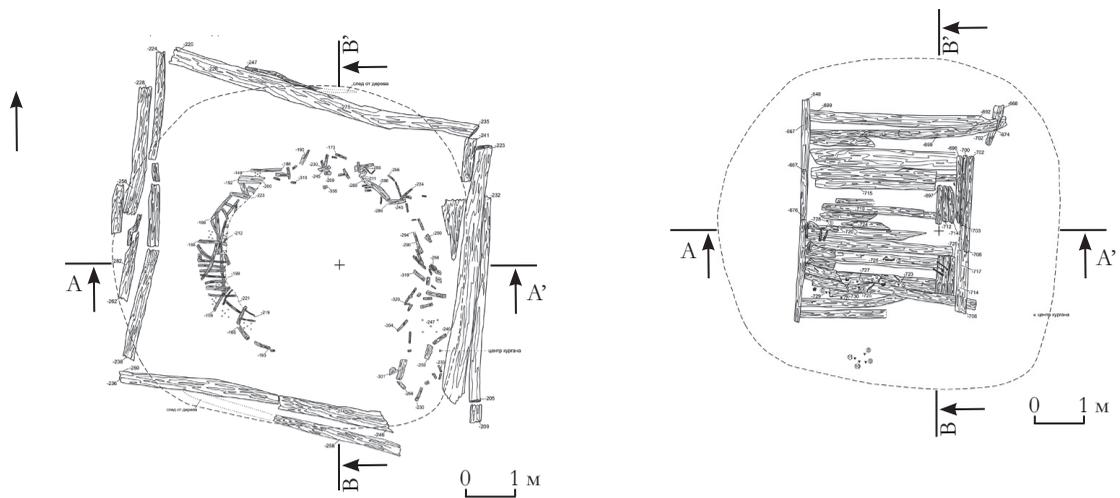

Рис. 13. Могильник Кош-Пей 1. Курган 3. Уюкская культура

Fig. 13. Kosh Pei 1 cemetery. Barrow 3. Uyuk culture

В кург. 1 и 2 яма с юга имела широкий уступ, а с востока — трехступенчатый спуск (рис. 11; 12). Все это, вероятно, вспомогательные элементы, возникавшие в процессе рытья ямы, сооружения сруба и перекрытия и т. п. Яма в кург. 3 имела форму усеченной пирамиды: если сверху яма имела площадь, превышающую 45 кв. м, то внизу она достигала всего 18 кв. м. Сруб был значительно меньше ямы, ориентирован сторонами по странам света, высотой в два венца. Перекрытие состояло из нескольких накатов горбылей, переложенных берестой. Направление досок перекрытия З–В, параллельно половицам, лежащим на материковой глине, над которой проходил водоносный слой. Срубы оказались затопленными грунтовыми водами. Все ямы были заполнены слоем глины, перемешанной с супесью. В кург. 1 и 2 нет следов грабительского лаза и там фиксируется то, что обрушение перекрытия сруба произошло в результате истлевания дерева и внутреннее пространство сруба долгое время оставалось пустым. Таким образом, здесь прослеживается определенный обряд разрушения погребений, когда после истлевания скелетов погребальная яма запечатывается и сооружается курган, т. е. наземное сооружение было закончено только после «ограбления».

Подобных примеров можно привести много, особенно из раскопок последних лет ТАЭ в Уюкской и Центрально-Тувинской котловинах, когда фиксировались этапы и следы ограблений. То, что могильные ямы стояли некоторое время незасыпанными, отмечал и К. В. Чугунов на могильнике Догээ-Баары 2 для ранних памятников уюкско-саглынской культуры (Чугунов 2007: 125). На Догээ-Баары 2 из 27 раскопанных курганов целым был только один, но в нем в центре сруба было захоронение-кенотаф — вещи лежали *in situ*, а кости человека отсутствовали. На Догээ-Баары 2 были также зафиксированы следы частичной мумификации.

На позднем этапе — в саглынской культуре — процент разрушения могил меньше, возможно, это связано с тем, что в большинстве своем у них не было наземных признаков. Так, на эталонном могильнике Суглуг-Хем II из 17 погребений в срубах неразрушенных — семь комплексов, частично разграбленных — четыре (Семёнов 2003). Внутри последних есть передвинутые и разрозненные человеческие останки, что подтверждает то, что срубы какое-то время стояли открытыми и при подходе у погребенных могли брать какие-то вещи и частично разрушать скелеты (рис. 14). Практически во всех курганах *in situ* обязательно сохраняется хотя бы один скелет, который лежит вдоль СВ или ЮЗ стенки. Эта традиция прослеживается и во всех уюкских курганах, где в срубах сохранилась *in situ* большая часть погребенных и инвентаря. Данные наблюдения позволяют сделать предположение о существовании в уюкско-саглынкское время ритуала нарушения погребений при последующих подхоронениях.

Погребальный обряд как один из главнейших элементов человеческой культуры изучается как этнологией, так и археологией. Этнология предоставляет факты, почерпнутые из живой культуры или соответствующих источников — летописей, наблюдений путешественников, религиозных предписаний, к которым археология прибегает при интерпретации тех или иных данных, полученных в процессе полевых исследований. Накопленный материал по похоронному обряду саяно-алтайских скифов позволяет восстановить несколько существовавших здесь практик обращения с умершими: мумификация в пазырыкской культуре, создание ритуального двойника — в тесинской и использование погребальных масок — в таштыкской. Зафиксировано очищение костей от мягких тканей и их последующее погребение в срубах и каменных ящиках в уюкско-саглынской культуре. Иногда на этих костях видны следы погрызов — это дает право говорить о том, что умерший какое-то время находился в специальном месте и поедан собаками или другими хищниками (Семёнов 1994). Как правило, кости в таких могилах сложены компактно, некоторые находятся в сочленениях, что позволяет предположить их хранение после удаления мягких тканей в каком-то мешке или в ткани.

Примером такого захоронения костей, положенных в мешок, является объект 4 на могильнике Суме-Беш 1 (Чаа-Хольский залив) (рис. 15). Он представлял собой захоронение в каменном ящике (размерами 1,3 × 1,16 м и высотой стенок 0,6 м), перекрытом массивными плитами, ориентированном длинными сторонами СЗ–ЮВ. Дно ящика было покрыто каменными плитами. На дне у северного угла стоял баночный плоскодонный сосуд с налпным валиком по венчику. На каменной плите стоял череп на основании лицом к СЗ. По-видимому, он был поставлен так преднамеренно при погребении. Остальные кости образовывали два компактных скопления, что позволяет предположить, что они были похоронены в каких-то мешках или перепеленуты тканью. Некоторые кости

были в сочленении. Можно реконструировать обряд погребения следующим образом: люди умерли где-то и их тела сохранялись некоторое время без погребения. Когда трупы частично разложились, их аккуратно и компактно сложили в отдельные мешки и похоронили в одном ящике. У западной стенки в скоплении костей находились очень массивная челюсть, кости ног и рук, сложенные вместе, грудина, таз, крестец, ключица, причем все крупных размеров. Ребра и позвоночник также сложены компактно отдельно. Нижние позвонки были сильно сплющены, что говорит о больших физических нагрузках и возрасте, т. е. здесь были останки мужчины богатырского телосложения, ростом

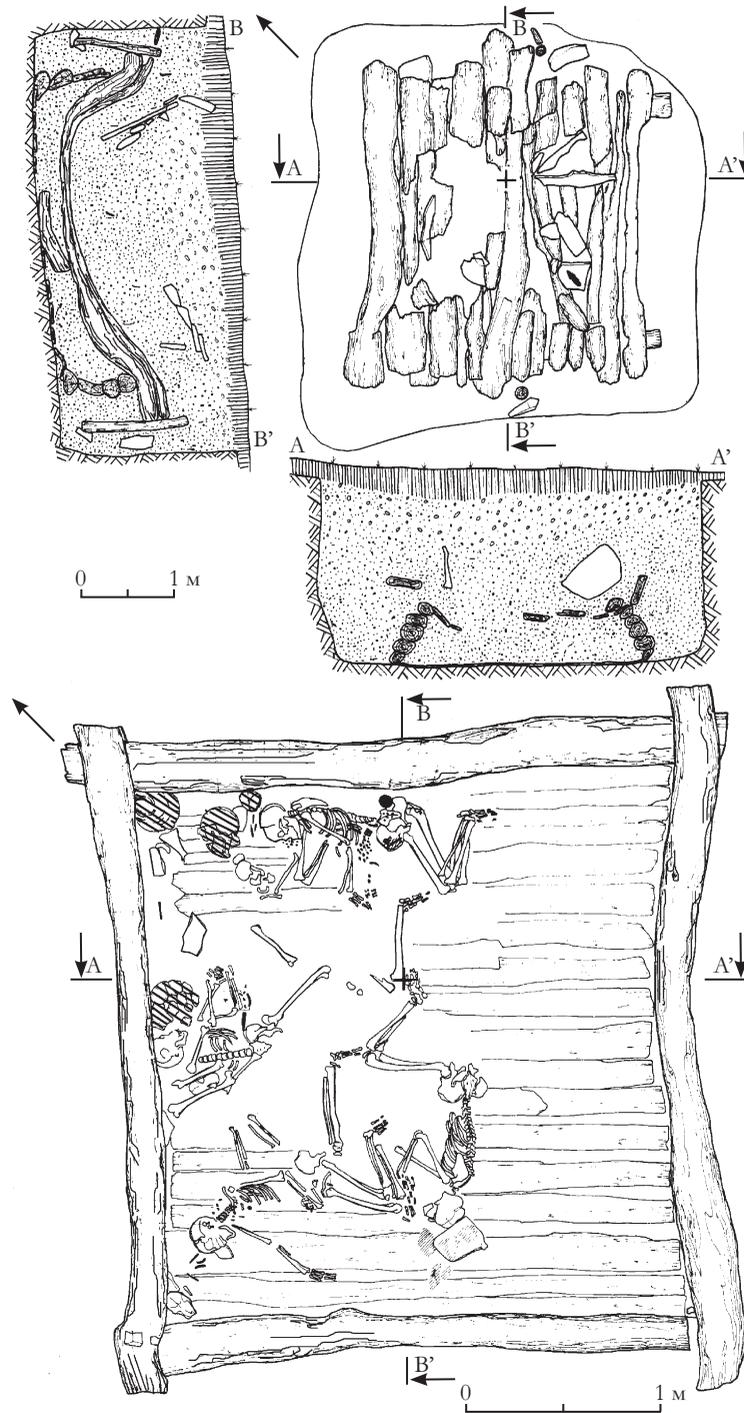

Рис. 14. Могильник Суглут-Хем II. Объект 6. Остатки захоронений в срубе. Саглынская культура
 Fig. 14. Sulgut-Khem II cemetery. Object 6. Remains of burials in a timber framework. Saglyn culture

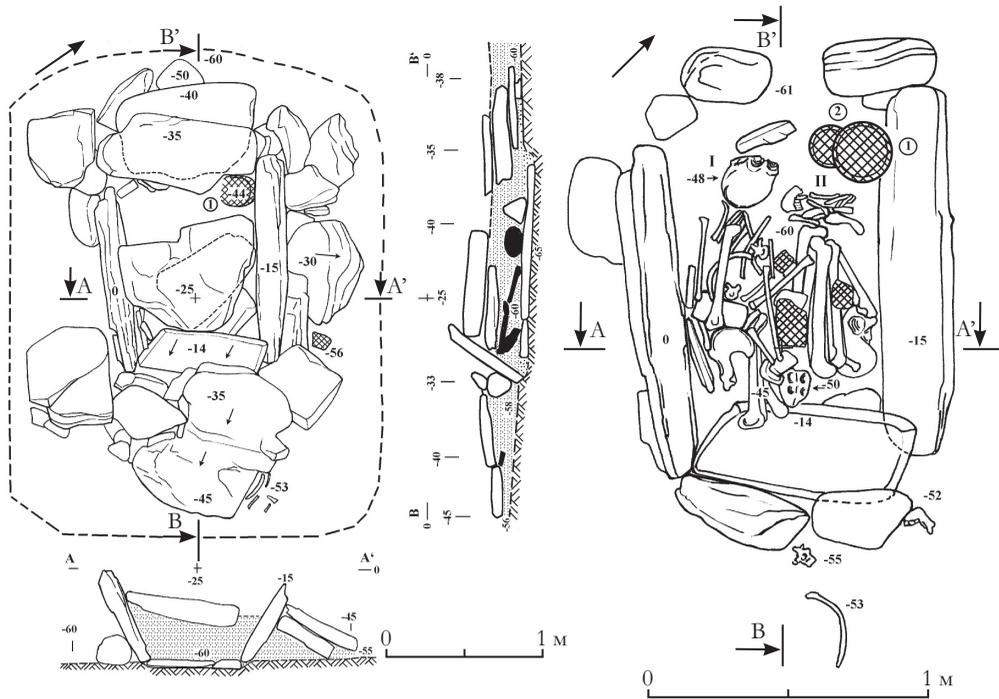

Рис. 15. Могильник Суме-Беш 1. Объект 4. Погребение в каменном ящике. Уюкско-саглынская культура

Fig. 15. Sume-Besh 1 cemetery. Object 4. Burial in a stone box. Uyuk-Saglyn culture

более 170 см, возраста старше среднего (45–50 лет). У восточной стенки ящика находилось второе скопление костей. Они были более грацильные и относятся, скорее всего, к черепу, поставленному на основании на каменной плите. Здесь также компактно сложены длинные кости руки и ног, отдельно позвоночник с ключицей и тазом. Предварительно можно определить, что это останки женщины средних лет, ярко выраженного европеоидного типа. На всех костях видны следы погрызов (собаки?). Возможно, трупы находились перед погребением в ящике на какой-то открытой площадке, где их останки поедали хищные животные, на которых и лежали кости. Погребальный инвентарь отсутствовал, но наличие сосуда в могиле и уложенное плитами дно позволяют отнести это захоронение к уюкско-саглынской культуре.

В настоящее время раскопано около 700 курганов примерно с 900 погребениями. Из них около 90 % были ограблены в древности. Современные ограбления древних могил в Туве пока единичны, что связано главным образом с традициями тувинской культуры, для которой характерно трепетное отношение к человеческим захоронениям. Существующая в настоящий момент статистика ограблений скифских курганов Тувы позволяет утверждать, что «ограбления» носили ритуальный характер и могут рассматриваться в контексте погребальной обрядности определенных групп населения скифского времени в бассейне Верхнего Енисея.

Гоцман И. И. 1980. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ XXXVI, 5–34.

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.

Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А. 2013. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень ИИМК РАН 3, 196–222.

Кузьмин Н. Ю. 2011. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг.

Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. 2006. Материалы эпохи бронзы Казыро-Кизирского междуречья // Савинов Д. Г., Подольский М. А. (ред.). Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 228–234.

Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши Мира». М.: Наука.

Мандельштам А. М. 1983. О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА 4, 5–14.

Митко О. А. 2006. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западные Саяны) // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Элексис Принт, 283–291.

Монгайт А. А. 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука.

Рева Л. И. 1995. Хайракан I — могильник эпохи бронзы // Савинов Д. Г. (ред.). Южная Сибирь в древности. СПб.: ИИМК РАН, 17–22.

Семёнов Вл. А. 1992. «Ритуальный двойник» в похоронном обряде саяно-алтайских скифов (эволюция погребального обряда кочевников Южной Сибири) // Семёнов Вл. А. (ред.). Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: б. и., 135–142.

Семёнов Вл. А. 1994. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей I в Уюкской котловине в Туве // Массон В. М. и др. (авторы). Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). СПб.: Фонд фундаментальных исследований РАН; ИИМК РАН; Изда-во ГЭ, 184–193.

Семёнов Вл. А. 1997. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.) СПб.: ИИМК РАН.

Семёнов Вл. А. 2002. Апотропеический круг (вещи апотропеи и охранительные ритуалы в погребальной обрядности саяно-алтайских скифов) // Константинов М. В., Цыбиктаров А. Д. (ред.). Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изда-во Бурятского ун-та, 88–92.

Семёнов Вл. А. 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение.

Семёнов Вл. А. 2008. Первобытное искусство. СПб.: Азбука-Классика.

Семёнов Вл. А. 2010. Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.) // Алёшкин В. А.

и др. (ред.). Древние культуры Евразии. Мат-лы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.: ИИМК РАН, 241–251.

Семёнов Вл. А. 2012. Раннекерамические социумы Тувы и их соотношение с афанасьевской культурой // Степанова Н. Ф. (ред.). Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 155–166.

Семёнов Вл. А. 2014. Скифские культуры Саяно-Алтая второй половины I тысячелетия до н. э. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири [V]. Часть 1. Кызыл: Изда-во Тувинского ун-та, 113–117.

Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е. 1990. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА 17, 36–47.

Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Глухов В. О., Завьялов В. А., Садыков Т. Р., Смирнов Н. Ю. 2014. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень ИИМК РАН 4, 327–355.

Смирнов Н. Ю. 2014. Заместители черепов: к вопросу об одной традиции «ограбления» курганов в Туве // Ситдаников А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 649–650.

Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. 2006. Погребения бронзы на могильном поле Аймырлыг // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник 2. СПб.: Элексис Принт, 292–302.

Чугунов К. В. 2006. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии // Современные проблемы археологии России: Мат-лы ВАС. Т. 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 69–71.

Чугунов К. В. 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы // Хаврин С. В. (ред.). Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: КультИнформПресс, 123–144.

Элиаде М. 2002. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М.: София, Гелиос.

Элиаде М. 2008. История веры и религиозных идей. М.: Академический проект.

Н. Ю. Смирнов

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ НАРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ТУВЕ
(НА ПРИМЕРЕ КУРГАНА 3 МОГИЛЬНИКА ЭЭРБЕК 10)

Статья посвящена выявлению возможных хронологических индикаторов процесса нарушения (разрушения) погребений в древности и реконструкции вероятных, связанных с этим процессом обрядовых действий. Исследование базируется на материалах кург. 3 могильника Ээрбек 10. Постулируется гипотеза намеренного включения в более ранний комплекс современных нарушений и принадлежащих культуре разрушителя предметов, которые являются материальным свидетельством новой идеологии и культуры, а также хронологическими индикаторами процесса нарушения погребений.

Ключевые слова: Тува, поздний бронзовый век, монгун-тайгинская культура, нарушенные погребения, раннесредневековая керамика.

N. Yu. Smirnov. Chronological markers of disturbances of the Late Bronze Age burials in Tuva (as exemplified by barrow 3 of the Eerbek 10 cemetery). The paper is devoted to the search for possible chronological markers of ancient grave disturbances (destructions) and to the reconstruction of ritual actions which might have been associated with them. The study is based on the materials of barrow 3 from the cemetery of Eerbek 10. It is hypothesized that in the course of disturbances the objects belonging to the intruders' culture were intentionally introduced in the earlier assemblages. These objects symbolize a change of ideology and culture and can serve as chronological markers enabling us to date the disturbances.

Keywords: Tuva, Late Bronze Age, Mongun-Taiga culture, disturbed burials, early medieval ceramics.

В 2011 г. на территории могильника Ээрбек 10, содержащего разновременные погребения и располагающегося в долине р. Ээрбек при ее впадении в р. Енисей (Кызылский район, Республика Тыва), мной был исследован кург. 3, относящийся к памятникам монгун-тайгинской культуры позднего бронзового века (Смирнов 2014). Курган представлял собой круглое в плане сооружение из крупного, среднего и мелкого плитняка (местного песчаника), с оградой, обводным «коридором», заложенным при окончательном формировании наземной конструкции, и одиночным погребением взрослого мужчины в каменной цисте, располагавшейся в центре кургана, на уровне древней дневной поверхности, и перекрытой многослойной насыпью могильного холма. Циста была сложена из крупных и средних плит местной песчаниковой породы по принципу ложного свода и перекрыта одной большой плитой, разбитой в центральной части при нарушении погребения (рис. 1: А1). Юго-восточная стена цисты и край покровной плиты над ней были проломлены при еще одной попытке нарушения могилы, видимо, в более позднее время, после заполнения камеры грунтом, так как в этой части *in situ* зафиксированы кости ног погребенного (рис. 1: А2).

В погребении находился скелет взрослого мужчины, по всей видимости, положенного на левый бок, со слегка подогнутыми коленями, головой на СЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал, что является одним из основных признаков погребального обряда монгун-тайгинской культуры. *In situ* сохранились только кости ног до колен (большие и малые берцовые), остальные части скелета были перемещены и в массе своей сдвинуты в СЗ часть камеры. Часть костей была сломана. От раздавленного черепа погребенного сохранились только нижняя челюсть и небольшие обломки свода.

Рис. 1. Могильник Ээрбек 10, курган 3. А — общий вид погребального сооружения и «грабительских» ходов № 1 и 2; Б — расположение инокультурных артефактов в пределах «грабительского» хода

Fig. 1. Cemetery of Eerbek 10, barrow 3. А — general view of the funerary installation and «robber's» entries no. 1 and 2; Б — positions of foreign artefacts in a «robber's» entry

В нижней части центрального, первого «грабительского» хода¹, среди камней его засыпки на уровне перекрытия цисты и в заполнении погребальной камеры были обнаружены четыре (собирающиеся в два) фрагмента верхней части профиля (венчик и часть горла) от одного гончарного раннесредневекового сосуда (типа «вазы»). Фрагменты керамического сосуда имели коричневато-серый цвет, черепок звонкий, толстый; сосуд был сделан из хорошо отмученного плотного теста с включением мелкой дресвы. На лицевой поверхности черепков заметны следы вертикального лощения (рис. 2: 1–4). Местоположение этих обломков — в нижней части засыпки «грабительского» хода, на уровне перекрытия цисты (на внутреннем краю кладки ЮВ стены) и в пределах самой камеры (рис. 1: Б), а также отсутствие на площади могильника следов поселенческого культурного слоя раннего средневековья — указывают на то, что фрагменты раннесредневекового сосуда попали сюда не случайно.

Можно предположить, что здесь имеет место обрядовая практика нарушения более древних погребений носителями новых культурных и религиозных традиций. Очевидной целью нарушения погребения в кург. 3 было не ограбление, т. е. изъятие материальных ценностей (их там не было изначально), а нарушение целостности скелета погребенного человека и, таким образом, вероятное осквернение его могилы и территории родового кладбища более древнего населения долины р. Ээрбек.

¹ Я специально беру в кавычки термин «грабительский» ход, так как применительно к нарушенным погребениям монгун-тайгинского типа понятие «ограбление» вряд ли вообще применимо — никакого сопроводительного инвентаря в подавляющем большинстве исследованных монгун-тайгинских памятников обнаружено не было.

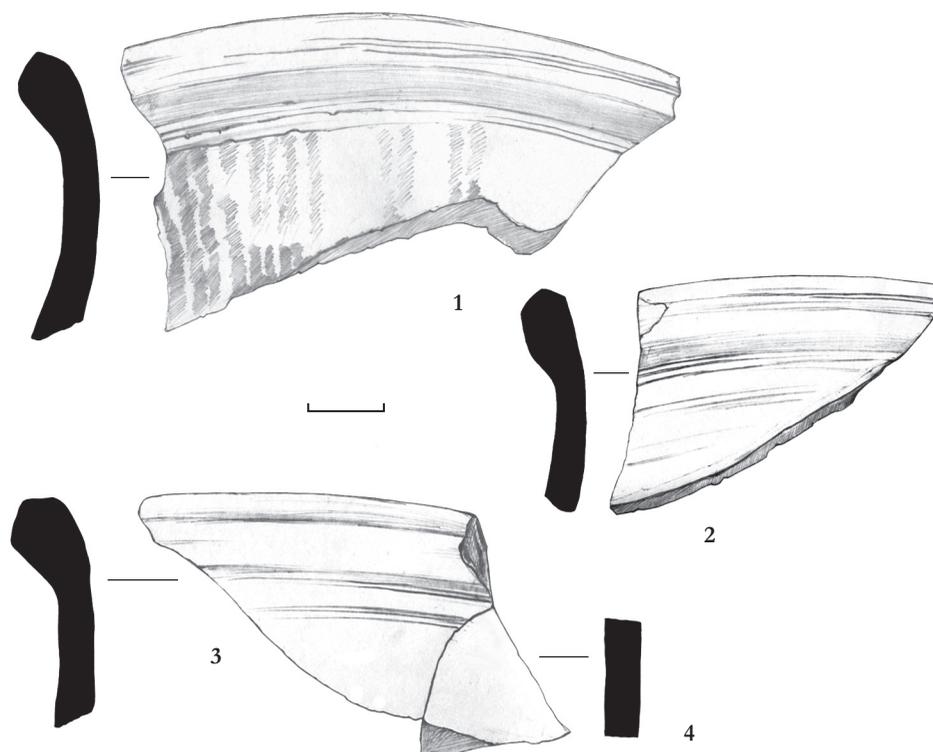

Рис. 2. Могильник Ээрбек 10, курган 3. 1–4 — фрагменты раннесредневековой керамики из заполнения «грабительского» хода

Fig. 2. Cemetery of Eerbek 10, barrow 3. 1–4 — fragments of early mediaeval pottery from the fill of a «robber's» entry

Следует отметить исключительное удобство и даже красоту места расположения могильника Ээрбек 10 — это седловина высокой террасы над реками Ээрбек и Енисей, с открывающимся видом на большую часть долины широкой излучины Енисея с обильными пастбищами по берегам. Эта местность в разные исторические эпохи привлекала население, которое стремилось совершать погребения своих сородичей на территории функционировавшего ранее кладбища иной культурной традиции: на площади могильника Ээрбек 10 зафиксированы курганы позднего бронзового века, раннего средневековья и этнографического периода.

Еще одним подтверждением нарушения монгун-тайгинских погребений именно в раннем средневековье служит и впускное раннесредневековое погребение с фрагментами железных деталей узды (часть удила и большое плоское трензельное кольцо), обнаруженное при исследовании кургана позднего бронзового века (монгун-тайгинская культура) — курган 1 могильника Белое озеро I — в соседней Уюкской котловине (раскопки В. А. Завьялова в 2014 г.)². По мнению автора раскопок, насыпь монгун-тайгинского кургана была частично разобрана, и над более древним захоронением в цисте было совершено средневековое погребение, после чего перекрытие курганной насыпи было аккуратно восстановлено. Возможно, еще одним случаем использования кургана позднего бронзового века в раннем средневековье является погребение по обряду кремации в кург. 14 могильника Бай-Даг VI, располагавшегося на 8 км выше могильника Ээрбек 10 по течению р. Ээрбек³. Там среди цепочки курганов монгун-тайгинского типа был исследован объект, внешне не отличавшийся по параметрам и характеру конструкции. Однако при раскопках была обнаружена кремация с незначительным набором сопроводительного инвентаря, совершенная на древней дневной поверхности. В данном случае

² Приношу благодарность В. А. Завьялову за любезное разрешение сослаться на неопубликованные материалы.

³ Приношу благодарность Н. А. Лазаревской за любезное разрешение сослаться на неопубликованные материалы.

можно осторожно предположить использование существовавшей насыпи позднего бронзового века для совершения погребения в эпоху средневековья. Кроме того, следует обратить внимание на то, что за десятилетия археологических исследований в Туве не выявлены случаи переиспользования курганов позднего бронзового века (монгун-тайгинский тип) в эпоху ранних кочевников или в древнетюркское время.

Неожиданная, но весьма важная параллель между наличием/отсутствием фрагментов венчиков сосудов и состоянием скелетов в погребениях обнаруживается в материалах такого раннесредневекового памятника Тувы, как могильник Чааты I. В свое время на это обратил внимание П. П. Азбелев в работе, посвященной анализу декора и контекста раннесредневековых ваз Центральной Азии (Азбелев 2007: 151, рис. 6). Он выявил соответствие между состоянием черепов погребенных и намеренными действиями по повреждению венчиков ваз: череп поврежден — венчик вазы оббит; череп отсечен, но присутствует в могиле — у вазы оббит венчик с частью горла; череп отсутствует — отсутствует ваза в погребении (Там же). В этом случае можно реконструировать обратную ситуацию — при нарушении (осквернении) погребения позднего бронзового века и сокрушении черепа покойника средневековые обитатели долины р. Ээрбек по принципу *pars pro toto* положили в чужую могилу «заемитель» черепа покойного. В этом случае можно предположить, что мы сталкиваемся с материальным свидетельством таких ритуалов, как «освоение чужого пространства» и «обезвреживание чужого покойника», заведомо враждебного носителям новых культурных традиций.

Азбелев П. П. 2007. Раннесредневековые центрально-азиатские вазы: декор и контекст // Хаврин С. В. (ред.). А. В. Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: КультИнформПресс, 145–157.

Смирнов Н. Ю. 2014. Заместители черепов: к вопросу об одной традиции «ограбления» курганов в Туве // Ситиков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 1. Казань: Отечество, 649–650.

В. А. Новоженев

РАЗГРАБЛЕНИЕ МОГИЛ
КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПОСЛАНИЕ «СВОЙ — ЧУЖОЙ»

В статье процесс ограбления и намеренного разрушения могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих другую идентичность отдельных групп населения. Природа этого явления кроется, видимо, в социально-клановых отличиях и конфликтах, таких как материальное неравенство кланов или кровная вражда между семьями.

Ключевые слова: бронзовый век, алакульский этап, андроновский погребальный обряд, каналы коммуникации, глобализация, миграции, коммуникативное послание.

V. A. Novozhenov. Grave plundering as a communicative message «us–them». The plundering and destroying of ancient graves are regarded here as a conflict of communication systems characteristic of groups with different identities. The nature of this phenomenon seems to lie in social differences and conflicts between clans, such as material inequality or inter-family blood vengeance.

Keywords: Bronze Age, Alakul period, Andronovo funeral rite, communication channels, globalization, migrations, communicative message.

Введение. Бронзовый век в истории человеческой цивилизации представляется началом эпохи глобализации, когда родившиеся в Месопотамии передовые инновации — гончарный круг, колесный транспорт, технология производства бронзовых изделий — стремительно распространились на огромных территориях Евразии и Африки. В это время сложились каналы коммуникации, посредством которых новые изобретения достигали самых отдаленных регионов (см. Новоженев 2012; 2014а). Археоботанические исследования, проведенные в последнее время, свидетельствуют о крайне слабом развитии земледелия в эпоху бронзы на всем пространстве евразийской степи (см. Бочкарёв 2012). Мобильный характер хозяйства определял подвижность, многочисленные переселения и смешение носителей степных археологических культур. В результате возникала культурная непрерывность, которую Е. Н. Черных (2009) назвал «степным синдромом».

Наряду с движением вещей (импортом товаров) — материальных свидетельств выделенных археологических культур — происходило распространение «транскультурных» инноваций: новые технологии, идеи, образы, мифологемы, мемы, — выразившиеся в определенных культурных, изобразительных, погребальных и мегалитических традициях, обрядах и ритуалах, носителями которых выступали отдельные мобильные кланы животноводов (Новоженев 2014). Пожалуй, основной задачей коммуникации, которую решали эти древние социумы, стала проблема самоидентификации или собственной идентичности по принципу «свой — чужой». Примеры этому известны: особый, знаковый код костюма, зафиксированный этнографами у многих народов мира; особенности погребального обряда, отличающие один социум от другого, и др. Собственно совокупность таких признаков, в комплексе с классифицированными артефактами, позволяет выделять отдельные и самостоятельные археологические культуры.

Археологи регулярно сталкиваются со случаями явного грабежа могил еще в древности. Очевидно, что это не только способ «пожизиться» за чужой счет, но выражение конфликта коммуникативных систем, когда одна система древней коммуникации стремится уничтожить или использовать в своих целях все видимые следы «чужой» системы. Рассмотрим этот тезис на нескольких глобальных примерах.

Обсуждение. Египетский исследователь Абу А.-Х. Бакри (2012) обращает внимание на развитую систему коммуникаций Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, в основе которых лежали дальние поставки лазурита в разные регионы Ближнего Востока. Имеется ряд прямых аналогий

гонурским материалам в находках поселения Телль Эль-Даб'а — древнем городе Аварис — столице гиксосов, правивших в XVIII–XVII вв. до н. э. (или в 1638–1550 гг. до н. э. по другим данным). По мнению датского исследователя Кима Рихольта (Ryholt 1997), кризис в египетском Среднем царстве начался примерно в 1805 г. до н. э. В это время гиксосы — выходцы из Сирии, Палестины и, вероятно, из Маргианы — осели в Нижнем Египте и основали собственную династию со столицей в Аварисе. К концу Второго переходного периода (примерно 1550 г. до н. э.) единое египетское государство окончательно распалось. В дельте Нила правили гиксосы, в Фивах, на юге, на троне оставались египтяне. Недавно сотрудники археологической экспедиции Пенсильванского университета под руководством Йозефа Вегнера (Wegner 2006) обнаружили в Абидосе два саркофага фараонов местной династии, «независимой» от севера и юга. Исследователям стало ясно, что последние «владельцы» этих гробниц разграбили могилы своих предшественников и позаимствовали их саркофаги. Эти находки позволили предположить, что «бедные» фараоны не только использовали инвентарь своих состоятельных предшественников, но и меняли сам обряд погребения как знак собственного могущества, равенства и даже превосходства над более успешными предшественниками (Ibid.).

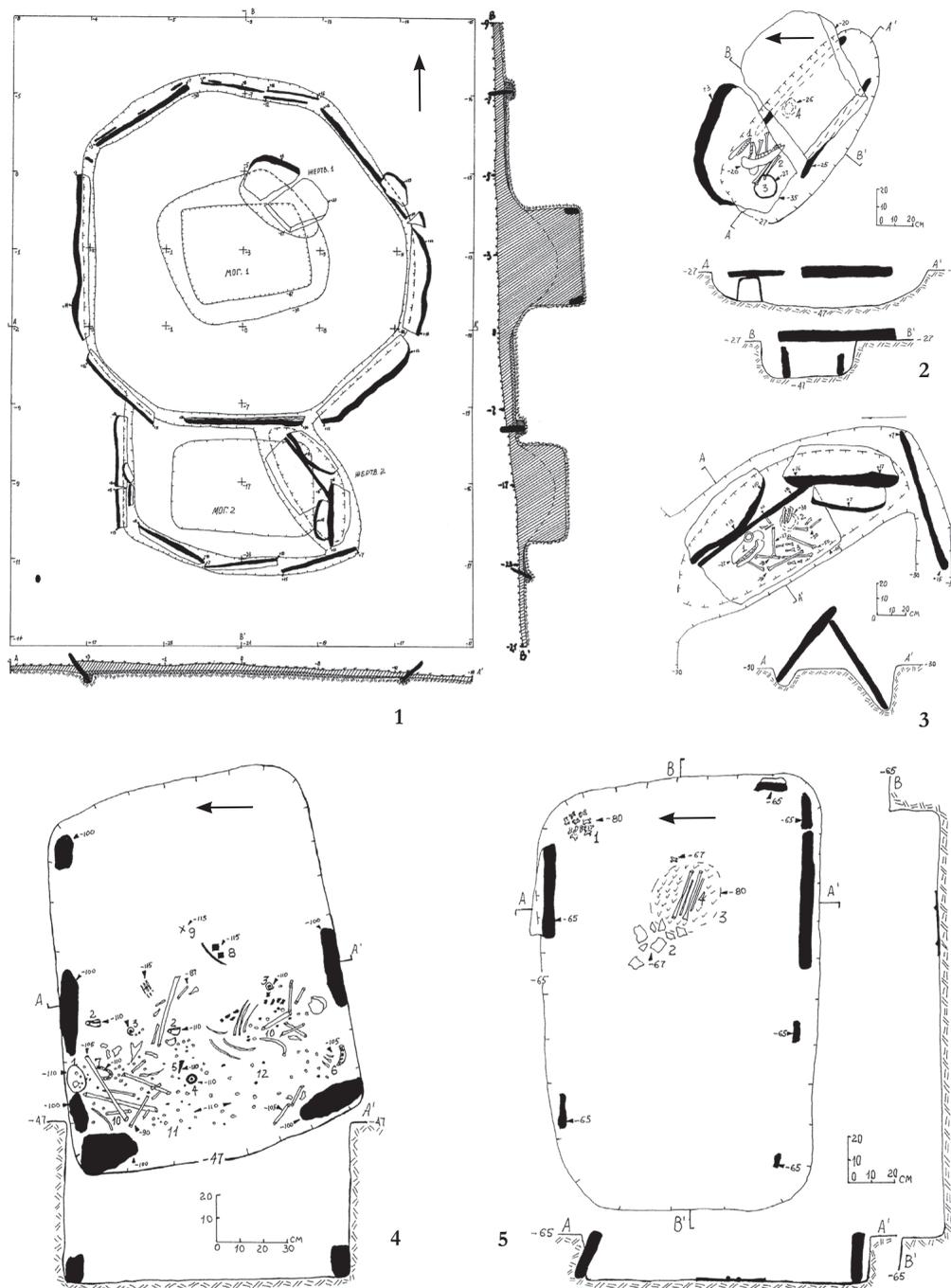
Сходная ситуация со статусными погребениями наблюдается в Древнем мире в эпоху бронзы повсеместно и далее — в более поздние исторические периоды. Например, в Персии, близ Персеполя, на поминальном комплексе Накш-и-Рустам, где погребены некоторые правители из династии Ахеменидов, практически все древнейшие могилы перекрыты каменными рельефами и надписями более поздних иранских правящих династий. Очевидно, что такое отношение к своим сановным предшественникам оказывало существенное идеологическое влияние на соплеменников. На развалинах Пасаргад, города, основанного Киrom Великим, выбиты петроглифы и тамги, определенно связанные с проникавшими сюда в период раннего средневековья и позднее тюркскими племенами, оставившими здесь свои родовые тамги как свидетельство права собственности на эти земли (Новоженков 2014б: 21 сл.).

Другой пример происходит из мира андроновских древностей. В 2012 г. на могильнике Карагайлы 3, в 120 км на ССВ от г. Астаны, автором раскопана «восьмеркообразная» ограда, отнесенная к кругу алакульских памятников нуртайского этапа (см. Досымбаева, Нускабай 2012; Усманова 2005; 2010; Ткачѳв 2002; Кузьмина 2008). Карагайлы 3 — это обширный некрополь протяженностью несколько километров, включающий погребальные памятники различных исторических эпох. Начиная с 2010 г. комплексная археолого-этнографическая экспедиция Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева под руководством А. М. Досымбаевой проводит обследование этого уникального памятника (Досымбаева, Нускабай 2012: 35–44, 52–62).

Ограда 1 расположена в 95 м от тюркского кургана с «усами», также раскопанного экспедицией (рис. 1; 2). Географические координаты ограды в системе GPS составляют 51°43'65" и 72°8'16". Современная поверхность земли глинистая и достаточно увлажненная, близкая к солончаковой, слабо задернована, отмечены следы небольших ям и существенные перепады высот вокруг ограды, сочетание различных грунтов (суглинков) на современной поверхности с большим или меньшим содержанием глины. Визуально такое разнообразие грунтов фиксируется различными видами произрастающих на них дикой растительности и цветом имеющегося травостоя.

До начала раскопок ограда представляла собой «восьмеркообразную» в плане конструкцию, максимальными размерами по осям 6,4 × 4,7 м, состоящую из вкопанных на ребро массивных плит максимальными размерами до 2 × 0,9 м, толщиной до 0,15 м. Плиты ограды сделаны из гранита

Рис. 1. Могильник Карагайлы 3, ограда 1. 1 — план и разрезы ограды; 2 — жертвенник 1, план и разрезы (1 — фрагменты двух черепов животного; 2 — кости конечностей животного; 3 — сосуд, поставленный вверх дном и отремонтированный в древности бронзовой скрепкой; 4 — сосуд «в развале»); 3 — жертвенник 2, план и разрезы (1 — череп барана или овцы; 2 — «развал» сосуда, поставленного вверх дном и с головой ягненка внутри; 3 — кости конечностей животного (баран?)); 4 — могила 1, план и разрезы (1 — череп человека; 2 — раковина; 3 — спиралевидное навершие и фрагменты бронзового браслета; 4 — бронзовая бляшка; 5 — бронзовое шило; 6 — фрагменты верхней челюсти человека и зубы; 7 — нижняя челюсть человека; 8 — угли и кальцинированная кость; 9 — фрагменты керамики; 10 — скопление костей человека; 11 — бронзовые бусы; 12 — пастовые бусы); 5 — могила 2, план

и разрезы (1 — астрагалы; 2 — фрагменты керамики; 3 — следы и остатки органического тлена фиолетово-коричневого цвета; 4 — скопление костей человека)

Fig. 1. Karagaily 3 cemetery, enclosure 1. 1 — plan and cross section; 2 — altar 1, plan and cross sections (1 — fragments of two animals skulls; 2 — animal limb bones; 3 — vessel put upside down and repaired in ancient times with the use of a bronze clip; 4 — сосуд «в развале»); 3 — altar 2, plan and cross sections (1 — sheep or ram skull; 2 — remains of a vessel put upside down, with a lamb skull inside it; 3 — animal (ram?) limb bones); 4 — grave 1, plan and cross sections (1 — human skull; 2 — shell; 3 — spiral-shaped finial and fragments of a bronze bracelet; 4 — bronze plaque; 5 — bronze awl; 6 — human maxilla fragments and teeth; 7 — human mandible; 8 — charcoal and a calcined bone; 9 — pottery fragments; 10 — accumulation of human bones; 11 — bronze beads; 12 — beads of paste); 5 — grave 2, plan and cross sections (1 — astragali; 2 — pottery fragments; 3 — violet-brown traces and residues of organic; 4 — accumulation of human bones)

Рис. 2. Могильник Карагайлы 3, ограда 1 (фотография автора). 1 — общий вид; 2 — жертвенник 1; 3 — жертвенник 2; 4 — жертвенник 1, сосуд вверх дном, отремонтированный бронзовой скрепкой; 5 — могильная яма 1, фрагмент; 6 — могильная яма 2, фрагмент костей ног и астрагалы; 7 — жертвенник 2, челюсть ягненка (?), помещенная внутрь сосуда или накрытая сверху перевернутым вверх дном сосудом; 8 — фаланги пальцев с бронзовым кольцом на дне могилы 1

Fig. 2. Karagaily 3 cemetery, enclosure 1 (photo by the author). 1 — general view; 2 — altar 1; 3 — altar 2; 4 — altar 1, vessel upside down, repaired with the use of a bronze brace; 5 — grave pit 1, fragment; 6 — grave pit 2, astragali and a fragment of hindlimbs; 7 — altar 2, lamb (?) jaw placed in a vessel or covered with a basal part of a vessel; 8 — finger phalanges with a bronze ring on the bottom of grave 1

и имеют подпрямоугольную и трапециевидную формы, возвышаются над современной поверхностью на высоту до 0,2 м, некоторые из них слегка «завалены» как наружу, так и внутрь ограды. Плиты массивные, имеют специальные выемки на краях для транспортировки. Основная ограда состоит из большого кольца плит, диаметром 4,2 м, и более маленькой подпрямоугольной в «плане» пристройки размером 3 × 2 м. В СВ секторе большой ограды, на современной поверхности, зафиксированы две выступающие из грунта плиты, размерами 0,6 × 0,4 м, вкопанные под наклоном к современной поверхности.

Для производства работ был заложен прямоугольный раскоп (8,1 × 6 м), ориентированный по сторонам света (рис. 1: 1; 2: 1). После вскрытия дернового слоя и последующей зачистки материковой глины на глубине 0,27 м от нулевой отметки выявились следующие особенности конструкции: очертания канавок, в которые вставлялись плиты ограды; двух жертвенников, расположенных в СВ части большой ограды и в В части пристройки; а также очертания грабительских перекопов могил как в большой ограде, так и в пристройке. В пространствах между оградой и грабительскими перекопами фиксировался тонкий (3–5 см) слой темно-коричневой погребенной почвы. В частях раскопа за оградой и до границ раскопа такой слой не фиксировался, видимо, он был удален в процессе возведения погребальной конструкции. Канавки для плит ограды зафиксированы достаточно четко по периметру всей погребальной конструкции, они имели ширину 0,25–0,3 м и глубину до 0,25–0,3 м; заполнение — темно-коричневый суглинок с большим содержанием крупнозернистого песка.

Жертвенник 1 расположен в СВ части ограды и перекрыт сверху двумя гранитными плитами, одна из которых выступала на современной поверхности. После их удаления зафиксирована овальная в плане яма размерами 1,1 × 0,5 м и глубиной 0,35–0,4 м с отвесными стенками. Плиты перекрытия находились под углом к современной поверхности, одна из них упиралась нижней гранью в дно ямы и была наклонена под более значительным углом, вторая — перекрывала сверху две параллельные, вертикально стоящие плиты на дне ямы с меньшим наклоном. На дне ямы, параллельно друг другу, были установлены две гранитные плитки, размерами 0,63 × 0,2 × 0,05 и 0,65 × 0,3 × 0,07 см, соответственно, между которыми собственно и был устроен жертвенник в виде своеобразного каменного «ящика» (рис. 1: 2; 2: 2, 4).

После удаления плит перекрытия в жертвеннике обнаружены череп животного, предположительно, дикого кабана; челюсти другого животного и плохо сохранившиеся кости головы и ног животного. Хорошо сохранились челюсти с зубами, кости черепа, напротив, оказались сильно разрушенными и зафиксированы во фрагментарном состоянии. Рядом с головой животного находился небольшой орнаментированный горшок с диаметром венчика 12–15 см, раздавленный еще в древности под тяжестью одной из плит перекрытия жертвенника (рис. 3: 1). Заполнение жертвенной ямы — темно-коричневый грунт — суглинок с большим содержанием крупнозернистого песка и вкраплениями светло-коричневой глины. Поскольку жертвенник устроен на небольшой глубине (0,2–0,25 м от современной поверхности), сохранность находок в нем очень плохая. После расчистки и удаления костей животного и сосуда под ними, на дне ямы, обнаружен второй целый керамический сосуд баночного типа, высотой более 25 см, поставленный вверх дном и установленный в специальное углубление на дне ямы (рис. 2: 4). При расчистке его обнаружилось, что он ремонтировался в древности при помощи специальной бронзовой скрепки. Сосуд извлечен монолитом и со всем содержимым для последующих лабораторных исследований и реставрации (рис. 3: 6).

Могила 1 расположена в центре основной ограды, ее угол находился непосредственно под жертвенником 1. На глубине 0,30 м были зафиксированы очертания грабительской ямы, на глубине 0,47 м — контур могилы подпрямоугольной формы, размерами 1,6 × 1,2 м и длинной осью, ориентированной по линии З–В с небольшим отклонением к северу (рис. 1: 4; 2: 5). В придонной ее части, на глубине 0,8–1 м, зафиксированы небольшие гранитные плиты и камни, обозначающие углы и стенки могилы, в восточной части камней от погребальной конструкции не найдено.

В заполнении могилы, начиная с глубины 0,5 м и до дна, бессистемно были встречены бронзовые бусины, фрагменты бронзовых пластин и пастовые бусины, на глубине 0,8 м — скопления разрозненных костей человека. В северном углу могильной ямы обнаружены трубчатые кости человека и большое количество бронзовых и пастовых бусин, две раковины. На глубине 1–1,1 м, в придонной части и на дне могилы зафиксирован череп молодой женщины и хорошо сохранившаяся нижняя челюсть в окружении разбросанных бронзовых и пастовых бусин. Часть зубов разбросана по всему

дну могилы, и два зуба найдены в грабительском выкиде. В южном углу могильной ямы, в придонной части и на дне, обнаружены скопления костей человека, фрагмент верхней челюсти, разрозненные зубы и залегавшие в беспорядке бронзовые и пастовые бусины. На глубине 1,1 м, на дне могилы, обнаружены фрагменты бронзового браслета с одним спиралевидным навершием, второе спиралевидное навершие от этого браслета найдено в другой части дна могилы, в 0,30 м к северу от первого. Между угловыми скоплениями находок на дне могилы обнаружены бронзовые бусины и бронзовая круглая бляшка, раковина, кости человека. Далее на самом дне в центре могилы, на глубине 1,15 м, найдены угли, кальцинированная кость и три фаланги пальцев человека в анатомическом порядке с фрагментами бронзового кольца на одном из них (рис. 2: 8), рядом найден орнаментированный фрагмент керамики (рис. 3: 5, 7).

Жертвенник 2 расположен в восточной части пристройки (рис. 1: 3; 2: 3, 7). Устроен в овальной яме размерами 1,75 × 0,73 м и глубиной 0,67 м, под восточной плитой стенки ограды (пристройки), и прикрыт с западной стороны другой плитой трапецевидной формы размерами 0,93 × 0,5 м. Нижний край этой плиты установлен на дно ямы, а верхний упирается в плиту ограды с внутренней стороны. После снятия этой плиты на глубине 0,27 м расчищена анатомически целая голова барана и кости конечностей животного (баран?), а также развал керамического сосуда — банки, внутри которого находилась вторая голова барана, судя по размерам, ягненка. Голова ягненка была положена в сосуд, который был поставлен вверх дном и оказался раздавленным под тяжестью западной плиты перекрытия (рис. 3: 2, 4). В заполнении ямы жертвенника, на самом дне, обнаружен астрагал. Очевидно, что жертвенник устроен непосредственно над восточным краем могилы 2, и определить глубину дна жертвенной ямы в этой части раскопа достоверно не удалось. Грунт заполнения жертвенной ямы представлял собой суглинок с большим содержанием крупнозернистого песка и светлой глины.

Границы могильной ямы 2 удалось зафиксировать на глубине 0,67 м. Яма подпрямоугольной формы, размерами 1,87 × 1,23 м и глубиной 0,8–0,83 м, была ориентирована длинной осью по линии 3–В (рис. 1: 5; 2: 6). Выше отмеченной глубины очертания могильной ямы не могли быть установлены по причине грабительского перекопа. Расчистка контуров могильной ямы на глубине 0,63–0,67 м позволила выявить конструкцию из небольших гранитных плит и камней, фиксирующих углы и стенки могильной ямы. Восточная половина могилы оказалась менее нарушенной, чем западная, где грабители удалили практически все камни конструкции. Заполнение могилы в результате грабительского перекопа оказалось сильно потревоженным и неоднородным — это был светло-коричневый суглинок с большим количеством вкраплений белой глины. Придонный грунт в восточной части могилы представлял собой более темный суглинок с вкраплениями крупнозернистого песка.

В центральной части могильной ямы, на глубине 0,67 м, зафиксировано скопление фрагментов керамики, а на глубине 0,8 м обнаружены кости ног человека, лежащие на органических остатках темно-фиолетового цвета — вероятно, остатки погребального ложа или подстилки, которые частично фиксировались по всему дну восточной части могилы. На дне могилы, в углу, на глубине 0,79–0,83 м, найдено скопление астрагалов (23 экз.), вероятно, сложенных компактно в небольшом углублении на дне погребения. В западной части на дне обнаружены лишь несколько гранитных плиток, положенных по контуру самой ямы.

В могиле 1 кроме керамических сосудов и останков животных были обнаружены металлические изделия и другие вещи (рис. 3: 7). К числу наиболее массовых находок относятся *бронзовые бусы*. Они зафиксированы в придонной части могилы и вокруг человеческих костей. Обнаружено более 50 бронзовых бусин и их фрагментов. Поскольку сохранность их крайне плохая, то восстановить форму и размеры стало возможным только для примерно 20 экз. Они представляют собой бусины округлой или грушевидной формы диаметром от 5 до 8 мм, изготовленные из кусков бронзовой проволоки круглого сечения, диаметром 1–1,5 мм, изогнутые по окружности, без закрепления концов

Рис. 3. Могильник Карагайлы 3, ограда 1, находки (фотография автора). 1, 6 — жертвенник 1; 2, 4 — жертвенник 2; 3 — могила 2; 5, 7 — могила 1 (1–6 — глина, 7 — изделия из бронзы, раковин и пасты)

Fig. 3. Karagaily 3 cemetery, enclosure 1, finds (photo by the author). 1, 6 — altar 1; 2, 4 — altar 2; 3 — grave 2; 5, 7 — grave 1 (1–6 — clay, 7 — objects made of bronze, shells and paste)

проволами. Бусины, вероятно, пришивались к платью погребенной или составляли целые нити в составе челюстно-лицевых украшений, рассыпавшихся в беспорядке в момент ограбления.

Обоймы. Бронзовые пластины с загнутыми краями, подпрямоугольной формы, размерами 1,1–1,3 × 0,7–0,9 см. Они обнаружены разрозненно в разных частях придонного слоя могилы. Вероятно, они входили в состав традиционного алакульского челюстно-лицевого или накосного украшения (см. Усманова 2005; 2010).

Бляшка. Почти правильной круглой формы, диаметром 3,4 см, с выдавленным в центре прямым крестом и сквозными отверстиями для крепления по краям. Также вероятная часть комплекта алакульского женского украшения. По классификации Э. Р. Усмановой, относится к группе бляшек «крест квадратный», обнаруженных в памятниках алакульского типа и имевших довольно широкое распространение в этой культурной среде (Усманова 2010: 92).

Браслеты со спиралевидными навершиями. Обнаружены во фрагментарном и разрозненном состоянии в придонной части могилы. Зафиксированы остатки трех спиралевидных наверший и части собственно браслета в виде желобчатых фрагментов шириной 0,7–0,9 см и длиной до 1 см. Аналогичные браслеты так же часто встречаются в алакульских (нуртайских) памятниках северной части Сарыарки (см. Ткачёв 2002).

Фрагмент шила. Острие длиной 2,4 см, подпрямоугольное в сечении, сильно коррозированное. Ближайшие аналогии найдены А. А. Ткачёвым в могильнике Балыкты, расположенном примерно в 10 км вверх по р. Кумай (Там же: 21, рис. 135: 1–5).

Фрагмент кольца. Фрагмент бронзового кольца, найденный *in situ* на средней фаланге пальца руки, лежавшей на самом дне могилы. Сохранился только нижний фрагмент кольца, огибавший нижней частью фаланги и лежавший между фалангой и дном могилы. Представляет собой уплощенный и слегка округлый в сечении фрагмент (1,7 см) проволоки (?), изогнутый в предполагаемую окружность, диаметром не более 1,8 см.

Раковины-подвески. Обнаружены три раковины со сквозными отверстиями в верхней части. Достаточно распространенный тип украшений-амулетов, найденных на памятниках алакульского типа.

Керамика представлена четырьмя археологически целыми, орнаментированными сосудами баночной (два сосуда) и горшечной (два сосуда) форм (рис. 3: 1–6), найденными в описанных выше жертвенниках, а также несколькими орнаментированными фрагментами от разбитых при ограблении сосудов в заполнении раскопанных могил (рис. 3: 3, 5). Мотивы орнамента — традиционные заштрихованные треугольники, нанесенные как по всей поверхности сосудов, так и зонально, при помощи гребенчатого штампа и резными линиями. Находка в могиле фрагментов керамики раннего облика позволяет предполагать и более раннюю датировку самого памятника.

Обнаруженные в могилах материалы позволяют предполагать их синхронное строительство в пределах, по крайней мере, одного поколения. Могилы были ограблены в древности, о чем свидетельствуют зафиксированные грабительские ямы, разбитые фрагменты керамики и анатомически целые части человеческих скелетов, найденные в разных местах на дне могил.

Существует множество доказательств в пользу долговременного существования степных погребальных памятников эпохи бронзы в Евразии. Известны многочисленные пристройки к андроновским оградкам и целые некрополи семейного типа из 20 и более могил взрослых и подростков, окруженных одной оградкой из вкопанных на ребро плит или состоящих из нескольких пристроек-оград, включая «восьмеркообразные» — могильники Ташик, Сатан, Нуркен и др. в Сарыарке и Притоболье (см. Евдокимов 2001; Евдокимов, Варфоломеев 2002; Ткачёв 2002; Потёмкина 1985; Кузьмина 2008). Детские погребения (грудного возраста и старше) совершались за пределами оградок, а жертвенники — внутри и снаружи, о чем свидетельствуют, например, материалы могильников Ташик на р. Ащису и Сатан в Центральном Казахстане, а также некоторые другие.

Все эти факты позволяют рассматривать каждый такой степной погребальный комплекс как некий «храм» под открытым небом, в котором совершались долговременные, скорее всего, семейные (клановые) погребальные обряды. Скорее всего, степные некрополи (отдельные оградки) — это родовые погребальные сооружения типа семейных склепов.

Определенное сходство в конструкции карагайлинских жертвенников наблюдается с ритуальными комплексами, открытыми в Синташтинском могильнике (Генинг и др. 1992: 234–236, рис. 129; 130).

Карагайлинские жертвенники также расположены на краю могильной ямы и устроены в строго фиксированном месте, явно указывающем на определенную астрономическую точку, вероятнее всего, место восхода солнца в период весеннего равноденствия (см. Потёмкина 2012). Очевидно, что истоки весеннего древнеиранского праздника Наурыз лежат в ритуалах андроновских племен (см. Кузьмина 1994; 2008). Совершенно четко фиксируется элемент погребального обряда — возведение определенной конструкции жертвенника и совершение особого ритуала с принесением в жертву двух животных либо их частей по принципу *pars pro toto*, и обязательно их голов, зачастую передних конечностей. Важное ритуальное значение перевернутого сосуда подчеркнуто тем, что в первом жертвеннике использован горшок архаического облика и отремонтированный, вероятно, из-за своего особого ритуального значения (рис. 3: б).

Судя по нашим стратиграфическим наблюдениям, этот поминальный ритуал совершался практически на древней дневной поверхности, само место действия обозначалось вертикально вкопанными на ребро плитами, но уже после совершения собственно погребения. Вполне возможно, что этот жертвенник продолжал функционировать как ритуальный объект еще какой-то период времени, вероятно, весьма продолжительный. Сохранившиеся в ограде в первозданном виде оба жертвенника, в отличие от разграбленных могил, позволяют установить относительную последовательность их разграбления. Очевидно, что их расхищение произошло только после возведения, использования и перекрытия жертвенника плитами и совершения всех необходимых погребальных и поминальных обрядов. С другой стороны, на дне обеих могил зафиксированы в относительном анатомическом порядке отдельные фрагменты тел погребенных: голова, ноги, кисть с фалангами пальцев. Этот факт позволяет предположить, что момент расхищения могил наступил уже после значительного разложения трупа погребенных, когда достаточно легко можно было отделить указанные части тела. Можно предполагать и намеренное содержание погребенных в открытой могильной яме или где-то еще в специальных местах (дахмэ), на манер погребального обряда зороастрийцев, когда тело умершего выставлялось на продолжительное время на съедение птицам, а затем погребалось все, что осталось после этого процесса в разрозненном и анатомически неполном состоянии. Известны случаи намеренного расчленения тел и человеческих жертвоприношений в материалах синташтинской и петровской культур (Генинг и др. 1992: 378–380).

Однако наличие большого числа бусин в бессистемном, перемешанном залегании и концентрация находок в определенных частях могил — в первой исключительно в западной половине, а во второй только в восточной, — а также выявленные грабительские перекопы в свободных от находок противоположных половинах могил, явные разрушения конструкции свидетельствуют о разграблении именно полуистлевшего тела погребенных и бессистемном сбрасывании ненужных грабителям предметов вместе с частями тел умерших с остатками их одежды в противоположную от грабительской ямы часть могилы. Примечательно, что некоторые ценные вещи из металла — бронзовые бусы, браслеты, бляшка, шило, пронизи, украшения — сохранились в могиле. Погребальная посуда из могил намеренно разбита, унесена или выброшена и дошла до нас в виде нескольких фрагментов.

Выводы. Разграбление и намеренное разрушение могил представляется конфликтом разных коммуникативных систем, описывающих идентичность отдельных групп населения. Природа этого явления кроется, скорее, не в этнических или культурных, а в социально-клановых отличиях и конфликтах (например, материальное неравенство кланов или кровная вражда между семьями). В свою очередь, они выражают черты собственной идентичности каждой отдельной такой социальной группы, являются индикатором их социального положения и статуса. Для животноводческих и смешанных обществ такая идентичность — способ выживания и саморазвития, своя собственная Вселенная со своими порядками, правами и законами. Она определяет свою собственную ментальность и поведенческие стереотипы и как итог — положение и статус в ряду других родственных социумов, возможно, в рамках одной культурной традиции, скрывающейся за археологической культурой.

Вероятно, имущественный фактор при разграблении степных могил имел меньшее значение, чем социальный и коммуникативный. Об этом свидетельствует тотальное расхищение андроновских могил в древности, при котором многие ценные предметы из металла и даже оружие сохранялись, а керамическая посуда намеренно разбивалась. Расхитителям важнее было обозначить сам факт разрушения, чем получить ценные вещи из могил.

Важно также отличать варианты погребального обряда, принимаемые за ограбление: 1) кенотаф (в том числе ложный); 2) расчленение по обряду «зороастризма» и погребение части (*pars pro toto*); 3) трупосожжение в составе погребального обряда.

Временной фактор также имеет место — имеется в виду очень длительное существование в степной зоне Евразии некрополей как долговременных храмов под открытым небом, в которых регулярно проводились определенные ритуалы — поминовения, подзахоронения вновь умерших по типу родовых (кланово-семейных) склепов. Возникает вопрос: в какой мере выделенные степные археологические культуры способны отражать такие изменения на социальном уровне?

Ярче всего конфликт коммуникативных систем проявляется во время (и как следствие) военных, спорных ситуаций, когда происходит смена одной системы идентификации другой, что подразумевает полную замену всех видимых и невидимых (мифологических) доминант-знаков погребального обряда. Как следствие происходит то, что мы называем «ограблением» могилы. Анализ динамики изменений таких знаков, фиксируемых археологами, вероятно, позволит реконструировать некие коды идентификации и социальной дифференциации таких социальных групп или кланов.

Бакри Абу А.-Х. 2012. Были ли гиксосы в Средней Азии? Телль Эль-Дабá и Гонур-депе (торговые центры бронзового века в Древнем Египте и в Центральной Азии) // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 267–271.

Бочкарёв В. С. 2012. О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, 13–24.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во.

Досымбаева А. М., Нускабай А. 2012. Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай. Астана: Тюрк мираси.

Евдокимов В. В. 2001. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Алматы.

Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та.

Кузьмина Е. Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ.

Кузьмина Е. Е. 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: Принт А.

Новожинов В. А. 2012. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус.

Новожинов В. А. 2014а. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Епимахов А. В. (ред.). Тайнство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии. Алматы: Казахский НИИ культуры, 17–277.

Новожинов В. А. 2014б. Тюркские тамги и петроглифы на развалинах Пасаргад в Иране (предварительное сообщение) // Жуматаев Р. (ред.). Материалы и исследования по археологии и этнографии. Исследования кафедры археологии, этнологии и музеологии КазНУ. Вып. 5. Алматы: Казак университеті, 21–36.

Потёмкина Т. М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука.

Потёмкина Т. М. 2012. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз-I (археoaстрономический аспект) // Тишкин А. А. (ред.). Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: ООО «Пять плюс», 78–84.

Ткачёв А. А. 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во Института нефти и газа. Ч. 1–2.

Урманова Э. Р. 2005. Могильник Лисаковский. Караганда; Лисаковск: Taimas.

Урманова Э. Р. 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd.

Черных Е. Н. 2009. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси.

Ryholt K. 1997. The Political Situation in Egypt during the Second Intermediate Period c. 1800–1550 B.C. CNI Publications 20. Copenhagen: Museum Tusulanum Press.

Wegner J. 2006. One Pharaoh, two tombs. (Beneath the Mountains of Anubis. Ancient Egypt's first hidden Royal Tomb) // Expedition 48 (2), 15–22.

Э. Р. Усманова

СИМВОЛИЧЕСКИЕ И РАЗРУШЕННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
В «ТЕКСТЕ» АНДРОНОВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЛИСАКОВСКОЙ ОКРУГИ II ТЫС. ДО Н. Э)

Андроновские могильники у г. Лисаковск (Северный Казахстан) исследуются в течение двух десятилетий. Раскопано более 200 погребений двух погребальных традиций: алакульской и фёдоровской. Большинство намеренно разрушенных погребений принадлежат алакульской культуре. Среди них выделяются погребения, в которых были произведены различные манипуляции с черепом: отдельно выставленные черепа или их части, отделение черепа. Проникновение в погребения также совершалось с целью изъятия женского головного убора, который представлял магическую ценность. При этом некоторые могилы, содержащие богато украшенные головные уборы, остались целыми.

Ключевые слова: бронзовый век, Северный Казахстан, погребальный «текст», нарушенные погребения, культ черепа, кефалотафия, наконечное украшение, головной убор.

E. R. Usmanova. Symbolic and destroyed burials in the «text» of the Andronovo funeral rite (based on the materials of the Lisakovsk Burial Complex, II millennium BC). Lisakovsk Complex of the Andronovo Cultural Unity in Northern Kazakhstan has been studied for two decades. More than 200 burials belonging to two funeral traditions (Alakul and Fedorovo ones) were excavated. Most of the intentionally destroyed graves belong to the Alakul tradition. Of particular interest among them are the burials characterized by various manipulations with human skulls. Some other graves were destroyed with the purpose of extracting women's headgear, which had a magical value. However, some graves with richly decorated headdresses were not destroyed.

Keywords: Bronze Age, Northern Kazakhstan, funeral «text», disturbed burials, cult of skull, cephalotaphia, plait decoration, headdress.

Знаковый характер культуры определяется способностью аккумулировать и передавать информацию при помощи специальных кодов, которые ее выражают в определенных знаках, делая достоянием тех или иных коллективов (Лотман 1967: 30–31). Знаки же, в свою очередь, являются средством управления человеческим поведением (Выготский 1986: 352). Погребальный обряд как информационная система обладает знаковостью и может рассматриваться как текст. Применение знаковых категорий в комплексе с традиционными методами изучения культуры позволяет глубже понять механизм функционирования погребального обряда как системы, призванной не только контролировать поведение, но и быть передаточным звеном в цепи знаний о социуме. В предметных образах «текстов» обряда предстает информация о мировоззренческих установках на смерть, существовавших в том или ином обществе.

Погребения, намеренно разрушенные/нарушенные человеческим проникновением, стереотипно принимаются за ограбленные комплексы. Понимание погребального обряда как «текста» дает возможность рассматривать этот факт как символическое выражение определенных культов, принятых в социуме. Именно в таком знаковом ключе предлагается проанализировать материалы погребений первой половины II тыс. до н. э. могильников округа г. Лисаковск (Костанайская область, север Республики Казахстан), представляющих андроновскую общность в двух ее культурных ипостасях: алакульской и фёдоровской.

Андроновские памятники Лисаковской округи — это единый пространственно-временной комплекс, состоящий из поселения и семи могильников, расположенных на правом и левом берегах

р. Тобол. На погребальных полях были раскопаны 233 погребения эпохи бронзы (Усманова 2013: 22). Четыре могильника — Лисаковский II, III, IV и V (29 сооружений, 51 погребение) — находятся на левом берегу, три других — Лисаковский I, VI и VII (82 сооружения, 182 погребения) — на правом. Погребения шести могильников (II, III, IV, V, VI и VII) совершены в традиции алакульского погребального обряда. На самом большом могильнике Лисаковский I сосуществовали две погребальные традиции: фёдоровская и алакульская. Радиоуглеродная хронология лисаковских памятников подтвердила сосуществование алакульского и фёдоровского населения в период 1780–1660 гг. до н. э. Погребальные поля использовались в течение как минимум 120 лет (Панюшкина 2013: 203–204). Могильники левого берега сформировались несколько раньше, чем могильники правого берега.

Всего раскопано 127 алакульских погребений: 71 — на погребальном поле могильника Лисаковский I, еще 56 — на остальных шести могильниках. Из них 60 % разрушено проникновениями. Способ обращения с умершим в алакульской традиции — труположение; случаи трупосожжения единичны — около 2 %.

Фёдоровские погребения по обряду кремации расположены только на правом берегу (Лисаковский I — 78 фёдоровских погребений). Процент разрушенных фёдоровских погребений сравнительно мал по сравнению с алакульскими и составляет около 5 %, т. е. алакульские погребения были подвержены более частым проникновениям, чем фёдоровские.

Сюжет первый. Речь идет о ситуациях, когда в результате разрушения погребения череп человека был установлен в нишу. В центре кургана под двумя вертикально установленными камнями-менгирами находилась яма с нишей по южной стенке, забутованной камнями вперемешку с углями от обгоревших веток (Лисаковский III, соор. 1). В нише был обнаружен череп хорошей сохранности, лежавший на левом боку, рядом — две лучевые кости от рук погребенного. Ниша была устроена в могильной яме, куда было совершено проникновение, видимо, с целью перезахоронения черепа путем отделения его от скелета погребенного.

Другое погребение находилось в центре площадки, окруженной рвом (Лисаковский III, погребальная постройка 3). Могильная яма в придонной части по периметру была обложена рамой, составленной из бревен сосны. Поперечное перекрытие из плашек оказалось разрушенным. В заполнении придонной части могильной ямы найдены фрагменты костей скелетов погребенных, принадлежавшие ребенку в возрасте 9 лет и подростку 12–13 лет. У западной стенки могильной ямы обнаружены развалы четырех сосудов и один археологически целый сосуд, который имел два сквозных отверстия с двух сторон тулова, предназначенные для подвешивания. На дне под обломком перекрытия был найден полированный топор-молот из камня зеленоватого цвета. В отверстиях топора сохранился фрагмент деревянной рукояти с двумя бронзовыми заклепками. Кроме того найдены детали украшений: кольцо, бронзовая бляшка, пастовые и бронзовые бусины. После проникновения в погребение в нишу северной стенки камеры был установлен череп ребенка. Вероятно, топор-молот и сосуд с отверстиями для подвешивания (другие сосуды были разбиты) специально были сохранены *in situ* по причине их ритуальной значимости.

В обеих ситуациях погребения нарушены проникновениями, и действия производились с отдельными черепами: они изымались из погребения и выставлялись в нише. Причем действие с черепом — помещение его в нише в стенке могильной ямы — было отмечено только на погребальном поле одного могильника из семи — Лисаковский III. Видимо, тем самым выражалось особое отношение к черепу.

В погребальном «тексте» андроновского обряда важно присутствие цитаты «манипуляция с черепом», которая проявлялась самыми разными способами.

Сюжет второй. Он представляет ситуации, когда череп (голова) отделялся от тела и выносился из погребения. Такие погребения принадлежали женщинам. Не исключено, что «изъятие» головы происходило из-за богато декорированного головного убора.

В этом плане примечательны два погребения из одного сооружения (Лисаковский V, ограда 4). Первое из них было полностью закрыто войлочным перекрытием, и при раскопках не были зафиксированы следы его специального разрушения. Когда же войлок был убран, то на дне могилы обнаружился «обезглавленный» скелет, а на месте черепа — обломок нижней челюсти. Скорее всего, череп был вытаснен до того, как погребение было закрыто войлоком, т. е. произошла декапитация — обезглавливание тела до его изоляции грунтом.

Второе, находящееся рядом погребение было разрушено проникновением уже после его закрытия. Череп был изъят, но скелет остался нетронутым. Единичные украшения были разбросаны по дну ямы. Похоже, что андроновские «охотники за черепами» забирали вместе с головным убором саму голову или череп.

Сюжет третий. Он связан с ситуациями, когда выставлялись отдельно череп или его части. Кефалотафия (с греч. похороны головы) в андроновском погребальном обряде реализовывалась в трех вариантах: женское погребение, детское погребение, на жертвеннике. Проникновение и разрушение в этом случае отсутствуют, погребальный инвентарь находится *in situ*.

Два погребения с отдельными черепами и инвентарем принадлежали подросткам (10–12 лет). В одном находилось два черепа, две берцовых кости, игральные кости (астргалы крупного рогатого скота), в втором — череп, браслеты, серьга (Лисаковский III, соор. 4).

В женских захоронениях черепа или их части помещались вместе с набором украшений: детали головного убора (накосники, бронзовые и золотые подвески, височные кольца), браслеты и другие украшения (известно четыре погребения). В одном случае захоронен был только один череп с богато декорированным головным убором. В другом — нижняя челюсть с набором украшений (Лисаковский I, кург. 1 и 2). В еще двух погребениях черепа лежали порознь от костей рук и ног, которые имитировали очертания тела. Детали головных уборов — накосники, золотые и бронзовые подвески — находились на черепе или рядом с ним (Лисаковский I, погр. 14; Лисаковский V, кург. 1).

К сожалению, из-за отсутствия антропологического анализа не представляется возможным узнать, при каких обстоятельствах и как происходило отделение головы или черепа. Было ли это связано с расчленением или вторичным погребением, когда перезахоранивались части тела после разложения мягких тканей, или голова отделялась от тела умершего человека сразу же после его смерти. Остается только констатировать факт помещения черепа в погребение, иногда с костями рук или ног при отсутствии других частей скелета.

Случай кефалотатии зафиксирован и на поселении Лисаковское. Здесь за пределами котлована жилища был обнаружен череп, лежащий на правом боку без нижней челюсти, рядом с ним находился пест-молот.

Известны две ситуации, когда выставлялась отдельно нижняя челюсть: в погребении (Лисаковский III, соор. 8) или в жертвеннике (Лисаковский I-Г, ограда 19). Черепная коробка также помещалась отдельно в жертвенниках и погребениях (Лисаковский II, ограда 14; Лисаковский III, соор. 2; Лисаковский IV, соор. 1).

На весь массив алакульских погребений лисаковских памятников приходится около 11 % погребений, в ритуальных «текстах» которых содержится информация о культе черепа.

Захоронение изолированных черепов — явление довольно распространенное в ритуальном поведении многих народов. Отражившись в полуреальной жизни погребальных мистерий, кефалотафия постоянно сопровождает погребальный обряд (Смирнов 1997: 176). С одной стороны, существовала обусловленная ритуалом необходимость проникновения в захоронения для совершения манипуляций с черепом. С другой, ритуал требовал ингумации отдельного черепа без последующего проникновения. Существование нескольких вариантов обращения с черепом указывает на различные способы организации «цитаты» культа черепа, нюансы которой, скорее всего, окончательно восстановить невозможно. Исторически сложилось понимание культа черепа в обрядах, связанных с культурами плодородия и предков (Дмитриев 1999: 215). Проявившееся еще в мустьерскую эпоху особое отношение к черепу стало впоследствии непременным атрибутом многих обрядов и не только погребальных. Голова человека представлялась как основной мыслительный орган, и потому ее исключительное положение нашло свое отражение в различных ритуалах, связанных со знаковыми идеями общества.

Значимость культа черепа подтверждается многочисленными этнографическими и археологическими свидетельствами. Кто знает, какого рода «охота за черепами», с какими ситуациями, действиями и последствиями существовала в эпоху бронзы, как она проявлялась, и что явилось причиной такого, на первый взгляд, загадочного отношения к черепу/голове? Только ли культ предков, а также широко понимаемые потребности обеспечения плодородия требовали подобного отношения к умершему? Почему черепа только немногих людей (впрочем, как взрослых, так и детей) подвергались такому знаковому оформлению в «тексте» погребального ритуала? Какого рода частные случаи, какие

причины смерти скрывались за подобным отношением к черепу/голове погребенного? Почему в одних ситуациях надо было изъять череп из погребения, в других — отсечь и установить/уложить его отдельно? Думается, что несколько однобоко сводить все многообразие ритуальных поступков только к проявлению культа плодородия в погребальном обряде.

Сюжет четвертый. Здесь рассматриваются ситуации, когда «косточка предка» или священный предмет являются причиной ритуального разрушения погребения. Часто разрушенное погребение рассматривается как ограбленное, подразумевающее хищение вещей, которые обладали ценностью в том или ином обществе.

Парадоксально, но женские погребения, в которых сосредоточивались весьма богатые украшения, не всегда подвергались проникновению. Погребения с отдельными черепами и украшениями оставались цельными. Причем все они находились в центральной зоне погребального поля и, видимо, принадлежали элите андроновского сообщества. Возможно, именно женскому черепу приписывались более значимые магические свойства оберега — защитника в образе «матери-прародительницы».

Из некоторых женских погребений забирались головные уборы и другие украшения. Проникновение происходило, видимо, когда мышечные связки были еще целыми, и головной убор еще не подвергся деформации. Головной убор имеет символическое значение в традиционном костюме и представляет собой ценность ввиду своих знаковых особенностей. Алакульский головной убор обладал ценностными качествами в сообществе. На его изготовление (плетение тесьмы, декорирование ювелирными украшениями) уходило достаточно много времени. Вполне возможно, что головной убор забирался из погребений для его вторичного использования в обрядах.

Таким образом, создается впечатление, что проникновение в могильное пространство в большинстве случаев носило ритуальный характер и совершалось современниками захороненных. Они знали, куда можно попадать, а куда нельзя, что можно было взять, а что находилось под запретом, какие могилы необходимо было оставить целыми, нетронутыми, а какие разорить. В одном из названных погребений был оставлен топор-молот — вещь очень редкая и ценная в предметном мире алакульского общества. Стало быть, не только материальное содержание интересовало андроновских «грабителей».

В этом контексте показательны погребальные ситуации, зафиксированные на могильниках Лисаковской округи. Ранние погребения левого берега практически все разрушены проникновениями. Исключение составляют погребения детей и подростков, элитное погребение (женское с черепом), погребение с челюстью — всего около 5 % от всех погребений левого берега. Упомяну необычное захоронение, условно обозначенное как «шаманское» — погребенная женщина лежала на животе с сосудом в виде цилиндрического ведра, видимо, предназначенного для приготовления каких-то специальных напитков. Возможно, из погребений левого берега стаскивались вещи и «косточки предков», чтобы их потом выставить в погребениях и жертвенниках правого берега или перезахоронить. Напомню, что на левом берегу раскопано 51 погребение, а на правом — 182. При этом надо учитывать, что практически все могильные поля Лисаковского комплекса исследованы.

Ритуальные разрушения могут быть связаны с культом предков, когда кости изымались с целью поклонения, или обрядом «обезвреживания», когда прах покойников ворошился с целью обезопасить живых. По-видимому, погребальное сооружение становилось не только местом захоронения умершего, но и местом, к которому приходили для совершения каких-то ритуальных действий. Скорее всего, не во все погребения совершались проникновения. Видимо, существовали определенные законы, установленные древним сообществом, по которым проникновение происходило в то или иное погребение. Этнографические параллели подсказывают идею о «косточке предка», без наличия которой не вершились бы важные события в племени (Иванова 1980: 123). Возможно, что намеренное разрушение могилы с целью нарушения целостности скелета погребенного могло предотвратить воздействие разрушительных сил, связанных с болезнью.

Впрочем, надо учитывать коммуникативную способность погребального «текста», его вещей-предметов, определявших профанную и сакральную сущность общества. В этом контексте проникновение и разрушение погребения становилось своего рода незаменимым информационным компонентом в общении между разными поколениями сообщества. Алакульские погребения с вещевым наполнением, видимо, в большей степени обладали способностью передавать информацию о культуре при помощи своих предметных кодов. Фёдоровские погребения, совершенные по способу

кремации, не представляли такого выраженного интереса для современников ни своим предметным миром, ни «косточкой предка», которую следовало изъять из могильного плена. Отчасти это определялось самим способом обращения с умершим. Кремированные кости не представляли собой цельного скелета, который необходимо было бы по ритуалу разрушить. Да и погребальный инвентарь в фёдоровском ритуале отсутствовал в таком предметном изобилии, как в алакульском. Только в одном случае зафиксировано проникновение в фёдоровское погребение, где были аккуратно раздвинуты бревна настила, и из ямки в центре дна могилы взят некий предмет (Лисаковский I-Г, ограда 16). При этом все сосуды и выкладка из кремированных костей остались нетронутыми. Очевидно, что в могилу пробрались люди, которые знали, что за вещь находилась в ямке, зачем и по каким причинам ее надо было изъять.

Вместо заключения. Представленные сюжеты показывают, в какой степени знаковая сущность погребального обряда мотивировала человеческое поведение, за которым скрывалась система взглядов на мир людей андроновской общности. Жизнь после смерти — так можно символически обозначить намеренные проникновения и разрушения погребений, большинство которых могло носить ритуальный характер. Разумеется, все повороты сюжетных линий «прочитать» трудно и порой невозможно. Однако культурно-хронологический континуум андроновских памятников Лисаковской округи в комплексе с константами человеческого поведения по отношению к «миру мертвых» в некоторых случаях позволяет понять семантику того или иного сюжета и смысл совершенного ритуала.

Выготский А. С. 1986. Психология искусства. М.: Искусство.

Дмитриев С. В. 1997. Тема отрубленной головы и политическая структура народов Центральной Азии (обшечазийский контекст) // Ткачук М. Е. (ред.). *Stratum. Структуры и катастрофы: Сб. символической индоевропейской истории.* СПб.; Кишинев: Нестор-история, 212–219.

Иванова Л. А. 1980. Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения // Итс Р. Ф. (ред.). *Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии.* М.: Наука, 117–143.

Лотман Ю. М. 1967. К проблеме типологии культуры // Ученые записки Тартусского ун-та 198, 30–38 (Труды по знаковым системам 3).

Панюшкина И. П. 2013. Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Усманова Э. Р. (ред.). *Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты.* Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd., 196–204.

Смирнов Ю. А. 1997. *Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения.* М.: Восточная литература.

Усманова Э. Р. 2013. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Усманова Э. Р. (ред.). *Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты.* Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd., 19–142.

А. В. Бондаренко

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
АНДРОНОВСКОЙ, ЕЛОВСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУР
ЭПОХИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЛОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА)

Памятник Еловка-II — один из крупнейших могильников Западной Сибири. Наибольшие массивы погребений принадлежали андроновской, еловской и ирменской культурам эпохи бронзы. Многие комплексы имели следы древнего постпогребального проникновения. В статье представлена попытка сопоставления практики нарушения могил вышеназванных культур. Выявлены основные признаки нарушенных погребений: особое внимание к черепу, меньшая степень потревоженности мужских скелетов по сравнению с женскими и детскими. Сравнительный анализ набора погребального инвентаря показал возможное изъятие бронзовых ножей в ходе проникновения в могилу (еловская и ирменская культуры).

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская культура, еловская культура, ирменская культура, погребальный обряд, нарушенные погребения.

A. V. Bondarenko. Disturbed burials in the Bronze Age cultures of Andronovo, Elovka and Irmen, West Siberia (with special reference to the materials of the Elovka II cemetery). Elovka II is one of the biggest burial grounds of West Siberia. Most burials belong to the Andronovo, Elovka and Irmen cultures of the Bronze Age. Many of them show signs of ancient post-burial grave disturbance. The paper compares the practices of grave disturbance in the three cultures mentioned above. In most of the disturbed burials particular attention was paid to the skull, and men's skeletons show a lesser degree of disturbance than those of women and children. The comparative analysis of burial goods gives grounds to suppose that bronze knives might have been among the objects that attracted the grave plunderers first of all (Elovka and Irmen cultures).

Keywords: West Siberia, Bronze Age, Andronovo culture, Elovka culture, Irmen culture, burial rite, disturbed burials.

Еловский II могильник (далее Еловка-II и ЕК-II), находящийся в Кожевниковском районе Томской области РФ, исследовался экспедицией под руководством В. И. Матющенко в 1961–1981 гг. За 20 лет изучены около 450 погребений, датируемых от доандроновского времени (самусьская культура) до раннего железного века. На материалы этого могильника авторами раскопок проецировалась схема преемственности в развитии от самусьской и андроновской к еловской культуре и далее от еловской к ирменской культуре (Матющенко 1974: 136–142, 158; 2004: 357–358). Под андроновской культурой в данном контексте понимается культура, сочетающая фёдоровские и алакульские черты (Матющенко 1973: 42–46; 2004: 356).

Многие погребения могильника были нарушены древними постпогребальными проникновениями: всего 149 (33 %) нарушенных комплексов из 446 могил, сохранность еще 76 (17 %) захоронений не определена. К признакам проникновения относятся разрушение первоначальной стратиграфии и внутренней планиграфии комплекса. Так, в разрезе заполнения могилы могут фиксироваться очертания шурфа проникновения, а при наличии деревянных внутримогильных конструкций встречаются смещения перекрытия и деревянной обкладки камеры. Кости погребенного и погребальный инвентарь могут быть разбросаны по дну могилы, находиться на разных уровнях в заполнении либо частично или полностью изъятые.

В выборку андроновского массива могильника (ЕК-II/2) попали 236 грунтовых погребений, 54 (23 %) из которых нарушены. Сохранность 42 могил (18 %) не была определена, 140 могил (59 %) отнесены к закрытым¹.

Выборку андроновско-еловского массива (ЕК-II/3) составили 10 грунтовых погребений², два (20 %) из которых нарушены постпогребальным проникновением, пять (50 %) не были потревожены. Не была определена сохранность трех могил (30 %).

Еловская культура (ЕК-II/4) представлена материалами 121 погребения, 47 (39 %) из которых нарушены. Сохранность 18 могил (15 %) не была определена, 56 погребений (46 %) остались закрытыми³.

К ирменской культуре (ЕК-II/5) авторами раскопок отнесены 57 погребений, из них 37 (65 %) имеют признаки нарушения, 12 могил (21 %) могут быть названы закрытыми, сохранность еще восьми (14 %) не может быть определена⁴.

Целью работы является сопоставление практики постпогребального проникновения в андроновские, еловские, смешанные андроновско-еловские и ирменские могилы⁵. В задачи входило составление формализованного описания могил разного времени и сохранности, выявление основных признаков практик проникновения, их сходства и особенностей. Часть полученных данных приведена в табл. 1–7. Основные характеристики практики проникновения в могилы перечислены в табл. 1: степень потревоженности скелета, обращение с черепом и поясом нижних конечностей, степень изъятия костей из могилы, нюансы расположения смещенных костей. В таблицах сравнительного анализа инвентарного набора процентные соотношения даются к числу могил той или иной сохранности (табл. 1–7).

Для некоторых погребений не было определено количество захороненных индивидов. Сюда включены могилы без антропологических остатков, а также комплексы, для которых по ряду причин не были сделаны антропологические заключения, например, содержавшие единичные кости и большинство кремаций. Поэтому в таблице сравнительной характеристики практики проникновения в могилы показатели считаются от «синтетических» чисел, полученных соединением числа описанных авторами раскопок погребений с данными антропологического анализа — отсюда показатель не совпадает с количеством могил и индивидов. Число тех или иных частей скелета также может быть разным, поскольку не всегда словесное описание, фото и рисунок погребения дают возможность определить все кости. Например, затруднительно выделить нижнюю челюсть, когда череп полностью фрагментирован. Возможно, именно поэтому показатель изъятия нижней челюсти в детских погребениях, где черепа чаще плохой сохранности, насчитывает в разных культурах от 57 % до 80 %.

Отнесение комплексов к той или иной культуре (Матющенко 2004: 13) в перспективе может быть пересмотрено, однако в контексте данной работы были интересны именно общие тенденции смены «приоритетов» постпогребальной практики обращения к останкам. Стоит отметить и сложность в определении сохранности могил и скелетов. Как показывает опыт, даже целенаправленное полевое изучение могил с «некомплектными скелетами» дает не точные определения, а лишь возможные варианты интерпретации подобных могил (Ражев и др. 2005: 150–151). Многие изменения скелета могут возникать как в ходе проведения цикла погребальных обрядов (различные расчленения и выставления), так и под самыми разными постдепозиционными воздействиями, куда входят особенности условий скелетирования (наличие одежды и свободной от грунта камеры, влажность и химический состав почв), норная деятельность животных, различные практики обращения к уже захороненным останкам.

¹ В случае индивидов показатель с учетом коллективных захоронений равен 246 — для всего массива и 63 — для нарушенных.

² Могилы 165 и 166 учтены как один комплекс (см. Матющенко 2004: 175–176).

³ В случае индивидов показатель с учетом коллективных захоронений равен 126 — для всего массива и 52 — для нарушенных.

⁴ В случае индивидов показатель с учетом коллективных захоронений равен 58 — для всего массива и 38 — для нарушенных.

⁵ Помимо публикаций использовались архивные материалы (Матющенко 1968; Матющенко, Чиндина 1969).

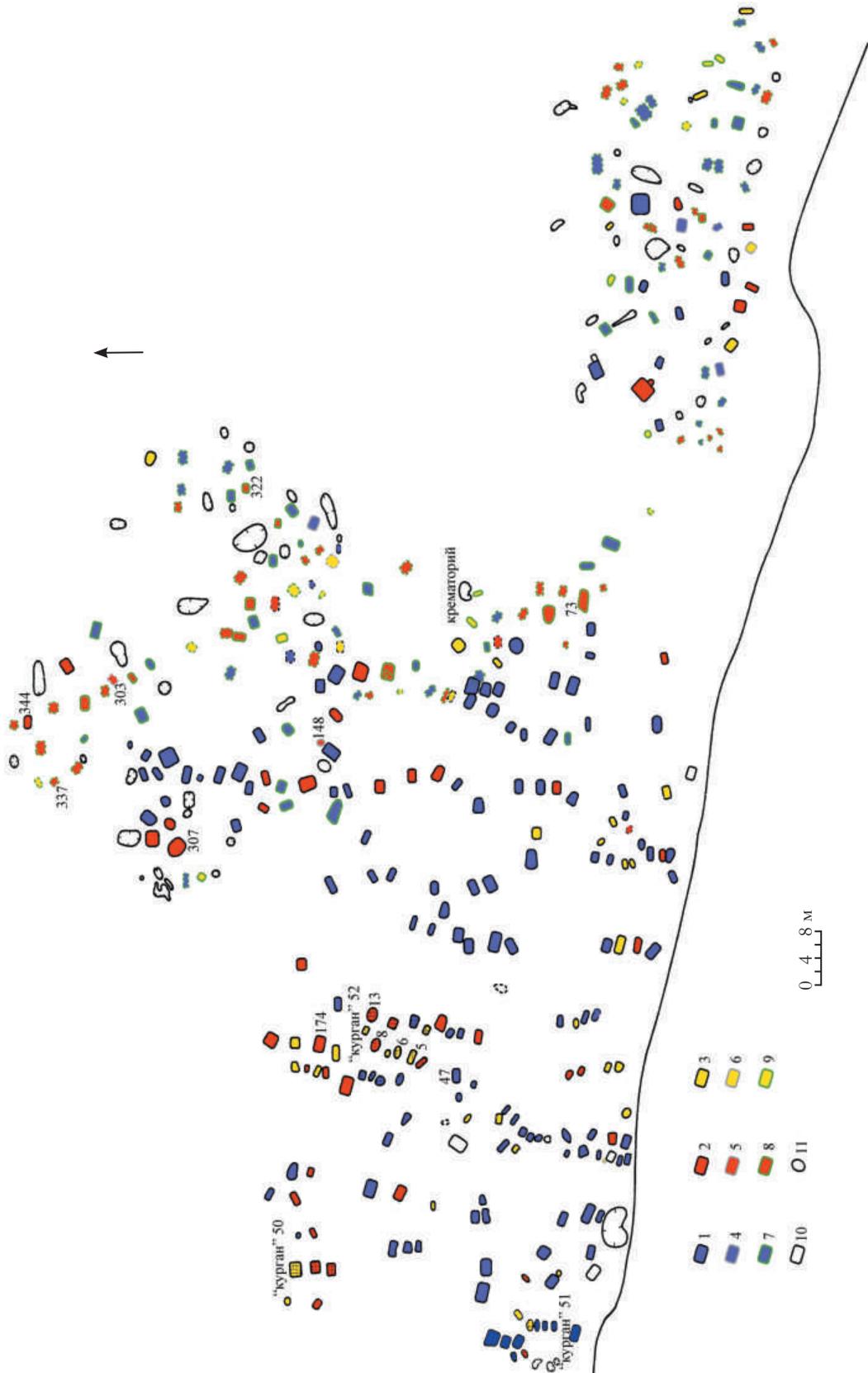

Рис. 1. Центральная и северо-восточная части раскопа Еловского II могильника (по Матюшенко 2004: 8–9, рис. 3а–3б). 1–3 — погребения андроновской культуры (1 — не потревоженное, 2 — нарушенное, 3 — сохранность погребения не ясна); 4–6 — андроновско-еловские погребения (4 — не потревоженное,

5 — нарушенное, 6 — сохранность погребения не ясна); 7–9 — погребения елунинской культуры (7 — непо потревоженное, 8 — нарушенное, 9 — сохранность погребения не ясна); 10 — погребение самусьской культуры или раннего железного века; 11 — яма

Fig. 1. Central and northeastern part of the excavation at the burial ground of Elovka II (after Матющенко 2004: 8–9, fig. 3a–3b). 1–3 — burials of the Andronovo culture (1 — undisturbed, 2 — disturbed, 3 — integrity of the burial is not clear); 4–6 — Andronovo-Elovka burials (4 — undisturbed, 5 — disturbed, 6 — integrity of the burial is not clear); 7–9 — burials of the Elunino culture (7 — undisturbed, 8 — disturbed, 9 — integrity of the burial is not clear); 10 — burial of the Samus culture (Early Iron Age); 11 — pit

Таблица 1. Сравнительная характеристика практики проникновения в могилы андроновской, еловской и ирменской культур эпохи бронзы могильника Еловка-II

Table 1. Comparison of the practices of grave disturbance documented for the Bronze Age burials of the Andronovo, Elovka and Irmen cultures in the cemetery of Elovka-II

Параметры сравнения	Андроновская культура	Андроновско-еловские комплексы	Еловская культура	Ирменская культура
Объем выборки	63 (100 %)	2 (100 %)	52 (100 %)	38 (100 %)
Череп или его фрагменты				
<i>In situ</i>	38 (60 %)	—	19 (36 %)	8 (21 %)
Смещен и оставлен в могиле	15 (24 %)	1 (50 %)	16 (31 %)	20 (53 %)
Изъят	10 (16 %)	1 (50 %)	17 (33 %)	11 (29 %)
Нижняя челюсть				
<i>In situ</i>	21 (33 %)	—	12 (23 %)	2 (5 %)
Смещена и оставлена в могиле	8 (13 %)	1 (50 %)	6 (11 %)	9 (24 %)
Изъята	34 (54 %)	1 (50 %)	34 (65 %)	27 (71 %)
Обращение с посткраниальным скелетом				
Кости ног или их часть <i>in situ</i>	43 (68 %)	1 (50 %)	20 (38 %)	27 (71 %)
Ноги смещены, верхняя часть тела или отдельные ее кости <i>in situ</i>	7 (11 %)	—	8 (15 %)	2 (5 %)
Все кости смещены	12 (19 %)	1 (50 %)	21 (40 %)	8 (21 %)
Обращение со смещенными останками				
Оставлены в яме полностью или частично	50 (79 %)	2 (100 %)	43 (83 %)	34 (89 %)
Все кости изъятые (пустая яма)	4 (6 %)	—	4 (8 %)	—
Оставлены скоплением	7 (11 %)	1 (50 %)	8 (15 %)	12 (31 %)
Сочленения смещенных костей	2 (3 %)	1 (50 %)	—	2 (5 %)

Доирменская часть могильника была бескурганной⁶ (рис. 1). Погребения располагались рядами от 5–6 до 8–10 могил. Северо-восточная часть могильника осваивалась хаотически, без выделения четких рядов. Западная и центральная части некрополя были андроновскими, к В и СВ нарастает число захоронений еловской культуры. На могильнике не зафиксировано случаев перерезания еловскими комплексами самусьских и андроновских могил, что может свидетельствовать о небольшом временном разрыве в их сооружении. Случаи встраивания еловских погребений в ряды андроновских могил, по мнению авторов раскопок, указывает на сосуществование этих двух культур (Матющенко 2004: 327).

⁶ Первоначально вместе с ирменскими и поздними курганами на андроновско-еловской части могильника были учтены как насыпи естественные неровности террасы. После обнаружения ошибки нумерация погребальных комплексов не менялась, но слово «курган» в случае доирменских могил берется в кавчки.

Таблица 2. Сравнительная характеристика нарушенных детских, мужских и женских скелетов в андроновском, еловском и ирменском массивах могильника Еловка-II

Table 2. Comparison of the disturbed children, men and women skeletons from the Andronovo, Elovka and Irmen burials of the cemetery of Elovka-II

Признак	Дети, количество индивидов			Мужчины, количество индивидов			Женщины, количество индивидов		
	ЕК-II/2, 21 100 %	ЕК-II/4, 7 100 %	ЕК-II/5, 5 100 %	ЕК-II/2, 21 100 %	ЕК-II/4, 8 100 %	ЕК-II/5, 12 100 %	ЕК-II/2, 9 100 %	ЕК-II/4, 18 100 %	ЕК-II/5, 2 100 %
Череп или его фрагменты									
<i>In situ</i>	15 (71 %)	8 (47 %)	2 (40 %)	15 (71 %)	5 (62 %)	4 (33 %)	7 (78 %)	5 (28 %)	—
Смещен	4 (19 %)	4 (23 %)	2 (40 %)	7 (33 %)	2 (25 %)	8 (67 %)	2 (22 %)	9 (50 %)	1 (50 %)
Изъят	2 (9 %)	5 (29 %)	1 (20 %)	—	1 (12 %)	—	—	4 (22 %)	1 (50 %)
Нижняя челюсть									
<i>In situ</i>	5 (24 %)	4 (23 %)	—	12 (57 %)	4 (50 %)	1 (8 %)	5 (55 %)	4 (22 %)	—
Смещена	4 (19 %)	1 (6 %)	1 (20 %)	3 (14 %)	—	3 (25 %)	1 (11 %)	4 (22 %)	—
Изъята	12 (57 %)	12 (70 %)	4 (80 %)	6 (28 %)	4 (50 %)	8 (67 %)	3 (33 %)	10 (55 %)	2 (100 %)
Обращение с посткраниальным скелетом									
Кости ног или их часть <i>in situ</i>	13 (62 %)	4 (23 %)	1 (20 %)	20 (95 %)	5 (62 %)	10 (83 %)	8 (89 %)	11 (61 %)	2 (100 %)
Ноги смещены, верхняя часть тела или отдельные ее кости <i>in situ</i>	5 (24 %)	4 (23 %)	2 (40 %) (черепа)	2 (9 %)	1 (12 %)	—	—	1 (5 %)	—
Все кости смещены	2 (9,5 %)	9 (53 %)	2 (40 %)	—	1 (12,5 %)	2 (17 %)	1 (11 %)	4 (22 %)	—
Обращение со смещенными останками									
Оставлены в яме	16 (76 %)	14 (82 %)	4 (80 %)	18 (86 %)	6 (75 %)	11 (92 %)	8 (89 %)	18 (100 %)	2 (100 %)
Оставлены скоплением	3 (14 %)	—	1 (20 %)	3 (14 %)	2 (25 %)	3 (25 %)	—	3 (17 %)	—

Погребальный обряд носителей андроновской и еловской культур имеет сходство в ориентации могильных сооружений (СВ–ЮЗ или СВВ–ЮЗЗ), позе погребенного (скорченно на левом боку, головой на ЮЗ и на ЮЗЗ), набору инвентаря и особенностям его расположения в комплексах. Основные различия наблюдаются в глубинах захоронений и керамическом комплексе (Там же: 329).

Как показывает опыт работы с грунтовыми могильниками, крайне сложно найти какие-либо признаки погребальной практики, которые выделяли бы нарушенные комплексы из основного массива захоронений (Бондаренко, Грушин 2012: 179–180). Группы закрытых и потревоженных комплексов, как правило, вполне соотносятся между собой по размерам и глубинам могильных ям, а также по особенностям внутримогильных сооружений. Встречаются редкие, но объяснимые исключения. Например, аморфную форму имели шесть потревоженных могильных ям андроновской культуры (11 % от числа нарушенных) и только три непотревоженных (2 % от общего числа закрытых могил). Скорее

Таблица 3. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях андроновской культуры на могильнике Еловка-II

Table 3. Frequency of different types of burial goods in the disturbed and intact burials of the Andronovo culture from the cemetery of Elovka-II

Категория инвентаря	Общее количество находок	Закрытый комплекс	Потревоженный комплекс
	236 могил, 100 %	140 могил, 100 %	54 могилы, 100 %
Наличие инвентаря	210 (89 %)	124 (89 %)	48 (89 %)
Керамический сосуд	126 (53 %)	74 (53 %)	34 (63 %)
Фрагменты керамики	25 (11 %)	11 (8 %)	10 (19 %)
Изделие из бронзы:	169 (72 %)	105 (75 %)	34 (63 %)
нож	37 (16 %)	21 (15 %)	12 (22 %)
височное кольцо	70 (30 %)	50 (36 %)	10 (19 %)
браслет	5 (2 %)	4 (3 %)	1 (2 %)
кольцо	16 (7 %)	10 (7 %)	4 (7 %)
бляшка	93 (39 %)	60 (43 %)	18 (33 %)
шило, игла	22 (9 %)	18 (13 %)	1 (2 %)
бронзовый наконечник	4 (2 %)	2 (1 %)	—
бронзовые изделия на черепе или рядом	103 (44 %)	71 (51 %)	16 (30 %)
Изделие из кости:	40 (17 %)	24 (17 %)	7 (13 %)
костяной наконечник	8 (3 %)	4 (3 %)	2 (4 %)
проколка, игла	4 (2 %)	4 (3 %)	—
Изделие из камня:	5 (2 %)	2 (1 %)	3 (6 %)
каменный наконечник	1 (0,5 %)	—	1 (2 %)
Астрагал	32 (14 %)	20 (14 %)	8 (15 %)
Лошадиная бабка	18 (8 %)	8 (6 %)	5 (9 %)
Кости животных	22 (9 %)	11 (8 %)	5 (9 %)

всего, такие различия возникли из-за разрушения первоначальных границ могильной ямы в ходе проникновения.

В изучении потревоженных комплексов особый интерес представляют постмортальные расчленения, выставления с последующим захоронением скелетированных останков и кремация. Одной из основных идей всех перечисленных практик является разделение останков умершего, разрушение их антропологической целостности, а, значит, и окончательное умерщвление: «... в рамках предельно конкретного, сугубо физического, предметно-чувственного восприятия мира, характерного для первобытного сознания, убить, т. е. лишить сущности, можно лишь, разъяв тело чисто физически на части, клочья, куски... Покойник часто не считался окончательно мертвым до тех пор, пока не был окончательно расчленен, т. е. пока не была нарушена физическая целостность его тела» (Евсюков 1988: 45).

Наличие в доирменских материалах Еловки-II вторичных захоронений отмечалось авторами раскопок: «В некоторых случаях это погребение, в котором нет никаких следов его позднего нарушения, при полном наличии костяка, но в таком хаотическом положении, что становится ясным: останки умершего были положены уже после того как сухожильные связки полностью были разрушены» (Матющенко 2004: 338). В ходе раскопок к вторичным относили случаи компактного расположения останков в анатомическом порядке и «разбросанных в самых невероятных положениях» скелетов без признаков проникновения в могилу (Там же). К сожалению, авторы не заостряли свое внимание на этом вопросе в описательной части публикации, поэтому сложно дать их количественную оценку.

Таблица 4. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых андроновско-еловских погребениях на могильнике Еловка-II

Table 4. Frequency of different types of burial goods in the disturbed and intact Andronovo-Elovka burials from the cemetery of Elovka-II

Категория инвентаря	Общее количество находок	Закрытый комплекс	Потревоженный комплекс
	10 могил, 100 %	5 могил, 100 %	2 могилы, 100 %
Наличие инвентаря	10 (100 %)	5 (100 %)	2 (100 %)
Керамический сосуд	6 (60 %)	4 (80 %)	1 (50 %)
Изделие из бронзы:	7 (70 %)	3 (60 %)	2 (100 %)
нож	1 (10 %)	1 (20 %)	—
височное кольцо	3 (30 %)	1 (20 %)	—
бляшка	2 (20 %)	1 (20 %)	—
бронзовые изделия на черепе или рядом	4 (40 %)	3 (60 %)	—
Проколка, игла костяная	1 (10 %)	1 (20 %)	—
Лошадиная бабка	1 (10 %)	1 (20 %)	—

Анализ имеющихся иллюстративных и текстовых материалов позволил выявить шесть вторичных захоронений (около 10 индивидов) андроновской культуры. Еще в 10 могилах оказались погребены кремированные останки, что составило 4 % от общего числа андроновских захоронений. Погребенный из могилы 344 был частично кремирован на стороне и потревожен спустя какое-то время после погребения: кости образовывали два скопления, а инвентарь оказался разбросан по дну ямы. На могильнике имелось три биритуальных захоронения андроновской культуры, одно — потревожено.

Особый интерес представляет проникновение в коллективные погребения. Здесь важны два основных аспекта: 1) соотношение закрытых и потревоженных коллективных погребений; 2) сохранность первоначального положения отдельных индивидов в коллективных нарушенных погребениях.

В андроновской части могильника количества нарушенных и закрытых парных погребений и захоронений четырех индивидов вполне соотносимы между собой. Оба захоронения, содержавшие останки четырех индивидов, были потревожены. В парном погр. 174 проникновением потревожен один скелет из двух, а в могиле 307 смещены кости первого погребенного при подзахоронении кремированных останков второго. В других коллективных нарушенных могилах в той или иной степени потревожены скелеты всех погребенных.

На могильнике Еловка-II выделено 26 ям (10 андроновских, одна андроновско-еловская, 15 еловских), которые не содержали антропологических остатков, но по размерам и планиграфическому положению отнесены авторами раскопок к погребениям. Восемь ям (по четыре андроновских и еловских) из 26 определены нами как нарушенные погребения. Одни названы ограбленными авторами раскопок, другие содержали разбросанный по дну или заполнению инвентарь или его фрагменты. Остальные 18 ям остались с пометкой «сохранность не ясна». Возможно, все эти ямы могли быть кенотафами или поминальными сооружениями. Таким образом, предположительно, в четырех (7%) андроновских могилах из 54 были смещены и изъяты все кости погребенного.

У восьми⁷ (13%) погребенных не сохранилось костей *in situ*, в могиле оставлены единичные кости: фрагменты черепов, ребра, некоторые длинные или мелкие кости, которые не удалось определить по фотографиям, планам могил и описаниям.

⁷ Здесь и далее, когда речь идет об особенностях постпогребальной практики, за 100 % берется оговоренный выше «синтетический показатель», который равен для андроновской культуры 63, для еловской — 52, для ирменской — 38. Инвентарь считается для количества могил.

Таблица 5. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях еловской культуры на могильнике Еловка-II

Table 5. Frequency of different types of burial goods in the disturbed and intact burials of the Elovka culture from the cemetery of Elovka-II

Категория инвентаря	Общее количество находок	Закрытый комплекс	Потревоженный комплекс
	121 могила, 100 %	56 могил, 100 %	47 могил, 100 %
Наличие инвентаря	114 (94 %)	55 (98 %)	44 (94 %)
Керамический сосуд	97 (80 %)	46 (82 %)	40 (85 %)
Фрагменты керамики	23 (19 %)	15 (27 %)	9 (19 %)
Изделие из бронзы:	71 (59 %)	43 (77 %)	23 (49 %)
нож	25 (21 %)	17 (30 %)	7 (15 %)
височное кольцо	11 (9 %)	7 (12 %)	4 (8 %)
браслет	6 (5 %)	4 (7 %)	2 (4 %)
бронзовое кольцо	9 (7 %)	6 (11 %)	3 (6 %)
бляшка	21 (17 %)	13 (23 %)	7 (15 %)
шило, игла	13 (11 %)	6 (11 %)	5 (11 %)
бронзовый наконечник	3 (3 %)	1 (2 %)	2 (4 %)
бронзовые изделия на черепе или рядом	31 (26 %)	20 (36 %)	9 (19 %)
Изделие из кости:	5 (4 %)	4 (7 %)	—
костяной наконечник	1 (1 %)	1 (2 %)	—
проколка, игла	2 (2 %)	1 (2 %)	—
Изделие из камня:	6 (5 %)	3 (5 %)	3 (6 %)
каменный наконечник	1 (1 %)	—	1 (2 %)
Астрагал	2 (2 %)	1 (2 %)	—
Лошадиная бабка	9 (7 %)	4 (7 %)	5 (11 %)
Кости животных	8 (7 %)	3 (5 %)	4 (8 %)

Рассмотрим степень смещения отдельных частей скелетов⁸ (табл. 1). Черепа перемещались в 25 (40 %) случаев, 15 из них были оставлены в могиле, 10 полностью изъяты. Судя по всему, особого внимания смещенному черепу не уделялось. Он мог быть оставлен в области таза или за спиной погребенного, в нескольких случаях был повернут или перевернут прямо на месте своего первоначального положения. В 38 (60 %) случаев проникновения череп погребенного лежал на своем первоначальном месте. Нужно отметить, что этот показатель очень высок и совсем не вписывается в концепцию «андроновцев — охотников за черепами», высказанную на материалах Лисаковского I могильника (Усманова 2003). Видимо, эти различия определены культурным контекстом: основная часть трупоположений на Лисаковском I относится к алакульскому населению, а Еловку-II традиционно связывают со смешанным алакульско-фёдоровским населением. Только два (3 %) нарушенных погребения андроновской части могильника Еловка-II могут быть отнесены к числу направленных проникновений к голове умершего, когда смещаются исключительно череп и некоторые близлежащие кости (в одной могиле — мужчина, во второй — не сделаны половозрастные определения).

У 17 (27 %) погребенных полностью сохранилась левая рука, у 11 — правая, в девяти (14 %) случаях — обе. Отсутствие *in situ* каких-либо частей обеих рук (28 случаев, 44 %), как правило, маркирует почти полное разрушение скелета и очень часто — изъятие большей части останков. Лишь в четырех

⁸ В статистику не включен неповрежденный скелет из погр. 174 и подзахороненная кремация из погр. 307.

Таблица 6. Встречаемость разных типов инвентаря в нарушенных и закрытых погребениях ирменской культуры на могильнике Еловка-II

Table 6. Frequency of different types of burial goods in the disturbed and intact burials of the Irmen culture from the cemetery of Elovka-II

Категория инвентаря	Общее количество находок	Закрытый комплекс	Потревоженный комплекс
	57 могил, 100 %	12 могилы, 100 %	37 могил, 100 %
Наличие инвентаря	35 (61 %)	7 (58 %)	23 (62 %)
Керамический сосуд	25 (44 %)	4 (33 %)	18 (49 %)
Фрагменты керамики	7 (12 %)	2 (17 %)	4 (11 %)
Изделия из бронзы:	19 (33 %)	4 (33 %)	13 (35 %)
нож	7 (12 %)	3 (25 %)	3 (8 %)
височное кольцо	4 (7 %)	3 (25 %)	—
браслет	2 (3 %)	—	2 (5 %)
бронзовое кольцо	17 (30 %)	10 (83 %)	5 (14 %)
бляшка	3 (5 %)	—	2 (5 %)
бронзовые изделия на черепе или рядом	9 (16 %)	2 (17 %)	6 (16 %)
Кости животных	8 (14 %)	1 (8 %)	6 (16 %)

случаях были потревожены кости рук с относительным сохранением целостности других частей скелета. В могиле 2 «кургана» 49 смещены кости правой руки ниже локтя с полным сохранением антропологической целостности всего скелета.

В 31 (49 %) случае сохранились *in situ* какие-то части грудной клетки. У 15 погребенных ребра и позвонки были на своем месте полностью или почти полностью. В 19 (30 %) могилах не зафиксированы какие-либо части грудной клетки. Вероятно, кроме высокого процента изъятия костей в ходе проникновения, это может быть связано с плохой сохранностью ряда скелетов и трудностями определения ребер и позвонков по чертежам. Следует отметить, что в 10 из этих 19 могил либо не было каких-либо костей, либо отсутствовали останки *in situ*, а несмещенные части представлены единичными костями.

Чаще других частей тела первоначальное положение сохраняли кости ног. У 43 (68 %) погребенных сохранились *in situ* части нижних конечностей, в 19 (30 %) случаях — весь пояс нижних конечностей (таз, ноги). Шесть (9 %) погребений могут быть названы направленными проникновениями к ногам умершего: они характеризуются частичным или полным смещением конечностей (в двух могилах — вместе с тазом).

Как показывает анализ половозрастных особенностей практики нарушения могил в андроновском массиве памятника (ЕК-II/2), погребения взрослых мужчин характеризуются наименьшей степенью потревоженности скелета и отсутствием изъятия черепа (табл. 2).

Отметим, что взрослые составили 133 индивида (54 %) общей выборки и 27 (41 %) от количества потревоженных. Детями были 88 (36 %) от общего числа захороненных на могильнике индивидов (предположительно 246), а число детей от общего количества нарушенных — 21 (33 %)⁹. Это важный и интересный показатель, поскольку распространено мнение о крайней «опасности» детей и, как следствие, «обезвреживании» их могил. Можно вспомнить несколько примеров, в частности, в православной традиции некрещенные младенцы чаще других могли стать «непритомниками» (см. Зеленин 1995: 72), а многие сибирские этносы, подозревая за покойным возможные вредные способности, изменяли для него погребальный обряд, что не всегда фиксируется археологически (Алексеев 1980: 183; Дьяконова 1975: 112; Кисель 2009: 22; Семёнова 2008: 81). Правильно «отправленный» покойник не может стать «непритомником».

⁹ Степень потревоженности почти 30 % детских скелетов не может быть достоверно определена. В большинстве случаев эта ситуация вызвана плохой сохранностью скелета и сложностью в определении нарушений могил животными.

Таблица 7. Сравнительная характеристика погребального и постпогребального обрядов разных групп ирменских курганов могильника Еловка-II

Table 7. Comparison of burial and post-burial rites in different groups of the Irmen barrows at the cemetery of Elovka-II

	Кремация	Имеется инвентарь	Керамический сосуд	Бронза	Дети	Мужчины	Женщины
Лесная группа							
Всего 29, 100 %	5, 17 %	21, 72 %	18, 62 %	9, 31 %	5, 17 %	11, 38 %	1, 3 %
Закрыт 5, 100 %	5, 100 %	4, 80 %	3, 60 %	2, 40 %	1, 20 %	—	—
Нарушен 18, 100 %	—	14, 78 %	13, 72 %	6, 33 %	2, 11 %	9, 50 %	1, 5 %
Юго-восточная группа							
Всего 15, 100 %	3, 20 %	8, 53 %	4, 27 %	5, 33 %	4, 27 %	2, 13 %	2, 13 %
Закрыт 3, 100 %	1, 33 %	3, 100 %	—	1, 33 %	2, 67 %	—	1, 33 %
Нарушен 11, 100 %	2, 18 %	6, 45 %	3, 27 %	4, 36 %	2, 18 %	2, 18 %	
Юго-западная группа							
Всего 13, 100 %	5, 38 %	5, 38 %	2, 15 %	4, 31 %	1, 8 %	2, 15 %	1, 8 %
Закрыт 3, 100 %	2, 67 %	1, 33 %	—	—	—	—	—
Нарушен 9, 100 %	3, 33 %	4, 44 %	2, 22 %	3, 33 %	1, 11 %	1, 11 %	1, 11 %

Проникновение происходило после полного скелетирования останков. Только в двух могилах из выборки (Еловка-II) смещенные кости имели сочленения. В обоих случаях это кости ног. Смещенные останки чаще всего располагались беспорядочно на дне могилы. В девяти погребениях (17 %) части скелета или инвентарь найдены в заполнении ямы, в семи могилах (11 %) потревоженные кости образовывали скопления.

Одним из самых важных вопросов в изучении нарушенных погребений является сравнительный анализ набора инвентаря комплексов разной сохранности. Основные вычисления по андроновской культуре приведены в табл. 3, где выделены показатели, по которым наблюдаются отличия.

В нарушенных комплексах андроновской части могильника Еловка-II найдено на 10 % больше керамических сосудов, чем в закрытых могилах. Это отличие усиливается значительно большим числом потревоженных могил, в которых найдены фрагменты керамики. Таким образом, какое-то количество сосудов могло быть разбито в ходе проникновения. Сложно сказать, о чем могут свидетельствовать эти наблюдения. Можно предположить, что проникновения совершались в могилы с заведомо большим количеством инвентаря. Однако другие «нейтральные» показатели стабильны для обеих групп погребений: закрытые и нарушенные могилы содержали примерно одинаковое число изделий из кости и камня.

Особое внимание привлекают изделия из бронзы. В потревоженных могилах оказалось меньше металлических украшений. Подсчеты показывают, что в 51 % закрытых комплексов украшения из бронзы располагались рядом с головой покойного (70 % всей бронзы). Для нарушенных погребений показатель снизился до 30 %. Причем в большинстве случаев — это ямы, в которых череп остался на своем первоначальном месте, близко к нему или в пределах ямы. Видимо, в остальных 20 % случаев височные кольца и бляшки могли изыматься вместе с головой или черепом погребенного во время проникновения. Сложно сказать, снимались ли украшения специально (для этого и производилось вскрытие могилы?) или случайно попадали на поверхность, а потом разрушались.

Крайне интересными оказались наблюдения относительно состава орудийного комплекса. Так, потревоженные могилы демонстрируют на 7 % больше бронзовых ножей, чем закрытые. И, наоборот, в закрытых могилах на 11 % больше бронзовых шильев и игл. С точки зрения грабителей особую ценность должны представлять металлоемкие изделия, чего не скажешь об иглах.

В изучении нарушенных погребений одним из наиболее частых и актуальных вопросов является ограбление как цель вскрытия могилы. Авторы раскопок приводят погр. 8 «кург.» 52 как пример грабежа (Матющенко 2004: 338). У погребенного отсутствовали позвонки и ребра, кости таза оказались в материковом дне. В могиле были найдены два сосуда, три альчика, бронзовая нашивка, бронзовое несомкнутое кольцо, бронзовый кинжал и костяной наконечник. В этой ситуации трудно представить себе категорию инвентаря, которая могла быть изъята «грабителями». Не исключено, здесь мы имеем дело со следами норной деятельности животных, о чем было упомянуто и авторами раскопок (Там же: 37).

Однако необходимо отметить возможные случаи «прагматического» проникновения. Так, на дне могилы 12 «кург.» 52 скелет плохой сохранности лежал скорченно на левом боку, часть костей отсутствовала (рис. 2: 1). На лбу погребенной найдена бронзовая бляшка, на нижней челюсти и в области шеи — два височных кольца. Шейные позвонки частично отсутствовали, частично смещены к локтям. Можно было предположить, что погребение не было первичным (поэтому кости частично истлели), а шейные позвонки потревожены мелким животным. Однако в соседнем погр. 13 была зафиксирована схожая ситуация. Скелет лежал скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Шейные позвонки были смещены, лежали на костях рук и рядом с ними. Нижняя челюсть находилась на правой плечевой кости, зубами вниз, ветвями к погребенному (рис. 2: 2). Сходное положение позвонков в обеих могилах наталкивает на мысль об изъятии из этих могил чего-то, что могло носиться на шее или рядом с ней. Исходя из того, что оба скелета были женскими, можно предположить изъятие нагрудных или нагрудных украшений, находки которых известны в погребениях этого некрополя. Например, в женском погр. 47 кроме всего прочего найден комплекс из 40 бронзовых бляшек, которые образовывали три ряда на груди умершей (Там же: 68–70). В детском погребении 230 зафиксировано бронзовое ожерелье из витых бус, квадратных накладок, обоймочек и бляшек (рис. 2: 3, 4).

Интересно, что могилы 12 и 14 попали в «разрез» «кург.» 52, однако не удалось зафиксировать проникновения стратиграфически (НОА ИА РАН, р-1, д. 3451, л. 18). Таким образом, эти два примера можно рассматривать как преднамеренное проникновение в могилу в целях изъятия ценного предмета, хотя это мог быть не грабеж, а, например, возвращение роду ценного украшения (см. Сага о Греттире 1976: 31). Однако здесь важен ситуационный контекст. Могилы 5 (мужчина) и 6 (ребенок) «кург.» 52 расположены в соседнем ряду, чуть смещены к Ю от описанных выше погр. 12 и 13. Оба погребенных лежали на правом боку. У индивида из могилы 5 отсутствовали кисти рук, нижние ребра и поясничные позвонки (Матющенко 2004: рис. 34). У погребенного из могилы 6 не зафиксированы кисти рук, стопы, поясничные позвонки и кости таза (Там же: рис. 35: 1). Захоронения могут быть как вторичными, так и потревоженными с изъятием отдельных костей. В случае проникновения особый интерес, видимо, был направлен к животу или чему-то, что размещалось в области пояса. В таком случае немалое удивление вызывает оставленный на месте бронзовый нож длиной около 14 см, лежавший у колен ребенка, и фрагменты достаточно редкой для этой территории яшмы, лежавшие у бедра погребенного.

Среди андроновско-еловских захоронений не выделены вторичные погребения и кремации. Каждая из 10 могил содержала по одному индивиду. Два погребения были нарушены древним проникновением. Поскольку выборка невелика, сложно говорить о каких-либо закономерностях в обращении с костями погребенного и инвентарем в ходе проникновения в могилу (табл. 1; 4).

В могиле 148 проникновением был разрушен весь скелет, большинство костей изъятые. В яме оставались несколько позвонков, фрагмент таза, бедренная кость и одна из костей предплечья. Инвентарь представлен двумя сосудами и окислами бронзы в заполнении могилы, под костями таза и в северной части (Там же: 174–175). Позвонки лежали в сочленении, что может указывать на сравнительно небольшой промежуток времени между первоначальной засыпкой могилы и проникновением в нее. В могиле 303 частично сохранили первоначальное положение кости ног. Остальные

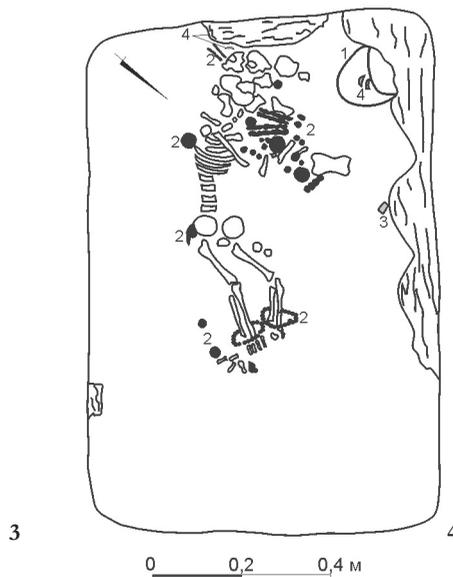

Рис. 2. Еловский II могильник. 1 — план погребения 12 «кургана» 52 (по Матющенко 2004: рис. 41: 1); 2 — погребение 13 «кургана» 52, фото, деталь (НОА ИА РАН, р-1. д. 34516, фото 49); 3 — погребение 47, фото, деталь (НОА ИА РАН, р-1, д. 3682в, фото 52); 4 — план погребения 230 (по Матющенко 2004: рис. 219: 1): 1 — керамический сосуд, 2 — бронза, 3 — фаланга, 4 — клык животного

Fig 2. Burial ground Elovka II. 1 — «barrow» 52, plan of burial 12 (after Матющенко 2004: fig. 41: 1); 2 — burial 13 of «barrow» 52, photo, detail (Archive of the Institute of Archaeology RAS, R-1, D. 34516, Photo 49); 3 — burial 47, photo, detail (Archive of the Institute of Archaeology RAS, R-1, D. 3682в, Photo 52); 4 — plan of burial 230 (after Матющенко 2004: fig. 219: 1): 1 — ceramic vessel, 2 — bronze, 3 — phalanx, 4 — animal canine

части скелета, в том числе череп, были разбросаны беспорядочно по площади одного квадратного метра. Среди них найдено 12 изделий из бронзы: бусины, подвески, пуговица, отдельные фрагменты (Там же: 180).

В еловской части могильника выделены четыре вторичных захоронения (семь индивидов). Группы погребений было шесть (5 % от общего числа комплексов). На дне могилы 73 размещались три разбитых сосуда и фрагменты костей. Судя по авторской отметке, кости были обожженными (Там же: табл. 2). В верхней части заполнения ямы был уложен череп в сочленении с нижней челюстью и стоял сосуд. Судя по плану погребения, северная стенка могилы была несколько повреждена при проникновении (Там же: 182, рис. 272: 1). Нижний ярус погребения был потревожен (случайно или специально), а сверху захоронены останки второго умершего. Таким образом, погребение оказалось парным, биритуальным с нарушением анатомической целостности обоих скелетов: одного — в ходе кремации, второго — в ходе первой части обряда погребения.

Всего же в еловской части некрополя описаны пять коллективных погребений. Все они потревожены в древности. Одно из этих захоронений содержало останки троих умерших.

Предположительно, в четыре могилы из 47 (8 %) было совершено проникновение с полным изъятием антропологических остатков. Еще у 17 (33 %) погребенных еловской культуры полностью нарушен антропологический порядок скелета. В 12 (23%) из них сохранилось лишь незначительное количество смещенных костей.

Практика нарушения могил еловской культуры несколько отличается от андроновской (табл. 1). В еловское время значительно увеличивается интерес к черепу. Череп оказался смещен в 33 случаях (63,5 %). В трех могилах он был установлен на теменную часть, большим черепным отверстием вверх (в андроновском массиве один случай), в двух погребениях — на основание (в андроновских — один). В могиле 322 фрагменты потревоженного черепа лежали в заполнении и оказались внутренней частью черепной коробки вверх. В погр. 337 крупные фрагменты черепной коробки, судя по фотографии, были сложены сверху на самый большой обломок. В 17 (33 %) могилах череп был изъят в ходе проникновения.

У трех (58 %) погребенных полностью сохранилась левая рука, у трех — правая и в двух случаях — обе. В 46 (88 %) еловских могил не сохранились *in situ* кости грудной клетки. Наличие в могиле смещенных ребер и позвонков было отмечено лишь в 10 могилах (19 %). В 38 могилах (73 %) не было найдено каких-либо костей грудной клетки, что на 43 % выше показателей для нарушенных погребений андроновской культуры.

У 17 (33 %) еловских погребенных сохранились на месте некоторые кости ног. Только у двух (4 %) — кости таза и обеих ног. На могильнике не зафиксировано ни одного направленного проникновения к костям ног или голове. Таким образом, в погребениях еловской культуры комплектность скелетов гораздо ниже, чем в андроновской. В большинстве случаев кости оставались хаотично на дне, в восьми могилах (15 %) зафиксированы скопления.

Детские захоронения составили 35 (28 %) от общего числа индивидов и 17 (33 %) — от нарушенных погребений. Взрослые определены для общей выборки в 60 (48 %) случаях, 26 (50 %) нарушенных индивидов. Нужно отметить, что половозрастные определения сделаны для большего числа потревоженных погребений, чем закрытых комплексов (в андроновском массиве ситуация обратная и, видимо, полнее отражает реальную картину).

Сравнение показателей половозрастных особенностей практики нарушения могил в еловском массиве памятника (ЕК-II/4) с андроновской культурой показывает общее увеличение степени разрушения антропологической целостности скелета и традиционно высокую (хотя и ниже, чем в андроновских погребениях) степень сохранности мужских скелетов (табл. 2).

Видимо, почти во всех погребениях вскрытие могилы происходило на стадии полного скелетирования трупа: нами не зафиксировано смещения костей в сочленениях. В заполнении шести (13 %) еловских потревоженных могил найдены кости погребенного или инвентарь.

Сравнительный анализ наличия погребального инвентаря в комплексах разной сохранности показывает отсутствие в нарушенных погребениях украшений из бронзы (табл. 5). Это объясняется манипуляциями с черепом: височные кольца, бляшки и кольца (в закрытых комплексах чаще на пальцах рук, а руки перед лицом) в 36 % закрытых комплексов располагались рядом с головой. Судя по всему,

бронзовые ножи вынимались из могил в ходе проникновения. Они зафиксированы в 30 % непо потревоженных могил и только в 15 % нарушенных.

Наконец, одним из важных моментов в изучении нарушенных погребений может стать их планиграфическое положение относительно закрытых комплексов. В андроновской части некрополя выделяется несколько интересных закономерностей (рис. 1). Во-первых, потревоженные погребения расположены неравномерно. Например, в западной части на почти 60 закрытых комплексов приходится только девять потревоженных. В это же время к северу от этого участка выделяются два скопления, где ситуация иная. Так, в скоплении, которое включает «кург.» 50, на шесть потревоженных комплексов приходится три закрытых. В скоплении с «кург.» 52 выделено восемь закрытых на 12 нарушенных, а сохранность еще девяти вызывает вопросы. В центральной части некрополя процент нарушенных погребений низок, но к востоку их становится значительно больше. В северной, северо-восточной и восточной частях (смешанные и еловские участки) концентрация потревоженных возрастает до 33 % от общего числа могил.

Вероятно, такое планиграфическое разделение площади некрополя стало отражением общих тенденций развития погребальных традиций: в еловской культуре потревоженные могилы встречались на 16 % чаще, чем в андроновской. Возможно, повышение количества потревоженных комплексов каким-то образом связано и с окраинными частями погребального поля.

Для ирменской культуры Еловки-II авторы раскопок выделили три группы курганов: юго-восточную, лесную и юго-западную. Под одной насыпью могло находиться от 2 до 13 могил. Основной практикой захоронения было труположение в погребенной почве, скорченно, на правом боку.

Четыре ирменских погребения могут быть определены как вторичные (пять индивидов). Могилы 1 кург. 5, 11 кург. 12 и 8 кург. 23 содержали только кости черепа без нижней челюсти. Видимо, мы имеем дело с захоронениями скелетированных черепов, а не голов, потому что в могилах не фиксировались ни нижние челюсти, ни шейные позвонки. Отметим, что все три погребения располагались в разных курганных группах.

В восьми ирменских погребениях зафиксированы трупосожжения (14 % от общего числа могил), а еще в пяти найдены частично обожженные останки (9 %). Часть трупосожжений была произведена на месте, в могильной яме. Потревожены одна полная кремация (произведена в могиле) и четыре скелета со следами обожжения (тоже произведены в могиле).

Парных погребений было два. Отличительной чертой этих комплексов является отсутствие анатомической целостности всех погребенных. В могиле 8 кург. 23 были захоронены два черепа, один из которых представлен фрагментами (закрытое и вторичное?). Погр. 6 кург. 12 было нарушено древним проникновением. У одного погребенного была смещена нижняя челюсть, отсутствовало большинство костей грудной клетки, часть правой руки и таза. Второй погребенный представлен черепом, лежавшим на теменной части в области грудной клетки первого скелета.

В восьми (21 %) могилах ирменской культуры скелеты полностью смещены, в могилах оставлены единичные кости: фрагменты черепов и нижних челюстей, фрагменты или отдельные длинные кости, мелкие неопределимые кости (табл. 6).

У 30 (79 %) скелетов был потревожен череп. В 11 (29 %) случаях он был изъят, в остальных оставлен в могиле. Три черепа оказались на затылочной части, по одному на темени, лицевой части и на основании. В девяти могилах зафиксированы сравнительно крупные фрагменты, раскиданные по дну, по углам или в общем скоплении посткраниальных костей. В погр. 3 кург. 10 на месте головы стоял сосуд. В одном из погребений была смещена часть фрагментов черепа, а остальные остались на первоначальном месте. Таким образом, в ирменской культуре более всего смещался череп по сравнению с андроновской и еловской культурами.

В 11 (29 %) случаях сохранились *in situ* какие-то части рук, такой же показатель и для частей грудной клетки. У двух (5 %) погребенных сохранились полностью непо потревоженные руки, этот процент крайне невысок.

У 27 (71 %) погребенных сохранились частично или полностью *in situ* ноги, у 12 (31 %) — полностью длинные кости обеих ног и у девяти (24 %) — с костями таза. Этот показатель на 6 % ниже, чем в андроновской части могильника, но на 20 % выше, чем в еловской. Разница в показателях между полностью сохранившимися костями рук и ног почти такая, как в андроновском массиве. Это показывает

на относительно четкую направленность проникновения: примерно в 70 % нарушенных ирменских могил основной интерес был направлен к верхней части погребенного.

Взрослые составили 19 индивидов (33 %) общей выборки и 13 (34 %) от количества потревоженных (табл. 2). Детями были 11 (19 %) от общего числа индивидов, а количество детей от общего количества нарушенных — пять (13 %). Отметим, что количество могил, где не сделаны половозрастные определения, составляет более 50 % для закрытых и нарушенных комплексов.

В двух могилах зафиксированы сочленения смещенных позвонков. Возможно, процесс скелетирования еще не был закончен на момент проникновения. В заполнении пяти (13 %) нарушенных ирменских погребений зафиксированы кости человека. Нарушенные погребения ирменской части могильника демонстрируют низкий процент изъятия антропологических останков: в 10 % случаев из могилы изымались некоторые части скелета. В 12 (31 %) могилах потревоженные кости оставались скоплением, что превышает в два раза случаи в еловской культуре и почти в три раза — в андроновской.

В нарушенных погребениях ирменской культуры зафиксировано на 16 % больше керамических сосудов и на 8 % больше костей животных, чем в закрытых комплексах (табл. 6). Кроме того, только в потревоженных могилах найдены бронзовые браслеты и бляшки. Возможно, все это указывает на первоначальное большее количество инвентаря в погребениях, которые позже были потревожены.

Необходимо отметить, что сложно учитывать такой признак, как «бронзовые изделия на черепе или рядом», если считать его «классическим» способом, от общего числа могил. Дело в том, что семь из 12 комплексов содержали полностью кремированные останки, т. е. на пять скелетов приходилось два случая (40 %) расположения бронзы на черепе. Нарушена была только одна полная кремация. Таким образом, бронза на черепе оказалась в шести из 36 (17 %) могил. Поэтому, если исключить случаи с кремациями, получается довольно высокий показатель изъятия бронзы (кольца, височные кольца) вместе с черепом, а череп изъят в 30 % нарушенных погребений (либо намеренное изъятие украшений стало причиной обращения к черепам).

Судя по всему, в ходе проникновения могли выниматься бронзовые ножи — в нарушенных могилах они встречаются на 17 % реже, чем в закрытых. Заметим, что в насыпи кург. 11, все пять погребений которого были потревожены, найден бронзовый нож длиной 35 см¹⁰. Этот нож может быть как частью поминальника, так и происходить из какой-либо могилы.

Точное попадание в могилы под курганными насыпями и определение комплексов с наиболее богатым инвентарем (если ограбление имело место) может иметь два объяснения. Во-первых, по мысли В. И. Матющенко, насыпи ирменских курганов могли состоять из дерновых оградок и насыпей каждой из могил (Матющенко 2006: 19). Это сложно доказать, но вполне объясняет точность проникновений. Во-вторых, при исследовании ирменского могильника Журавлево-4 в Кузнецкой котловине В. В. Бобров предположил, что курган мог функционировать какое-то время как сакрализованное пространство, а насыпь возводилась позже (Бобров 1991: 68; Бобров и др. 1993: 82). Действительно, большинство захоронений ирменской части могильника Еловка-II были совершены в толще чернозема или на погребенной почве. Очень немногие погребения перерезали материк. Погребенная почва находилась здесь на 50–60 см выше материка. Таким образом, над умершим необходимо было возводить хотя бы небольшое земляное сооружение, которое и маркировало могилу. Возможно, какое-то время поле кургана могло выглядеть как скопление холмиков, а после обустройства необходимого количества могил была сделана общая насыпь.

Как было отмечено выше, в планиграфии ирменской части могильника выделены три группы курганов: лесная, юго-восточная и юго-западная (Матющенко 2006: 7, 37, рис. 2). Юго-восточная группа расположена наиболее близко к доирменскому массиву (западнее основного могильного поля). Юго-западная группа маркирует юго-западную границу памятника. К северу от этих двух и северо-западу от дорменского массива расположена третья, лесная группа. Эти курганные группы имеют значительные отличия в деталях погребальной и постпогребальной практик (табл. 7). По ряду показателей выделяются лесные курганы. Здесь зафиксировано наибольшее количество инвентаря и захоронений взрослых мужчин, которые оказались потревожены гораздо чаще, чем могилы женщин или детей.

¹⁰ В тексте длина обозначена как 35 см, а масштаб на рисунке дает около 20 см (Матющенко 2004: 12, рис. 16: 2).

Таким образом, основной характеристикой практики проникновения в погребения андроновской части могильника Еловка-II является относительно бережное отношение к черепу и высокая степень сохранности первоначального положения нижней части тела погребенного. Возможно, в нескольких могилах могло иметь место изъятие нагрудных или нашейных украшений. Однако нельзя утверждать, что большинство проникновений были связаны с ограблением: нарушенные погребения демонстрируют меньшее по сравнению с закрытыми комплексами количество игл и проколов, но большую снабженность ножами, которые являлись самой металлоемкой категорией инвентаря.

Небольшая выборка андроновско-еловских погребений не дает возможность однозначно оценить цели и особенности постпогребального проникновения. Однако можно констатировать, что металл во время вскрытия могилы не изымался.

Практика нарушения еловских могил отличается от андроновской большей степенью разрушения скелета, в том числе ростом количества смещений и изъятия черепов. Особенно ярко эти тенденции отразились в разрушении женских и детских скелетов. Степень сохранности мужских захоронений несколько выше. Вероятно, из ряда еловских могил в ходе проникновения забирались бронзовые ножи.

Нарушенные погребения ирменской культуры значительно приближены к андроновской культуре по сохранности посткраниального скелета, но демонстрируют гораздо более высокий интерес к черепу: показатель смещения поднялся до 79 % против 40 % в андроновской части могильника. Черепа мужчин сдвигались чаще, чем детские, но не изымались. Возможно, такой высокий процент смещения черепов маркирует проникновение с целью изъятия бронзовых украшений. Из некоторых ирменских могил в ходе проникновения вынимались бронзовые ножи.

Алексеев Н. А. 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука.

Боброев В. В. 1991. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Матющенко В. И. (ред.). Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во Омского ун-та, 60–71.

Боброев В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. 1993. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука.

Бондаренко А. В., Грушин С. П. 2012. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский Взвоз I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография, 170–181.

Дьяконова В. П. 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука.

Евлюков В. В. 1988. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск: Наука.

Зеленин Д. К. 1995. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик.

Кисель В. А. 2009. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб.: Наука.

Матющенко В. И. 1968. Отчет об археологических исследованиях летом 1967 года, проведенных Музеем истории материальной культуры при Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева // НОА ИА РАН. Р-1. Д. 3451; Приложение 2. НОА ИА РАН. Р-1. Д. 3451б.

Матющенко В. И., Чиндина Л. А. 1969. Отчет об археологических исследованиях, проведенных Томским государственным университетом летом 1968 г. Приложение 3. Томск // НОА ИА РАН. Р-1. Д. 3682в.

Матющенко В. И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 3. Андроновская культура на верхней Оби // Из истории Сибири 11. Томск: Изд-во Томского ун-та, 5–9.

Матющенко В. И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири 12. Томск: Изд-во Томского ун-та, 3–188.

Матющенко В. И. 2004. Еловский археологический комплекс. Часть 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во Омского ун-та.

Матющенко В. И. 2006. Еловский археологический комплекс. Часть 3. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск: Изд-во Омского ун-та.

Ражев Д. И., Курто П., Зайцева О. В. 2005. Бескурганное погребение Сопининского могильника: анализ с позиций полевой антропологии // ВИАЭ 6, 148–152.

Семёнова В. И. 2008. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Сага о Греттире. 1976 / Пер. с древнеисландского О. А. Смирницкой. Новосибирск: Наука.

Усманова Э. Р. 2003. «Андроновцы — охотники за черепами?» (об одной детали некрологического цикла могильника Лисаковский) // Жолдасбеков М. (ред.). Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Күлтегін, 152–155.

А. Е. Гришин

ПРЕДНАМЕРЕННО НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ОДИНОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ СОПКА-2/4А
(БРОНЗОВЫЙ ВЕК ОБЪ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ)

Предложен вариант интерпретации основной части преднамеренно нарушенных погребений одиновского могильника Сопка-2/4А. В большинстве случаев проникновение совершено с целью изъятия сопроводительного инвентаря. Нарушения осуществлялись достаточно точно (область головы, туловища и рук), но, видимо, они не были частью погребально-поминальной обрядности одиновской культуры. Предполагаемые объекты изъятия — бронзовое оружие и предметы культа. Основные выделенные закономерности находят соответствие в массиве ранее изученных нарушенных комплексов синхронного могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б.

Ключевые слова: бронзовый век, Западная Сибирь, Сопка-2, преднамеренное нарушение могил, ограбление, погребальная практика.

A. E. Grishin. Intentionally disturbed burial assemblages at the Odino culture necropolis of Sopka-2/4A (Bronze Age of the Ob'-Irtys interfluves). The paper gives an interpretation of the main part of disturbed burials excavated at the Odino culture necropolis of Sopka-2/4A. In most cases the penetration was committed with the purpose of taking out accompanying objects. The destructions were done rather accurately (head area, body and arms) and do not appear to have been a part of the funerary-commemorative rituals of the Odino culture. Most likely the purpose was to take out bronze weapons and cult objects. The identified patterns of disturbance find correspondences in the previously studied Krotovo culture necropolis of Sopka-2/4B.

Keywords: Bronze Age, West Siberia, Sopka-2 cemetery, intentional grave disturbance, grave plundering, burial practice.

При анализе материалов могильников нарушенные (или открытые) погребальные комплексы рассматриваются с источниковедческой и интерпретационной позиций. В первом случае — это часть критики источника. Исследователями определяется степень нарушенности некрополя, выделяются постпогребальные преднамеренные нарушения, следы допогребальных действий исполнителей обряда и последствия естественного разрушения, а также дается общая оценка уровня «информационного шума» вследствие нарушений, в том числе древних. Второй подход реализуется реже, хотя интерес к нему явно увеличивается. Он подразумевает изучение самого факта проникновения, что требует поиска ответов на целый спектр конкретных вопросов — кто, когда, зачем и как разрушал погребальные памятники. Итогом является расширение характеристики ритуальной практики постпогребального цикла или выявление ограбления могил. Специальные монографические издания (Флёров 2000; 2007) и статьи (см. Бондаренко, Грушин 2013; Кузьмин 1991; Нелин 2001; Хазанов, Черненко 1979; Яценко 2013; и др.), большой блок докладов по проблемам «ограблений и символических захоронений» на IV (XX) Археологическом съезде, инициированный С. А. Яценко и М. Е. Килуновской (ссылки даны ниже), организация специального Всероссийского круглого стола в Челябинском государственном университете в январе 2015 г. (инициатор Е. В. Куприянова) и материалы в данном сборнике указывают на возрастающую актуальность поднимаемых вопросов.

В объяснении причин нарушения погребений исследователи придерживаются двух основных вариантов: а) ритуальная деятельность (Аксёнов 2014; Белицкая 2014; Бондаренко 2014; Гопкало 2014; Килуновская 2014; Куприянова 2014; Очир-Горяева 2014; Подобед и др. 2014; Садыков 2014; Смирнов 2014;

Шестопалова 2014); б) ограбление (Вдовиченков, Ильяшенко 2014; Гаврилюк, Тимченко 2014). Причем для объектов ранних эпох все более популярен первый вариант объяснения, а для поздних продолжает использоваться второй. В целом прослеживается явное тяготение к «ритуальному» варианту интерпретации нарушенных комплексов, большинство из которых трактовалось прежде как ограбленные. На данный момент вскрыт большой спектр возможных мотивов проникновений и ритуальных сценариев, что показывает высокий уровень информативности нарушенных комплексов. Одна из основных сложностей — это высокая степень гипотетичности интерпретаций столь специфического источника, так как для однозначных выводов зачастую нет достаточной информации (см. Епимахов 2014), а речь идет о заведомо нарушенном (иногда несколько раз) археологическом контексте.

В настоящей статье анализируются следы древних проникновений в могилы некрополя Сопка-2/4А. Автор раскопок В. И. Молодин (2008; 2012)¹ отнес его к одиновской культуре развитого этапа бронзового века Барабинской лесостепи. Он дал развернутое описание и анализ погребальной практики одиновской культуры (Молодин 2011; 2012: 174–181). Тема нарушений могил им затрагивается только в связи с реконструкцией поз умерших (в 27 комплексах позу распознать невозможно) и при характеристике вторичных погребений (Молодин 2012: 10–21, табл. 1; 179–180).

Настоящая статья в целом повторяет опыт изучения нарушенных комплексов кротовского могильника Сопка-2/4Б, полностью еще не опубликованного (Гришин 2014). Изучение нарушенных могил кротовского некрополя Сопка-2/4Б показало, что он подвергся массовому, близкому по времени и достаточно выборочному нарушению. Было высказано предположение, что основной целью действий «грабителей» являлись предметы вооружения, орудия труда и украшения (Там же). Редкие исключения указывают на иную, ритуальную цель проникновения для манипуляций с головой (черепом) погребенных женщин или нарушения нижней части скелета в погребениях с бронзовыми кинжалами. Эти могилы, правда, по новейшим данным, отнесены к более позднему времени (Марченко и др. 2014), но рассматриваются в рамках развития кротовского некрополя.

Набор задач вполне стандартен для археологических исследований: 1) формирование выборки — выделение в разрушенных комплексах фактов преднамеренных и непреднамеренных нарушений через определение признаков проникновения в комплекс; 2) определение представительности полученного массива объектов и его информационного потенциала. Очевидно, что чем сложнее погребальный комплекс, тем больше следов может оставить древнее проникновение, и это дает больше шансов для обоснованной интерпретации. В ситуации, когда морфология дошедших до нас комплексов описывается через небольшое количество признаков, вероятность получить искомый результат, как правило, может быть увеличена путем большой выборки. Для объекта нашего исследования — могильника Сопка-2/4А — это замечание важно, так как он является крупным некрополем (237 погребенных из 164 могил, см. Молодин 2012: 176), но комплексы обладают относительной морфологической простотой: отсутствие насыпей, каменных элементов, сохранившихся перекрытий, сложных камер и т. п.; 3) выделение и интерпретация закономерностей в материале. Эта задача включает в себя формирование признакового пространства, формализацию источника, статистическую обработку, интерпретацию полученных закономерностей с точки зрения модели погребальной практики одиновской культуры (табл. 1).

Согласно данным радиоуглеродного датирования, некрополи Сопка-2/4А и Сопка-2/4Б формировались синхронно в пределах первой половины III тыс. до н. э. (Молодин и др. 2010: 245). На обоих могильниках присутствуют следы одиновской и кротовской погребальных традиций (Гришин 2002), выраженные в разной степени. Данным фактом демонстрируется взаимодействие носителей одиновской и кротовской культур в период их сосуществования в Барабинской лесостепи. В настоящей работе мы будем условно называть северо-восточную часть некрополя Сопка-2/4А, где особо ярко проявляются следы одиновской погребальной практики, «одиновской», а остальную — «кротовской». Для обоих этих определений в рамках группы 4А постоянно будут использоваться кавычки, поскольку весь некрополь в основной публикации В. И. Молодина охарактеризован как принадлежащий носителям одиновской культуры.

¹ Благодарю В. И. Молодина за возможность использовать не вошедшие в публикации данные.

Таблица 1. Формализованное описание нарушенных комплексов могильника Сопка-2/4А

Table 1. Formalized description of the disturbed burials of the Сопка-2/4А cemetery

№ могилы	№ скелета	Признаки							
		1. Нарушение погребальной камеры	2. Характер проникновения	3. Локализация нарушений скелета	4. Компоновка нарушенных костей	5. Приблизительная комплектность нарушенных костей	6. Состояние костей нарушенной части скелета	7. Положение нарушенного инвентаря	8. Особые случаи при проникновении
163	1	?	1	2	3	3	2	4	1
171	1	?	1	1	3	4	2	3	7
171	2	?	2	3	3	?	?	4	0
171	3	?	2	3	3	?	?	4	7
171	4	?	2	3	3	?	?	4	7
178	1	2	1	1	3	4	2	3	14
178	2	2	1	1	3	3	2	3	14
180	1	?	1	2	3	3	2	4	1
187	1	2	1	1	3	4	2	4	0
193	1	?	1	1	3	4	2	4	0
199	1	?	2	3	1	4	?	4	7
199	2	?	1	1	4	1	?	4	1, 7
200	1	?	1	6	3	4	1	4	0
200	2	?	1	1	3	4	2	4	0
201	1	?	1	1	3	4	2	4	7
201	2	?	1	2, 4	3	3	1	4	7
203	1	2	2	3	3	3	2	1	0
205	1	2	1	6	3	4	2	4	0
206	1	?	1	1	4	1	?	4	0
235	1	?	1	4	3	3	1	4	0
246	1	?	?	3	?	2	?	3	0
247	1	?	?	3	3	3	?	3	14
251	1	?	1	4	1	3	2	1	0
258	1	?	?	1	3	3	1	4	11
259	1	2	1	?	3	4	2	4	0
261	1	?	1	1	1	3	1	1	0
262	1	?	?	1	4	1	?	4	0
265	1	2	1	1	3	3	?	3	0
273	1	2	1	1	3	4	2	4	1
273	2	2	1	1	3	?	2	4	1
281	1	?	2	3	3	3	2	4	0
284	1	?	1	1	3	4	?	4	0
286	1	2	1	6	3	3	2	4	0
518	1	?	1	1	3	4	?	4	7, 14
518	2	?	1	1	3	3	?	4	7, 14
521	1	?	1	1	3	4	2	4	0
528	1	?	2	3	3	4	?	4	0
529	1	?	2	3	1	4	2	4	0
531	1	?	1	4	3	3	1	4	0
536	1	?	1	1	3	3	2	4	7
536	2	?	1	1	3	4	1	4	7

№ могилы	№ скелета	Признаки							
		1. Нарушение погребальной камеры	2. Характер проникновения	3. Локализация нарушений скелета	4. Компоновка нарушенных костей	5. Приблизительная комплектность нарушенных костей	6. Состояние костей нарушенной части скелета	7. Положение нарушенного инвентаря	8. Особые случаи при проникновении
542	1	2	1	1	1	4	2	4	1, 7, 14
542	2	2	1	1	1	3	2	4	7
542	3	2	1	1	1	3	2	4	7
549	1	2	1	1	3	3	2	4	13
551	1	?	?	?	3	2	2	4	0
576	1	2	2	3	3	3	2	4	0
580	1	?	2	3	1	4	1	4	12
582	1	2	2	3	3	3	2	3	0
583	1	2	1	4	3	3	1	1, 2	0
584	1	2	2	1	3	4	2	3	0
584	2	2	2	3	3	4	2	3	0
585	1	—	2	3	3	3	2	4	0
587	1	—	1	1	3	3	2	3	0
588	2	—	1	1	3	3	2	3	11
590	1	2	2	3	3	2	2	3	4
591	1	—	2	1	3	3	2	4	0
592	1	—	2	1	1	4	2	4	7
592	2	—	2	1	1	4	2	4	7

Признаки проникновения фиксировались во всех структурных частях некрополя: в погребальной камере, на останках погребенного и на сопроводительных вещах. По материалам могильника существует база данных с открытым списком признаков (Гришин 2002), сформированным на основе кода описания погребальных памятников И. С. Каменецкого (Каменецкий 1983; 1985), куда была добавлена новая информация (табл. 1).

Выборка формировалась из погребенных индивидуумов, а не из погребальных комплексов. Обработаны данные по 59 захороненным со следами древнего преднамеренного нарушения из 45 могил. Всего в некрополе одиновской культуры найдены останки 237 индивидов в 164 комплексах.

Основные признаки и их значения, по которым проходила формализация источника:

1. Нарушение погребальной камеры: 0 — нет нарушения; «?» — нет возможности зафиксировать следы из-за состояния источника; «—» — нет сведений в документации и публикации; 2 — нарушение контура, 3 — нарушение дна.

2. Характер проникновения: 1 — локальное нарушение; 2 — следы нарушения по всей площади.

3. Локализация нарушений скелета: 1 — верхняя часть скелета (туловище или его часть, череп) нарушены; 2 — нижняя часть скелета (ноги или их часть) нарушена; 3 — весь скелет нарушен; 4 — средняя часть скелета (грудь, таз, руки) нарушена; 5 — смещена или отсутствует только голова (череп); 6 — кости ног и часть костей туловища частично на месте.

4. Компоновка нарушенных костей: 1 — скопление в заполнении; 2 — очень компактное скопление (в том числе «букет»); 3 — беспорядочно в заполнении; 4 — нет костей в нарушенной части.

5. Приблизительная комплектность нарушенных костей: 1 — нет костей в области нарушения; 2 — череп есть, нет других костей; 3 — черепа нет, есть другие кости; 4 — череп (или его части) и другие кости присутствуют.

6. Состояние костей нарушенной части скелета: 1 — часть костей в сочленении; 2 — сочленение не прослеживается.

7. Положение нарушенного инвентаря: 1 — компактное скопление на дне; 2 — компактное скопление в заполнении; 3 — беспорядочно в заполнении; 4 — отсутствие вещей в нарушенной части.

8. Особые случаи при проникновении: 1 — зона проникновения маркируется отрубленной костью; 3 — шурф сильно в стороне (слева); 4 — «шурф большой» — расширенный контур; 5 — кости расположены субпараллельно, но не в анатомическом порядке («букет»); 6 — шурф справа в изголовной части; 7 — ярусное погребение, все нарушены; 10 — шурф слева в изголовной части; 11 — ярусное погребение, нижний — целый; 12 — ярусное погребение, верхний — целый; 13 — погребение разрушено более поздним погребением, часть костей сложена на краю ямы; 14 — оставлен «ценный» инвентарь.

При реконструкции причин нарушения комплексов мы не всегда смогли руководствоваться заключениями, опубликованными В. И. Молодиным. Разночтений по возможной причине нарушений не много, но назвать их необходимо. Это погр. 163, 207, 243, 536, 551, 580, 583 и 588 (Молодин 2012: 30, 64, 73–74, 101, 107, 120–124, 126–127). В основном это случаи, трактованные автором раскопок как предположительно вторичные захоронения² или как упакованные останки (погр. 580). Часть этих комплексов была добавлена в нашу выборку, так как при составлении совокупности явно нарушенных комплексов выявлялись признаки-маркеры, которые можно было бы рассматривать как свидетельства преднамеренного нарушения. Впрочем, нашу интерпретацию также следует рассматривать как один из возможных вариантов.

В выборку не вошли комплексы со следами случайного нарушения более поздними сооружениями. В том числе при статистическом описании не учтены случаи, когда в коллективных ярусных погребениях, вероятно, произошло нарушение нижнего, раннего комплекса при сооружении впускного, верхнего — погр. 207, 243, 569 (Там же: 64–65, 73–74, 113–115). В таких обстоятельствах проникновение в комплекс является преднамеренным, но его нарушение — случайным. Данные погребения будут нами рассматриваться отдельно. Отдельно следует рассматривать случаи, когда носителями одиновской культуры были нарушены комплексы, вероятно, этой же культурной традиции, но не при сооружении впускных захоронений (верхние ярусы) в коллективных могилах, а, по всей видимости, случайно, при формировании соседних рядов. Это происходило в интенсивно используемых частях некрополя и нашло отражение в погр. 168–170, 172, 173, 175 и 543 (Там же: 30–35, 103–104). Из категории преднамеренно нарушенных эти случаи также исключены, но рассматриваются как пример поведения исполнителей обряда.

Приведем еще одно методически важное наблюдение на примере погр. 245, нарушенного рвом кургана саргатского времени (Там же: 75). Обращает на себя внимание сохранение в сочленении перемещенных костей части грудной клетки и правой руки, хотя эти сооружения явно разделяет около двух тысячелетий. Данный пример иллюстрирует некоторую условность использования факта положения перемещенных костей в порядке, близком к анатомическому, для констатации небольшого промежутка времени между ингумацией и нарушением.

Согласно проанализированным данным некрополь Сопка-2/4А является менее нарушенным, чем Сопка-2/4Б — 25 % против 60 %, соответственно. Отметим, что кротовский могильник Сопка-2/4Б имеет относительно небольшие нарушения поздними сооружениями и практически не перекрывает ранние погребальные и иные комплексы (Там же: рис. 7). Следовательно, основная часть фиксируемых нарушений являются преднамеренными, а не случайными. Кроме того одиновские могилы не сопровождалась земляными насыпями, которые характерны для части кротовских захоронений. С этой точки зрения часть кротовского некрополя Сопка-2/4Б, снабженная насыпями и расположенная вдоль края террасы, выглядит более уязвимой для значительно более поздних нарушений (Там же). В целом в отличие от кротовской Сопки-2/4Б, одиновский некрополь Сопка-2/4А для реконструкции традиции нарушения захоронений менее представителен, но более информативен для изучения традиционной погребальной практики этой культуры.

В могильнике Сопка-2/4А сравнительно мало ям без находок и останков, которые по размерам близки погребениям и входят в ряды могил (Там же: рис. 7). Малое количество таких сооружений, по всей видимости, также косвенно указывает на степень проникновений в могилы некрополя, если

² Основной массив «вторичных» погребений в выборку не включен.

считать их полностью нарушенными захоронениями. Во всяком случае при сравнении могильников Сопка-2/4А и Сопка-2/4Б такая закономерность фиксируется (8 сооружений против 29).

Как мы уже отмечали, одиновская погребальная практика наиболее отчетливо отражена в северо-восточной («одиновской») части могильного поля Сопка-2/4А, при этом доля нарушенных комплексов, наоборот, возрастает к ЮЗ — к условно «кротовской» части. Таким образом, «одиновские» комплексы имеют сравнительно меньшую степень нарушенности, чем в целом по могильнику. Эта тенденция была отмечена и для кротовского могильника Сопка-2/4Б, где следы одиновской погребальной практики также присутствуют и даже образуют нечеткое планиграфическое единство. Именно эти области могильника оказались сравнительно менее потревоженными.

На облике погребальной камеры факт проникновения достоверно отразился только в 34 % (20)³ случаев (рис. 1: 1, 3, 4). Шурф (вкоп) как отдельная, смежная яма ни разу не фиксировался, в то время как на Сопке-2/4Б такие случаи известны (12 комплексов). На Сопке-2/4А нарушался исключительно контур погребальной камеры, следов нарушения дна зафиксировано не было. Соответственно, проникновение в могилы Сопки-2/4А происходило более «прицельно», чем на Сопке-2/4Б.

«Прицельность» нарушений подтверждается и положением человеческих останков, а также сопроводительных предметов в могиле. Преднамеренное проникновение затронуло всю площадь камеры только в трети случаев (30,5 %, 18 — рис. 1: 4). В большинстве комплексов (61 %, 36) исполнители действовали более или менее точно, производя манипуляции только в определенной части ямы (рис. 1: 1–3, 5, 6; 2: 1). «Одиновские» комплексы нарушены чаще именно таким образом (15 из 21 случая).

Нарушения верхней части скелета зафиксированы в подавляющем большинстве нарушенных могил (53 %, 31 — рис. 1: 1–3, 5). В 27 % (16) погребений потревожены все кости скелета. Только в трех случаях (5 %) потревожена, преимущественно, нижняя часть скелета, а верхняя часть менее затронута (две женщины и ребенок) (рис. 2: 1). При этом все эти комплексы отражают следы «одиновской» погребальной практики, предметов в нарушенной части могил не обнаружено.

Нарушения только средней части скелета погребенного наблюдались в четырех случаях (7 % — рис. 1: 6). Причем у всех захороненных потревоженные кости были сдвинуты, еще частично находясь в сочленении. Комплексы располагаются разрозненно, в разных частях могильника. Специальное изъятие или перемещение у погребенного только черепа на Сопке-2/4А не отмечено в отличие от Сопки-2/4Б, где этот факт редко, но присутствует.

Чаще всего бессистемно лежащими в потревоженной части могилы костями маркировались границы шурфа (76 %, 45 — рис. 1: 1, 6; 2: 1). Иногда кости располагались компактным скоплением на его дне (17 %, 10 — рис. 1: 2). Полное отсутствие костей в потревоженной части в целом не характерно (5 %, 3). Какой-либо специальной компактной выкладки костей, создания композиции из них и предметов не зафиксировано. Вообще, компактное размещение костей скелетов (в «упакованном» виде) на некрополе имеется и зафиксировано в верхних ярусах коллективных погр. 522, 537, 573 (Там же: 95–96, 100–101, 116–117), но комплектность скелетов далеко неполная и система в размещении не прослеживается.

Только в трех случаях⁴ в полностью потревоженных погребениях оставлен череп взрослого человека без остальных костей скелета. Причем располагался он либо на теменной, либо на затылочной части, т. е., видимо, специально не позиционировался. Череп и какой-то комплект костей посткраниального скелета наличествует в 39 % (23) нарушенных могил, кости без черепа — в 35 % (21)⁵, т. е. череп возвращался далеко не всегда. Комплектность остальных перемещенных костей и возвращенных в могилу оценить не представляется возможным.

Сохранение перемещенных костей в сочленении фиксируется в 15 % (9) случаев и несколько чаще в «одиновской» части могильника (рис. 1: 2), т. е. проникновение до полного завершения разложения органических связующих материалов происходило достаточно редко. Причем, как мы уже отмечали, нарушение только костей туловища, с оставлением костей ног и черепа *in situ*, в четырех случаях происходило незадолго после захоронения.

³ Здесь и далее в скобках или рядом будет указываться количество индивидов.

⁴ Одно из них, погр. 551, квалифицируется В. И. Молодиным как вторичное (Молодин 2012: 107).

⁵ Не учитываются комплексы, где череп остался в непотревоженном виде.

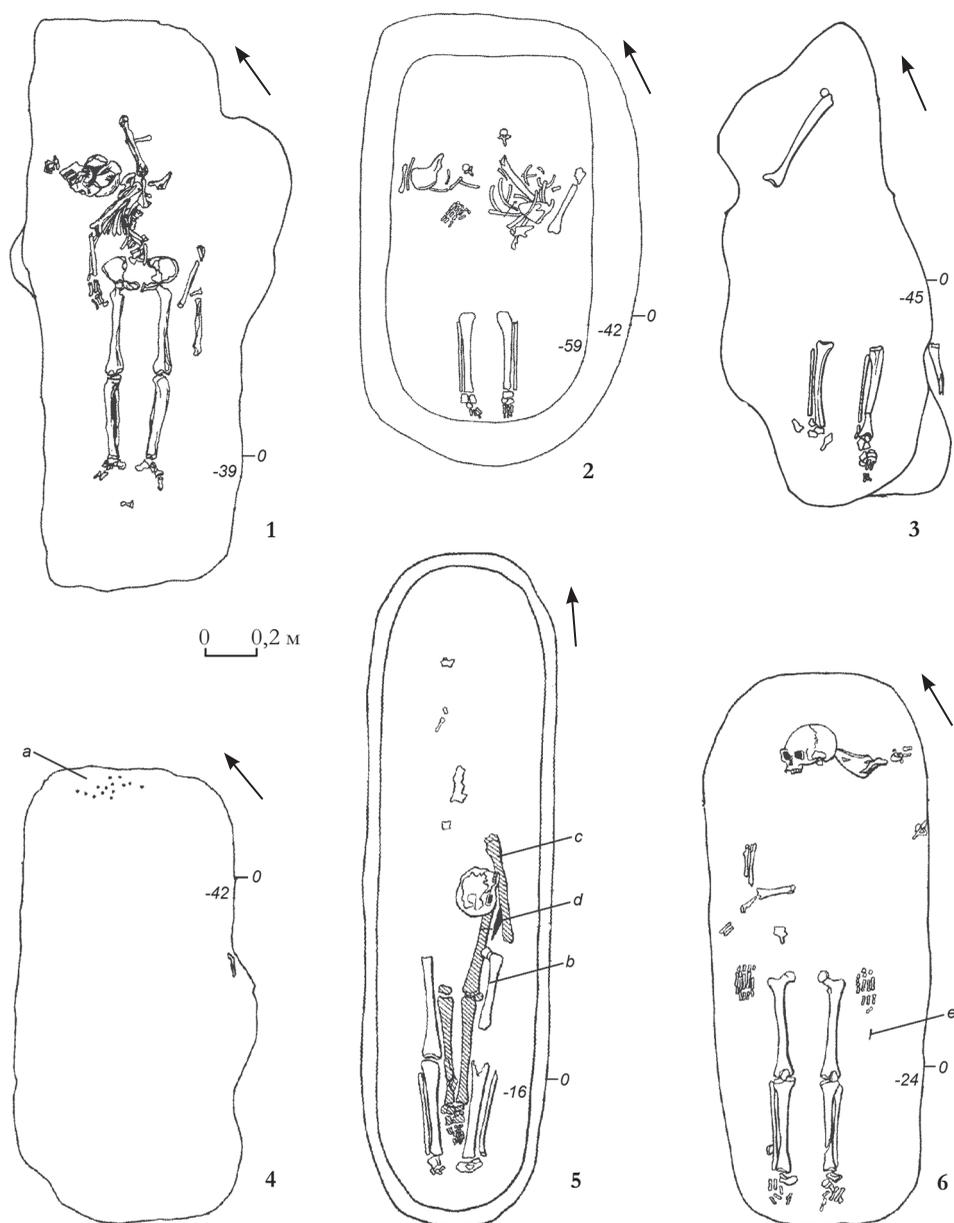

Рис. 1. Планы нарушенных погребений могильника Сопка-2/4А: 1 — 205; 2 — 261; 3 — 549; 4 — 203; 5 — 518; 6 — 531. Условные обозначения: а — каменные бусы; b — верхний ярус; с — нижний ярус; d — бронзовый нож; e — бронзовое шило (по Молодин 2012: 62–63, 82, 93, 99)

Fig. 1. Plans of the disturbed burials at the graveyard of Sopka-2/4A: 1 — 205; 2 — 261; 3 — 549; 4 — 203; 5 — 518; 6 — 531. Legend: a — stone beads; b — upper horizon; c — lower horizon; d — bronze knife; e — bronze awl (after Молодин 2012: 62–63, 82, 93, 99)

Обращают на себя внимание закономерности, связанные с инвентарем, который, согласно нашей гипотезе, отработанный на кротовском могильнике Сопка-2/4Б, мог являться причиной проникновения. Только у 27 % (16) нарушенных захороненных обнаружены перемещенные предметы в «грабительском» шурфе (рис. 1: 4), в подавляющем большинстве случаев (73 %, 43) предметы в шурфе не обнаружены (рис. 1: 1–3, 5, 6; 2, 1). В то же время доля потревоженных индивидов с инвентарем относительно всей совокупности погребенных в «закрытых» могилах превышает две трети (67 %)⁶,

⁶ Доля посчитана от совокупности потревоженных комплексов.

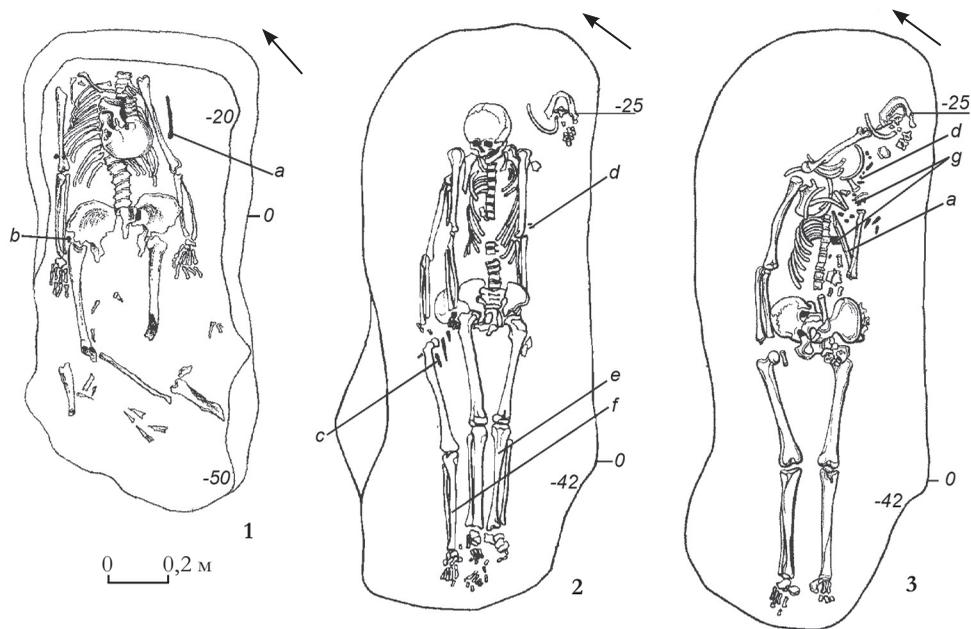

Рис. 2. Планы нарушенных погребений могильника Сопка-2/4А: 1 — 180; 2 — 569 (верхний ярус); 3 — 569 (нижний ярус). Условные обозначения: *a* — костяная проколка; *b* — фрагмент раковины моллюска; *c* — костяные наконечники стрел; *d* — каменные бусы; *e* — верхний ярус; *f* — нижний ярус; *g* — каменные зооморфные подвески (по Молодин 2012: 39, 115)

Fig. 2. Plans of the disturbed burials at the graveyard of Sopka-2/4A: 1 — 180; 2 — 569 (upper horizon); 3 — 569 (lower horizon). Legend: *a* — bone awl; *b* — shell fragment; *c* — bone arrowheads; *d* — stone beads; *e* — upper horizon; *f* — lower horizon; *g* — zoomorphic stone pendants (after Молодин 2012: 39, 115)

т. е. в целом насыщенность инвентарем погребений могильника достаточно высокая и, видимо, значительно изменена в результате проникновений. Нельзя забывать, что предметы могли быть оставлены в шурфе по многим причинам: ритуального характера, неблагоприятных условий (темнота, потенциальная опасность промысла и пр.) или поиска только определенной категории изделий. Для сравнения, кости в том или ином составе оставались в шурфе намного чаще — в 74 % нарушенных могил.

Проведенный анализ показывает, что признаки проникновения локализуются в изголовной и средней зоне комплексов — это именно та часть могилы, в которой находились основные предметы, сопровождавшие умершего в одиновской (и в кротовской) культурной традиции. Положение в ногах устойчиво занимают только колчаные наборы наконечников стрел и, по нашему мнению, они могут быть исключены из списка приоритетных целей изъятия.

Попробуем восстановить возможные категории предметов, из-за которых могло совершаться проникновение. Для этого сопоставим списки вещей, оставленных в шурфе, и неповрежденных предметов, происходящих из нарушенных комплексов, т. е., возможно, не найденных при проникновении. Переотложенными в шурфе оказались следующие артефакты⁷: украшения из зубов животных (два случая); обломки костяных «спиц»; мелкие каменные бусы (два случая); бронзовое кольцо; единичные костяные наконечники стрел (два случая по 1–2 предмета); бронзовое шило; обломок роговой пещни (возможно, орудие копщиков шурфа или могилы); роговая панцирная пластина (!); фрагменты сосудов; астрагалы и бабки животных; нуклеус; отщеп и абразив. В неповрежденной части нарушенных комплексов сохранились бронзовый нож (!) (рис. 1: 5; 3: 3), каменная булава (!), костяная проколка (два случая), набор костяных наконечников стрел, бронзовое шило (два случая — рис. 1: 6), стилизованная голова животного из камня (навершие?).

⁷ Из рассмотрения убран упомянутый выше нарушенный нижний ярус коллективного погребения с каменной пластикой (рис. 2: 2, 3; 3: 1, 2), так как мы считаем его нарушение случайным.

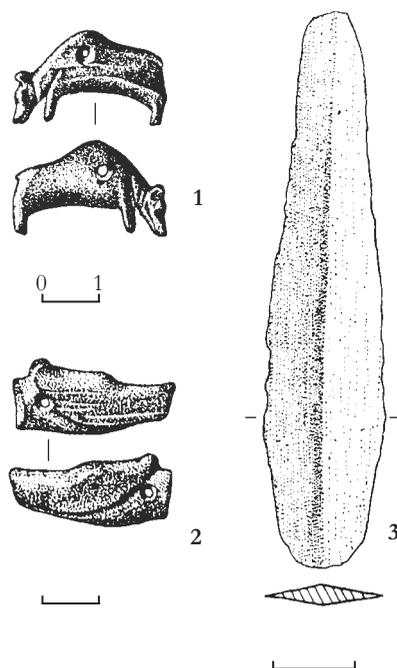

Рис. 3. Находки из нарушенных комплексов могильника Сопка-2/4А: 1, 2 — каменные зооморфные подвески (погребение 569); 3 — бронзовый нож (погребение 518) (по Молодин 2012: 93, 115)

Fig. 3. Finds from the disturbed burials of Sopka-2/4A: 1, 2 — zoomorphic stone pendants (burial 569); 3 — bronze knife (burial 518) (after Молодин 2012: 93, 115)

Разница состоит в бóльшей встречаемости некоторых категорий предметов в «закрытых» контекстах нарушенных могил и наличии таких изделий, как бронзовый нож, каменная булава, проколки, предмет пластики. Однако этот список явно короче. В одиновском могильнике Сопки-2/4А нож найден в единственном экземпляре, но отметим, что бронзовые ножи и кинжалы, найденные в кротовских и позднекротовских комплексах, располагались *in situ* в районе туловища или в изголовье умерших (Молодин 1985: 77, рис. 38: 4, 6, 8; 1991: рис. 1). Что касается каменной булавки, то она лежала в районе колена взрослого умершего (погр. 178 — см. Молодин 2012: 35–37). Второй подобный предмет происходит из непо потревоженной части нарушенного кротовского погребения и располагался у стены, напротив бедренных костей (Молодин 1985: 79, рис. 40: 8). В закрытых комплексах эти предметы, как и описанный бронзовый нож, не встречены вообще. Можно лишь предполагать, что наличие данных артефактов в потревоженных комплексах указывает на первоначальную сравнительную «обеспеченность» этих могил инвентарем и их бóльшую привлекательность для проникновения с целью изъятия вещей. Нетипичное их положение могло «спасти» их от изъятия.

Если говорить о снабженности инвентарем погребений Сопки-2/4А, в целом можно констатировать, что могильник демонстрирует количественную и качественную «бедность» по сравнению с предметным комплексом Сопки-2/4Б. Однако в отличие от женских погребений в могильнике Сопка-2/4Б, захороненные женщины в Сопке-2/4А (закрытые комплексы) снабжены инвентарем примерно с той же частотой, что и мужчины. Отметим и сравнительно бóльшую долю женских погребений в Сопке-2/4А, чем на Сопке-2/4Б.

Таким образом, анализируя ситуацию с наличием инвентаря в нарушенных комплексах по косвенным признакам, можно предположить, что категории престижных предметов (металлическое оружие, вероятно, каменная пластика) могли быть целью проникновения. Можно полагать, что поскольку некрополь Сопка-2/4А был менее насыщен инвентарем, судя по закрытым комплексам, то и потенциальная привлекательность его была меньше для тех, кто изымал предметы из могил.

В качестве «особых» случаев нами фиксировались и проникновения в ярусные коллективные погребения. Эти комплексы оказались интересными для определения различий в поведении исполнителей

погребального обряда (вероятно, родственников) и тех, кто проникал в могилу позже, с другими целями. В подавляющем большинстве при проникновении в ярусный комплекс кардинально нарушались все уровни (16 наблюдений). Иногда (очень редко — два случая) нижний комплекс оставался целым. Видимо, осуществлявшие проникновение люди были в целом осведомлены о конструкции коллективных погребений и верхними ярусами ограничивались редко. Только в одном случае кости нижнего погребенного были потревожены, а верхний погребенный оказался целым — захоронение 580 (Молодин 2012: 120–123). Часть костей (ребра и позвонки) нижнего захороненного отсутствовали, сопроводительного инвентаря нет. Обнаружено компактное скопление длинных костей ног, позвоночника, крыла таза и черепа в ЮВ краю могилы. Для проводимого нами анализа важно, что эти кости не были изъяты и перемещены для дальнейшего углубления верхнего яруса. Как и в случаях с подавляющим большинством закрытых ярусных погребений, углубление ямы верхнего яруса прекращалось до контакта или (реже) при контакте с костями нижнего погребенного. Подобное поведение исполнителей обряда демонстрируют еще два ярусных комплекса — погр. 207 и 569, не вошедшие в выборку нарушенных (Там же: 64, 65, 113–115). В погр. 207 сдвинуты череп, кости груди, верхние позвонки, кости рук нижнего погребенного. Положение костей в сочленении в таком случае не прослежено. Тем не менее, мы предполагаем, что нижний комплекс был нарушен случайно, после этого углубление могилы остановлено, кости нижнего погребенного в значительной мере не потревожены. Похожая ситуация зафиксирована в погр. 569 (рис. 2: 2, 3). Сходство ситуаций прослеживается в локальной зоне нарушения, отсутствии сочленения нарушенных костей и малом расстоянии между погребенными. Различие заключается в наличии инвентаря в нижнем ярусе погр. 569: помимо каменных бус и костяной проколки, имелись две каменные подвески-скульптурки — медведь и его голова (рис. 3: 1, 2). Эти предметы, судя по положению, могли быть обнаружены, но не были изъяты. Кости скелета также перемещены, но оставлены на месте. Череп при этом помещен в район таза, но не поставлен на основание.

Таким образом, при обнаружении костей нижнего яруса впускная яма верхнего яруса больше не углублялась. Нарушения носят минимальный характер (и фактов нарушений в таком контексте только два), кости и предметы специально, по всей видимости, не изымались. Отметим, что в остальных 16 «закрытых» ярусных захоронениях могильника сооружение верхнего яруса не затронуло ранний комплекс. Можно утверждать, что исполнители обряда в случаях сооружения ярусных погребений старались не затронуть нижний уровень, а в случае его обнаружения их воздействие сводилось к минимуму. Это может объясняться тем, что в ярусных могилах, видимо, были захоронены представители одного родового коллектива, и исполнителями с большой долей вероятности могли являться родственники умерших, либо яма копалась под их контролем. Зафиксированные факты указывают на стремление сохранить покой останков умерших родственников.

В этой связи остановимся на двух примерах поведения исполнителей погребальной практики при случайном нарушении более ранних погребений⁸. Такая ситуация обнаружена на территории могильника с наибольшей плотностью захоронений, где есть вероятность случайного наложения нескольких погребений одной культуры, но из разных рядов, через какой-то промежуток времени. Коллективная могила 544 перерезала погр. 543 и частично его разрушила (Там же: 103–105). При этом часть обнаруженных костей не была изъята из ямы и даже не сдвинута (кости рук остались в близком к анатомическому порядку), но череп этого индивида (погр. 543) не найден. Отметим также, что и глубже раннего комплекса поздняя яма не была вкопана, т. е. здесь фиксируются некоторые сходные черты со следами вышеописанного ритуального поведения при сооружении ярусных могил.

Кто мог производить постингумационные манипуляции на могильнике Сопка-2/4А? Четко прослеживается хорошая осведомленность людей, изымающих вещи, относительно общей структуры нарушаемых объектов и возможного их содержания, а также планиграфии некрополя. Имеются ряды захоронений, состоящие полностью из потревоженных комплексов (особенно в «кротовской» части Сопки-2/4А). Самым вероятным, на наш взгляд, является вариант, когда в большинстве своем проникновения проводили носители той же или близкой культуры, но не связанные родством с конкретными погребенными и не ограниченные ритуалом погребально-поминального цикла. Масштабы и планиграфия могильников Сопка-2/4А и Сопка-2/4Б подразумевают возможность использования

⁸ Они не вошли в основную выборку, поскольку мы их считаем случайными нарушениями.

их различными родовыми коллективами продолжительное время. В такой ситуации сакральность и исключительность места могли быть относительными. К тому же изымаемые предметы должны были использоваться в сходном хозяйственном или культурном контексте, в том числе ритуальные предметы.

Зафиксированы различия в практике проникновения у одиновской и кротовской культур. Факт, что могилы с яркими признаками одиновской погребальной практики на могильниках Сопка-2/4А и Сопка-2/4Б нарушались сравнительно реже, может подчеркивать особенности погребально-поминального цикла (например, контроль за родовым кладбищем). Сравнительная точность действий и возможный небольшой промежуток времени (сочленение нарушенных костей) говорят о незначительных культурных различиях между исполнителями захоронения в пределах обряда и копателями шурфов. С одиновскими культурными особенностями может быть связан и упомянутый редкий способ нарушения костей ног у взрослых женщин. К «одиновской» части тяготеют подобные факты и в могильнике Сопка-2/4Б (Гришин 2014).

Таким образом, имеются косвенные указания, что основной целью проникновения в могилы могли быть определенные «ценные» категории изделий: бронзовое оружие, редкие предметы искусства (культы) и украшения. Проникновение происходило, как правило, после разложения связующих скелет тканей. Зафиксирована разница отношения к обнаруженным останкам у исполнителей погребального обряда (на примере ярусных погребений) и копателей шурфов. С одной стороны, те, кто проникал в основную часть погребений, особого отношения к останкам не проявляли, инвентарь пытались изъять полностью, что нельзя сказать о костях человека. Информированность о структуре могил и планиграфии некрополя у них была относительно высока. С другой стороны, непосредственно в погребальной практике носители культуры достаточно бережно относились к обнаруженным останкам предков и их инвентарю. Основным императивом было сохранение комплекса *in situ* или в максимально приближенном виде. Хотя полной реконструкции комплекса после случайного нарушения не было. Сдвинутое оставалось на месте и не изымалось, хотя на первоначальное место («обратно в могилу») возвращалось весьма приблизительно. Это обстоятельство указывает на частое сочетание в рамках погребально-поминальных обрядов страха и уважения перед погребенными предками. Выражением страха перед конкретными умершими могут быть редкие случаи нарушения нижней части скелетов взрослых. Эти действия также могут быть отнесены к обрядовому погребально-поминальному циклу в качестве отражения нерегулярной, индивидуальной практики.

Аксёнов В. С. 2014. Полевые заметки к вопросу о пост-погребальной обрядности у аланского населения салтовомаяцкой культуры Подонцовья // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 262–267.

Белицкая А. А. 2014. Разрушенные погребения курганных могильников европейского Северо-Востока // Там же, 279–282.

Бондаренко А. В. 2014. Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам фелеровской культуры) // Там же, 539–542.

Бондаренко А. В., Гришин С. П. 2013. Нарушенные погребения елунинской культуры эпохи бронзы (по материалам могильника Телеутский Взвоз I) // Вестник НГУ. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография, 171–181.

Вдовченков Е. В., Ильяшенко С. М. 2014. К вопросу о хронологии ограблений некрополя Танаиса // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 20–22.

Гаврилюк Н. А., Тимченко Н. П. 2014. Феномен ограбления скифских погребений в «макроэкономике» Северного Причерноморья // Там же, 78–83.

Гонкало О. В. 2014. Так называемые ритуальные разрушения черняховских ингумаций: к вопросу о происхождении обряда // Там же, 94–97.

Гришин А. Е. 2002. Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 18 с.

Гришин А. Е. 2014. Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 548–551.

Епимахов А. В. 2014. Потревоженные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации // Там же, 561–563.

Каменецкий И. С. 1983. Код для описания погребального обряда // Краснов Ю. А. (ред.). Древности Дона.

Мат-лы работы Донской экспедиции. М.: Наука, 221–250.

Каменецкий И. С. 1985. Код для описания погребально-го обряда (часть вторая) // Каменецкий И. С. (ред.). Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.: Наука, 136–194.

Килуновская М. Е. 2014. Закономерности «разграблений» курганов скифского времени в Туве // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 110–112.

Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // В. А. Хршановский (ред.) Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.

Куфриянова Е. В. 2014. Манипуляции с предметами в погребениях эпохи бронзы: ограбление или ритуал (по материалам могильника Степное-7) // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 588–589.

Марченко Ж. В., Молодин В. И., Гришин А. Е., Орлова А. А. 2014. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Там же, 464–468.

Молодин В. И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука.

Молодин В. И. 2008. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Алексеев В. В. (ред.). Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 9–13.

Молодин В. И. 2011. Погребальная практика одиновской культуры // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (ред.). Труды III (XIX) ВАС (Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.). Т. 1. СПб.; М.; Вел. Новгород: ИИМК РАН, 252–254.

Молодин В. И. 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Т. 3. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Орлова А. А. 2010. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней — развитой бронзы // Деревянко А. П., Молодин В. И. (ред.). Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий 16. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 240–246.

Нелин Д. В. 2001. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Колев Ю. И. (отв. ред.). Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: ООО «Научно-технический центр», 317–321.

Очир-Горяева М. А. 2014. Постпогребальные обряды кочевников степей Евразии в скифскую эпоху // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 141–143.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. 2014. «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Там же, 628–631.

Садыхов Т. Р. 2014. Потревоженные, но не ограбленные погребения раннесредневекового могильника Харбас 1 в Приэльбрусье // Там же, 410–413.

Смирнов Н. Ю. 2014. Заместители черепов: к вопросу о происхождении одной традиции «ограбления» курганов в Туве // Там же, 649–650.

Флёров В. С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимеда.

Флёров В. С. 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус.

Шестопалова Э. Ю. 2014. Ритуальные разрушения погребений по материалам Дагомского и Архонского могильников // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. 2. Казань: Отечество, 444–448.

Хазанов А. М., Черненко С. В. 1979. Час і мотиви по грабування скіфських курганів // Археологія 30, 18–26.

Яценко С. А. 2013. О сарматских ограблениях синхронных курганов // ТПАИ 2 (8), 25–41.

Е. В. Куприянова

СЛЕДЫ ПОСТПОГРЕБАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В МОГИЛЬНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ: ОГРАБЛЕНИЕ ИЛИ ОБРЯД?
(НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ У С. СТЕПНОЕ)

Большинство больших погребений в некрополях эпохи бронзы Южного Зауралья оказываются нарушенными в древности. Следы разрушений в могилах традиционно называют «ограблениями». Однако анализ соответствующих материалов (скелетов и погребального инвентаря) синташтинской, петровской и алакульской культур в могильниках у с. Степное (Челябинская область, Россия) позволяет предположить обрядовый характер постпогребальных разрушений в захоронениях. Вероятно, обряд ограбления и разрушения скелетов являлся промежуточным символическим действием, совершаемым между разновременными погребениями в одной и той же могиле.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, погребальный обряд, захоронение, ограбление.

E. V. Kupriyanova. Traces of post-burial activity in the Bronze Age cemeteries: robbery or ritual? (With particular reference to the sites near the Stepnoye village). Most big graves at the Bronze Age cemeteries of South Trans-Urals were disturbed in the ancient time. These disturbances have traditionally been interpreted as «robbery». However, the analysis of the relevant evidence (skeletons and burial goods) from the burials of the Sintashta, Petrovka and Alakul cultures excavated at the Stepnoye VII and I cemeteries (Chelyabinsk region, Russia) suggests the ritual character of post-burial destructions. Probably, both the plundering of graves and destruction of skeletons were intermediate symbolic actions performed between different interments in the same grave.

Keywords: Bronze Age, South Trans-Urals, burial rite, grave, robbery.

Могильники Степное VII и Степное I в Южном Зауралье (близ современного поселка Степное, Пластовский район, Челябинская область) исследовались в 2000–2011 гг. отрядом археологической экспедиции Челябинского университета и Заповедника «Аркаим» под руководством автора и Д. Г. Здановича и в 2014 г. отрядом археологической экспедиции Челябинского университета под руководством автора. Памятники расположены в 1,5 км друг от друга и содержат материалы синташтинской, петровской и алакульской культур эпохи бронзы. В могильнике Степное VII (петровская и алакульская культуры) исследовано шесть погребальных комплексов и остатки одного комплекса, разрушенного песчаным карьером. В могильнике Степное I (синташтинская, петровская и алакульская культуры) исследовано шесть погребальных комплексов. Несмотря на разнокультурность материалов, очевидно, что оба памятника были оставлены родственными группами, если не одной и той же группой. В повторяющихся орнаментальных мотивах керамики, формах предметов, элементах обряда прослеживаются общие черты, при комплексном их рассмотрении выделяющие материальную культуру и обрядность обоих памятников как некую совокупность из массива синхронных могильников региона.

Следы нарушений погребений и различных действий, совершаемых через какое-то время после захоронений, практически отсутствуют в погребениях младенцев и фиксируются в 90 % больших ям, содержащих захоронения взрослых и детей старшей возрастной группы (табл. 1).

Однако в захоронениях, условно считающихся неограбленными, часто фиксируются следы вторжений и различного рода действий, относящиеся к более позднему времени, чем погребение тел умерших. Фактически, только небольшие одиночные погребения младенцев и ряд жертвенных ям могут считаться единовременно созданными комплексами, остальные объекты — в том виде, в котором они дошли до археологов — являются отражением последовательно совершавшихся обрядовых

Таблица 1. Следы «ограблений» в больших могильных ямах

Table 1. Traces of «robberies» in big grave pits

Памятник	Общее количество больших ям	Количество неограбленных ям	Количество ограбленных ям	
			С полностью разрушенными скелетами	С разрушенной верхней частью скелетов
Степное I	18	1	9	8
Степное VII	13	3	7	3

действий на протяжении определенного времени — периода использования комплекса. Можно согласиться с исследователями, указывающими на некорректность термина «погребальный обряд», как неверно отражающего суть содержания погребального памятника, и предлагающих заменить его понятием «некротфера ритуала» (Корусенко, Полеводов 2013). Действительно, если говорить о памятниках эпохи бронзы, то погребальный комплекс в целом и большинство отдельных объектов его пространства в древности функционировали в обрядовой непрерывности. Некрополи выполняли не только функции сокрытия мертвых тел соплеменников, но они были неотъемлемой частью духовной жизни общества и взаимодействия с миром богов, предков, потусторонними силами.

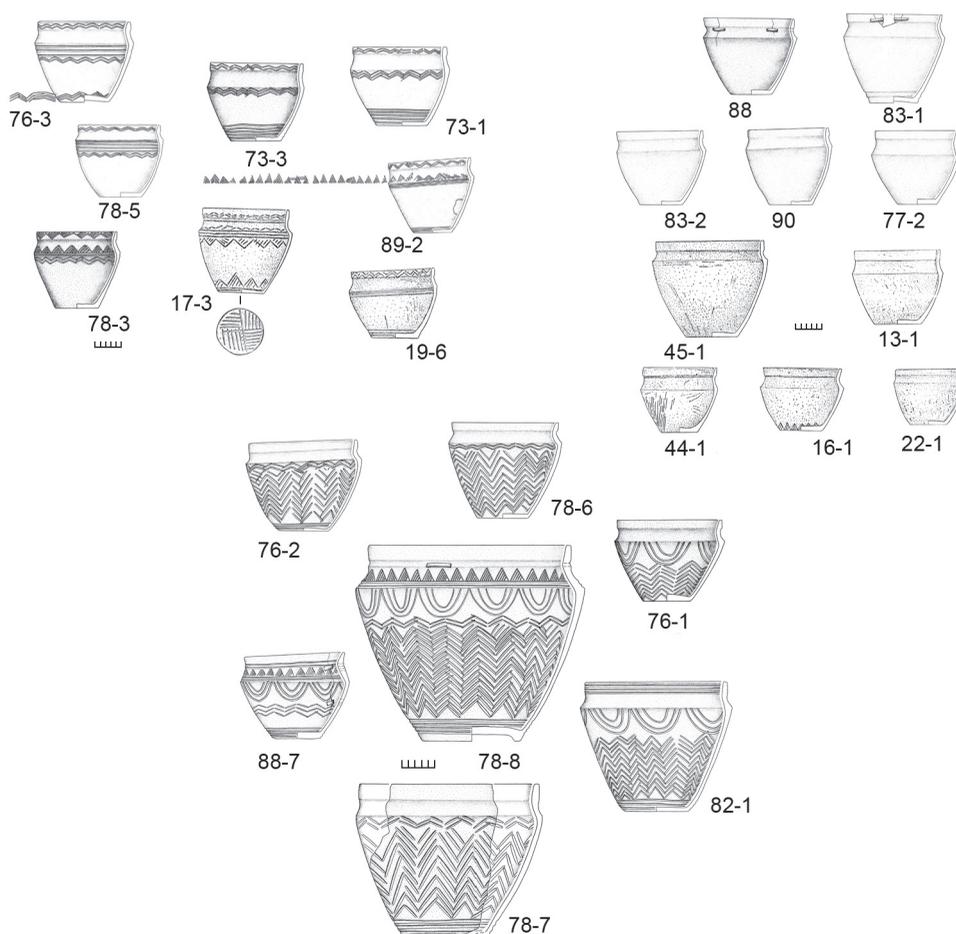

Рис. 1. Могильник Степное VII. Петровская группа погребений. Керамика петровского облика (цифрами указаны номера погребений и номера сосудов)

Fig. 1. Stepnoye VII cemetery, the Petrovka group of burials. Petrovka-style pottery (numerals designate inventory numbers of graves and vessels, respectively)

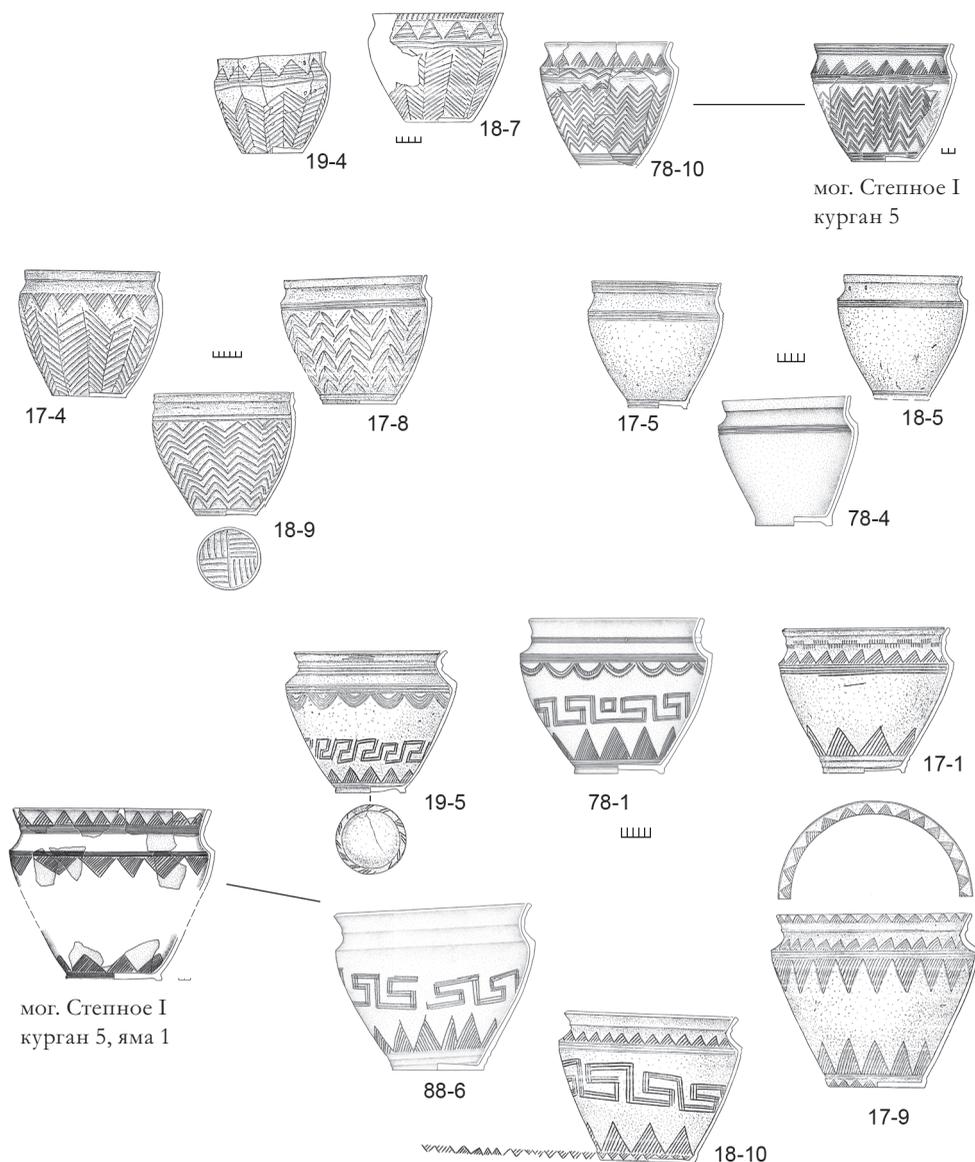

Рис. 2. Могилище Степное VII. Петровская группа погребений.

Керамика с синташтинскими чертами и стилистически идентичные сосуды из кургана 5 могилища Степное I (цифрами указаны номера погребений и номера сосудов)

Fig. 2. Stepnoye VII cemetery, the Petrovka group of burials.

Sintashta type pottery and stylistically identical vessels from barrow 5 of the Stepnoye I cemetery (numerals designate inventory numbers of graves and vessels, respectively)

В могилище Степное VII анализ пространственного распределения керамических сосудов выявил, что в петровских комплексах керамика из центральных погребений стилистически более монолитна, чем керамика из периферийных ям, и выполнена двумя гончарами или школами гончаров: одна из групп имеет типично петровский облик (рис. 1), вторая обладает синташтинскими чертами (рис. 2). Стилистический и пространственный анализ позволили предположить элитный характер двух данных групп керамики и наличие в обществе, оставившем могилище Степное VII, двух элитных групп населения, сосуществующих и взаимодействующих между собой. В то же время несколько стилистических серий (рис. 1) находят прямые аналогии в керамике могилища Степное I (Куприянова 2015).

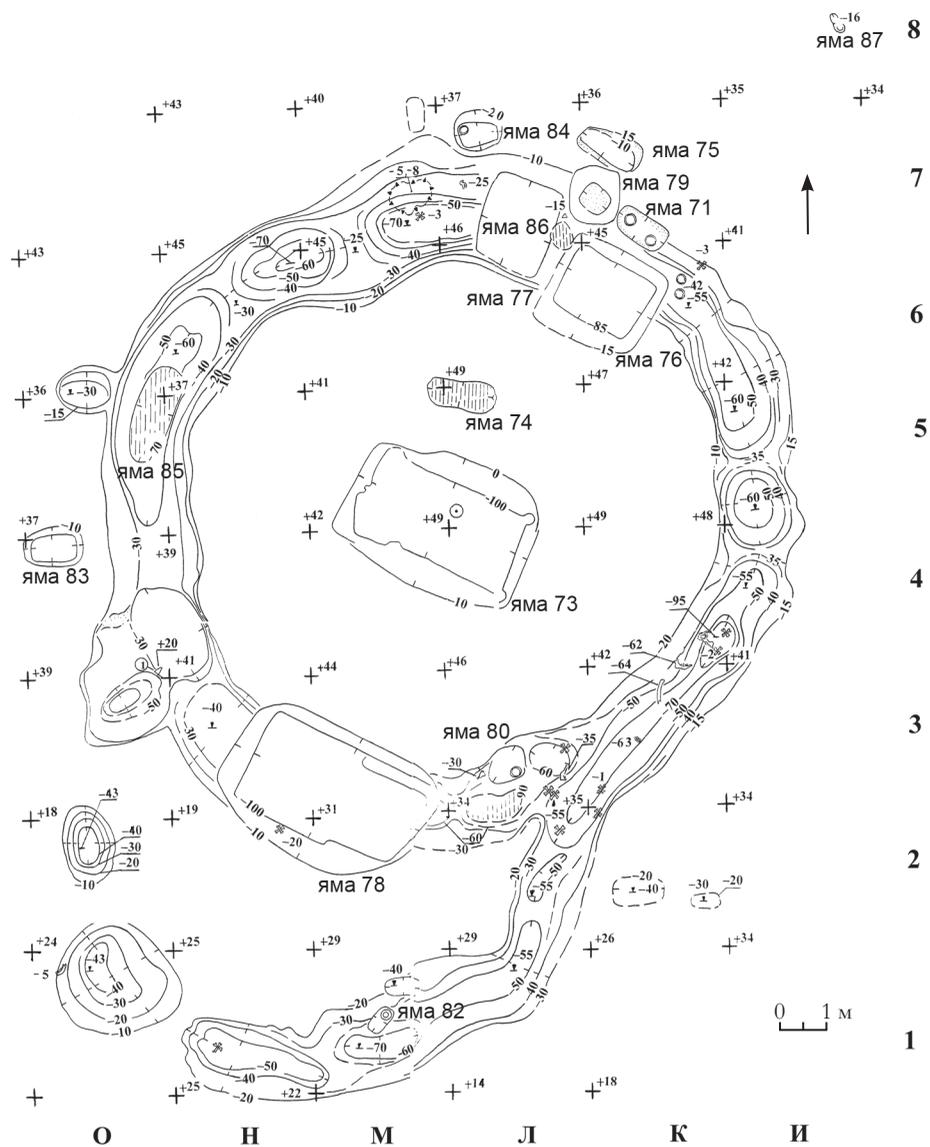

Рис. 3. Могильник Степное VII, погребальный комплекс 7 — пример дуальной организации пространства с 8-образным рвом и парными центральными ямами: 1 — каменный наконечник стрелы

Fig. 3. Stepnoye VII cemetery, burial complex 7 — an example of the dual organization of space with 8-shaped ditch and two central pits: 1 — stone arrowhead

Все центральные ямы петровских комплексов оказываются связанными между собой наличием в них керамики, изготовленной одними и теми же мастерами. Таким образом, предположительно, все комплексы создавались и функционировали одновременно. Можно смоделировать следующую схему использования некрополя. Центральные ямы петровских комплексов могильника Степное VII были созданы для погребения членов элитной группы (групп). Наличие двух элитных групп керамики может говорить о наличии двух кланов (линий элиты) внутри общины, имевших разное происхождение либо разные функции в обществе. Бинарность элитной части общества косвенно подтверждается двоичностью структуры погребальных комплексов: восьмеркообразной структурой, наличием двух центральных ям в комплексах (рис. 3). Можно предположить, что в социуме создателей могильников Степное VII и Степное I моделировалась зарождающаяся трехчастная структура общества, описанная Ж. Дюмезилем для ранних индоевропейцев: воины, жрецы, производящая страта. Ямы, содержавшие погребения в «позе объятия», символизирующие «священный брак», могли отражать существование

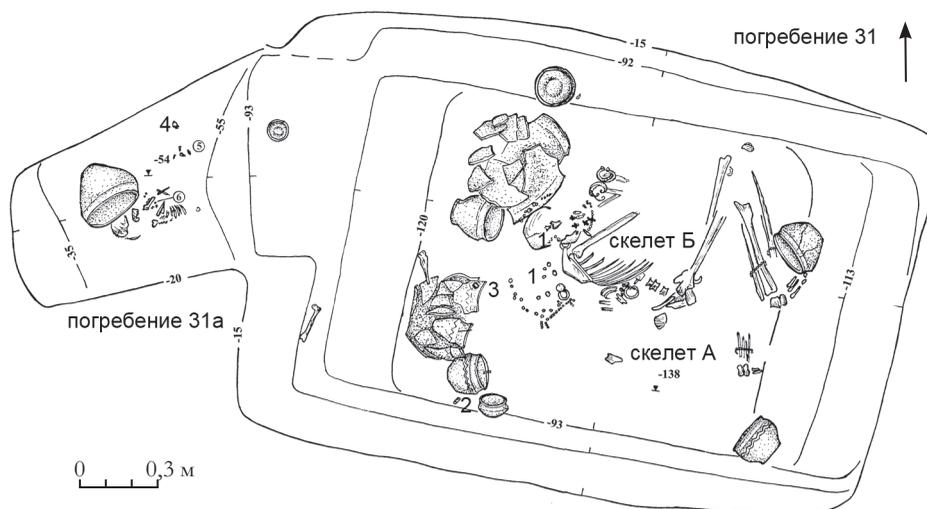

Рис. 4. Могильник Степное VII, яма 31 — двойное разновременное погребение с различной сохранностью останков погребенных: 1 — обломки подвески; 2 — обойма; 3 — трубочка; 4 — остатки органики; 5 — клепки; 6 — бусы (1, 2, 5 — бронза; 3 — кость; 6 — паста)

Fig. 4. Stepnoye VII cemetery, pit 31 containing two burials made in different times and showing different preservation of human remains: 1 — pendant fragments; 2 — casing; 3 — tube; 4 — organic remains; 5 — rivets; 6 — beads (1, 2, 5 — bronze; 3 — bone; 6 — paste)

жреческой страты, тогда как в погребениях, содержащих псалы, отпечатки колес, парные жертвоприношения лошадей, воссоздавалась символика военной прослойки общества. Для производящей группы общества трудно назвать типичную модель погребения, но следы ее отражения в обрядах фиксируются в пространстве некрополей, в частности, в немногочисленных артефактах, связанных с металлургией — шлаковых лепешках (кург. 1 Степное I), сплесках металла (погр. 17 Степное VII) и пр.

Присутствие керамики обеих элитных серий в каждой центральной коллективной яме могильника Степное VII говорит о том, что центральные ямы использовались одновременно или попеременно для погребения членов и той и другой элитной группы, т. е. принцип захоронения не был сугубо родовым, но социально-родовым. Одновременное существование нескольких центральных ям может объясняться тем, что погребения использовались поочередно. После совершения одноактного захоронения погребение на некоторое время закрывалось для использования по причинам как религиозного (боязнь соприкосновения с потусторонним миром), так и натуралистического (гниение трупов, страх перед эпидемиями) характера. После закрытия погребения ритуалы совершались в соседних ямах, которые также затем закрывались, а через определенное время совершались обряды ограбления и погребение вновь открывалось.

Использование больших ям в качестве склепов для многократного погребения подтверждается некоторыми материалами могильников Степное I и VII. В частности, в яме 31 (Степное VII) было совершено два разновременных захоронения — одно чуть сбоку и поверх другого (рис. 4). Различие в сохранности костей раннего и позднего скелетов может указывать на то, что после совершения первого погребения яма не была наглухо закрыта и останки погребенного на дне подвергались воздействию различных природных факторов. После совершения второго захоронения вход в яму был герметично перекрыт. В погр. 78 того же памятника остатки трех погребенных, лежащих *in situ*, занимают все место на дне камеры (рис. 5), тогда как в заполнении могилы были найдены останки еще нескольких индивидов. Все центральные ямы петровских комплексов имеют стандартные размеры. Останки погребенных, сохранившиеся *in situ*, показывают, что одновременно в пространстве погребальной камеры с учетом особенностей обряда могло располагаться не более трех тел. Нахождение останков большего количества индивидов в заполнении свидетельствует, на наш взгляд, о многократном использовании

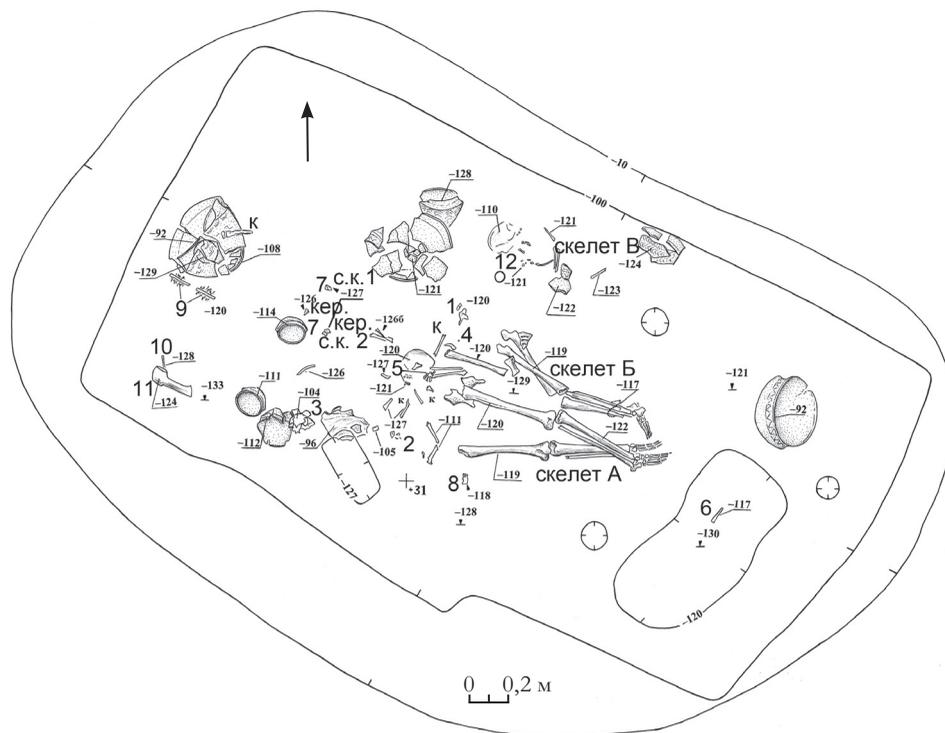

Рис. 5. Могилище Степное VII, яма 78 — остатки разрушенного тройного погребения: 1 — клык собаки; 2 — останки младенца; 3 — черепная коробочка человека под черепом коровы; 4 — окислы меди; 5 — бронзовое кольцо; 6 — обломок бронзового изделия; 7 — комплекс украшений; 8 — фрагмент верхней челюсти человека; 9 — остатки деревянного предмета с бронзовыми скрепками; 10 — бронзовое тесло; 11 — бронзовый топор; 12 — бусины из лазурита и пасты.

Условные обозначения: к — кость; кер. — керамика; с.к. — скопление костей

Fig. 5. Steppoye VII cemetery, pit 78, remains of a destroyed triple burial: 1 — dog canine; 2 — infant remains; 3 — human skullcap beneath a cow's skull; 4 — copper oxides; 5 — bronze ring; 6 — fragment of a bronze object; 7 — set of adornments; 8 — human maxilla fragment; 9 — remains of a wooden object with bronze clips; 10 — bronze adze; 11 — bronze axe; 12 — ultramarine and paste beads. Legend: к — bone; кер. — ceramics; с.к. — accumulation of bones

погребений. В могильнике Степное I, в погр. 10 кург. 4 на полу камеры зафиксировано два погребенных, а в грабительском прокопе в углу камеры встречены многочисленные кости нескольких индивидов — видимо, останки предыдущих захоронений.

Таким образом, фиксируемые в больших ямах материальные следы нельзя относить к одноактно совершенным погребениям и ограблениям. Изучение тафономических особенностей комплексов позволило отметить различные действия и манипуляции с артефактами и останками погребенных, совершавшиеся в процессе нарушения могил и носившие, видимо, обрядовый характер.

Погр. 17 и 18 являлись центральными ямами комплекса 4 могильника Степное VII. Погр. 18 «ограблено» полностью и, судя по заполнению, неоднократно (рис. 6). В верхних очертаниях фиксировались два одновременных грабительских прокопа. Все вещи и останки погребенных внутри камеры находились в смещенном состоянии. Погр. 17 (рис. 7) на начальных этапах вскрытия также демонстрировало признаки вторжения — очертания прокопа у западной стенки ямы, находки мелких украшений и фрагментов керамики в заполнении. Однако на дне камеры было расчищено нетронутое погребение трех индивидов — одно из самых богатых погребений эпохи бронзы в Южном Зауралье. Грабительским прокопом была разрушена верхняя часть накосного украшения одного из погребенных. В районе прокопа на дне располагались в комплексе (в скрещенном состоянии) вислообушный бронзовый топор и тесло. Специфическое положение предметов заставило предположить, что они

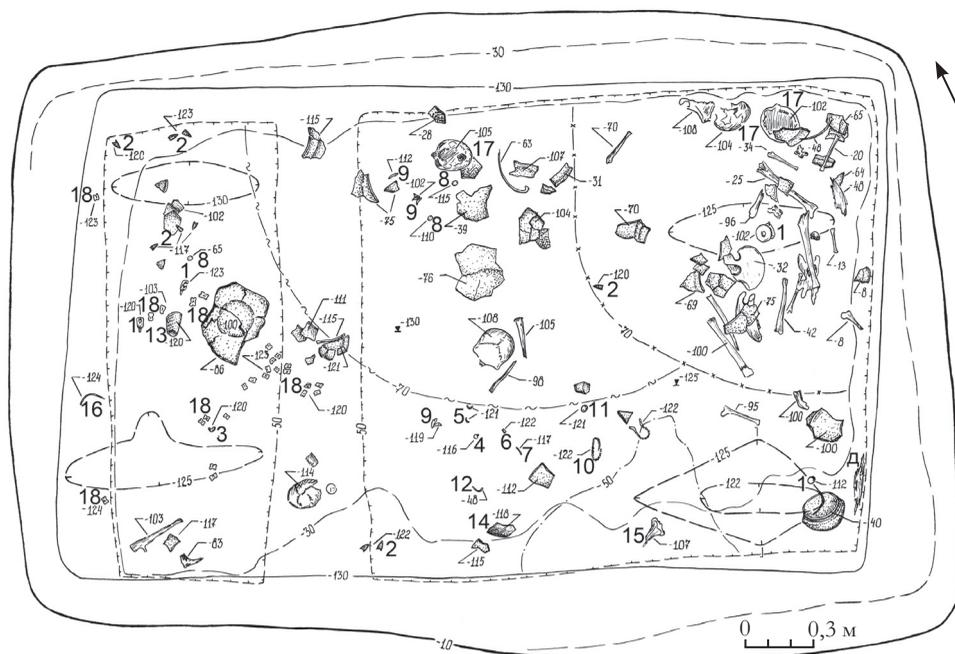

Рис. 6. Могильник Степное VII, яма 18, разрушенное погребение: 1 — псалии; 2 — наконечники стрел; 3 — изделие; 4 — кольцо; 5 — обломок височного кольца; 6 — обойма; 7 — круглая бляшка; 8 — полусферическая бляшка; 9 — подвески; 10 — бусы; 11 — большая полусферическая бляшка; 12 — обломок браслета; 13 — орудие; 14 — камень; 15 — голень крупного рогатого скота; 16 — ребро крупного рогатого скота; 17 — череп человека; 18 — астрагал мелкого рогатого скота (1 — рог; 2, 13, 14 — камень; 3, 15–18 — кость; 4–8, 10–12 — бронза; 9 — зуб животного)

Fig. 6. Stepnoye VII cemetery, pit 18, destroyed burial: 1 — psalia; 2 — arrowheads; 3 — unidentified article; 4 — ring; 5 — temple ring fragment; 6 — casing; 7 — round plaque; 8 — semispherical plaque; 9 — pendants; 10 — beads; 11 — big semispherical plaque; 12 — bracelet fragment; 13 — tool; 14 — stone; 15 — cattle shinbone; 16 — cattle rib; 17 — human skull; 18 — astragal (1 — antler; 2, 13, 14 — stone; 3, 15–18 — bone; 4–8, 10–12 — bronze; 9 — animal tooth)

были случайно брошены грабителями. Однако через несколько лет при раскопках погр. 78 (рис. 5) был обнаружен точно такой же набор предметов в аналогичном положении (вислообушный бронзовый топор и тесло в скрещенном состоянии), что исключает случайность их расположения (рис. 8). Общей чертой обряда обоих погребений было наличие в них пары индивидов, лежавших лицом друг к другу в «позе объятия». На дне погр. 17 были обнаружены также фрагменты сосуда, основная часть которого находилась в заполнении погр. 18. Указанные особенности заставляют предположить, что вторжение в погр. 17 и 18 происходило одновременно. Соответствие комплексов предметов в погр. 17 и 78 предполагают, что действия «грабителей» носили некий целенаправленный характер и обладали признаками ритуала.

Интересные материалы по реконструкции процесса ограбления дали исследования кург. 1 могильника Степное I в полевой сезон 2014 г. В центральной части кургана располагались три больших коллективных погребения, два из которых (ямы 1 и 3) были соединены переходом (рис. 9). Все три ямы имели схожую конструкцию — двухкамерные погребения, перекрытые надмогильными купольными конструкциями, сложенными из материкового песка, вынутаго при сооружении ям. На полу верхних камер в каждой яме располагались по несколько жертвенных комплексов, оплывших внутрь с разрушением перекрытий. На полу нижних камер совершались погребения. Во всех трех ямах фиксировались следы постпогребальных вторжений. В яме 3 артефактов и следов погребенных *in situ* практически не сохранилось (рис. 10), тогда как в ямах 1 и 2 вторжения носили явно символический характер — были

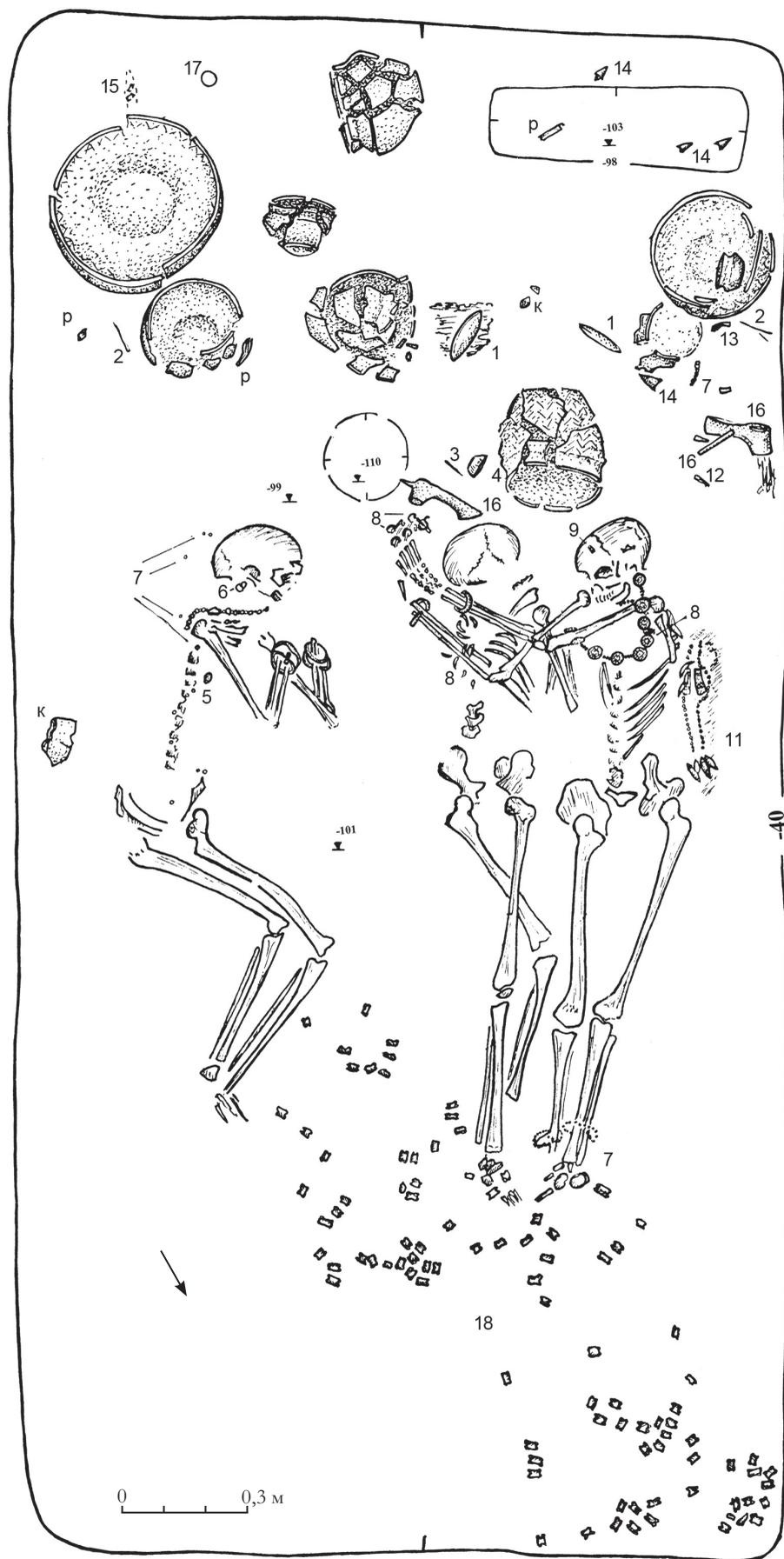

Рис. 7. Могильник Степанов VII, яма 17, тройное погребение: 1 — нож; 2 — игла; 3 — проколка; 4 — пряслице; 5 — бляшка; 6 — подвеска; 7 — бусы; 8 — кольцо; 9 — обойма; 10 — кляки-амулеты; 11 — накосник; 12 — пинцет; 13 — слесак металла; 14 — наконечник стрелы; 15 — деревянный предмет; 16 — топор-гесло; 17 — органика; 18 — астрагала. Условные обозначения: к — керамика; р — кость (1, 2, 5-9, 11-13, 16 — бронза; 3, 18 — кость; 4 — глина; 14 — камень)

Fig. 7. Stepanov VII cemetery, pit 17, triple burial: 1 — knife; 2 — needle; 3 — perforator; 4 — spindle whorl; 5 — plaque; 6 — pendant; 7 — beads; 8 — ring; 9 — casing; 10 — canines-amulets; 11 — hairpiece; 12 — pincers; 13 — metal speck; 14 — arrowhead; 15 — wooden object; 16 — axe-adze; 17 — organics; 18 — astragali. Legend: к — ceramics; р — bone (1, 2, 5-9, 11-13, 16 — bronze; 3, 18 — bone; 4 — clay; 14 — stone)

Рис. 8. Могильник Степное VII. Комплекс «топор + тесло»: 1 — яма 78; 2 — яма 17

Fig. 8. Stepnoye VII cemetery. «Axe + adz» set: 1 — pit 78; 2 — pit 17

разрушены верхние части почти всех скелетов, изъята керамика, но сохранилось много предметов инвентаря: псалии, стрелы и колчан, топор-тесло, наборные украшения и пр. (рис. 11). Фрагменты от нескольких сосудов были зафиксированы во всех трех ямах одновременно, что дает право предположить их одновременное «ограбление». В яме 3, соединенной переходом с ямой 1, надмогильный купол имел следы нарушения — отверстие, через которое проникли грабители и полностью нарушили погребение на дне. В яме 1, напротив, надмогильная конструкция была полностью цела и лишь опустилась внутрь в процессе разрушения, что говорит о том, что на момент проникновения купол был цел и проникновение в яму 1 было совершено через переход из ямы 3. Осведомленность, целенаправленность и скоординированность действий «грабителей», как и в других случаях, полностью исключает случайность подобных действий.

О символическом характере «ограблений» свидетельствуют общие признаки, характерные для «ограбленных» погребений эпохи бронзы:

1. Действия, совершаемые при нарушении могил, часто носят избыточный характер: зачастую все вещи полностью смещены, скелеты погребенных разрушены, фрагменты разбитых сосудов и кости погребенных выброшены из ям на погребальную площадку вокруг них, что не имело бы особого смысла, если бы ограбления имели утилитарный характер и их целью являлось изъятие ценных предметов погребального инвентаря. Картина полного хаоса и деструкции, заставаемая археологами при раскопках погребений эпохи бронзы, создает впечатления последствий гнева либо символической «борьбы» с обитателями склепа. Схожие следы наблюдают современные криминалисты на месте преступления — убийства, ограбления, где наличествовала борьба преступника и жертвы. При этом

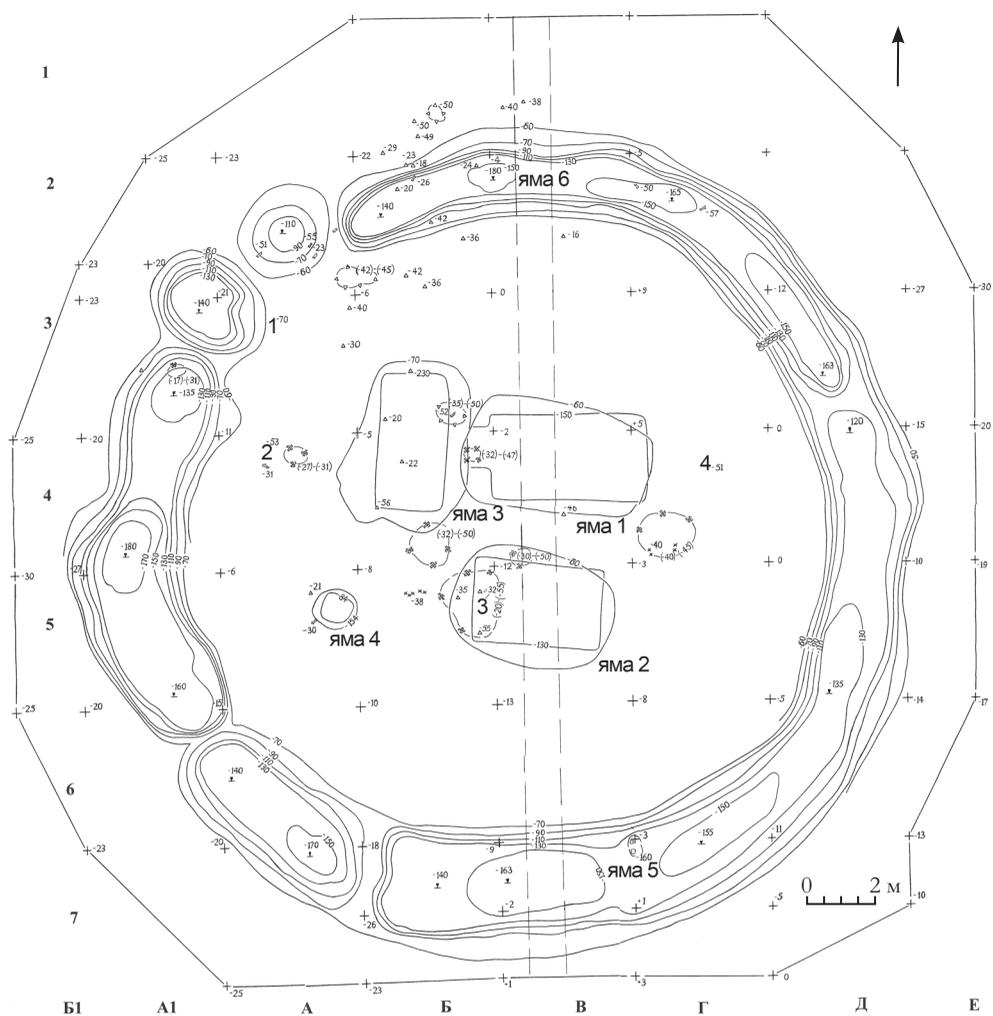

Рис. 9. Могилиник Степное I, общий план кургана 1

Fig. 9. Stepnoye I cemetery, plan of barrow 1

очень часто в полностью и частично разрушенных могилах оставались нетронутыми целые вещи, в том числе, массивные предметы из бронзы.

2. Одинаковые черты «ограблений» заставляют предполагать, что люди, совершавшие их, руководствовались определенными правилами. Так, в тех случаях, когда в «ограбленных» могилах сохранились остатки тел погребенных (табл. 1), в подавляющем большинстве можно наблюдать, что полному разрушению целенаправленно подвергалась верхняя часть тела погребенных — до пояса, а тазовые кости и кости ног оставались *in situ* (рис. 11). Эта типичная наблюдаемая картина заставляет предположить, что страх вызвала сохранность именно верхней части тела — головы и рук, а ее нарушение делало останки погребенного безопасными. Ассоциативные связи с данными действиями вызывают зафиксированные у некоторых древних и современных традиционных народов поверья о нескольких видах душ, обитающих в одном человеческом теле (Перевалова 1992: 90–91), и некоей враждебной сущности, не являющейся собственно душой или личностью умершего, но какой-то ее частью, связанной с телом, остающейся при нем после смерти и обитающей вокруг до тех пор, пока сохраняется его целостность (см. Писарчик 1976: 160).

В могилиниках Степного в тех случаях, когда зафиксированы очертания грабительских прокопов, видно, что вторжения в погребения осуществлялись с северной стороны. Эта и другие детали ясно демонстрируют, что «грабители» были хорошо осведомлены об архитектуре погребальных камер. Сохранность после разрушения скелетов различных сдвинутых частей (конечностей,

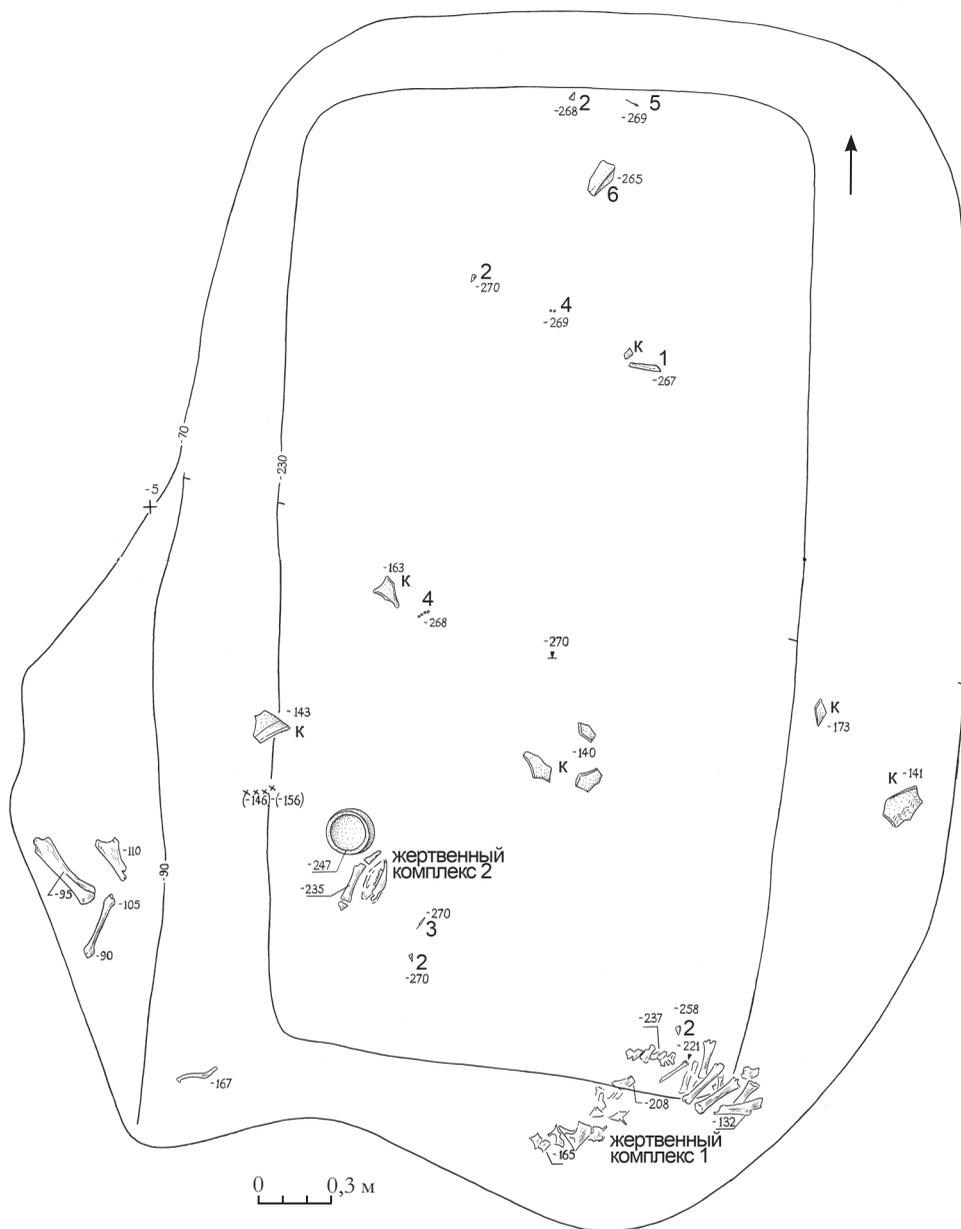

Рис. 10. Могильник Степное I, курган 1, погребение 3 — типичная картина полного разрушения погребения: 1 — бронзовый топор-тесло; 2 — каменный наконечник стрелы; 3 — бронзовое шило с деревянной рукояткой; 4 — пастовые бусы; 5 — бронзовая игла; 6 — каменное орудие. Условное обозначение: к — керамика

Fig. 10. Stepnoye I cemetery, barrow 1, grave 3, picture typical of a completely destroyed burial: 1 — bronze axe-adze; 2 — stone arrowhead; 3 — bronze awl with a wooden handle; 4 — brads of paste; 5 — bronze needle; 6 — stone tool. Legend: к — ceramics

позвоночника и пр.) в сочленении свидетельствует об относительно небольшом периоде времени (несколько лет), проходящем с момента захоронений до нарушения погребений, т. е. даже в пределах одного поколения в обществе.

3. Иногда в погребениях фиксируются манипуляции с вещами, носившие символический характер и явно совершенные после захоронения в процессе вторжения. Кроме упоминавшихся действий с топором и теслом, в нескольких ямах в неразрушенные сосуды были помещены различные предметы: клыки-амулеты, кости животных, наконечник стрелы, другой сосуд.

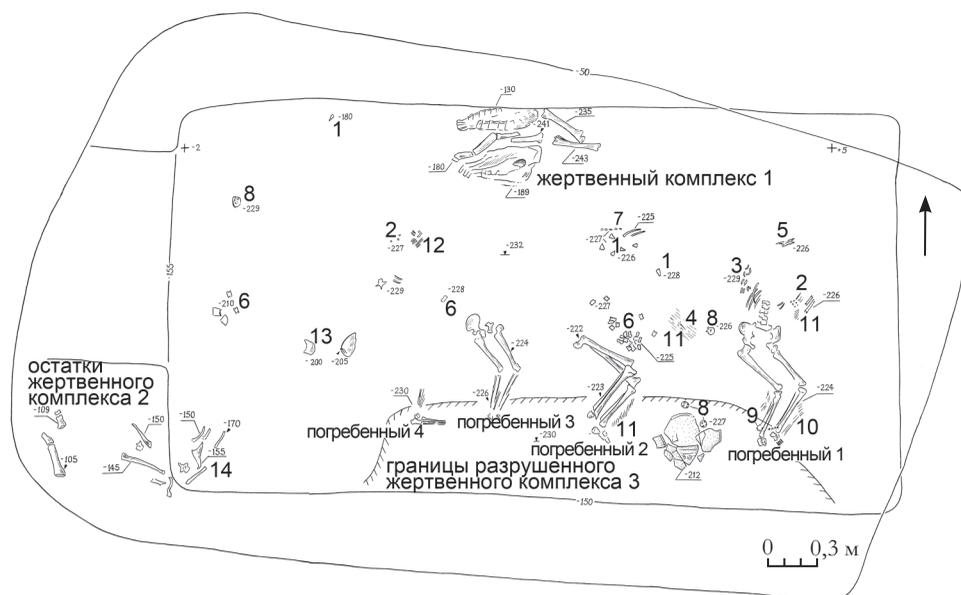

Рис. 11. Могильник Степное I, курган 1, погребение 1 — типичная картина разрушения верхней части скелетов в захоронениях эпохи бронзы: 1 — каменный наконечник стрелы; 2 — скопление бусин; 3 — клыки-амулеты; 4 — бронзовая проколка с деревянной рукояткой; 5 — фрагмент деревянной плахи; 6 — астрагал, набор астрагалов; 7 — хвостовые позвонки животного; 8 — роговой псалий; 9 — низки бронзовых бус; 10 — остатки войлока; 11 — органика; 12 — кисти рук погребенного № 4; 13 — череп человека; 14 — скопление костей человека

Fig. 11. Stepnoye I cemetery, barrow 1, grave 1, destruction of the upper part of the skeleton typical of the Bronze Age burials: 1 — stone arrowhead; 2 — accumulation of brads; 3 — canines-amulets; 4 — bronze perforator with a wooden handle; 5 — fragment of a wooden block; 6 — astragalus, a set of astragali; 7 — animal tail vertebrae; 8 — antler psalium; 9 — chains of bronze beads; 10 — felt residues; 11 — organics; 12 — hand bones of skeleton 4; 13 — human skull; 14 — accumulation of human bones

Описанные выше наблюдения особенностей нарушения погребений в могильниках Степное I и VII заставляют предположить, что фиксируемые постпогребальные действия носили не утилитарный, а ритуальный характер. Следы символических действий, зафиксированные в разрушенных погребениях, показывают, что нарушения совершались с некими сопутствующими ритуалами. Зафиксированная одновременность вторжения в несколько погребений, знание архитектуры памятника предполагают скоординированность и планомерность действий «грабителей». Изъятие ценных предметов из бронзы явно было лишь одной, не самой главной мотивацией. Другой четко фиксирующейся целью было стремление к разрушению тел погребенных, преимущественно, их верхних частей, что, возможно, предшествовало подготовке могилы для совершения следующего захоронения. Таким образом, обряд «ограбления», сопровождаемый действиями очистительного характера, возможно, являлся промежуточным символическим действием между несколькими погребальными актами.

Карусенко М. А., Полеводов А. В. 2013. Некросфера ритуала: к содержанию понятия // Томилов Н. А. (ред.). Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Т. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 100–105.

Куприянова Е. В. 2015. Стилиевые вариации керамического комплекса могильника Степное VII в социо-культурном аспекте функционирования некрополей эпохи

бронзы Южного Зауралья // Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 144–178.

Перевалова Е. В. 1992. Эротика в культуре хантов // Головин А. В. (ред.). Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 85–97.

Писарчик А. К. 1976. Смерть. Похороны // Кисляков Н. А., Писарчик А. К. (ред.). Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 118–164.

М. Т. Кашуба

ПОГРЕБЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИЯХ
В РАННЕГАЛЬШТАТТСКОЙ КУЛЬТУРЕ САХАРНА ВОСТОЧНОГО ПРИКАРПАТЬЯ:
НОРМА ИЛИ ИСКЛЮЧЕНИЕ?

Статья посвящена проблеме погребений на поселениях, которые часто трактуются как альтернативные формы захоронений. В качестве примера рассматривается раннегальштаттская (карпато-дунайская) культура Сахарна Восточного Прикарпатья (рис. 1). В этой культуре помимо погребений в могильниках (45) известны погребения на поселениях (4), находки человеческих черепов и/или их фрагментов в культурном слое поселений (4), а также депонирование частей человеческих скелетов (29) на поселениях (рис. 2–8). Пока единственным случаем остаются ритуальные скопления с искусственно обработанными костями человеческих скелетов (рис. 7; 8), которые являются специальным депонированием человеческих скелетов в объемных емкостях из органических материалов (дерево, кора или кожа). Население культуры Сахарна практиковало несколько способов захоронения умерших: на земле (на уровне древнего горизонта), в земле (в грунтовых ямах на могильниках или в специально подготовленных ямах на поселениях) и воздушный тип захоронения (на дереве/помосте). Захоронения на поселениях составляли одну из норм в погребальной практике. Приведены аналогии среди родственных и/или синхронных окружающих культур Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья (рис. 9; 10).

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Восточное Прикарпатье, ранний железный век, культура Сахарна, погребения на поселениях, воздушные погребения, поминальный обряд.

M. T. Kashuba. Settlement burials in the Early Hallstatt culture of Saharna in the East Carpathian area: norm or exclusion? The paper deals with the problem of settlement burials, which are often treated as an alternative form of interment. The study is based on the materials of the Early Hallstatt culture of Saharna in the East Carpathian area (fig. 1). In addition to numerous Saharna cemeteries (45), there are known also burials on settlements (4), finds of human skulls and/or their fragments in occupation layers (4), as well as depositions (29) of human skeletal remains on settlements (figs. 2–8). Unique in their kind are ritual accumulations of artificially worked human bones (figs. 7; 8) deposited in voluminous containers made of organic materials (wood, bark or leather). The Saharna culture people practiced several methods of interring their dead: on the surface, in the earth (grave pits on cemeteries or specially prepared pits on settlements), and above ground (on trees/platforms). Burials on settlements can be considered as one of the norms of their funerary traditions. The Saharna burials have analogies in the related or coeval cultures of the East Carpathian and Lower Danube regions (figs. 9; 10).

Keywords: Southeastern Europe, East Carpathian area, Early Iron Age, Saharna culture, settlement burials, above-ground burials, commemorative ritual.

Введение

Погребения в могильниках рассматриваются исследователями как норма обращения с умершими в древних обществах, иные же виды захоронений человеческих скелетов и/или их частей обычно причисляют к нетипичным комплексам. К последним относятся погребения на поселениях, получившие название «специальное погребение» и/или «погребение на поселении» — *Sonderbestattung*, *Siedlungsbestattung* (нем.) или *deviant burial*, *settlement burial* (англ.) (см. Aspöck 2008). Интерпретация таких комплексов сводится к нескольким основным вариантам: 1) захоронения людей низкого социального статуса — военнопленных, рабов и др.; 2) жертвы «плохой» смерти вследствие несчастного случая,

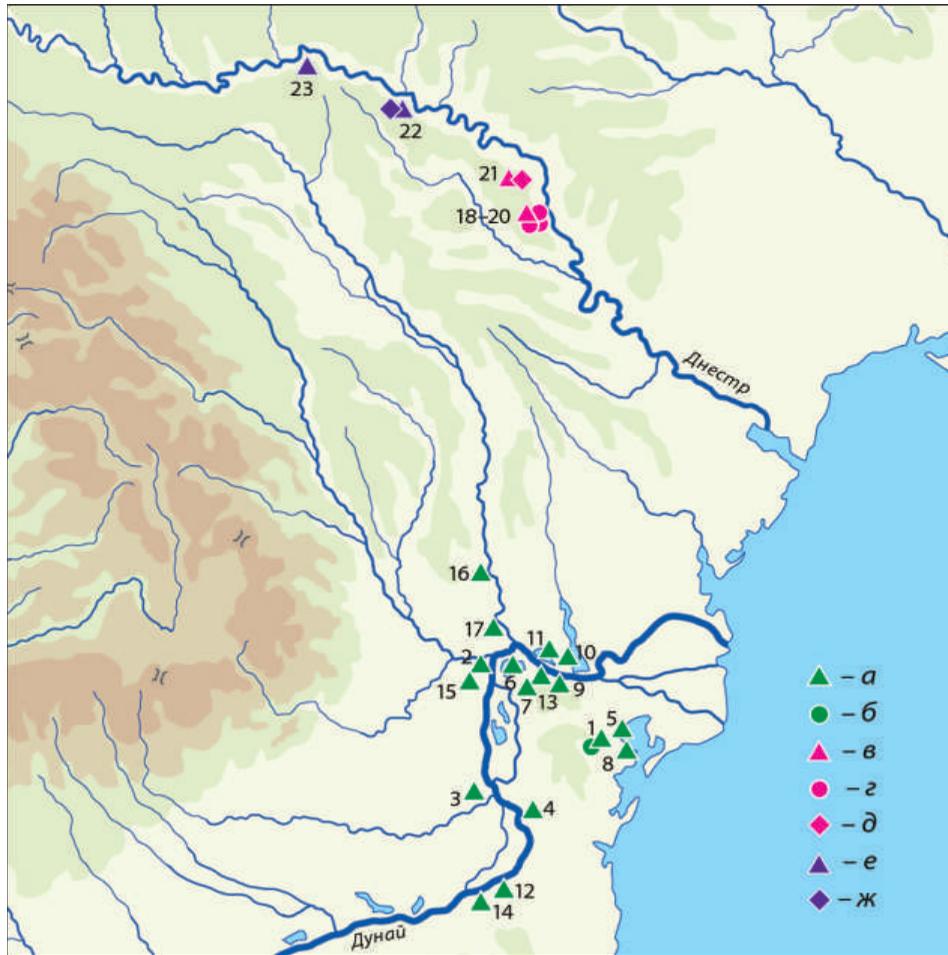

Рис. 1. Погребения и остатки человеческих скелетов на поселениях начального периода раннего железного века (XI–VIII вв. до н. э.) в Восточном Прикарпатье и Нижнем Подунавье. 1 — Бабадаг; 2 — Брэила-Брэилица; 3 — Буку; 4 — Капидава; 5 — Енисала-Паланка; 6 — Гарвэн-Млэжитул Флорилор; 7 — Жижила-Четэцуיע; 8 — Журиловка-Оргаме; 9 — Никулицел-Корнет; 10 — Новосельское; 11 — Орловка-Картал II; 12 — Расова-Малул Рошу; 13 — Ревэрсаря-Дялул Тикилешть; 14 — Сату Ноу-Валя луй Войку; 15 — Силиштя-Конак; 16 — Сучевень-Сторборэнь; 17 — Тэмэоань; 18 — Сахарна Маре; 19 — Сахарна-Дялул Мэнэстирий; 20 — Сахарна Микэ; 21 — Хлижень II-Ла Шань; 22 — Тэтэрэука Ноуэ XV; 23 — Непоротово.

Условные обозначения: а — погребения, культура Бабадаг; б — черепа и их фрагменты, культура Бабадаг; в — погребения, культура Сахарна; г — черепа и их фрагменты, культура Сахарна; д — искусственно обработанные фрагменты черепов и костей человека, культура Сахарна; е — погребения, позднечернолесская культура Среднего Днестра; ж — искусственно обработанные фрагменты черепов и костей человека, позднечернолесская культура Среднего Днестра (по Кашуба 2000б; Kašuba 2008; Niculiță, Niciu 2011; Ailincăi et al. 2014)

Fig. 1. Burials and human skeletal remains on the settlements of the initial stage of the Early Iron Age (11th–8th cc. BC) in the East Carpathian and Lower Danube regions. 1 — Babadag; 2 — Brăila-Brăilița; 3 — Bucu; 4 — Capidava; 5 — Enisala-Palanca; 6 — Garvăn-Mlăjitul Florilor; 7 — Jijila-Cetățuie; 8 — Jurilovca-Orgame; 9 — Niculițel-Cornet; 10 — Novosel'skoe; 11 — Orlovka-Kartal II; 12 — Rasova-Malul Roșu; 13 — Revărsarea-Dealul Tichilești; 14 — Satu Nou-Valea lui Voicu; 15 — Siliștea-Conac; 16 — Suceveni-Stoborăni; 17 — Tămăoani; 18 — Saharna Mare; 19 — Saharna-Dealul Mănăstirii; 20 — Saharna Mică; 21 — Hligeni II-La Șanț; 22 — Tătărauca Nouă XV; 23 — Noporotovo. Legend: a — Babadag culture burials; б — Babadag culture, skulls and skull fragments; в — Saharna culture burials; г — Saharna culture, skulls and skull fragments; д — Saharna culture, intentionally worked fragments of human skulls and other bones; е — burials of the Late Chernoles culture in the Middle Dniester region; ж — Late Chernoles culture of the Middle Dniester region, intentionally worked fragments of human skulls and postcranial bones (after Кашуба 2000б; Kašuba 2008; Niculiță, Niciu 2011; Ailincăi et al. 2014)

убийства и др.; 3) ритуальные жертвы (см. Müller-Scheeßel 2013b; Gramsch 2013: 511 ff.). В целом все объяснения остаются трудно доказуемыми и фактически равнозначными. Однако известны случаи, когда «специальное погребение» имело те или иные особенности, свидетельствующие о ритуальном характере комплекса. Вероятное наличие ритуального контекста с учетом общего числа находок позволяет поставить вопрос, какой группе населения могли принадлежать эти погребения, и какую роль в обществе она выполняла. В качестве примера в работе рассматриваются «специальные погребения» в раннегалльштаттской культуре Сахарна и в некоторых родственных и/или синхронных культурах раннего железного века из Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья (рис. 1).

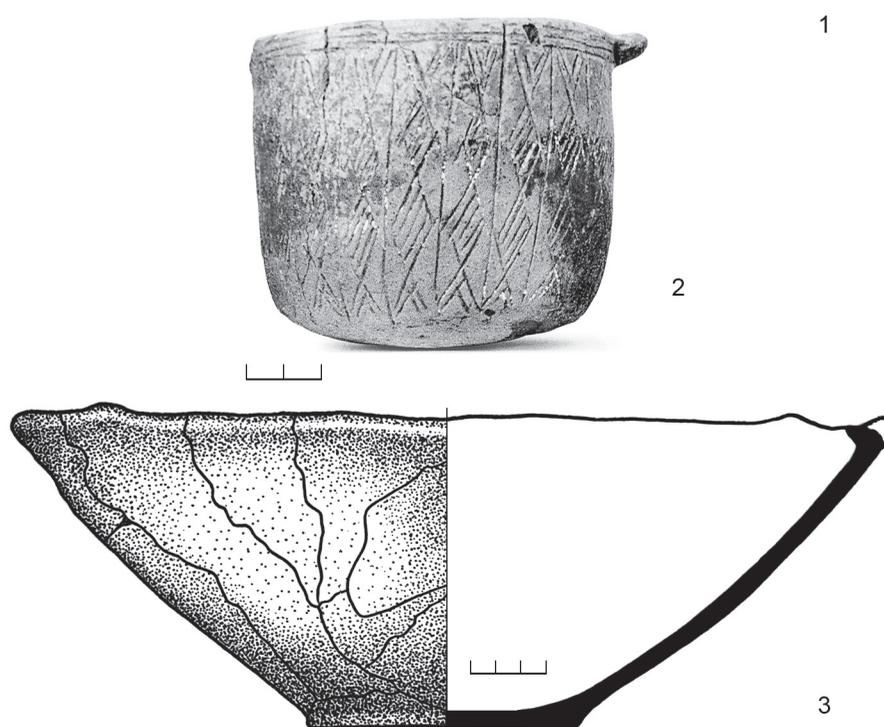

Рис. 2. Культура Сахарна, курганные погребения со смещением. Могильник Сахарна I (Цыглэу), курган II, погребение 1: 1 — парное со смещением; 2–3 — инвентарь, выборочно, обожженная глина (1–2 — фотографии Г. П. Сергеева, 1950 г.)

Fig. 2. Burial mounds of the Saharna culture. Cemetery of Saharna I (Țiglău), barrow II, grave 1: 1 — displaced double burial; 2–3 — selected burial goods, fired clay (1–2 — photographs by G. P. Sergeev, 1950)

Типичные и нетипичные погребения культуры Сахарна

Культура Сахарна (восточный вариант культуры Козия-Сахарна) принадлежит к числу гальштаттских (карпато-дунайских) культур, она распространена в лесостепной части Днестро-Сиретского междуречья или в Восточном Прикарпатье и датируется концом XI — рубежом IX/VIII вв. до н. э.

1

2

Рис. 3. Культура Сахарна, курганные погребения. Могильник Сахарна I (Цыглэу):
1 — курган VI, погребение 1, парное со смещением, после выборки каменной ограды;
2 — курган VIII, погребение 1, парное (фотографии Г. П. Сергеева, 1950 г.)

Fig. 3. Burial mounds of the Saharna culture. Cemetery of Saharna I (Țiglău):
1 — barrow VI, grave 1, displaced double burial; 2 — barrow VIII, grave 1, double burial
(photographs by G. P. Sergeev, 1950)

(см. Кашуба 2013: 233 сл. с цит. лит.). Помимо погребений на некрополях в культуре Сахарна известны погребения на поселениях, целые или фрагменты человеческих черепов в культурном слое поселений, а также депонирование частей человеческих скелетов на поселениях (Гольцева, Кашуба 1995: 11–20, 30–31; Литвинова 1995: 91 сл.; Кашуба 2000а: 332–339; Kašuba 2008: 106 ff.; 2009: 181–185; 2014; Niculiță, Nicic 2011). Согласно корреляции двух основных типов погребальных сооружений (курганные и бескурганные) с позой, ориентировкой погребенного и основными категориями погребального инвентаря были выделены шесть основных вариантов захоронений культуры Сахарна.

Погребения на некрополях

Могильники культуры Сахарна монокультурны, функционировали как стационарные некрополи и располагались в непосредственной близости от поселений. Погребения (45) представлены курганными (I тип — 69 %) и бескурганными (II тип) комплексами, в конструкциях использовался камень известняк (небольшая каменно-земляная или земляная насыпь с кромлехом); характерны ингумация (93 %), скорченное положение погребенных на левом или правом боку с преобладающей широтной (ЮВ–В) ориентировкой. В 11 случаях в курганных погребениях зафиксированы тризны, расположенные в ЮВ и В частях насыпи — это фрагменты черпаков/кубков и костей животных (в одном случае кости были обгорелыми). В четырех случаях тризны в курганах было несколько — могильник Сахарна II (Гура Хлубоака), кург. III, IV, V и VI.

Среди ингумаций преобладают одиночные захоронения (64 %), около трети составили парные (29 %) и коллективные — 7 % (рис. 2; 3). Во всех неограбленных захоронениях обнаружен погребальный инвентарь, среди которого преобладают керамика и бронзовые украшения. Посуда присутствовала в каждом захоронении: погребенного сопровождал черпак (в изголовье) в сочетании с миской или/и горшком (в ногах); при этом в парных и коллективных захоронениях ее количество пропорционально увеличивалось. Погребальная керамика отличается худшим качеством изготовления.

Для рассматриваемой в настоящей статье проблемы интерес представляют захоронения на уровне древнего горизонта, в небольших чашеобразных углублениях (тип I, вариант I.1 — 18, или 58 %), чаще всего ограниченных кромлехом из наклонных каменных плит с одной, двумя или четырьмя перемычками или кромлехом из мелких и средних по размерам известняковых плиточек. Среди этих погребений зафиксированы случаи (4, или 22 %), когда в пределах каменного кольца были прослежены зола и древесные угольки. Предположительно, они являлись остатками сожженных временных надмогильных сооружений в виде легких деревянных конструкций — шалашей, шатров или навесов (могильник Сахарна I (Цыглэу), кург. II–IV). В пяти случаях в погребениях этого типа зафиксированы остатки ритуального характера в виде сожжений и зубов (костей) лошади, крупного и мелкого рогатого скота, в одном случае — кости птицы и две раковины лесных улиток были сожжены в горшке.

Отмечу, что в «погребальной норме» культуры Сахарна треть комплексов (12, или 29 %) составляют погребения со смещением (демембрацией¹). Они наиболее характерны для парных захоронений, например, на могильнике Сахарна I (Цыглэу) шесть, или 75 % комплексов (из восьми) были со смещением (рис. 2: 1; 3: 1) и только в двух случаях зафиксировано одновременное захоронение обоих умерших (рис. 3: 2). В одних случаях совершалось подзахоронение в существующее погребальное сооружение, при этом первичный скелет полностью или частично смещался, соответственно, вторичный оставался в анатомическом порядке. В других случаях осуществлялось захоронение отдельных костей (чаще всего череп и верхняя часть скелета), перенесенных в существующее погребальное сооружение из другого места. В одном случае (могильник Сахарна II (Гура Хлубоака), кург. III) под насыпью в северной части кургана, на уровне древнего горизонта (гл. 0,58 м) была найдена челюсть человека.

Вероятное наличие временных надмогильных сооружений, остатки ритуального характера в виде сожжений и погребения со смещением (демембрацией) показывают, что погребения на уровне древнего горизонта в течение какого-то периода времени оставались в открытом виде под легкими

¹ В отношении археологического материала эпохи бронзы Восточной Европы термин «демембрация» (или расчленение) стал применять С. Д. Лысенко (см. Лысенко 2003; Лысенко 2015). Он использовал сравнительно широкое определение, данное Ю. А. Смирновым: некие действия, нарушающие анатомическую целостность тела умершего, что приводит к его частичному или полному расчленению; при этом речь о причинах демембрации — естественные они или искусственные — не идет (см. Смирнов Ю. А. 1997: 163). Я также рассматривала возможность использования этого термина (Kašuba 2008).

деревянными конструкциями. Это может свидетельствовать о том, что они функционировали как сравнительно долговременные сооружения.

Погребения на поселениях

Среди бескурганых захоронений (тип II) выделен вариант II.3 — погребения на поселениях в простых ямах (4). Охарактеризую эти комплексы.

Поселение Сахарна-Дялул Мэнэстирий — два погребения (рис. 1: 19). О раскопанном в середине XX в. погребении известно, что скелет в скорченном положении, на правом боку, находился в яме круглой формы и колоколовидной в сечении, гл. 1,5 м. Заполнение ямы состояло из чернозема и прослоек материковой глины (Смирнов Г. Д. 1949: 95–97) — это позволяет предположить, что обычная яма была подготовлена для захоронения.

Хорошо прослежен контекст второго погребения (2008 г., комплекс 32, яма 24), совершенного в яме неправильной круглой формы, колоколовидной в сечении (диаметр по верху 1,3 м; диаметр по дну 1,6 м) и гл. 0,84 м (рис. 4). Заполнение ямы состояло из чернозема, перемешанного с камнями и золой. Скелет взрослого человека лежал на дне, в южной части ямы, головой на З–ЮЗ, лицевой частью к Ю (к стенке ямы), на правом боку, с подогнутыми ногами под прямым углом в коленях. Правая рука вытянута и слегка отведена к С от туловища, левая рука согнута, закрывая кистью лицевую часть. В области головы, в ЮЗ стенке ямы, вырыта полуовальная ниша размерами 0,2 × 0,2 м. На дне в центре ямы

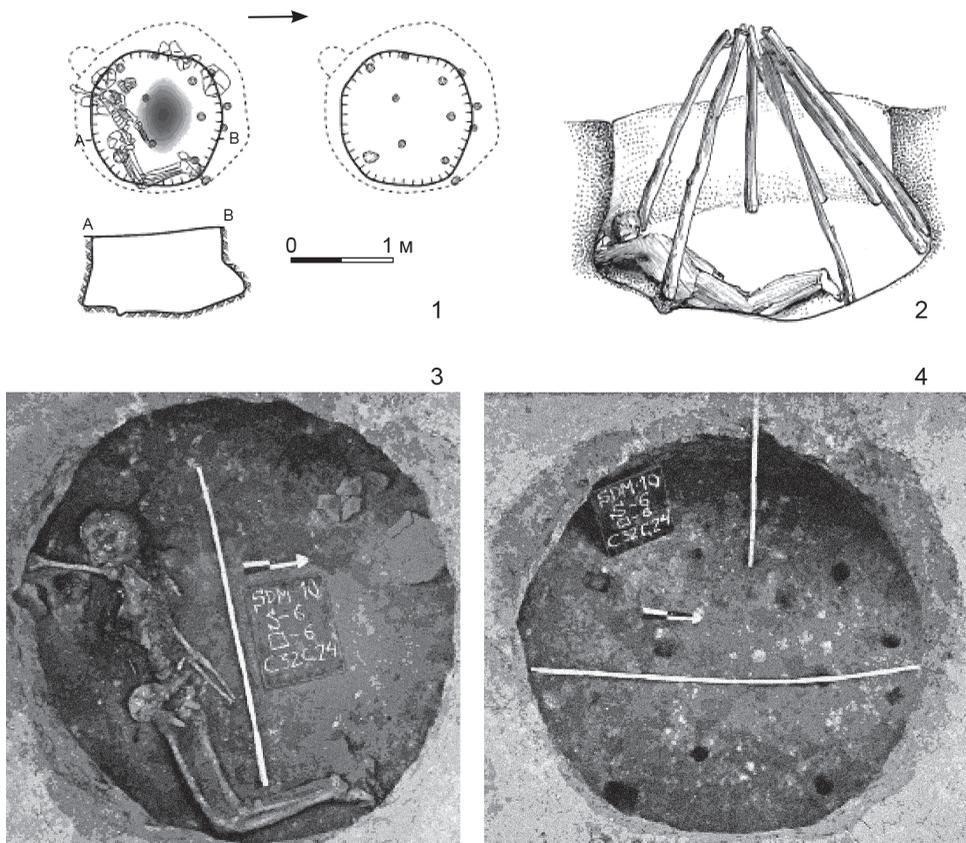

Рис. 4. Культура Сахарна, погребение на поселении Сахарна-Дялул Мэнэстирий (2008 г., комплекс 32, яма 24): 1 — план и разрез; 2 — графическая реконструкция; 3–4 — фотографии комплекса в процессе раскопок: со скелетом (3) и после снятия скелета (4) (по Niculiță, Niciu 2011: fig. 2; 3)

Fig. 4. Saharna culture, burial on the settlement of Saharna-Dealul Mănăstirii (2008, complex 32, pit 24): 1 — plan and section; 2 — graphic reconstruction; 3–4 — photographs taken in the course of excavation before (3) and after (4) the skeleton was removed (after Niculiță, Niciu 2011: fig. 2; 3)

зафиксировано золистое пятно овальной формы (З–В) размерами 0,8 × 0,68 м. В противоположной от скелета части ямы, в СЗ стенке подбоя, на дне, прослежена выкладка подпрямоугольной формы из фрагментов керамики. На дне ямы зафиксированы 12 ямок от жердей (диаметр 8–12 см, гл. до 8,5 см), восемь из которых располагались по кругу внешнего периметра ямы, а четыре — по центру, образуя неправильный четырехугольник размерами 0,45 × 0,6 м.

Инвентарь: возле скелета — в грудном отделе находились четыре фрагмента сильно пережженной глины размерами 15 × 15 × 5 см. В области шеи, у грудных позвонков, лежал обломок бортика переносного очага (высота 8 см, толщина 2,3 см), сделанного из глины с примесью половецкой обожженной глины и обмазанного с внешней стороны тонким слоем ангоба (с внутренней стороны сохранились следы веток до 2 см в диаметре). Бортик декорирован пальцевыми вдавлениями и резным узором в виде тройного зигзага; в заполнении ямы — 68 фрагментов от грубой и лощеной орнаментированной посуды, а также 88 камней, семь из которых более крупные, размерами 20 × 10 × 8 см, со следами вторичного обжига.

Прослеженный контекст захоронения свидетельствует, что обычная яма была специально подготовлена для совершения в ней погребения, над которым была сооружена конструкция в виде небольшого шатра из жердей (рис. 4: 2, 4 — см. Niculița, Niciș 2011: 225 ș.m., fig. 2; 3). Предложенная авторами раскопок реконструкция, в целом, убедительна, однако четыре ямки от жердей по центру дна ямы вряд ли были необходимы для шатра. Учитывая, что жерди оконтуривали золистое пятно по центру ямы, а также находки бортика жаровни и комков пережженной глины, выкладку из фрагментов керамики и пережженные камни, можно предположить, что здесь производились жертвоприношения в виде сожжений, совершенные до или после захоронения в этой яме погребенного.

В любом случае выявленные факты говорят о том, что обычная хозяйственная яма была специально подготовлена для совершения в ней погребения. Шатровая конструкция в структуре действующего поселка маркировала не только само место захоронения, но оно в течение какого-то времени оставалось открытым, что обеспечивало к нему свободный доступ сородичей и других членов социума.

Городище Хлижень II-Ла Шанц — два погребения (рис. 1: 21 — см. Гольцева, Кашуба 1995: 19).

Погр. 2 (яма 84) совершено в подпрямоугольной яме (1,25 × 0,6 м, гл. 0,2–0,3 м), ориентированной по линии СЗЗ–ЮВВ (рис. 5). Заполнение представлено суглинком с прослойками красного пережженного

грунта. Скелет мужчины лежал скорченно, на левом боку. У скелета отсутствовали череп, локтевая и лучевая кости правой руки. Скелет ориентирован в направлении СЗЗ, шейные позвонки упирались в западную стенку ямы. Левая рука слегка согнута и отведена от туловища, локтевой сгиб находился под тазовыми костями, кисть согнута; плечевая кость правой руки лежала параллельно левой. Ноги согнуты, коленями упирались в северную стенку ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погр. 3 (яма 89) совершено в яме круглой формы, колоколовидной в сечении (диаметр по верху 1,35 м, по дну 1,7–1,75 м), гл. 0,45–0,6 м. Заполнение представлено светлым суглинком. На дне ямы обнаружено парное мужское захоронение, скелеты лежали черепами в противоположные стороны (рис. 6: 1).

Скелет первого мужчины (30–35 лет) находился в южной части ямы, скорченно, на спине, черепом на В, лицевой частью на С. Череп находился перед тазом второго скелета. Левая рука согнута, кисть находилась на

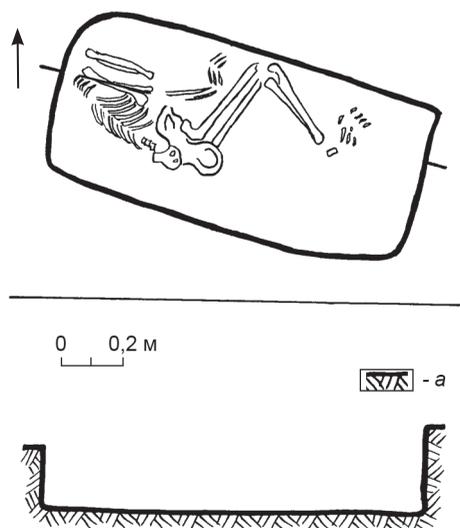

Рис. 5. Культура Сахарна, городище Хлижень II-Ла Шанц, погребение 2, план и разрез.

Условные обозначения: а — материк

Fig. 5. Saharna culture, settlement of Hligeni II-La Șanț, burial 2, plan and section.

Legend: a — native soil

тазовых костях («поперек живота»). Правая рука согнута, локтевая и лучевая кости находились поперек грудной клетки второго скелета. Локоть правой руки соприкасался с локтем левой руки второго скелета. Ноги сильно согнуты, разведены и повернуты вправо, к С.

Скелет второго мужчины (35–40 лет) находился в северной части ямы, скорченно, на спине, с разворотом налево, черепом на СЗ, лицевой частью на С. Руки средне согнуты, кисть левой руки находилась на уровне лицевой части, кисть правой руки была направлена к плечевой кости левой. Локоть левой руки соприкасался с локтем правой руки второго скелета. Ноги сильно согнуты, стопы подведены к тазу, перед которым находился череп первого скелета.

Инвентарь: возле черепа первого скелета, ближе к южной стенке ямы, обнаружен трапециевидный предмет из окаменелой трубчатой кости животного (третичного периода?). На поверхность предмета нанесены четыре поперечные тонкие риски, на боковых сторонах имеются неглубокие протертые углубления (следы привязывания?). Размеры: $3,9 \times 1,7 \times 0,9$ см (рис. 6: 2).

Прослеженные особенности этих двух погребений, а также контекст их местонахождения (зольник-святилище — см. ниже) позволяют отнести их к ритуальным захоронениям.

Человеческие черепы и их фрагменты в культурном слое поселений

В четырех случаях на памятниках культуры Сахарна зафиксированы черепы и их фрагменты (рис. 1: 18–20; см. Кашуба 2000а: 412–413; Niculiță, Nicic 2011: 225, fig. 1).

Городище Сахарна Маре — фрагмент теменной кости черепа человека (раскоп I, гл. 0,5–0,6 м) в восточной части памятника;

Поселение Сахарна-Дялул Мэнэстирий — череп без нижней челюсти, на левом боку, ориентированный в направлении В–З, в культурном слое (раскоп 4, слой IV, квадрат А4, гл. 1 м от современной дневной поверхности);

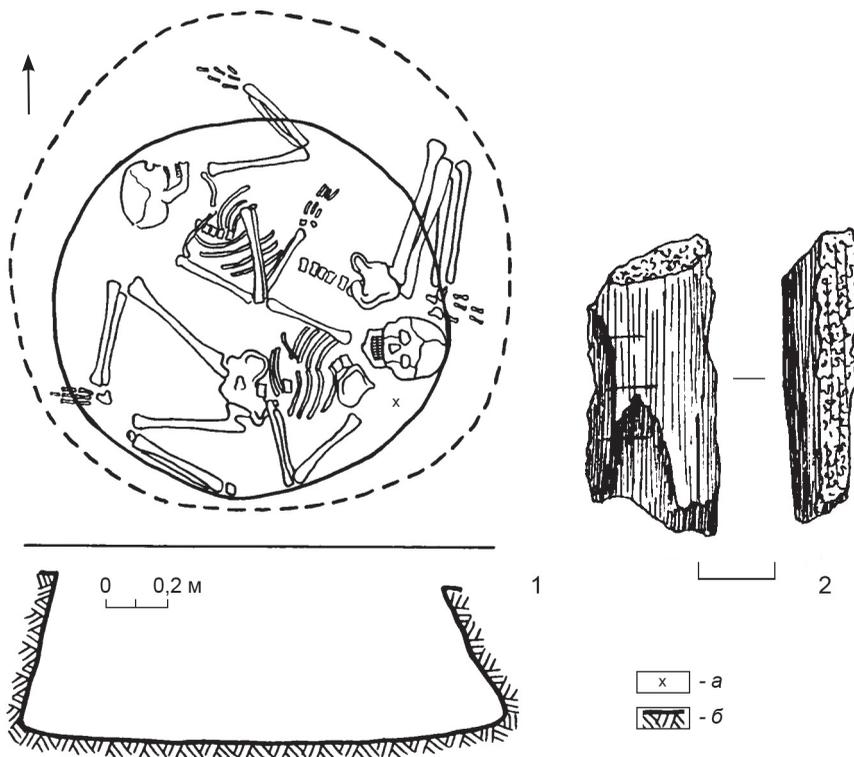

Рис. 6. Культура Сахарна, городище Хлижень II-Ла Шаңц, погребение 3. 1 — план и разрез; 2 — инвентарь, кость. Условные обозначения: а — окаменелая кость; б — материк

Fig. 6. Saharna culture, settlement of Hligeni II-La Şanţ, burial 3. 1 — plan and section; 2 — inventory, a bone. Legend: a — fossilized bone; б — native soil

Городище Сахарна Микэ — теменная кость (гл. 0,3 м) и обломок черепа индивида мужского пола (гл. 0,95 м) в раскопе III, на месте курганообразного сооружения с каменной конструкцией в восточной части памятника.

Перечисленные выше находки не имеют признаков специального депонирования. Это позволяет предположить, что человеческие черепа и их фрагменты могли находиться у сородичей и/или соплеменников в домохозяйствах (домашние святилища?), однако функции и условия их хранения пока остаются неясными.

Депонирование частей человеческих скелетов на поселении или ритуальные скопления с человеческими костями

Раскопки городища Хлижень II-Ла Шану (рис. 1: 21; 7; 8) дали удивительные находки, которые продолжают оставаться единственным случаем в своем роде. На этом памятнике в период бытования культуры Сахарна и последующей культуры Шолдэнешть существовало поселение и зольник-святилище. К святилищу относились различные культовые сооружения (ямы-тризницы и ритуальные ямы), а также разрозненные и компактно залегающие кости скелетов человека от 165 индивидов, из них 90 индивидов — дети (среди которых преобладают дети возраста второго детства), среди взрослых преобладают индивиды молодого возраста (см. Литвинова 1995). Фрагменты черепов и обломки разрозненных костей человеческих скелетов (чаще — верхние и нижние челюсти, реже — ключицы и длинные кости конечностей) имели одинаковые следы искусственной обработки: сколы, срезы, насечки и подпилы, заполированные края, «подпилы» зубов на верхних и нижних челюстях, в некоторых случаях тела нижних челюстей значительно залощены. Стоит отметить, что на длинных костях и ключицах удалялись эпифизы, а черепа разрезались (распиливались) на отдельные фрагменты — на некоторых больших обломках черепов имеется разметка (Там же). Хотя невозможно определить, умерли ли эти люди насильственной или естественной смертью, нет сомнений в том, что все костные остатки не случайно попали на городище, были «использованы» в ритуальных целях и затем специально депонированы. Объекты, состоящие из компактно залегающих костей человеческих скелетов, были обозначены как «ритуальные скопления с человеческими костями» (далее — РС) (см. Гольцева, Кашуба 1995: 7–20, 29–31, табл. XIV–XVI; XIX–XXXV; Кашуба 2000а: 333–339, рис. XXXI, 1, 3–6).

Выделено четыре типа таких скоплений (см. Кашуба 2000б), из которых типы I и II являются ранними, типы III и IV — более поздними (рис. 7): I тип — «чистые» РС (2; № 20 и 29; гл. 0,7–0,9 м) из 5–6 обработанных фрагментов черепов и других костей скелетов человека; II тип (рис. 7: 1, 2) — РС из обработанных фрагментов черепов и одного или нескольких лощенных сосудов (3; № 3, 7 и 10; гл. 0,3–0,6 м), все они имеют следы воздействия огня; III тип (рис. 7: 3–8) — РС в урнах (11; № 1–2, 4–6, 11–12, 17–18, 21 и 25), когда один или нескольких сильно пережженных фрагментов человеческих костей вместе с кусочками (до 10–11) пережженной глины были помещены в сосуды. В качестве урн чаще всего использовались грубые тюльпановидные горшки, реже — лощенная посуда (черпак, кубки и миска). Урны иногда сопровождалась одним или несколькими сосудами (черпаки), одном случае с двух сторон от урны находились две пары зернотерок; в двух случаях прослежены остатки поминальных действий (обломки пережженных костей мелкого рогатого скота, фрагменты грубых и лощенных сосудов); IV тип (рис. 7: 9–14) — РС в ямах (13; № 8–9, 13–16, 19, 22–24, 26–28), среди которых выделяются два варианта. К варианту IV.1 (6) относятся РС в неглубоких подпрямоугольных или овальных ямах, заполненных золистым грунтом и имеющих обожженное дно, или в заполнении которых имелись прослойки зеленоватой глины. Вариант IV.2 составили РС в ямах, в которых разрозненные человеческие кости в углисто-золистых прослойках грунта находились вперемешку с фрагментами керамики или археологически целыми сосудами, отдельными предметами и многочисленными костями диких и домашних животных. Такие комплексы имеют вид обычных ям, но отличаются своим заполнением (жертвоприношения). Например, по сравнению с хозяйственными ямами в них в 2–2,5 раза больше встречены кости диких и домашних животных, видовой состав которых также различен: кости свиньи обнаружены в 73 % ритуальных ям и 29 % — хозяйственных, лошади — в 72 и 32 %, соответственно, собаки — в 45 и 13 %, соответственно; среди диких животных больше всего косули европейской и зайца-русака — по 36 %, а также оленя благородного — 27 % (любопытно, что кости волка, лисицы и барсука присутствовали только в хозяйственных ямах).

Компактное нахождение фрагментов костей человеческих скелетов в РС позволяет предположить, что кости могли быть положены в органические объемнющие емкости (дерево, кора или кожа).

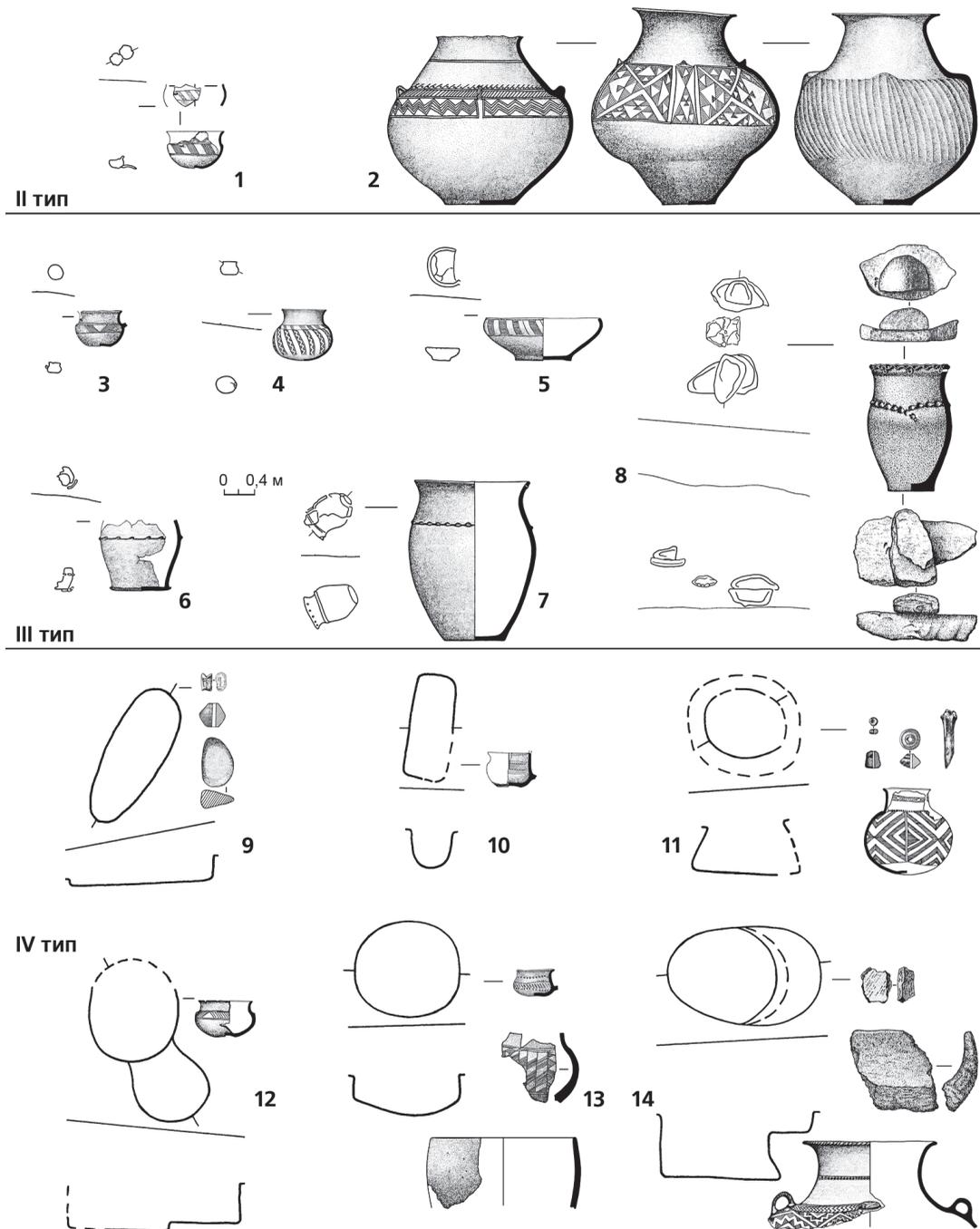

Рис. 7. Культура Сахарна, городище Хлижень II-Ла Шаңц, ритуальные скопления (РС) с костями человека, типы II–IV. 1 — РС 3; 2 — РС 10; 3 — РС 4; 4 — РС 1; 5 — РС 5; 6 — РС 6; 7 — РС 2; 8 — РС 11; 9 — РС 9/яма 52; 10 — РС 8/яма 51; 11 — РС 22/яма 69; 12 — РС 15/яма 39; 13 — РС 23/яма 91; 14 — РС 26/яма 144 (по Кашуба 2000б: рис. 1; Kašuba 2008: fig. 5)

Fig. 7. Saharna culture, settlement of Hligeni II-La Şanç, ritual accumulations with human bones, types II–IV. 1 — accumulation 3; 2 — accumulation 10; 3 — accumulation 4; 4 — accumulation 1; 5 — accumulation 5; 6 — accumulation 6; 7 — accumulation 2; 8 — accumulation 11; 9 — accumulation 9/pit 52; 10 — accumulation 8/pit 51; 11 — accumulation 22/pit 69; 12 — accumulation 15/pit 39; 13 — accumulation 23/pit 91; 14 — accumulation 26/pit 144 (after Kašuba 2000b: рис. 1; Kašuba 2008: fig. 5)

Интерес представляют особенности расположения и планировка культовых объектов в Хлижень II-Ла Шанц (рис. 8). Культовые объекты были сгруппированы по сторонам света, с акцентом на ось З-В (ориентировка погребенных в культуре Сахарна также тяготеет к широтному направлению — см. выше). Основная ось святилища (З-В), по всей вероятности, проходила по линии РС 29 — РС 20 — яма 126, а меридиональное направление (С-Ю) было обозначено канавками. Предположительно, расположенные параллельно и ориентированные в направлении С-Ю две канавки

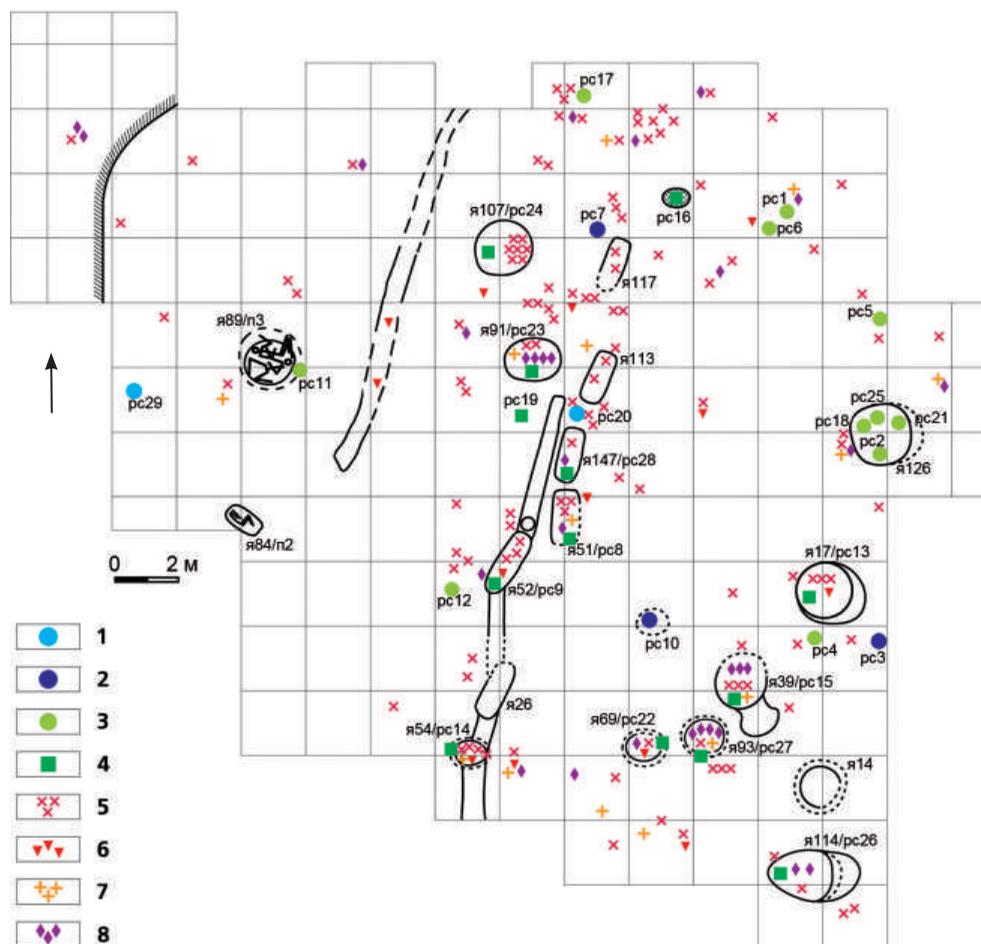

Рис. 8. Культура Сахарна, городище Хлижень II-Ла Шанц, план донной части раскопа I с культовыми объектами. Условные обозначения: 1 — РС I типа; 2 — РС II типа; 3 — РС III типа; 4 — РС IV типа; 5 — фрагменты черепов человека, в том числе искусственно обработанные; 6 — фрагменты верхних челюстей человека, в том числе искусственно обработанные; 7 — фрагменты нижних челюстей человека, в том числе искусственно обработанные; 8 — фрагменты костей скелетов человека, в том числе искусственно обработанные (сокращения: РС — ритуальные скопления с костями человека; Я — яма) (по Кашуба 2000б: рис. 1; Kaşuba 2008: fig. 4)

Fig. 8. Saharna culture, settlement of Hligeni II-La Şanţ, plan of the bottom part of excavation area 1 with cult objects. Legend: 1 — ritual accumulation of type I; 2 — ritual accumulation of type II; 3 — ritual accumulation of type III; 4 — ritual accumulation of type IV; 5 — fragments of human skulls, some of them artificially worked; 6 — fragments of human maxillae, some of them artificially worked; 7 — fragments of human mandibles, some of them artificially worked; 8 — fragments of human postcranial bones, some of them artificially worked (abbreviations: PC — ritual accumulations with human bones; Я — pit) (after Кашуба 2000б: рис. 1; Kaşuba 2008: fig. 4)

ограничивали местонахождение святилища, и, по крайней мере, самая западная из них могла быть котлованом от стены из сплошь врытых бревен. Место пересечения основной оси с канавкой изначально определило центр святилища. В дальнейшем из этого центра, в зависимости от времени года, суток и цели ритуала, определялось конкретное место и условия размещения других жертвоприношений, которые размещались по кругу диаметром 22–22,5 м (Ibid.). Интересно, что при размещении приношений мог применяться измерительный модуль, связанный с древними мерами длины, которые соотносятся с величиной человеческого тела. По всей вероятности, для расчета расстояний между объектами здесь наиболее часто использовался «локоть», или 0,4–0,48 м.

Проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что раскопанная часть святилища Хлижень II-*Ла Шанц* имела строгую планировку и стационарную застройку на протяжении всего периода функционирования этого культового центра. Выявленные особенности РС показывают, что это были специально депонированные объекты, за которыми стояла определенная группа населения — дети возраста второго детства и молодые взрослые, у некоторых из них имелась прижизненная маркировка зубов нижней челюсти. Такая группа населения могла участвовать в обрядах, как при жизни, так и после смерти.

Результаты

Согласно прослеженным особенностям погребений на могильниках, поселениях и РС в культуре Сахарна выявлены устойчивые регламентированные действия, связанные с посмертным обращением с телом умершего: 1) выбор и маркировка места — на уровне древнего горизонта в могильнике (сооружение каменных кромлехов), яма на поселении (подготовка) или выбор местоположения для РС (в пределах ограждений, от которых остались канавки); 2) приношения и обряды, связанные с огнем и глиной; 3) временные надмогильные сооружения, обеспечивающие свободный доступ к умершим (погребения на уровне древнего горизонта и погребения в ямах на поселении); 4) окончательное «закрытие» комплекса (курганная насыпь) или специальная консервация ям на поселениях стерильной глиной и/или каменными закладами, засыпка РС в ямах; 5) заключительные действия поминального обряда (тризна в курганных погребениях; жертвоприношения в двух РС III типа и в ямах на поселениях).

Стоит отметить, что выкладки (вымостки) из фрагментов керамики на дне ям также являются устойчивым признаком ритуальных комплексов в культуре Сахарна. Такие случаи зафиксированы не только в погребальных комплексах (погребение на поселении Сахарна-*Дялул Мэнэстирий* — см. выше) и РС 18, 26 на городище Хлижень II-*Ла Шанц*, но также в культовых ямах: в яме 14 на городище Хлижень II-*Ла Шанц* (Гольцева, Кашуба 1995: 16–18) и в яме 96 на поселении Алчедар III второго периода обитания, дно которой было выложено обломками корчаги, выше находились два жертвоприношения животных, далее яма была «закрыта», а ее местоположение специально отмечено (Кашуба 2000а: 338, 449, 467, рис. СIII, 10).

В культуре Сахарна наряду с погребениями на некрополях и поселениях также существовали другие способы захоронения умерших. Часть детей и подростков вместе с какой-то группой молодых взрослых участвовали в специальных обрядах некоего культа/культов. Для них, по всей видимости, использовался воздушный тип захоронения — на дереве/помосте. Далее их костные останки попадали не только в могилы на некрополях (коллективные погребения с отдельными костями скелетов), но также использовались в последующих церемониальных действиях, которые могли проводиться в домашних и/или территориальных святилищах (черепки и их фрагменты на поселениях) и в общинном святилище на городище Хлижень II-*Ла Шанц*, где они их депонировали в виде РС.

Анализ показывает, что население культуры Сахарна практиковало несколько способов захоронения умерших: на земле (на уровне древнего горизонта), в земле (в грунтовых ямах на могильниках или в специально подготовленных ямах на поселениях) и воздушный тип захоронения (на дереве/помосте).

У населения этой культуры в структуре погребальной обрядности была достаточно развита поминальная сфера. Действия, направленные на тело умершего, или птоματοлогическая стадия, согласно классификации Ю. А. Смирнова (Смирнов Ю. А. 1997: 24 сл.), занимали существенный промежуток

времени. Создается впечатление, что умерших не сразу погребали в землю, но в течение какого-то времени их тела оставались в социуме (специально отведенные места?), что является важной характеристикой стандартной модели захоронения. Приведенные данные расширяют наши знания о погребальной обрядности культуры Сахарна, представления о которых должны быть изменены. В частности, я отказываюсь от высказанной мной ранее точки зрения, что курганные и бескурганые погребения отражают разные культурные традиции, демонстрирующие два различных подхода к процессу захоронения: в первом случае — долговременный с неоднократным (многоэтапным) почитанием-поминованием умершего, во втором — одновременный/одномоментный (см. Кашуба 2000а: 285 сл.; Kašuba 2009: 178). Имеющиеся факты свидетельствуют, что курганные и грунтовые могилы культуры Сахарна являлись погребальными и поминальными памятниками, при этом захоронения на поселениях составляли одну из норм в погребальной практике населения.

Обсуждение

Проблема «специальных погребений» в преисторической археологии привлекла пристальное внимание исследователей лишь в последнее десятилетие. На недавно состоявшейся европейской конференции рассматривались вопросы теории, методики и практики на примере «нетипичных» комплексов в преисторической археологии (от неолита до позднего латена), египтологии и физической антропологии (см. Müller-Scheeßel 2013a). Во многих случаях была отмечена тенденция включать «специальные погребения» в нормированные действия, принятые в том или ином обществе древности (см. Gramsch 2013: 511 ff.).

Касаясь рассмотренных в настоящей работе комплексов культуры Сахарна, кратко охарактеризую ситуацию в родственных и/или синхронных окружающих культурах Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья — т. е. речь пойдет о соседних памятниках, на которых раскопаны аналогичные объекты (рис. 1).

В первую очередь, стоит упомянуть родственную Сахарне культуру Бабадаг из Нижнего Подунавья, в которой пока не найдены погребения на некрополях, но они присутствуют на поселениях (рис. 1: 1–17). Всего в период HaA2–HaB3 в Нижнем Подунавье известно 17 местонахождений, на которых зафиксированы погребения, остатки целых и частей человеческих скелетов (см. Ailincăi et al. 2014: 282–283, fig. 6). В нескольких специальных работах были детально рассмотрены находки человеческих скелетов и их частей на поселениях этой культуры, для которых были предложены разные возможные классификации (Irimia 2003; Ailincăi et al. 2005–2006). Помимо собственно погребений на поселениях, здесь известны человеческие скелеты и их части в специально подготовленных ямах, а случаи депонирования отдельных частей человеческих скелетов были обозначены как «*nichtfunerären Beilegungen menschlicher Gebeine*» (см. Irimia 2003: 262). В итоге было констатировано, что в культуре Бабадаг «нет единого правила депонирования покойников» (Ailincăi et al. 2005–2006: 85–89, tab. 1; Ailincăi 2008: 9 ff.). Многие выявленные регламентированные действия, сопровождающие такого рода комплексы в культуре Бабадаг, одинаковы с отмеченными в культуре Сахарна: подготовка ямы; приношения и обряды, связанные с огнем и глиной; специальная консервация ям на поселениях и т. д. На эпонимном городище Бабадаг также был найден человеческий череп без нижней челюсти, как и на поселении Сахарна-*Дялул Мэнэстирий* (см. Niculiță, Niciu 2011: 225, 231).

В Среднеднестровском регионе известны аналогичные комплексы, относящиеся к синхронному с культурой Сахарна времени (HaB), но происходящие из другого культурного контекста. Речь идет о позднечернолесской культуре Среднего Днестра, на могильниках которой найдены погребения со смещением (например, Лука Врублевская — см. Шовкопляс, Максимов 1952: рис. 5; 6), а также известны погребения на поселениях (рис. 9; 10). Последние имеют прямые аналогии с комплексами, зафиксированными в культуре Сахарна. Так, несколько погребений на поселениях возле с. Непоротово (Крушельницька 1998: 143–147, рис. 89, 2) были совершены в хозяйственных ямах, но специально подготовленных (рис. 9). Прослежено, что над некоторыми захоронениями были возведены сооружения в виде небольших шатров или иных перекрытий, через определенное время ямы специально «запечатывались» закладами из камней (рис. 9). Немалый интерес представляет погребение с демембрацией (объект 25) на поселении позднейшего этапа позднечернолесской культуры Тэтэрэука

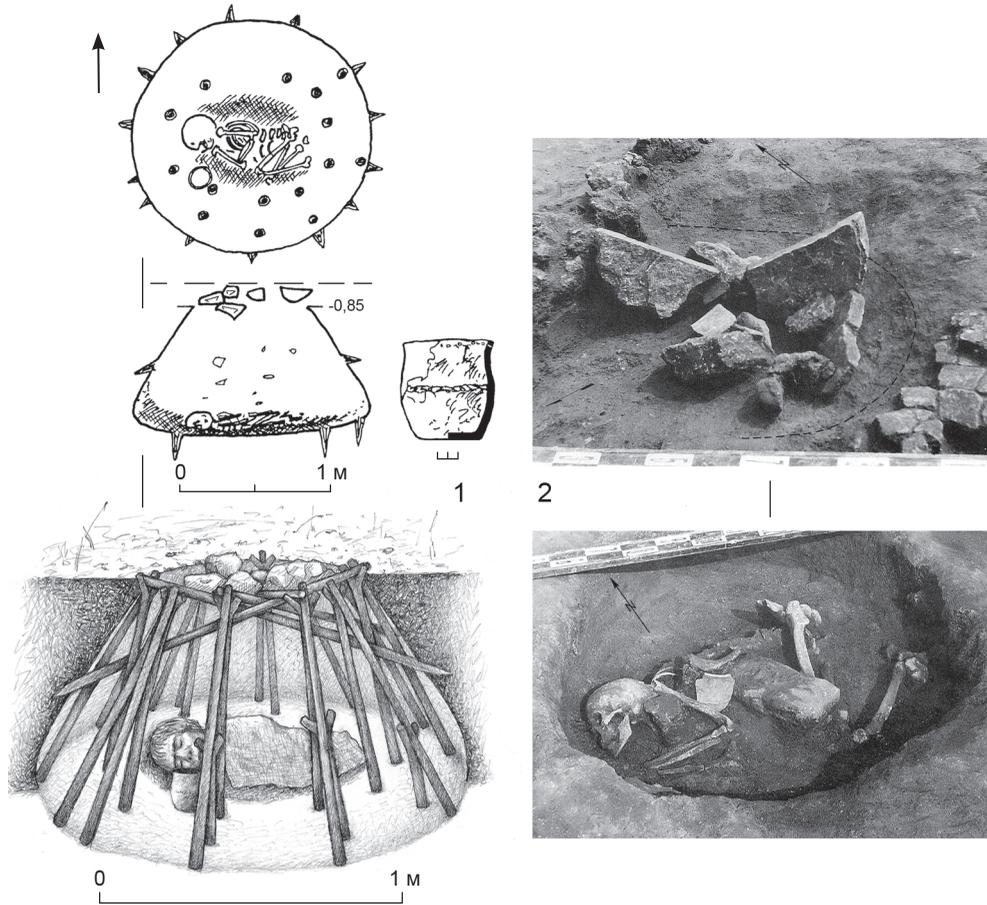

Рис. 9. Позднечернолесская культура Среднего Днестра, поселение Непоротово II, погребения.
 1 — раскоп I, яма 12/погребение 1 (план и разрез, погребальный инвентарь, реконструкция);
 2 — раскоп II, яма «В» под стеной жилища № 6 (по Крушельницька 1998; Kašuba 2008)

Fig. 9. Late Chernoles culture of the Middle Dniester region, settlement of Neporotovo II, burials.
 1 — excavation area I, pit 12/burial 1 (plan and section, burial goods, reconstruction); 2 — excavation area II, pit «B» beneath the wall of dwelling 6 (after Крушельницька 1998; Kašuba 2008)

Ноуэ XV (рис. 10), которое датируется концом VIII в. до н. э. (Ларина, Кашуба 2005: 220–222, рис. 5). Отдельные части скелета (мужчина, 45–55 лет) сохранились в сочлениии: в В части ямы зафиксирован верхний отдел позвоночного столба, кости левой ноги (бедренная и большеберцовая) согнуты в коленном суставе, возле них находились смещенные тазовые кости, здесь же зафиксирован разломанный череп (перевернутая черепная крышка и лицевой отдел под стенкой ямы), в Ю части ямы прослежены кости правой руки, находящиеся в вытянутом положении в сочлениии, рядом с ними зафиксирована левая ключица. Важным является заключение антропологов о близости физического типа скелета из погребения в Тэтэрэука Ноуэ XV с погребенными из могилы 3 на городище Хлижень II-Ла Шанц. Антропологи также обратили внимание на одинаковость следов искусственной обработки на костях человеческого скелета из этого погребения и костях человеческих скелетов из РС в Хлижень II-Ла Шанц (Варзарь и др. 2005: 383–384). В этом контексте следует упомянуть, что в культурном слое рядом с восточным краем ямы в Тэтэрэука Ноуэ XV был найден фрагмент правой части черепа погребенного с явными следами вырезания-трепанации. Фрагмент имеет форму высокой трапеции почти правильной формы, на боковых гранях — четкие следы вертикального среза, основание трапеции вырезалось наискось внутрь черепа, а верхняя ее часть подрезана и частично выломана (рис. 10: 2).

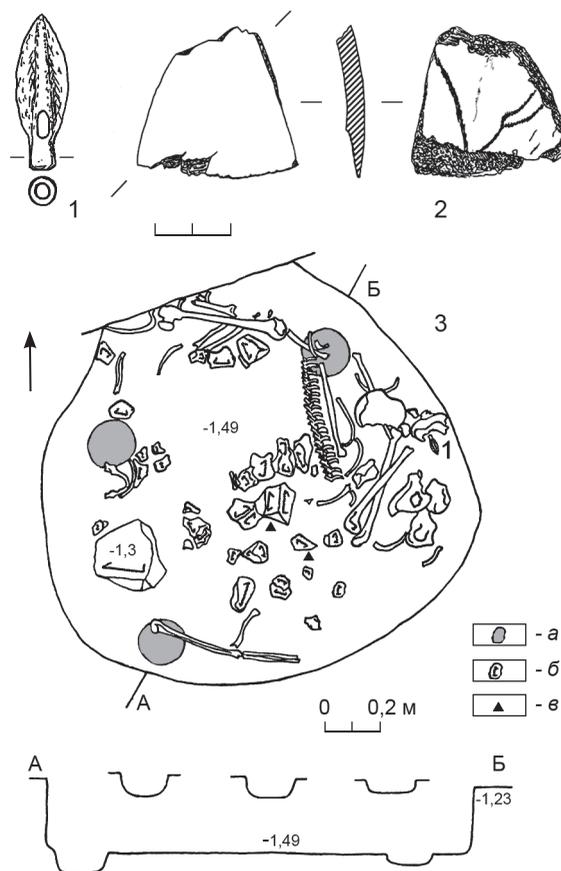

Рис. 10. Позднечернолеская культура Среднего Днестра, поселение Тэтэрэука Ноуэ XV, объект 25 (погребение). 1 — бронзовый наконечник стрелы; 2 — вырезанный фрагмент черепа; 3 — план и разрез ямы. Условные обозначения: а — столбовые ямы; б — камни; в — фрагменты керамики (по Ларина, Кашуба 2005)

Fig. 10. Late Chernoles culture of the Middle Dniester region, settlement of Tătărăuca Nouă XV, feature 25 (burial). 1 — bronze arrowhead; 2 — cut-out skull fragment; 3 — plan and section of the pit. Legend: a — post holes; b — stones; v — pottery fragments (after Ларина, Кашуба 2005)

Для поиска возможных истоков традиции, зафиксированной на городище Хлижень II-Ла Шану, пока слишком мало данных. Проблема не имеет однозначного решения: можно ли это относить к традиции, уходящей корнями в сообщества Карпатской котловины и Нижнего Подунавья или в местные сообщества, ведущие происхождение из Восточной Европы. Лишь в последние годы начали появляться работы, затрагивающие проблему депонирования человеческих скелетов на поселениях и специфические погребения (с демембрацией) в позднем бронзовом веке в Средней и Восточной Европе. Из них упомяну работу В. Завадил, в которой детально рассмотрены все возможные случаи депонирования человеческих скелетов на поселениях времени Урненфельдеркультуры в Средней Европе (Zavadil 2007: 149–188), а также последние статьи, посвященные такого рода комплексам в культуре Гава Карпатской котловины (Urák, Marta 2011; Király 2012: 120 ff., P9, B2; и др.). Список случаев специального депонирования можно расширить и за счет более ранних материалов (времени HaA2) из того же Нижнего Подунавья и Восточного Прикарпатья. Речь идет о находке нижней челюсти с прижизненно подпиленными зубами в зольнике культуры Ноуа у с. Кобыльня (см. Литвинова 1995: 92), а также о погребениях с демембрацией в раннегалльштаттском культурном горизонте Тэмзоань-Холеркань-Балта — это комплексы могильников Фолтешть (László 2006: fig. 2, 1, 4; 3, 1–4; 5, A; 6,

А), Ханска (Levițki 1994: 222–223) и демембрации в белозерской культуре (Ванчугов 1990: 49; Levițki 2003: 71 ș.u.; Агульников 2010). Касаясь материалов Среднего Поднепровья и Побужья, большой интерес представляют демембрации в могильниках комаровской культуры, проанализированные С. Д. Лысенко (Лысенко 2003; Лысенко 2015). Исследователь предложил классификацию погребений с демембрацией, отметил случаи искусственной обработки костей человеческих скелетов (в том числе по мокрой кости) и отнес демембрацию к особому погребальному обряду, существовавшему с ингумацией и кремацией. В исследованном им Малополовецком могильнике демембрации составили около половины от раскопанных погребений комаровской культуры и являются одним из признаков элитного погребального обряда (см. Лысенко 2015).

В заключение отмечу, что в начале железного века в Восточном Прикарпатье и Нижнем Подунавье известно сравнительно большое число случаев специального депонирования человеческих скелетов и их частей на поселениях (рис. 1). Здесь нашли отражение особые представления о смерти и соответствующие им ритуалы, отправляемые в древних сообществах, что может быть связано со спецификой акта депонирования как посвященной жертвы (см. Hansen 1994: 368–371; 2013: 279 ff.; Metzner-Nebelsick 2012: 157 ff.), в качестве которой могло выступать человеческое тело и/или его части.

Агульников С. М. 2010. Некоторые особенности погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // Яровой Е. В. (ред.). Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: Изд-во Московского областного ун-та, 183–192.

Ванчугов В. П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка.

Варзарь А., Пежемский Д., Ларина О. 2005. Палеоантропологический материал позднечернолесского комплекса Тэтэрэука Ноуэ XV (Предварительное заключение) // RA 1/1, 381–386.

Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья (материалы раскопок 1978–1979 гг. и 1989–1990 гг.). Тирасполь: МАКО.

Кашуба М. Т. 2000а. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // SP 3, 241–488.

Кашуба М. Т. 2000б. Сахарнянское святилище Хлижень II — уточнение типологии культовых объектов // Яровой Е. В. (ред.). Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Тирасполь: изд-во Приднестровского ун-та, 117–124.

Кашуба М. Т. 2013. «Ускользящее» железо, или Переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // РАЕ 3, 233–257.

Крушельницька Л. 1998. Черноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). Львів: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України.

Ларина О. В., Кашуба М. Т. 2005. Позднейшие позднечернолесские материалы поселения Тэтэрэука Ноуэ XV в Среднем Поднепровье // RA 1/1, 212–239.

Литвинова Л. В. 1995. Антропологический материал из раннегалльштатского зольника цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья (материалы раскопок 1978–1979 гг. и 1989–1990 гг.). Тирасполь: МАКО, 91–99.

Лысенко С. Д. 2003. Поховання за обрядом демембрації доби пізньої бронзи у Середньому Подніпров'ї // Шевчук В. П. (ред.). Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей 14. Переяслав-Хмельницький: Від. Переяслав-Хмельницького пед. ун-та, 53–62.

Лысенко С. Д. 2015. Демембрация в погребальном обряде комаровской культуры // Токарева Е. П. (гл. ред.). Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Сб. науч. статей. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 74–100.

Смирнов Г. Д. 1949. Скифское городище и селище «Большая Сахарна» // КСИИМК 26, 93–97.

Смирнов Ю. А. 1997. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература.

Шовкопляс І. Г., Максимов Є. В. 1952. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія 7, 89–108.

Ailincăi S.-C. 2008. The Place for the dead in Early and Middle Iron Age Lower Danube area // Sirbu V., Vaida D. L. (eds.). Funerary Practices of the Bronze and Iron Ages in Central and South-Eastern Europe. Cluj-Napoca: Editura Mega, 9–33.

Ailincăi S.-C., Jugănaru G., Țârlea A.-C., Vernescu M. 2005–2006. Early Iron Age complexes with human remains from the Babadag settlement // Peuce 3–4, 77–108.

Ailincăi S.-C., Constantinescu M., Adamescu A. 2014. Observații privind înmormântările hallstattiene timpurii din așezarea de la Suceveni–Stoborăni, jud. Galați // Peuce 12, 269–288.

- Aspöck E.* 2008. What actually is a 'deviant burial'? Comparing German-language and anglophone research on 'deviant burials' // Murphy E. M. (ed.). *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford: Oxbow Books, 17–34.
- Gramsch A.* 2013. Wer will schon normal sein? Kommentare zur Interpretation ‚irregulärer‘ Bestattungen // Müller-Scheeßel N. (Hrsg.). ‚Irreguläre‘ Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe ...? Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 509–518.
- Hansen S.* 1994. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhôneal und Karpatenbecken. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt.
- Hansen S.* 2013. Deponierungen in der Bronzezeit Europas // Piotrovski Ju. Ju. (Hrsg.). *Bronzezeit. Europa ohne Grenzen*. 4.–1. Jahrtausend v. Chr. Ausstellungskatalog. St. Petersburg: Tabula Rasa, 279–287.
- Irimia M.* 2003. Den Grabritus und die Grabrituale der Babadag-Kultur-Gemeinschaften betreffend // *Thracia* 15, 251–268.
- Kašuba M.* 2008. Despre depunerile de oseminte umane în aşezările hallstatiene timpurii (sec. X–IX a.Chr.) cultura Saharna în regiunea Nistrului de Mijloc (spațiul nord-vest pontic) // Ailincăi S. C. et al. (eds.). *Omăgiu lui Gavrilă Simion la a 80-a aniversare*. Tulcea: Editura Dobrogea, 106–120.
- Kašuba M.* 2009. Die Bestattungen der Saharna-Kultur. Ein Beitrag zum frühhallstattzeitlichen Bestattungsritus im Mitteldneustrgebiet, Nordwestpontikum // Apakidze J. et al. (Hrsg.). *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.)*. Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 160–189.
- Kašuba M.* 2014. Capitolul IV. Necropola Saharna I (Țiglău) și locul ei în studierea practicilor funerare a comunităților culturii Saharna (în baza rezultatelor cercetărilor efectuate de G. D. Smirnov și G. P. Sergheev în anul 1950) // Niculiță I., Niciu A. *Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău*. Chișinău: Muzeul Național de Istorie a Moldovei, 127–156, 398–423.
- Király Á.* 2012. A biritual cemetery of the Gáva culture in the Middle Tisza region and some further notes on the burial customs of the LBA–EIA in Eastern Hungary // Marta L. (ed.). *The Gáva Culture in the Tisa Plain and Transylvania*. Satu Mare: Editura Muzeului Sătmărean, 109–132.
- László A.* 2006. Sur le coutumes funéraires des populations du Bas-Danube au début de l'Âge du fer // Simion G., Lungu V. (eds.). *Pratiques funéraires et manifestations de l'identité culturelle: (Âge du Bronze et Âge du Fer)*. Tulcea: Institut de Recherches Eco-Muséologiques de Tulce, 105–116.
- Levițki O.* 1994. Grupul Holercani — Hansca. Aspectul pruto-nistean al complexului hallstatiian timpuriu, cu ceramică incizată // Roman P., Alexianu A. (eds.). *Relations Thraco-Illyro–Helléniques*. Bukarest: PETRO-ART, 219–256.
- Levițki O.* 2003. Lumea tracică și masivul cultural Nord-Pontic în perioada Hallstatiiană timpurie (secolele XII–X î.e.n.). București: IRT; S.C. MELIOR TRADING.
- Metzner-Nebelsick C.* 2012. Das Opfer. Betrachtungen aus archäologischer Sicht // Lang A., Marinković P. (Hrsg.). *Bios — Cultus — (Im)mortalitas. Zu Religion und Kultur — Von den biologischen Grundlagen bis zu Jenseitsvorstellungen*. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 157–179.
- Müller-Scheeßel N.* 2013a. (Hrsg.). ‚Irreguläre‘ Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe ...? Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt.
- Müller-Scheeßel N.* 2013b. ‚Irreguläre‘ Bestattungen in der Urgeschichte: einführende Vorbemerkungen // Müller-Scheeßel N. (Hrsg.). ‚Irreguläre‘ Bestattungen in der Urgeschichte: Norm, Ritual, Strafe ...? Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 1–8.
- Niculiță I., Niciu A.* 2011. Practiciile funerare în situl din prima epocă a fierului de la Saharna-Dealul Mănăstirii // *Tyragetia* 5/1, 225–235.
- Urák M., Marta L.* 2011. Human remains of the Late Bronze Age settlements in the Upper Tisza area. New researches and new evidence // Berecki S. et al. (eds.). *Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin*. Târgu Mureș: Editura Mega, 155–162.
- Zavadil V.* 2007. Funde von menschlichen Knochen in urnenfelderzeitlichen Siedlungen — Bestattungen oder Abfall? // Bemmann J. et al. (Hrsg.). *Vom Steinbeil zum Latènegehöft. Vier Arbeiten aus dem Bonner Institut*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 149–188.

М. А. Очир-Горяева

СЛЕДЫ ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ
В КУРГАНАХ СКИФСКОЙ ЭПОХИ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ

Статья посвящена древним нарушениям могил — следам проникновения в могилы вскоре после погребения, разрушения и выноса погребального инвентаря, а также манипуляциям с останками погребенных. В работе прослежена эволюция в понимании и интерпретации нарушенных или «ограбленных» в древности скифских погребений Евразии. Открытия новых памятников и переоценка полученных ранее фактов постепенно вели исследователей от упрощенного объяснения древних нарушений могил простым ограблением к признанию ритуального характера этого явления, свидетельствующего о существовании сложных и длительных во времени поэтапных постпогребальных обрядов. Автор предлагает новые аргументы в пользу ритуального характера проникновений в могилы и приводит этнографические параллели.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Горный Алтай, скифское время, саки, пазырыкская культура, постпогребальный обряд, ограбление.

M. A. Ochir-Goryaeva. Traces of post-funerary rituals in the Scythian burials of Eurasian steppes.

The article deals with ancient burial disturbances, such as opening of graves soon after the interment, destruction and removal of burial goods, as well as manipulations with dead bodies. It gives an overview of changes in the perception and interpretation of the disturbed or 'robbed' Scythian burials of Eurasia. The accumulation of new evidence and re-evaluation of old materials have made archaeologists to reject a simplified view that ancient grave disturbances were merely a result of plundering, and to acknowledge the ritual character of this phenomenon, testifying to the existence of complicated and multi-stage burial ceremonies. The paper provides new arguments in favor of the ritual character of ancient grave disturbances, and points to some ethnographic data relevant to the subject.

Keywords: Northern Black Sea region, Lower Volga, Southern Ural, Gorny Altai, Scythian time, Saka, Pazyryk culture, post-funerary rites, grave plundering.

С открытием первых курганов скифской эпохи авторы раскопок столкнулись со следами разрушений в исследуемых ими древних могилах. Прежде всего, это касалось царских курганов скифов Северного Причерноморья, сакских царских курганов Бешатырского и Чиликтинского могильников, больших (княжеских) курганов пазырыкской культуры Горного Алтая, а также курганов с аналогичной сложной стратиграфией и планиграфией из других регионов степной Евразии. Нарушение и ограбление погребений скифской эпохи носит массовый характер. Статистические данные по отдельным могильникам впечатляют. Например, в могильнике Локоть-4а из 37 могил были нарушены 29, или 72,5 % погребений (Шульга 2003: 102), а по шести могильникам степей Северного Причерноморья нарушенность могил составляла от 70 до 100 % (Полин, Мозолевский 2005: 427).

Авторы раскопок нарушенных курганов уделили значительное внимание следам разрушений и ограблений, ими были сделаны подробные описания и ценные наблюдения, а также предложены различные версии причин бездушного, с точки зрения современного общества, осквернения могил. Стратиграфические наблюдения позволили археологам установить, что разрушения и ограбления могил разделяются на поздние и древние. Поздние ограбления связаны с деятельностью бугровщиков XVIII–XX вв. в южных регионах России и в Сибири. Цели и методы поздних ограблений совершенно очевидны. Подробная информация о конкретных случаях ограбления курганов в целях наживы достаточно полно представлена в исторических документах. Намного сложнее обстоит дело с древними разрушениями могил. С одной стороны, были зафиксированы свидетельства, что разрушения могил

были проведены современниками погребенных, иногда в то время, когда еще не истлели мышечные ткани. С другой стороны, судя по ответу персидскому царю Дарию, могилы предков — Герры — были для скифов священны: «Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете станем ли мы сражаться за эти могилы или нет» [Herod. IV, 127]. Одно с другим не увязывалось. Как отмечал П. И. Шульга, «складывается довольно противоречивая и пока неразрешимая ситуация» (Шульга 2003: 104).

С накоплением новых фактов появились новые интерпретации оскверненных могил. Пионерской можно назвать работу Н. Ю. Кузьмина, опубликованную четверть века назад (Кузьмин 1991). В небольшой по объему статье исследователю удалось представить концептуально новое видение нарушенных погребальных комплексов, считавшихся ограбленными. Прежде всего, он обратил внимание на тот факт, что фраза «могила ограблена» автоматически снижает «археологическую значимость объекта». Между тем, раскопанные за последние 250 лет нарушенные погребения являются массовым источником по изучению постпогребальных обрядов. Это было новое видение проблемы. В качестве аргументов о существовании постпогребальных обрядов в древности автор статьи привлек кроме археологических памятников фольклорные данные: исландские саги, в которых содержатся сюжеты с повтором таких фактов, как «долгое раскапывание кургана; спуск в него на веревке; страшное зловоние в нем; схватка с могильным жителем, охраняющим клад; бегство того, кому было поручено охранять веревку» (Там же). Об этом же свидетельствуют, по мнению автора статьи, сюжет из якутского эпоса «Олонхо» о мальчике, пребывавшем в кургане и приобретающем магические способности, а также обобщения В. Я. Проппа по волшебным сказкам с сюжетом посещения потустороннего мира и возвращения с волшебным предметом и волшебным даром (магическими способностями). В качестве археологических данных о существовании сложных постпогребальных обрядов и постмортальных манипуляций с останками умерших Н. Ю. Кузьмин привел пример из раскопок тесинских погребений в Минусинской котловине. В склепе тесинской культуры были обнаружены скелеты с глиняными масками, у которых в области височной кости были прослежены трепанационные отверстия и отсутствовали коленные чашечки. Именно эти «недостающие» части были обнаружены в соседнем грунтовом могильнике. Среди обычных погребений были обнаружены погребения с инвентарем, но с неполными останками погребенных в виде фрагментов околвисочной кости черепа, коленных чашечек и фрагментов ребер. То есть тех частей, которые были отрезаны вместе с мягкими тканями и мышцами, а также фрагментами черепа, вырезанного при удалении мозга — именно они были захоронены в обычном грунтовом могильнике (Там же).

Далее появилась статья Д. Г. Савинова об использовании больших пазырыкских курганов в течение длительного времени в качестве места для проведения ритуальных действий (Савинов 1997). Исследователь привел убедительные аргументы: высота пазырыкских деревянных срубов, позволяющая человеку стоять в полный рост. Такая высота была необходима во время проведения ритуалов в деревянном срубе. Проникновение в камеры могло осуществляться через подземные ходы типа дромоса в кургане Кутургунтас, а также сверху, через лаз с использованием деревянных лестниц. Свидетельством проведения манипуляций с телами умерших в камерах служат, по мнению автора статьи, деревянные столы с рейками-закраинами. Д. Г. Савинов обратил внимание на стандартность утилитарного набора предметов в пазырыкских курганах независимо от социального статуса. В таком случае можно предполагать, что такие предметы, как курильница для воскурения конопли и арфа, не входящие в утилитарный набор, использовались посетителями курганов во время ритуальных действий в пазырыкских срубах-камерах. Таким образом, это было первое целенаправленное, основанное на конкретном археологическом материале исследование, утверждающее существование постпогребальных обрядов у населения пазырыкской культуры Горного Алтая.

Опираясь на результаты исследования Д. Г. Савинова, целый ряд наблюдений сделал П. И. Шульга. В монографии, написанной на материалах могильника Локоть-4а, он посвятил отдельную главу верованиям, связанным с ограблением курганов (Шульга 2003: 102–105), а также рассмотрел особенности подхоронительных ходов в пазырыкских курганах (Там же: 45–48). Подхоронительные ходы в виде дромосов и лазов, по наблюдениям П. И. Шульги, использовались не только для проведения ритуальных действий, но для подхоронений и, прежде всего, умершего супруга. Поэтому он полагает, что часть коллективных погребений была результатом подхоронений, целью которых было

воссоединение сакральной пары. Об этом, на его взгляд, свидетельствует ряд погребений, в которых женщина была значительно старше мужчины, что можно понимать, что к умершему в молодости (погибшему) мужчине была подхоронена его постаревшая вдова. П. И. Шульге удалось проследить, что каменные насыпи пазырыкских курганов возводились не сразу после сооружения сруба. Им было установлено, что в сентелекских курганах поверх срубов длительное время стояли легко разбирающиеся сложенные из камней «пирамидки», завершавшиеся верхним плоским большим камнем. Такие плоские камни были прослежены среди камней насыпи многих курганов — это подтверждает, что пирамидки стояли и на их срубах. Камни-балбалы также не были поставлены раз и навсегда. П. И. Шульга установил, что в долине Сентелек все 19 камней-балбалов с восточной стороны кургана были завалены еще в древности. Таким образом, и П. И. Шульга проследил длительное во времени общение с умершими. Становится все очевиднее, что статичная картина погребального обряда, фиксируемая археологами при раскопках, на самом деле является результатом сложных и поэтапных погребальных и постпогребальных обрядов. Результаты исследования П. И. Шульги обогатили изучение постпогребальных обрядов конкретными деталями и вывели их на новый уровень.

Разбору возможных вариантов объяснения древних разрушений и ограблений в скифских курганах посвятил статью и специальный раздел монографии С. В. Полин (Полин, 2003; Мозолевский, Полин 2005: 427–445). Он выделил два вида ограбления скифских курганов: вертикальный колодец, выкопанный на вершине кургана, и штольня с северной полы кургана. Первый вид принято считать следами поздних ограблений. Второй вид — в виде узкой и длинной штольни, направленной в центр кургана, — по мнению С. В. Полина, был изобретен современниками погребенных, т. е. самими скифами. Прокладка штольни явно предполагала точное знание плана кургана. Как отмечает С. В. Полин, направление и глубина штольни всегда были точно выверены, штольня зачастую «садится» сверху на входную яму или камеру впускного бокового погребения, расположение которого поверх насыпи невозможно распознать. С. В. Полин приводит случаи, когда штольня, направленная в центр, попутно «пронизывает» и другие впускные погребения, что не могло быть случайным. Он приводит также пример с 1-м Мордвиновским курганом, где через штольню были ограблены две камеры с захоронениями хозяев, а две остальные камеры, с хозяйственным инвентарем и слугами, оставлены нетронутыми. С. В. Полин близко подошел к тому, чтобы признать их следами ритуальных ограблений. Он высказал предположение, что вторжение в камеру происходило по следующим причинам: 1) вторжение с целью изъятия вещей; 2) вторжение с целью разрушения тела по следующим мотивам: а) в рамках обряда обезвреживания покойного, б) для освобождения души. Исследователь не исключает существование и у скифов длительного процесса, в ходе которого осуществлялось периодическое активное физическое общение живых и мертвых — «путешествия к обитателям курганов» (Мозолевский, Полин, 2005: 427–445).

Одной из последних была статья с публикацией подземных ходов-штолен Филипповского кургана 13, имевших, по убеждению авторов, ритуальный характер. В обоих подземных ходах были найдены кости животных и даже череп человека, что свидетельствует об их ритуальном характере. Обращает на себя внимание и тот факт, что оба подземных хода-штольни после их использования были специально засыпаны, а заполнение состояло из чистой супеси (Яблонский, Мещеряков 2006).

Как свидетельства существования постпогребальных обрядов среди населения степной зоны скифской эпохи рассматриваются рядом исследователей подземные ходы-штольни, проложенные к центральному погребению, в скифских курганах степей Северного Причерноморья, в сакских курганах Семиречья и в курганах Южного Приуралья, где ходы-штольни сочетались с полами камерами над могильной ямой, образованными глиняным валом (внешние стены) и радиальной деревянной конструкцией (перекрытие) в центре курганов. Следы проникновения сверху насыпи и через подхоронительные ходы в могилы пазырыкской культуры степных долин Горного Алтая и саглынской культуры Саянского нагорья (см. Грач 1980: 17–19) также могут быть приобщены к этому ряду источников.

Рассмотрим особенности прямых подземных ходов-штолен, проложенных от края насыпи к центральному погребению. Неопровержимым аргументом в пользу их ритуального характера является расположение в строгом соответствии с планиграфией кургана. В результате планиграфического анализа установлено, что памятники скифской эпохи степей Евразии делятся на два вида по ориентации: 1) курганы с широтной ориентацией и двухчастной структурой и 2) курганы с меридиональной

ориентацией и радиальной структурой. При широтной ориентации меридиональная ось кургана означала границу между миром живых на востоке и миром мертвых на западе. К таковым относятся скифские курганы Северного Причерноморья, курганы кочевников Нижнего Поволжья, сакские курганы и курганы пазырыкской культуры Горного Алтая. По курганам с меридиональной ориентацией и радиальной структурой установлено, что мир живых для их строителей был на юге, а души умерших направлялись в северном направлении вверх. К таковым относятся курганы обширного региона от р. Волги до р. Ишима с центром в Южном Приуралье (Очир-Горяева 2009: 9–28; 2012а).

Согласно планиграфическому анализу курганов с широтной ориентацией, наиболее почетным было основное погребение в центре кургана, следующими по престижности были погребения боковые, находящиеся на одной меридиональной линии с центральной могилой, на севере и на юге от нее. При системе ориентации лицом на восток, боковые погребения можно понимать как расположенные с левой руки (на севере) и с правой руки (на юге). Поскольку погребенные в скифских и сакских курганах были ориентированы лицом на восток, то в данном случае их положение совпадает с общей системой ориентации. Поэтому место южнее основного погребения было более престижно, чем на севере. Это хорошо прослеживается при анализе планиграфии скифских курганов. Последними по престижности были погребения, расположенные в восточной половине кургана. В западной половине кургана родственников не хоронили, там располагали погребения коней, конюхов и жертвенные погребения.

В сакских курганах впускные погребения были расположены также на одной меридиональной линии, поэтому в них также имеются впускные северные и впускные южные погребения. Особенностью сакских памятников было то, что погребения были расположены только на меридиональной линии, в восточной и западной половине курганов погребений не устраивали. Пазырыкские курганы содержали одно-единственное погребение, но сами курганы располагались в виде меридиональных цепочек. В этих цепочках также устанавливается, что более важные были расположены на юге, а менее важные — на севере. Особенностью пазырыкских погребений является то, что положение погребенных головой на восток, лицом на север не совпадает с общей ориентацией сооружений (Очир-Горяева 2012б: 444–446).

В скифских курганах Северного Причерноморья прямые подземные ходы-штольни были проложены строго меридионально, по границе миров. Точно также были расположены дромосы в центральные могилы для вноса следующего покойника. При рытье как тех, так и других, видимо, старались пройти по «нейтральной зоне», чтобы не принести вред живым и не нарушить покой мертвых. В отношении интерпретации прямых штолен С. В. Полин занимает двойственную позицию. С одной стороны, он близко подошел к признанию их ритуального назначения, с другой — приводит факты, по его мнению, подтверждающие чисто грабительский характер штолен-ходов, в частности, указывает на то, что в штольне Чертомлыкского кургана были зафиксированы следы железной лопаты, которые самое раннее могут датироваться эпохой средневековья. Кроме того, он объясняет расположение входов штолен в северной поле скифских курганов тем, что северная поля, как правило, круче остальных и поэтому путь к центру кургана с севера на пару метров короче, что могло повлиять на выбор места закладки штольни (Мозолевский, Полин 2005: 427–445). Однако есть возможность примирить противоречащие друг другу, по мнению С. В. Полины, факты. Увязка планиграфии курганов с бинарной моделью мира скифского общества и идеальной меридиональной линией дает дополнительный аргумент в пользу ритуального характера прямых подземных ходов, поскольку они, ничего не нарушая, очень логично вписываются в строго регламентированный план кургана. Прямые подземные ходы-штольни достигают протяженности 20 и более метров, поэтому вряд ли так последовательно грабители всех эпох пытались сэкономить силы именно на этих нескольких метрах, на которые северные поля скифских курганов круче остальных. Эти ритуальные ходы, несомненно, были использованы позднее для ограбления курганов, чем можно и объяснить следы железной лопаты.

Такие же меридиональные ходы зафиксированы в сакских курганах Семиречья. Все большие курганы Бесшатырского могильника были окружены кольцевой каменной кладкой и имели с восточной стороны величественные бревенчатые входы-дромосы (высотой до 5 м) в обширные деревянные камеры. Такой же дромос был исследован частично с восточной стороны гробницы в Чиликтинском кургане. Рядовые могильники сакского и усуньского времени Семиречья и Тянь-Шаня также имели

каменные околочурганные кольца, которые имели «выходы»-перемычки с западной стороны, обозначенные врытыми на торец длинными камнями. Погребальная процессия скифов, а также саков и усуней, скорее всего, вступала на территорию кургана с востока, через восточную перемычку околочурганного рва. Ведь умерший уходил из мира живых, а значит — с восточной стороны. Западную же перемычку в этом контексте можно понимать как место ухода души умершего на запад, в мир мертвых. В скифских курганах следы поминальной тризны находятся именно у западной перемычки рва. У четырех больших Бесшатырских курганов на склонах насыпей с северо-западной или южной стороны наблюдались западины, которые при исследовании оказались входами в меридиональные подземные ходы, проложенные в центр кургана, к гробнице. Иногда эти ходы-штольни в центре кургана расходились в виде разветвленных коридоров. В ходах-штольнях были найдены кости животных, в стенах были выкопаны ниши для установки светильников, а высота свода ходов достигала 1,5–1,7 м (Акишев 1963: 47–73). На момент раскопок входы в подземные ходы были тщательно завалены камнями. Учитывая высоту сводов, совсем необязательную для грабителей, и их вписанность в планиграфию кургана, можно считать доказанным ритуальный характер подземных ходов.

Получается, что «грабительские» ходы в сакских и скифских курганах были проложены по меридиональной линии и использовались для проникновения в центр кургана и совершения важных обрядов. При этом для этих ритуальных целей ни в коем случае нельзя было использовать существовавший уже вход с восточной стороны, через который вносился покойник в сакских курганах. В кургане Желтокаменка длинная штольня в центральное погребение была проложена параллельно дромосу — это можно понимать так, что для тех целей, ради которых прокладывались штольни, использовать подхоронительный дромос было не положено (рис. 1). Иначе говоря, то, что было внесено

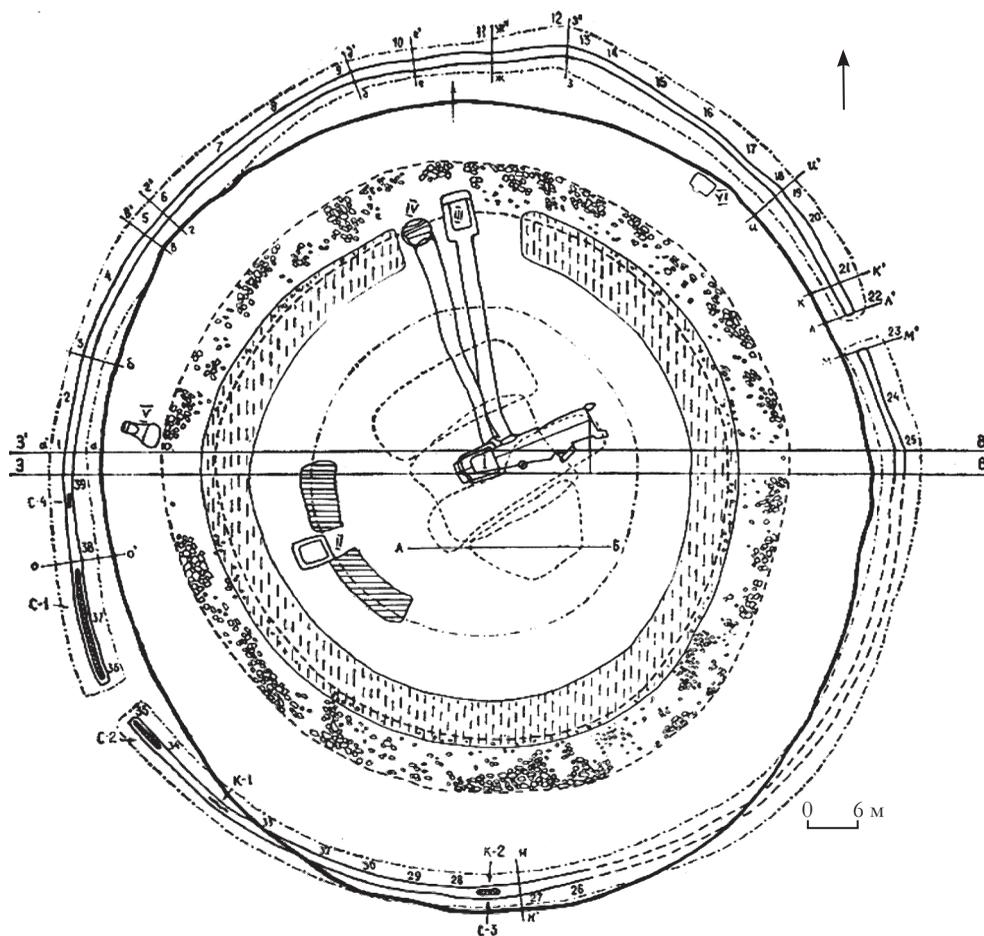

Рис. 1. Царский курган Желтокаменка. План (по Мозолевский 1991: 179–181)

Fig. 1. Royal burial mound of Zheltokamenka. Plan (after Мозолевский 1991: 179–181)

через дромос в могилу, нельзя было выносить по этому же пути или же для общения с умершими, необходимо было пробить «свой, специальный» путь в могилу. Это вполне согласуется и с меридиональным расположением длинных ходов в сакских курганах, в то время как с восточной стороны каждого сакского каменного кургана оставались заложенные камнем после похорон широкие и просторные входы.

Рассмотрим расположение прямых подземных ходов, проложенных от края насыпи в центр, в курганах с меридиональной ориентацией и радиальной структурой. К таковым относятся курганы обширного региона от Волги до Ишимских степей с центром в Южном Приуралье. Здесь известны такие же, как у скифов и саков, подземные ходы-штольни к центральной могиле. Отличие южно-приуральских ходов обусловлено радиальной структурой и меридиональной ориентацией курганов, отражающих представление о нахождении мира мертвых в северной стороне наверху. В кург. 13 Филипповского могильника ходы-штольни были прорыты с запада и востока, строго перпендикулярно оси камеры и дромоса (рис. 2) (Яблонский, Мещеряков 2006). В кург. 1 Филипповского могильника один из подземных ходов был прорыт в широтном направлении — с востока, а второй подземный

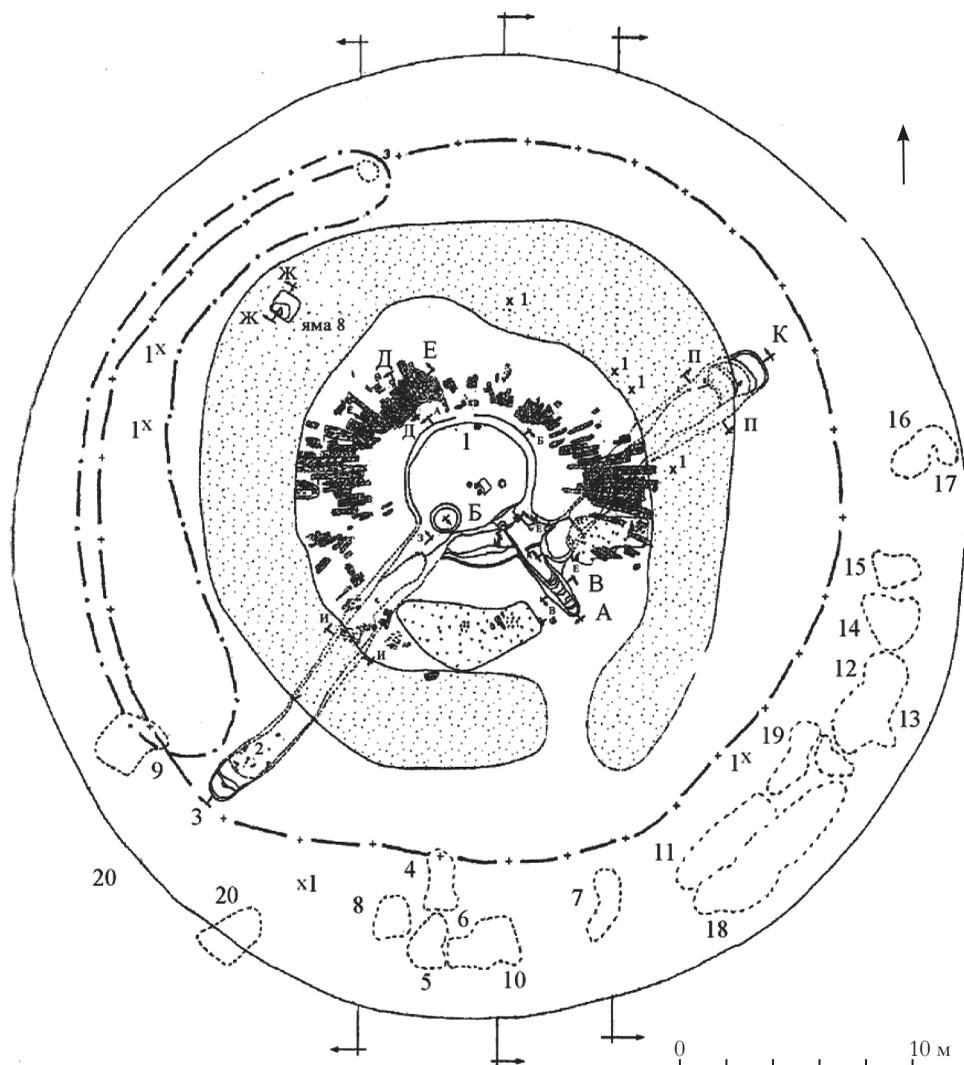

Рис. 2. Филипповка, курган 13. План. 1 — отдельные кости лошади; 2 — кости лошади в пределах западного хода; 3–20 — скопления костей лошадей (по Яблонский, Мещеряков 2006: рис. 1)

Fig. 2. Filippovka, barrow 13. Plan. 1 — horse bones; 2 — horse bones in the western tunnel; 3–20 — accumulations of horse bones (after Яблонский, Мещеряков 2006: рис. 1)

ход — с севера; кроме того, была зафиксирована открытая траншея, прокопанная с юга, параллельно дромосу, в центральную могилу (Пшеничнюк 1989: рис. 1). Получается, что ходы-штольни прокапывались с четырех сторон света. Крест с концами, направленными по четырем сторонам света, означает одновременно круг, радиальность. Поэтому ходы-штольни в южно-приуральских курганах можно рассматривать как радиальные.

В курганах с меридиональной ориентировкой и радиальной структурой кроме подземных ходов-штолен были зафиксированы еще и подземные камеры над центральным погребением. Рассмотрим одну из наиболее хорошо сохранившихся подземных ритуальных камер в кург. 5 группы Березки-1. Перед сооружением в материке обширной, но неглубокой ямы с дромосом с юга был выкопан ров чашевидной 8-лепестковой формы. Вокруг рва был сооружен вал из материковой глины, внутренняя сторона которого повторяла конфигурацию рва, а внешняя была ровной. После чего вал был перекрыт бревенчатой радиальной конструкцией, что создало замкнутое пространство над могилой. В замкнутое круговое надмогильное пространство с выложенным кирпичами и оштукатуренным полом и воздушными колодцами можно было попасть через специальный вход, устроенный в перекрытии. Вход был сделан с южной стороны, над дромосом (Скарбовенко 2005). Получается, что надмогильное замкнутое пространство использовалось для посещений и проведения неких церемоний, иначе не имеет смысла столь основательное и декоративное оформление его пола и специально устроенная вентиляция. Это пространство можно назвать ритуальной камерой над центральным погребением. Такого же плана ритуальные ходы и камера были зафиксированы в большом кургане Байкара в Ишимских степях (Парцингер и др. 2003). В насыпи кург. 1 Покровки-2 были зафиксированы 10 ям, выкопанных с поверхности насыпи до уровня материка или несколько заглубленных в него, аналогичных 13 воздушным колодцам кург. 5 Березки-1 (Веддер и др. 1993: 22–23). Полагаю, что в других курганах, где прослежены глиняные валы вокруг могил, а также обкладка берестой, травой, обмазка глиной, срезание почвы на уровне древнего горизонта вокруг центральной могилы, могли существовать несохранившиеся ритуальные камеры. Перечисленные особенности характерны для многих курганов Южного Приуралья, что свидетельствует о широком распространении обычая ритуального посещения могил.

В скифских курганах Северного Причерноморья зафиксирован еще один вид проникновения в центральную гробницу, а именно, через входную яму впускного погребения, откуда пробивался подземный ход-штольня к центру кургана. В отличие от прямых подземных ходов-штолен, проложенных от края насыпи к центру кургана, подземные ходы-штольни, проложенные из впускных могил, зачастую имеют изогнутую форму, и они направлены с восточной половины кургана в центр. При этом способе проникновения прослеживается закономерность, что для этих целей использовалась наиболее поздняя и наименее престижная могила. Размеры входной ямы соответственно престижу также оказываются меньших размеров.

В Соболевском кургане проникновение в центральную могилу было осуществлено из входной ямы впускного женского погр. 4, расположенного в восточной половине кургана. Авторы раскопок подчеркивали, что странным выглядит, почему это произошло именно из этого погребения, а не из северного погр. 5, которое было нарушено («ограблено») в то же самое время. Расстояние от обеих могил к центральному захоронению было одинаковым (Мозолевский, Полин 2005: 150–152). Возможно, сыграло роль, что в северном погр. 5 был захоронен молодой мужчина, и оно находилось на одной меридиональной линии с центральным. После совершения этого погребения была произведена досыпка кургана. То есть в иерархии погребений женское погребение в восточной половине было менее престижным. Кстати, женское погр. 4 было сделано одновременно с погр. 2 пожилого мужчины с южной стороны основного погребения, по сравнению с которым оно было менее престижным.

В кургане Бабина Могила проникновение было совершено через входную яму погр. 3, которое было также наиболее восточным и наиболее поздним. Авторы раскопок полагали, что выбор на это погребение пал ввиду наименьших размеров входной ямы этого захоронения (Там же: 108–113). Входная яма погр. 3, действительно, имеет наименьшие размеры, но в то же время это погребение было наиболее поздним и наиболее восточным.

В Гаймановой Могиле вторжение в центральную гробницу было осуществлено через входную яму наиболее поздней северной могилы, хотя наименьшие размеры имела южная впускная могила 3

(Бидзиля, Полин 2012: 50, рис. 27). Как уже было показано выше, юг был правой, более престижной стороной, чем север.

Как видно, размеры входной ямы не играли решающую роль. Для проникновения в центральную камеру использовали входную яму наиболее поздних в кургане погребений, среди которых выбирали наименее престижное, которое оказывалось наименьшим по размерам и зачастую расположенным в восточной половине кургана. Исходя из всего вышеизложенного, можно признать ритуальный характер всех перечисленных подземных ходов-штолен и не называть их грабительскими, поскольку их первоначальное назначение не было таковым.

Анализ следов разрушения могил позволяет предположить, что целью проникновения и проведения обряда были центральные погребения и погребения значимых персон. После совершения обряда из погребения, видимо, выносились определенные предметы, скорее всего, статусные регалии, в том числе и дорогая шелковая одежда. Об этом свидетельствует находка в грабительском лазе свертка с шелковым роскошным халатом из Катандинского кургана (см. Гаврилова 1957). При ритуальном проникновении в могилы явно не ставилась цель вынести из них абсолютно все ценные вещи. Об этом можно судить по тому, что подземные штольни в скифских курганах Северного Причерноморья были всегда направлены на камеру, где лежал главный погребенный, а западные камеры с «хозяйственным инвентарем» были проигнорированы. Между тем для людей, которые уже вошли в восточную камеру, забрать все ценные вещи из западной камеры не составляло большого труда.

В этом отношении показательно, что в скифских курганах Северного Причерноморья ни разу не были ограблены конские могилы. Конские могилы всегда находились с западной стороны могилы их хозяина, они не были глубокими, максимальная глубина — 2,5 м¹, тогда как глубина могил их хозяев достигает зачастую 8–12 м (Очир-Горяева 2012а: 41, табл. 1). Именно поэтому конские погребения было легче ограбить, к тому же конская узда в целом ряде царских курганов была изготовлена из золота, серебра и представляла собой произведения высокохудожественного искусства и шедевры ювелирной работы. То есть грабители бы не ушли с пустыми руками. Украшения коней, похоже, не играли роли передаваемых статусных регалий, а сами кони не играли роли в постпогребальных обрядах. Это является еще одним косвенным аргументом в пользу необходимости пересмотра представлений о культе коня у племен скифской эпохи. В кургане Гайманова Могила подземный ход-штольня прошел под конским погребением, авторы раскопок полагали, что грабители не заметили его (Бидзиля, Полин 2012: 139), однако есть вероятность, что «грабители» или исполнители обряда им и не интересовались. Ведь если они были хорошо осведомлены о расположении камеры центрального погребения, то, разумеется, они знали, что в нескольких метрах на запад от нее находится конская могила.

В пазырыкских курганах Горного Алтая наблюдается аналогичная картина. Там конские могилы были нарушены только в трех наиболее ранних Башадарских и Туэктинском курганах. Во всех остальных и в более поздних курганах западного ареала: Катанде и Большом Берельском, приблизительно синхронным Пазырыкским и Ак-Алахинским курганам восточного ареала, — конские захоронения не были потревожены. Именно поэтому большинство попавших в музей находок пазырыкской культуры происходят из конских могил.

Есть факты, показывающие, что манипуляции с останками погребенных касались только главного погребенного. «Так, в кургане-склепе 6 могильника Покровский Лог-5 (Силосная яма) злоумышленники проникли еще до обрушения перекрытия. Не потревожив костяка лежавшей у южной стенки женщины, они сместили почти все кости находившегося рядом мужчины, а бедренные уложены так, как если бы он лежал лицом вниз. Как видим, данные действия были направлены только против мужчины» (Шульга 2003: 102).

Есть основания предполагать, что целью проникновения, манипуляций с останками и выноса статусных регалий были обряды получения статуса, легитимизации власти прямыми наследниками. Показательно, что все основные могилы царских курганов Скифии были нарушены. То есть проникали в могилы тех, кто имел при жизни некий статус, который передавался наследникам. Наглядным примером может служить курган Чертомлык (Алексеев и др. 1991). Полностью разрушена была только одна центральная камера, в которой находился скифский царь, остальные четыре камеры с воинами,

¹ Исключение составляет конская могила в катакомбе из Гаймановой Могилы, глубина которой была 3,4 м (Очир-Горяева 2012а: 41, табл. 1).

возможно, родственниками, не были нарушены, хотя они были соединены с царской камерой просторным проходом и содержали исключительно богатый инвентарь, среди которого была знаменитая чертомлыкская ваза (рис. 3). Судя по нарушенности не только царских, но и «рядовых» могил,

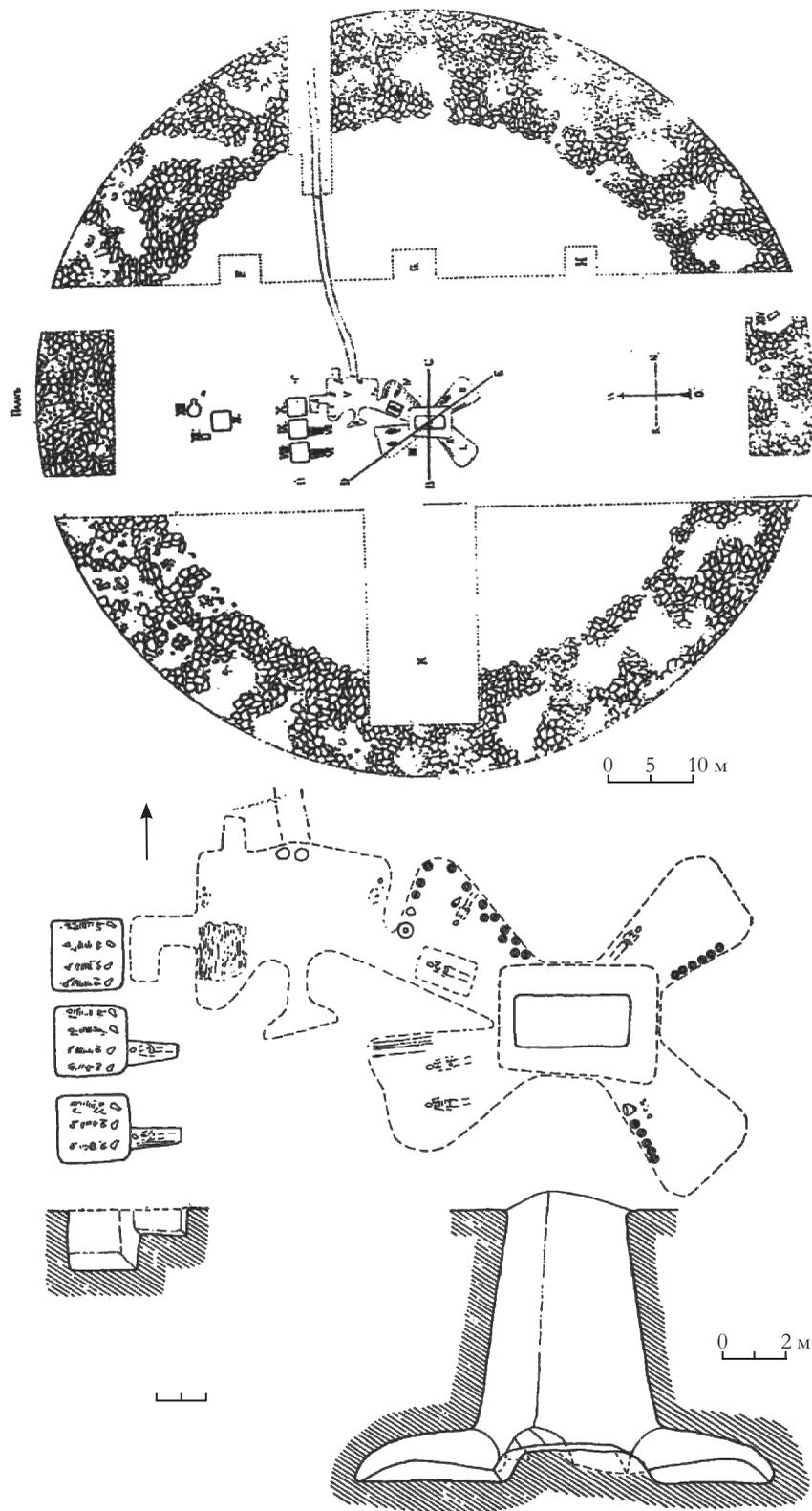

Рис. 3. Царский курган Чертомлык. План (по Алексеев и др. 1991: 55, рис. 41)

Fig. 3. Royal burial mound of Chertomlyk. Plan (after Алексеев и др. 1991: 55, рис. 41)

статус имел широкий диапазон от царя, главы племени, клана, рода до главы патриархальной семьи. А если статус и власть были переданы еще при жизни или человек не имел этот статус, то его могила оставалась непо потревоженной. Непотребленность могилы могла быть связана также с отсутствием кровных наследников (остался бобылем, был бездетным или дети умерли раньше него). Судя по приближающемуся к 100 % количеству нарушенных могил, такие случаи были редки.

Повод для высказанного предположения дают курганы, основное погребение которых было нарушено, а впускное погребение, равное или даже более престижное, в том же кургане оставалось нетронутым. Наиболее наглядно это прослеживается по южным впускным могилам у скифов и саков. Поэтому, чтобы понять, почему было нарушено подавляющее большинство погребений скифского времени в степях Евразии, надо попытаться понять, почему были оставлены ненарушенными единичные погребения.

Первоначальная насыпь таких курганов была перекрыта мощной досыпкой после совершения впускного погребения в южной половине первоначальной насыпи (насыпи 1). Досыпки эти столь значительны, что обычно впускные погребения рассматриваются как основные в насыпи 2. Наглядным примером служат курганы Солоха, Соболева Могила и кург. 4 у Белозерского лимана. Все эти комплексы объединяют несколько особенностей: 1) мощные досыпки насыпи после совершения погребения с юга; 2) в могиле насыпи 2 были погребены мужчины; 3) основные погребения насыпи 2 были столь же богатыми, как и основные погребения насыпи 1; 4) погребения из насыпи 2 сопровождалось собственными захоронениями коней; 5) глубина южных могил была равной или значительно глубже центральной могилы.

Рассмотрим соотношение основной (нарушенной) и южной (ненарушенной) могил в кургане Солоха (рис. 4; 5). Дискуссионной остается половая принадлежность погребенных в основной могиле 1 из кургана Солоха. На основании находки золотой иглы и отсутствия оружия Б. Н. Мозолевский полагал, что погребение было женским (Мозолевский 1982: 218). А. Ю. Алексеев считал, что биографические данные известных скифских царей позволяют установить соотносимость погребений Солохи с двумя сыновьями Ариапифа — Октамасадом и Ориком. Более того, анализ деталей погребального

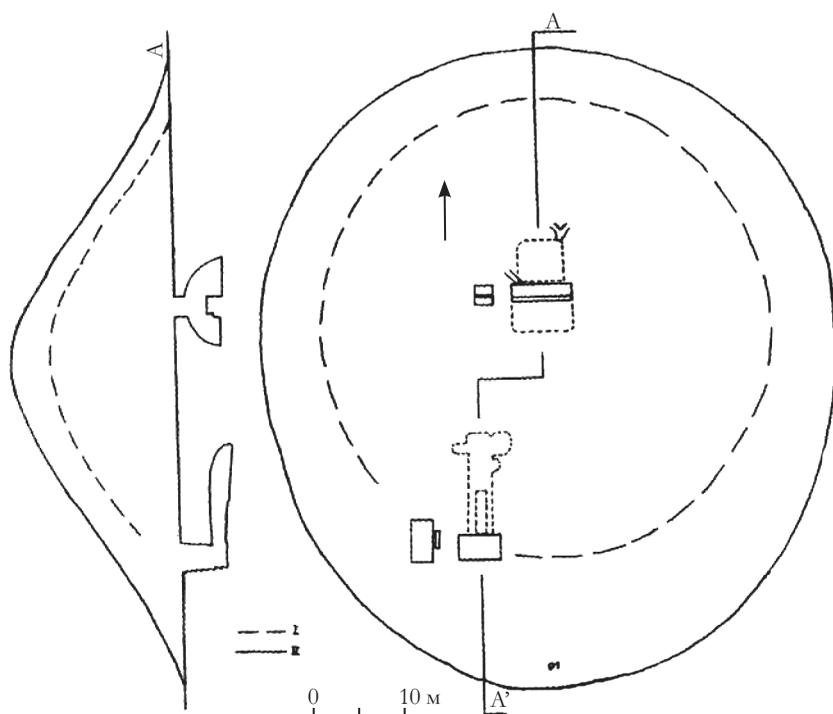

Рис. 4. Царский курган Солоха. План (по Манцевич 1987: 8, рис. 2)

Fig. 4. Royal burial mound of Solokha. Plan (after Манцевич 1987: 8, рис. 2)

обряда и некоторых элементов вещевого комплекса указывает на то, что первичная могила принадлежала младшему брату Орику (дата погребения 420/410–400 гг. до н. э.). Старший брат Октамасад был захоронен позднее, примерно на 20 лет (дата погребения 400–375 гг. до н. э.) в уже существовавший курган, размеры которого были при этом значительно увеличены (Алексеев 1994). На мой взгляд, есть возможность примирить эти две противоречащие друг другу точки зрения. Как известно, женские погребения очень редко сопровождалась погребениями коней. Вполне возможно, что погр. 1 из Солохи было коллективным, т. е. там находились мужчина и женщина (Орик в сопровождении супруги). А. Ю. Алексеев также привел целый ряд аргументов в пользу присутствия в могиле 1 не только женщины, но и мужчины. Об этом свидетельствуют, по его мнению, ряд предметов сугубо мужского инвентаря, а именно, деревянный сосуд с золотыми аппликациями, котел и бронзовый черпак (Алексеев 2003: 230). Погребение сопровождалось двумя конями в серебряной узде. В то же время погребение старшего брата (погр. 2) было не менее роскошным, чем первое. Наиболее наглядно это демонстрирует количество коней из конских могил: погр. 1 в первоначальной насыпи сопровождали двое коней, а погр. 2 во вторичной насыпи было снабжено конской могилой с пятью верховыми конями в сопровождении конюха; конская узда в погр. 1 была серебряной, в погр. 2 узда была золотой. Еще А. П. Манцевич (правда, без развернутой аргументации) считала оба погребения Солохи одновременными и родственными (Манцевич 1987: 117–122). Приведенные мной выше аргументы являются дальнейшим подтверждением верности интерпретации могилы 2 Солохи как погребения старшего брата.

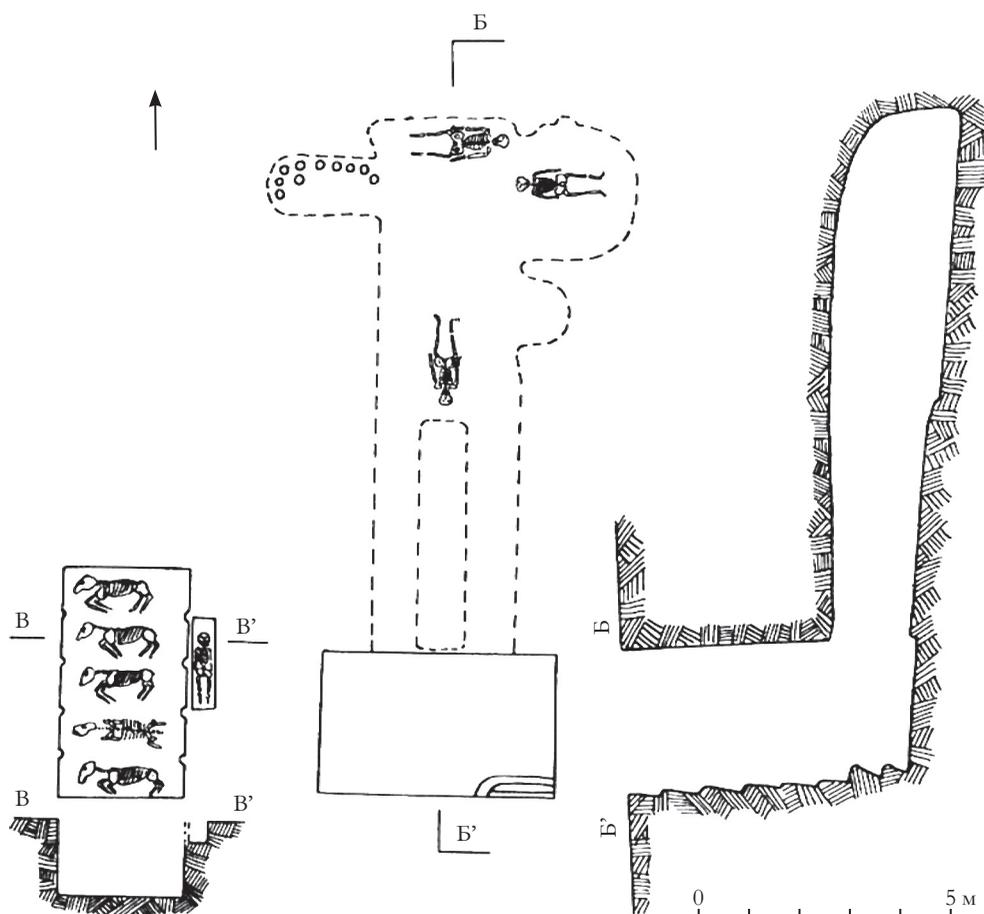

Рис. 5. Царский курган Солоха. Насыпь 2. Южная ненарушенная гробница. План (по Манцевич 1987: 17, рис. 5)

Fig. 5. Royal burial mound of Solokha. Earthwork 2. Southern undisturbed tomb. Plan (after Манцевич 1987: 17, рис. 5)

Существуют различные версии двух погребений из кургана Солоха. Но «...вывод о вероятности захоронения под его насыпью сыновей Ариапифа пока приемлемой альтернативы не имеет, если только отказаться совсем от каких-либо попыток идентификации» (Алексеев 2003: 229). Учитывая все возможные версии, можно предположить, что неразграбленность южного великолепного погребения Солохи, среди находок которого был знаменитый золотой гребень, связана с тем, что старший брат был при своем младшем брате, но не при верховной власти. Возможно, старший брат еще при жизни отказался от правящего титула в пользу младшего брата, который передал титул дальше. Старший брат был погребен в семейном кургане своего брата с почетной южной стороны. Могила его осталась ненарушенной, поскольку он не имел статуса правителя (рис. 4; 5).

Такая же ситуация наблюдается в кургане Соболева Могила (рис. 6). Центральная могила первой насыпи была усыпальницей целой семьи. В разграбленной яме были найдены кости мужчины и двух женщин 40–50 лет и 20–23 лет (Круц 2005). Курган был сооружен в три приема, досыпки связаны с тремя мужскими погребениями. Первая досыпка насыпи была осуществлена после внесения в северную полу кургана двух погребений: молодого мужчины 25–30 лет (погр. 5) и подростка (погр. 6). Следующая мощная досыпка насыпи Соболевского кургана была совершена после устройства в южной поле кургана могилы мужчины 55–65 лет (погр. 2), сопровождающейся захоронением коня. Получается, малая семья в центральной гробнице насыпи 1, молодежь (возможно, сыновья или младшие

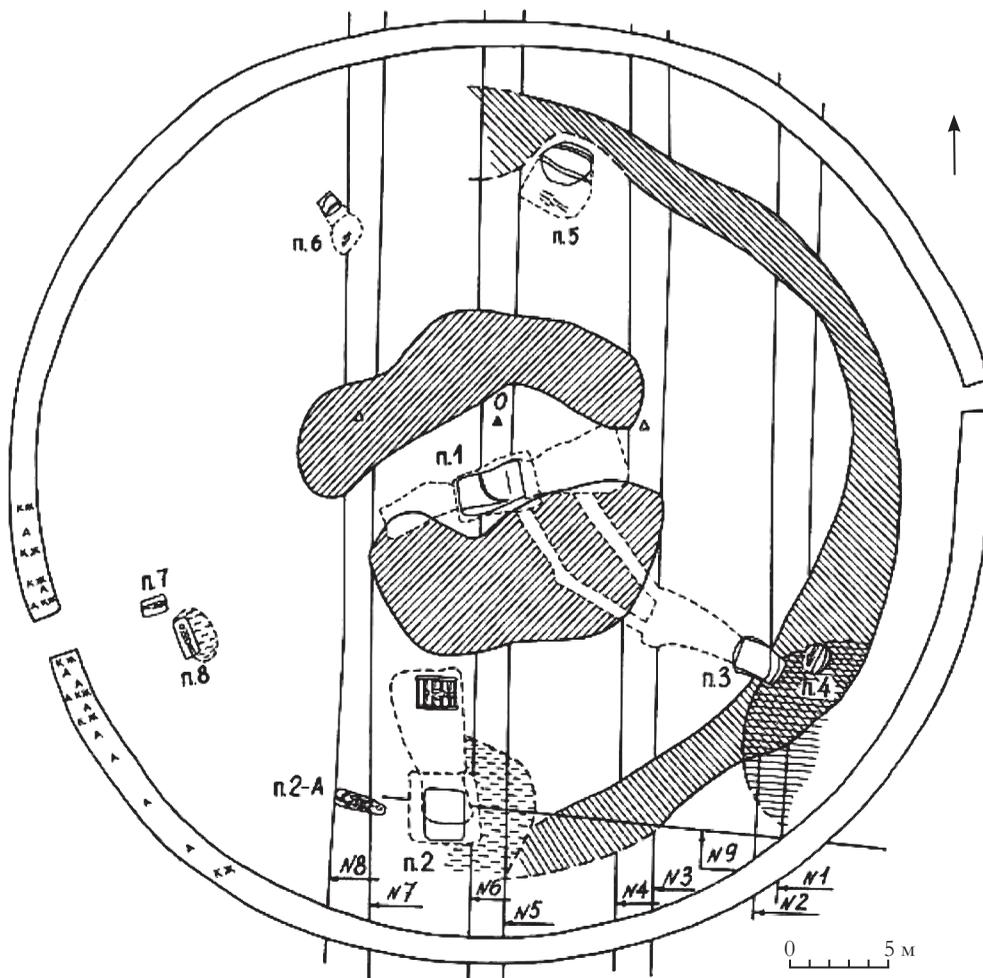

Рис. 6. Царский курган Соболева Могила. План (по Мозолевский, Полин 2005: 154)

Fig. 6. Royal burial mound of Soboleva Mogila. Plan (after Мозолевский, Полин 2005: 154)

братья) — с севера, а пожилой родственник (брат или отец) — на юге, в отдельной гробнице, сопровождаемый погребением коня. Именно это погребение не было нарушено, в то время как основное захоронение было нарушено два раза сверху и посредством подземного хода-штольни из входной ямы впускной восточной женской могилы (погр. 4) (Мозолевский, Полин 2005: 143–168). Северная могила воина (погр. 5) была нарушена одновременно с первым проникновением в центральную яму. Учитывая все перечисленные обстоятельства, можно предположить, что в южной могиле был погребен старший родственник (отец или старший брат), передавший бразды правления младшему, поэтому могила беститульного родственника не была нарушена (рис. 7).

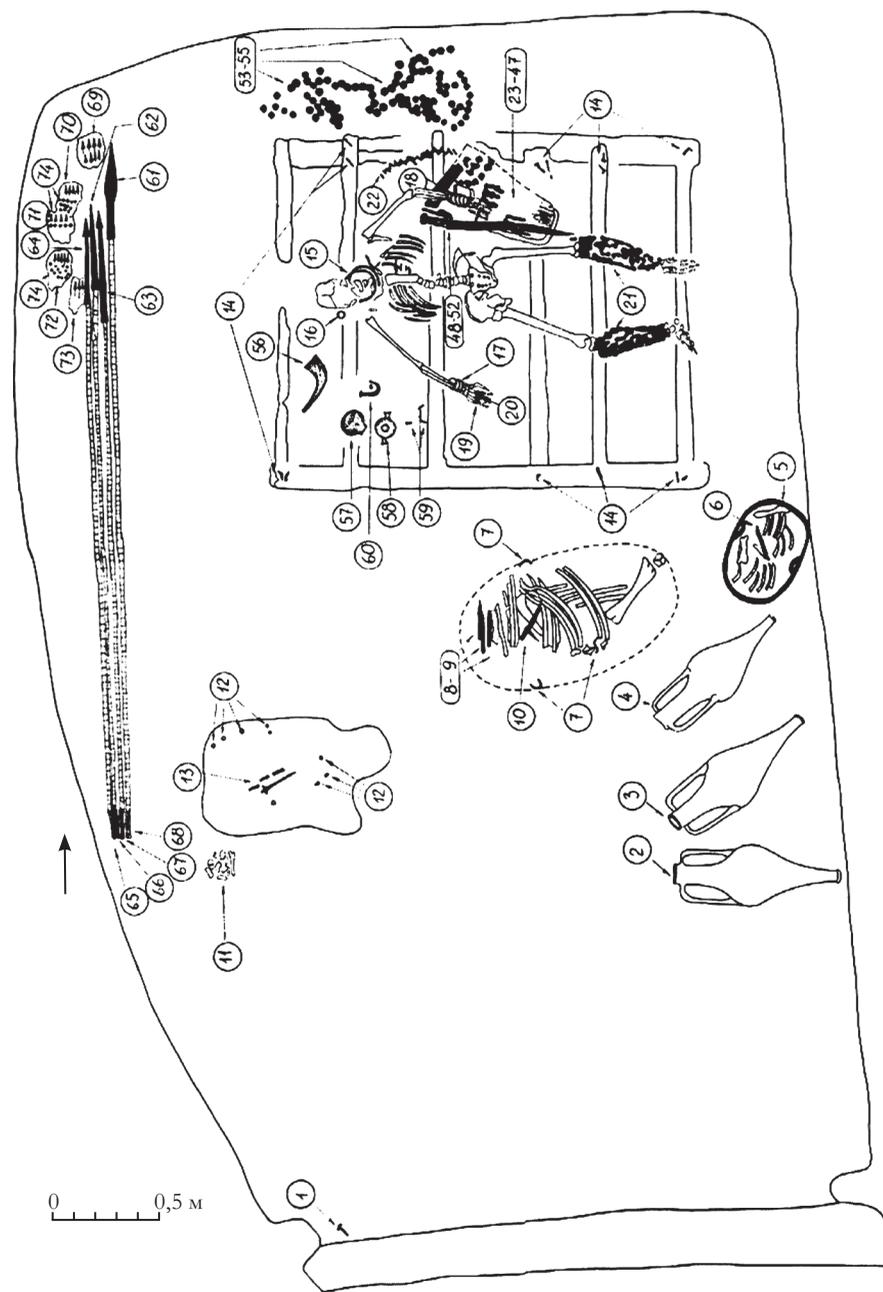

Рис. 7. Царский курган Соболева Могила. Насыпь 3. Южное ненарушенное погребение (по Мозолевский, Полин 2005: 154)

Fig. 7. Royal burial mound of Soboleva Mogila. Earthwork 3. Southern undisturbed burial. Plan (after Мозолевский, Полин 2005: 154)

Аналогичная ситуация наблюдается в кург. 4 у Белозерского лимана (Плешивенко 1991). Стратиграфический анализ позволяет выделить четыре строительных этапа. Первоначальная насыпь высотой 2 м и диаметром 15–19 м была возведена над основным погребением в катакомбе глубиной 5,9 м. В этом погребении встречены черепа двух взрослых и ребенка. Вторая насыпь была связана с детским погр. 3, которое прорезало край первой насыпи с севера. Эта досыпка увеличила диаметр кургана на 4–5 м. К третьему этапу относится досыпка с северной стороны, связанная с детскими могилами на юге (погр. 4) и на севере (погр. 6). Завершила формирование кургана четвертая насыпь с юга, перекрывшая погр. 2 и 5. Захоронение 5 было совершено в СВ секторе кургана и принадлежало женщине. При сооружении погр. 2 на южной стороне кургана часть первой насыпи была срезана до уровня древнего горизонта. Входная яма этого погребения была сооружена в 7 м к югу от центра, однако дромос вел в камеру глубиной 7,9 м, которая оказалась под центром кургана, непосредственно под входной ямой погр. 1. В то время как центральное захоронение было полностью разрушено, южное погр. 2 сохранилось ненарушенным. Показателем социального статуса погребенных является инвентарь. Наиболее престижный в этом кургане инвентарь обнаружен в южном погр. 2: девять колчанов (659 стрел), девять копий, железный меч, панцирь, защитный пояс и поножи. Стратиграфия данного кургана демонстрирует, что мальчики, как младшие, были похоронены на севере, а могила взрослого мужчины равного или более высокого ранга была сооружена на юге. Главенство подчеркивается также тем, что камера погр. 2 была почти на 2 м глубже камеры основного погребения. Основная могила в этом кургане была также основательно нарушена. Видимо, погребения не имевшей правящего титула молодежи с северной стороны основного погребения и старшего важного родственника (возможно, передавшего титул еще при жизни) с южной стороны основного погребения остались ненарушенными.

Выявленную закономерность подтверждает погребение знаменитого золотого человека из кургана Иссык (Акишев 1978). Могила золотого человека была боковой южной могилой, т. е. он был близким почетным родственником погребенного в центральной могиле. Центральная могила облеченного властью была ограблена, а могила родственника, возможно, его брата-принца, не получившего титула правящего, не посещалась после похорон, потому осталась ненарушенной.

Высказанное выше предположение базируется на установленных фактах, подтверждаемых повторяемостью на материалах нескольких элитных курганов, поэтому можно считать, что оно не лишено основания. В то же время автор отдает себе отчет, что прослеженная закономерность — один из многих аспектов изучения постпогребальных обрядов, которое находится в начальной стадии накопления данных.

В заключение хотелось бы отметить еще одну закономерность. Обряд ритуального посещения могил, на мой взгляд, в скифское время развивался и претерпевал во времени эволюцию от явно разрушительных актов к более сдержанным, возможно, символическим методам проведения обрядов. В ранних курганах пазырыкской культуры фиксируется повержение в хаос содержимого всей погребальной камеры: «...грабители отодрали крышку от колоды, повредив ее на одном конце, <...> опустошив колоду, грабители бросили на нее крышку обратно в перевернутом виде...» (Грязнов 1950: 21). «...Саркофаг был перерублен грабителями на части <...> части трупа женщины были найдены в различных местах погребальной камеры <...> Тело обезглавленного грабителями мужчины было ориентировано ногами на запад» (Руденко 1960: 38). В одном из наиболее поздних курганов пазырыкской культуры в кург. 11 Берель были погребены молодой мужчина и пожилая женщина в одной колоде-саркофаге. Авторы раскопок полагают, что погребение не было нарушено, а пролом в крыше камеры с северной стороны образовался в результате давления камней (Samašev 2007). Останки погребенных не были нарушены. Однако пролом в деревянном срубе имеет правильную округлую форму с ровными краями, точно такое отверстие было зафиксировано в крыше камеры первого кургана могильника Пазырык (Грязнов 1950: 16, рис. 2). Проломы, образовавшиеся под тяжестью камней, имеют, как правило, рваные зубчатые края по линии волокон дерева. На мой взгляд, пролом — это след проникновения в камеру Берельского кургана. По всей видимости, обряд нарушения могил на позднем этапе пазырыкской культуры стал менее разрушительным, возможно, просто символическим.

Характерное для скифской эпохи фактически полное разрушение останков погребенных, уложенных, возможно, теми же людьми с почестями в погребальную камеру, может объясняться только верой в то, что это разрушение необходимо для возрождения жизненной силы всего рода, семьи, племени.

Эти действия могут сравниваться с уничтожением тула (фигура в одежде умершего) на поминках у киргизов и разбиванием на куски каменных статуй скифской эпохи (см. Кузьмин 1991; Фиельструп 2002). Подобные метаморфозы в поведении одних и тех же людей напоминают мне поведение родственников невесты на традиционной калмыцкой свадьбе. Гостей со стороны жениха принимали с большими почестями, угощали самым лучшим, пели и танцевали для них, одаривали ценными вещами. Но в тот момент, когда гости со стороны жениха выносили невесту и ее приданое из дома, те же гостеприимные хозяева начинали наперебой нещадно колотить своих дорогих гостей, нанося им иногда серьезные ранения. Как объясняла моя бабушка, они боялись, что если они будут неискренне, «понарошку» бить гостей, то счастье, удача рода будет унесена вместе с невестой и приданым (Очир-Горяева 2014). В настоящее время гостям просто мешают выйти до тех пор, пока они не выплатят денежную сумму, удовлетворяющую наиболее активных родственников. То есть немилосердные обычаи избивания гостей приобрели более цивилизованные формы и стали чисто символическими.

Можно привести еще один пример из традиционных представлений калмыков — образец аналогичной метаморфозы в поведении одних и тех же людей при встрече со змеей. Если змея появлялась в юрте, то хозяева юрты вели себя очень почтительно, наливали в плошку молоко и терпеливо ожидали, когда змея, угостившись молоком, удалится восвояси. Дети должны были вести себя тихо, лучше всего сидеть и молиться про себя. Но если змея встречалась в степи, за пределами хотона (поселения), то все наперебой (каждый старался внести свою лепту) нападали на змею, били ее палками, пока не убьют. Как объясняли мне в детстве старшие, в жилом помещении змея воспринималась как представитель подземного мира, воплощение зла, ее старались задобрить, чтобы не подвергать опасности семью, род, обжитое пространство. А в степи, за пределами обжитого пространства, в долг каждого человека входило сделать все возможное, чтобы зла на земле стало меньше.

Что касается посещения могил и проведения там ритуалов, этнографическая наука располагает довольно богатым материалом по этой теме. Однако его привлечение для интерпретации археологических фактов требует серьезной критики источников, а также специального подхода и методов. Единственное можно твердо установить по этнографическим источникам: практика посещения могил старших в роду и проведения там ритуалов сохранения и приумножения жизненной энергии рода через покровительство предков была очень устойчивой. Калмыки длительный период их истории оставались язычниками и были довольно поздно, в XVI в., «приобщены» к буддизму тибетского толка. Как следствие тяжелой, упорной и, видимо, длительное время безуспешной борьбы с языческими обычаями осталось следующее явление. До сих пор при любом обращении за помощью к ламе (духовное лицо) всегда дается совет не посещать места погребения. В списке причин всех болезней и других семейных и жизненных неурядиц всегда присутствует посещение места погребения. Этот факт показывает, что калмыки не могли расстаться с языческими представлениями и в течение длительного времени не слушались указаний буддистского духовенства и упорно посещали места погребений родственников. Сегодня можно констатировать, что усилия буддистских лам не пропали даром: современные калмыки боятся разрытой земли и могил и с большой опаской подходят к курганам во время археологических раскопок. Самое главное, они ничего не трогают и не забирают с мест раскопок, даже если забыты дорогостоящий инвентарь или вещи. Так буддистское духовенство «оберегает» археологов.

Акишев К. А. 1963. Культура саков долины реки Или (VII–IV вв. до н. э.) // Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: б. и., 9–136.

Акишев К. А. 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство.

Алексеев А. Ю. 1994. К идентификации погребений кургана Солоха // Тошев Г. Н. (ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Т. 2. Запорожье: Изд-во Запорожского ун-та, 7–8.

Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимбелл Дж., Морзунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. 1993. Раскопки могильников Покровка-2 и Покровка-8 в 1992 году // Яблонский Л. Т. (ред.). Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН; Информ.-изд. центр «Тимр», 18–26.

Бидзиля В. И., Полин С. В. 2012. Скифский царский курган Гайманова могила. Киев: Скиф.

- Гаврилова А. А. 1957. Раскопки второго Катадинского могильника // СА 27, 250–268.
- Грач А. Д. 1980. Кочевники в центре Азии. М.: Наука.
- Грязнов М. П. 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ.
- Круц С. И. 2005. Новые антропологические материалы из курганов скифской знати Северного Причерноморья // Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV века до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могила. Киев: Стилоос, 459–502.
- Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Хршановский В. А. (ред.). Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.
- Манцевич А. П. 1987. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство.
- Мозолевский Б. Н., Полин С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV века до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могила). Киев: Стилоос.
- Мозолевский Б. Н. 1982. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Тереножкин А. И. (ред.). Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка, 179–222.
- Очир-Горяева М. А. 2009. Особенности погребально-го обряда кочевников Евразии скифской эпохи // ВДИ 1, 9–28.
- Очир-Горяева М. А. 2012а. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус.
- Очир-Горяева М. А. 2012б. О порядке расположения людей, инвентаря и коней в Пазырыкских курганах // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия. Кн. 2, 441–446.
- Очир-Горяева М. А. 2014. К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 28–32.
- Парцингер Г., Зайберт В., Наглер А., Плешаков А. 2003. Большой курган Байкара. Исследования скифского святилища. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern.
- Плещивенко А. Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана // Болтрик Ю. В., Бунятян Е. П. (ред.). Курганы степной Скифии: сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 53–72.
- Полин С. В. 2003. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортотлика // Археологія 2, 10–25.
- Пишеничнюк А. Х. 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Уфа: Башкирский научный центр УрО АН СССР (Препринт).
- Руденко С. И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Савинов Д. Г. 1996. Об обряде погребений больших пазырыкских курганов // Алексеев А. Ю. и др. (ред.). Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: РГНФ; ИИМК РАН; Изд-во ГЭ, 107–111.
- Скарбовенко В. А. 2005. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки 1 // Гуляев В. И. и др. (ред.). Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В. С. Ольховского. М.: ИА РАН, 381–393.
- Шульга П. И. 2003. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Фильструн Ф. А. 2002. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука.
- Яблонский А. Т., Мещеряков Д. В. 2006. Загадка тринадцатого Филипповского кургана // Обыденнова Г. Т., Савельев Н. С. (ред.). Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 38–45.
- Samašev Z. S. 2007. Die Fürstengräber von Berel // Menghin W., Parzinger H. (Hrsg.). Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York: Prestel Verlag, 132–138.

Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимченко

ФЕНОМЕН ОГРАБЛЕНИЯ СТЕПНЫХ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В «МАКРОЭКОНОМИКЕ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Рассматривается экономическая сторона феномена ограбления скифских погребений. Из 2025 степных скифских погребений, включенных в авторскую базу данных, только 805, или 39,8 %, являются ограбленными (табл. 1). Напротив, курганы скифской элиты ограблены почти на 100 %. Отмечено, что большая часть ограбленных захоронений удалена от очагов оседлости (поселений, городищ). Ставится вопрос об экономической оценке погребального инвентаря. Приводятся подсчеты стоимости инвентаря некоторых неограбленных погребений (табл. 2). Произведено сравнение представлений о богатстве в античной экономике и у скифов.

Ключевые слова: скифы, греки, Северное Причерноморье, экономика, золото.

N. A. Gavrilyuk, N. P. Timchenko. Plundering of the steppe Scythian burials in the «macro-economics» of the North Black Sea region. The paper is devoted to the economic aspect of the phenomenon of ancient grave plundering as exemplified by the Scythian burials of the North Black Sea region. Of 2025 steppe Scythian burials included in the authors' database only 805, or 39.8 %, were plundered (table 1). At the same time for the Scythian elite burials this index nearly reaches 100 %. Most of the plundered graves were situated at a distance from settlements. Special attention in the paper is paid to the economic evaluation of grave inventory. The authors calculate the total price of burial goods found in some rich burials undisturbed by plunderers (table 2) and compare the criteria of wealth in Greek and Scythian societies.

Keywords: Scythians, Greeks, North Black Sea region, economy, gold.

Феномен ограбления погребений (далее — ФОП) уверенно прослеживается с эпохи бронзы (Кызласов 1983: 19, 23–32; Нелин 2001; Мозолевский, Полин 2005: 427), когда в экономике достигается высокий уровень разделения труда и появляются значительные объемы регулярных торговых операций с протяженностью внешних торговых путей в тысячи километров. Совпадение становления первых мир-системных экономик, как его рисуют Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Г. Франк, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев и др.¹), и ФОП, не случайно.

В основе «макроэкономики» степного Причерноморья античного времени лежит функционирование двух региональных экономик. Первая связана с населением античных северопричерноморских центров, вторая — со скифскими кочевниками. Обе экономики соединились в крупномасштабное экономическое явление. На первое место в нашем исследовании выдвигаются связи, основанные на экономических процессах и реализуемые в ходе и результате хозяйственной деятельности изучаемых древних сообществ. При формулировании вопросов и поиске на них ответов целесообразно исходить из положений новой институциональной экономики. В «макроэкономическом» измерении ФОП рассматривается как форма хищения с экономическими признаками. Обратим внимание, что современному

¹ Перечисленными авторами мир-экономика представляется как самодостаточная экономическая структура из трех частей с мягкими границами между ними: ядро (центр) → полупериферия → периферия. Можно усмотреть очевидное структурное подобие мир-экономики и единиц палеоэколого-экономического районирования Северного Причерноморья, рассмотренного нами для скифского времени (Гаврилюк 1999: 294–301; 2013: 78–83, 507–517). В этом можно видеть подобие масштабной фрактальности (инвариантность структуры при изменении масштаба) мир-системы и единиц палеоэколого-экономического районирования Северного Причерноморья в античное время.

юридическому языку чужд многозначный термин «ограбление»². «Ограбление захоронений» — преступление, предусмотренное ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», определяется как один из видов хищения или порчи имущества, отличающийся только специфичностью места и предмета уничтожения, повреждения или осквернения. Мы рассматриваем экономическую сторону «ограбления», совершаемого с экономической мотивацией (кражу)³.

Источники. Для изучения экономического аспекта ФОП применительно к античному периоду Северного Причерноморья нами использованы письменные (в основном — Геродот⁴), археологические и нарративные источники. Примером последних является «Повесть о любви Херея и Каллирои» Харитона афродисийца (Харитон 1954), содержащая небольшой сюжет об ограблении богатой античной гробницы⁵. Состав преступления — сложный (умысел, сговор, организованность, размеры хищения, похищение, неоднократная «судимость» преступников, устойчивость их группы, незаконное проникновение и т. д.), включающий почти все формы хищения: кражу, грабеж, разбой, мошенничество⁶. Хотя роман написан во II в. н. э., он содержит сведения о реалиях и «технических» деталях, огромных рисках и доходности, едва ли не повседневности ограбления могил как промысла. Разорение греками могил своих же предков фиксируется письменными источниками с V в. до н. э. (Дашевская 1994: 79). О. Д. Дашевской собраны практически все известные сведения об ограблении греческих могил, как в метрополии, так и в Северном Причерноморье. С III в. н. э., судя по эпиграфическим данным, ограбление могил порицается и наказывается штрафами (Там же: 80–81).

В конце V–IV в. до н. э. население северо-причерноморских милетских колоний также осваивает этот «промысел»: грабят некрополи Ольвии, ее хоры, скифские курганы в степи.

Распределение погребений по признаку «ограбленное/неограбленное». В одном из первых анализов ФОП степных скифских погребений утверждается, что курганы знати ограблены в основном в скифское время (Хазанов, Черненко 1979). С. В. Полин, исходя из результатов доисследования Чертомлыкского кургана и раскопок более 50 скифских курганов его группы, пишет: «...обнаружилась почти 100 %-ная ограбленность скифских могил. Некоторые из ограблений произошли еще в скифское время, однако большинство курганов были ограблены в XIX — нач. XX вв. или даже дважды — в скифское и в наше время» (Полин 2003: 10). Однако экономический мотив ФОП скифских курганов не рассматривался.

Е. П. Бунятян (1985: 30–32) приводит данные по ФОП девяти могильников IV в. до н. э., расположенных в излучине р. Днепр. Из 293 курганов и 534 скифских погребений были «ограблены» 64,6 % (Там же: 46). Вскоре появилась еще одна база данных (Скифские погребальные памятники 1986), согласно которой неограбленные могилы составили «10–20 % всего массива» (Там же: 349–350).

Наша база включила 2025 погребений из курганов степной зоны Северного Причерноморья. Детальное распределение ограбленных/неограбленных скифских погребений (62 группы) показано в табл. 1. Из всего массива степных скифских погребений только 805, или 39,8 %, являются ограбленными. В то же время курганы элиты ограблены почти на 100 %⁷. При этом большая часть ограбленных погребений удалена от очагов оседлости (поселений, городищ). В связи с имущественным ха-

² Здесь подразумеваются два понятия: «грабеж» (открытое хищение чужого имущества с применением или угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья), и «разбой» (нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия) (УК РФ, ст. 161, 162). Аналогичные статьи содержат УК всех развитых стран. В древности грабители могил наказывались по менее казуистичным законам, но зато с намного большей жесткостью.

³ Среди признаков предмета хищения имущества юристы выделяют два признака: физический (*res corporales*, т. е. телесность, материальность, осязаемость) и экономический (стоимость похищенного/нанесенного ущерба или извлеченного преступным путем дохода).

⁴ О трепетном отношении к «отчим могилам» — см. Herod., IV. 127; к священному золоту (плаг с ярмом, секира и чаша), упавшему с неба — Herod., IV. 5, 6.

⁵ Пират Ферон попал на пышные похороны неумышленно заживо похороненной знатной сиракузянки Каллирои. Незамедлительно он организывает шайку, под покровом ночи взламывает склеп и сталкивается с... ожившей красавицей. Сориентировавшись, разбойники похищают ее и вместе с большим количеством награбленных драгоценностей увозят на «реализацию» в богатейший (и в то же время удаленный от Сиракуз) город античного мира Милет.

⁶ Обман с корыстной целью Леоны — завхоза Дионосия, человека «своими богатствами, происхождением своим и своей образованностью превосходящего всех остальных ионян, друга великого царя»; «избежание телонов», т. е. уклонение от налогов (Харитон 1954: 24–26).

⁷ Нетронутыми до нашего времени в них сохранились лишь клады (тайники) и несколько впускных или боковых погребений.

Таблица 1. Распределение ограбленных и неограбленных скифских погребений и их местоположение в степной зоне Северного Причерноморья

Table 1. Distribution of the plundered and undisturbed Scythian burials and their localization in the steppe zone of the North Black Sea region

№ п.п.	К-во погребений				Местоположение					
	общее	неогр.-рабл.	ограбл. абс.	%	населенный пункт	группа (могильник)	окружение	ареал	область	район
1	1		1	100,0	Александровка		степь	пБГ	Хрс	Снигиревский
2	134	63	71	53,0	Балки	Гайманово поле	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
3	14	9	5	35,7	Балки	Плоская Могила	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
4	20	15	5	25,0	Богдановка		берег	лбБ	Хрс	Каховский
5	1	0	1	100,0	Больш. Белозерка	Близицы	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
6	7	1	6	85,7	Больш. Белозерка	группа 2	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
7	7	2	5	71,4	Больш. Белозерка	Суворово	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
8	21	3	18	85,7	Больш. Белозерка	Чмыревой	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
9	54	41	13	24,1	Больш. Знаменка	Ильинский	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
10	542	384	158	29,2	Больш. Знаменка	Мамай-Гора	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
11	252	194	58	23,0	Больш. Знаменка	Солохи	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
12	6	6	0	0,0	Больш. Знаменка	бескурганный	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
13	5	5	0	0,0	Больш. Знаменка	В.Знаменский	горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
14	1	0	1	100,0	Борозенское		берег	пбБ	Днп	ВеликАлекс.
15	23	7	16	69,6	Бутор		посЧобр	пБИ	Трс	Григориопол.
16	4	0	4	100,0	Васильевка		степь	пбГ	Хрс	Снигиревский
17	54	50	4	7,4	Верхнетарасовка		пос	пбБ	Днп	Томаковский
18	18	15	3	16,7	Владимировка		пос	пбБ	Днп	Томаковский
19	26	19	7	26,9	Вольная Украина	Кр. Перекоп	берег	лбБ	Хрс	Каховский
20	80	33	47	58,8	Гюновка	21 курган	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
21	1	1	0	0,0	Гюновка		степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
22	13	0	13	100,0	Заповитное	Степной	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
23	19	6	13	68,4	Заповитное	Степной-3	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
24	7	1	6	85,7	Заповитное		степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
25	83	57	26	31,3	Златополь	Златополь	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
26	7	0	7	100,0	Золотая Балка	Рядовые могилы	степь	пбБ	Хрс	Нововоронц.
27	16	11	5	31,3	Ильинка		горКГ	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
28	29	26	3	10,3	Капуловка	1	горКап	пбБ	Днп	Никопольский
29	7	0	7	100,0	Ковалевка	5	степь	пбГ	Нкл	Николаевский
30	3	1	2	66,7	Красное		посЧобр	пд	Трс	Григориопол.
31	63	46	17	27,0	Кут		пос	пбБ	Днп	Апостоловский
32	21	13	8	38,1	Любимовка		берег	лбБ	Хрс	Каховский
33	5	0	5	100,0	Нечаянное		степь	пбГ	Нкл	Николаевский
34	10	6	4	40,0	Никополь-	2	горКап	пбБ	Днп	Никопольски
35	3	0	3	100,0	Новокаменка		берег	пБИ	Одс	Измаильский
36	184	29	155	84,2	Носаки -Балки	14 курганов	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
37	9	0	9	100,0	Орджоникидзе	Испан.Могилы	степь	пбБ	Днп	Никопольский
38	7	0	7	100,0	Орджоникидзе	Лисьи Могилы	степь	пбБ	Днп	Никопольский
39	4	0	4	100,0	Орджоникидзе	шахта 22	степь	пбБ	Днп	Никопольский
40	14	14	0	0,0	Орджоникидзе	Страшн.Могила	степь	пбБ	Днп	Никопольский
41	7	0	7	100,0	Орлянский		степь	лбБ	Зпр	Васильевский
42	28	11	17	60,7	Первомаевка		пос Перв	лбБ	Хрс	Верхнерогач.
43	1	0	1	100,0	Томаковка	Близицы	степь	пбБ	Днп	Томаковский
44	6	0	6	100,0	Чкалово		степь	пбБ	Днп	Никопольский
45	39	0	39	100,0	Широкое	2	степь	лбБ	Хрс	Скадовский
46	37	19	18	48,6	Шмальки	Казенная могила	степь	лбБ	Зпр	Васильевский
47	1	1	0,0	0,0	Акимовка		степь	лбБ	Зпр	Акимовский
48	12	12	0,0	0,0	Выводово		степь	пбБ	Днп	Томаковский
49	6	6	0,0	0,0	Каменка	Каменка	степь	лбБ	Зпр	Кам.-Днепр.
50	6	6	0,0	0,0	Дудчань		берег	пбБ	Хрс	Нововоронц.
51	1	1	0,0	0,0	Козырка		море		Нкл	Очаковский
52	5	5	0,0	0,0	Корнеевка		степь	лбБ	Зпр	Веселовский
53	20	20	0,0	0,0	Львово		берег	лбБ	Хрс	Бериславский
54	6	6	0,0	0,0	Нагорное		берег	пбБ	Днп	Никопольский
55	15	15	0,0	0,0	Отрадное		степь	пбГ	Нкл	Баштанский
56	21	21	0,0	0,0	Пески	Три Могилы	степь	пбГ	Нкл	Баштанский
57	9	9	0,0	0,0	Плавни	1	берег	пБИ	Одс	Ренийский
58	5	5	0,0	0,0	Раздольное	Раздольное	степь	лбБ	Хрс	Каховский
59	12	12	0,0	0,0	Скельки	бескурганный	посЛГ	лбБ	Зпр	Васильевский
60	3	3	0,0	0,0	Софиевка		степь	лбБ	Хрс	Кам.-Днепр.
61	2	2	0,0	0,0	Николаев		степь	пбБ	Нкл	Терноватое
62	8	8	0,0	0,0	Чкаловка	5	степь	пбБ	Днп	Верхнеднепр.
2025	1220	805	39,8							

Примечания: с. – село; р. – река; бр. – берег реки; горКап – городище Капуловка; горКГ – Каменское городище; пос. – поселение; посЛГ – поселение Лысяя Гора; посПерв – посПервомаевка; посЧобр – поселение Чобручи; лбБ – левый берег Борисфена (Днепра); пбБ – правый берег Борисфена (Днепра); пбГ – правый берег Гипаниса (Южного Буга); пБИ – правый берег Истра (Днестра); Области: Днп – Днепропетровская; Зпр – Запорожская; Нкл – Николаевская; Одс – Одесская; Николаевская; Трс – Тirasпольская; Хрс – Херсонская; районы: ВеликАлекс. – Великоалександровка; Верхнеднепр. – Верхнеднепровский; Верхнерогач. – Верхнерогачикский; Григориопол. – Григориопольский; Кам.-Днепр. – Кам.-Днепровский; Нововоронц. – Нововоронцовский.

рактором ограблений, приходящихся на время появления богатых скифских захоронений в Северном Причерноморье, уместно поставить вопрос об экономической оценке погребенного инвентаря.

Стоимость инвентаря из драгметаллов в степных скифских погребениях оценивалась мерками греческого мира (Гаврилюк 2013). Также можно считать экономическим признаком похищенного имущества не цену, а овеществленный труд⁸. Оценки распределения неограбленных скифских захоронений (табл. 1) и стоимости имущества из могил (табл. 2) считаем представительной выборкой, отражающей основные особенности ФОП. Мы использовали известное на рынке золота явление близости рыночной цены на золото (серебро) и их номиналами в монетах как основу объективной оценки вещей из драгметаллов из степных скифских захоронений. Размеры погребенных богатств, разнообразные события в экономической жизни (в их числе сооружение кургана, поминки в честь царя) оценивали по весу и пробности золота (серебра) в соответствии с паритетом синхронных денежных единиц. Примерами являются расчеты стоимости (в минах) изделий из захоронений Толстой (женское погребение — 29, все погребения — 73) и Соболевой (мужское погребение — 46) Могил (табл. 2). Аналогично М. Ю. Трейстер обратил внимание на то, что серебряная фиала из бокового захоронения Семькиной Могилы по весу весьма близка к стандартному весу в 1 мину серии фиал (Болтрик, Трейстер 2010: 69). Расхождение с номиналом мины 436,7 гр. не превышает 18,6 %. Исходя из картографирования находок фиал, можно предположить, что меньший вес фиалы, возможно, объясняется «порчей» изделия в расчете на варвара — простоватого владельца фиалы.

Стоимость погребального комплекса Толстая Могила, как сумма стоимости инвентаря и земляных работ, составляет не менее 140 мин (2,3 таланта) или около 50 рабов по ценам Аттики, или 500 рабов «по себестоимости», т. е. захваченных скифами в двух–трех удачных набегах. Таким образом, ФОП степных скифских погребений позволяет представить порядок оценки ряда явлений экономики степной Скифии. В глазах греков богатства знати номадов выглядят скромно: они сопоставимы со стоимостью среднего эргастерия, дома в Афинах (Клячко 1966: 114–117, 120), с частичными затратами на сооружение и содержание весьма небогатого храма (Кузнецов 1986: 43–47). Содержание триеры составляет 7, конницы в 800 «сабель» — 40 талантов/год \approx 5 обол/день (по Немировский 1994).

Показательно различие в использовании золота богатыми скифами и богатыми греками. В античной экономике «лишнее» золото находится в основном в обороте, в то время как золото номада, наоборот, — закапывается (тезаврируется), т. е. «изымается» из обращения (Гаврилюк 1998: 97–100). Другими словами, экономическим смыслом ограбления скифских погребений, которое к концу IV в. до н. э. приобретает характер промысла, является возврат⁹ в экономический оборот «тезаврированных» богатств¹⁰ и их переплавка.

Выводы. 1. Уточнено количественное распределение ограбленных/неограбленных погребений по 62 группам (табл. 1). В целом доля неограбленных скифских степных погребений составляет 60,2 %, ограбленных — 39,8 %. В курганах скифской знати, напротив, неограбленные погребения — редкое явление.

2. Раннескифские погребения подверглись ограблению в меньшей степени, чем степные скифские захоронения IV в. до н. э. Возможно, это связано с процессами демаркации «отчими могилами» земельных угодий или превращением ограбления степных скифских погребений в промысел с годовым оборотом в десятки талантов и с максимумом в годы общего палеоэколого-палеоэкономического и политического кризиса в степи Северного Причерноморья.

⁸ С. В. Полиным реконструированы и сопоставлены особенности «технологии ограбления» крупнейших курганов — Чертомлык, Чертомлыкская Близница, Огуз, Александрополь, Желтокаменка и др. (Полін 2003; 2011; Мозолевский, Полин 2005: 150–152, 427–445). Наши подсчеты показали, что сооружение Восточного лаза (колодезного типа) кургана Кара-Тюбе характеризуется рекордными (69 м³) выборкой и перемещением грунта, на что требуется 8...15 суток непрерывной проходки. Наклонные лазы Толстой Могилы и Чертомлыка, соответственно, — 38,5 м³; 45,9 м³ и 4,6...8,5; 5,5...10 суток. Нам представляется завышенным объем грунта, вынутого в ходе раскопок И. Е. Забелина из грабительского хода и, по свидетельству С. В. Полина, зафиксированного по валу выкида во время съемки 1978 г.: «Согласно замерам маркшейдеров этот объем составлял 210 м³» (Полін 2003: 16).

⁹ Археологические свидетельства ограбления богатых скифских могил свидетельствуют о коротком скифском «золотом веке» конца IV в. до н. э. (Хазанов, Черненко 1979: 22–23, Мозолевский, Полин 2005: 152). Возможно, эти ограбления обусловлены общим кризисом в степи.

¹⁰ Как это реализовывалось на практике, красноречиво представлено в упомянутой выше истории ограбления склепа Каллирои (Харитон 1954).

Таблица 2. Стоимость золотых изделий и ее людской эквивалент (в рабах) из погребений Толстой Могила и Соболевой Могила (по Гаврилюк 2013: 497–500)

Table 2. Price of gold articles from the burials of Tolstaya Mogila and Soboleva Mogila and numbers of slaves that could be bought for this money (after Гаврилюк 2013: 497–500)

Наименование погребения	Мины	Эквивалент, рабы		
		Аттика	Боспор	Себест.
1. Толстая Могила				
1.1. Боковое женск. неграбл. без детского	29	11	23	115
1.2. Центральное ограбленное (с пекторалью)	34	14	27	136
1.3. Конские (неграбленные)	10	4	8	40
<i>Все погребения</i>	73	29	58	291
2. Соболева Могила				
2.1. Погребение № 2	41,41	16	40	200
2.2. Погребение № 2А (конское)	0,0333	1	3	15
2.3. Погребение № 3 (тайник)	3,09			
2.4. Погребение № 6	1,62			
<i>Все погребения</i>	46,15			

3. Стоимость погребальных комплексов отражает особенности скифской экономики: начальную фазу товарообменных отношений. Золото у кочевников тезаврируется, в античных центрах — находится в обороте. При этом варварская экономика Северного Причерноморья по объемам богатств уступает античной, особенно метрополии.

4. Основные богатства степной Скифии конца IV в. до н. э. концентрируются у знати, о чем можно судить по их относительно немногочисленным курганам по сравнению с огромным массивом рядовых погребений.

Болтрик Ю. В., Трейстер М. Ю. 2010. Срібна фіала з Семикиної Могили // Археологія 2, 62–74.

Буянтян Е. П. 1985. Методика соціальних реконструкцій в археології. Київ: Наукова думка.

Гаврилюк Н. О. 1998. Явище тезаврування золота у ранньому залізному віці // Арустамян Ж. Г. (ред.) Музейні читання: Мат-ли міжнар. наук. конф., присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна. Київ: Музей історичних коштовностей України, 97–100.

Гаврилюк Н. А. 2013. Экономика степной Скифии. Киев: Видавець Олег Філюк.

Дашевская О. Д. 1994. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА 4, 79–84.

Клячко Н. Б. 1966. Стелы гермакопидов как источник сведений о рабах VI в. до н. э. // ВДИ 3, 114–127.

Кузнецов В. Д. 1986. Ремесленники-металлисты Эпидавра // Кошеленко Г. А. (ред.). Проблемы античной культуры. М.: Наука, 43–47.

Кызласов А. Р. 1983. В Сибирию неведомую за письменами таинственными // Янин В. Л. (ред.). Путешествия в древность. М.: Изд-во Московского ун-та, 16–49.

Мозолевский Б. Н., Полин С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могила). Киев: Стилос.

Нелин Д. В. 2001. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Колев Ю. И. (ред.). Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Научно-технический центр, 317–321.

Немировский А. И., Ильинская А. С., Уколова В. И. 1994. Античность: история и культура. Т. 2. М.: Аспект Пресс.

Полин С. В. 2003. Про пограбування скіфських курганів в районі Чортomlaка // Археологія 2, 10–25.

Полин С. В. 2011. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов // Гаврилюк Н. А., Масленников А. А. (ред.). Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М.; Киев: ИА РАН, 206–222.

Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. 1986 / авторы: Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др. Киев: Наукова думка.

Хазанов А. М., Черненко С. В. 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія 30, 18–26.

Харитон. 1954. Повесть о любви Херея и Каллирои. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

А. П. Бородовский, Е. А. Бородовская

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ

Для памятников горной долины Нижней Катунь можно выделить два варианта вторичных погребений: одиночные и коллективные. Они характеризуются несколькими обязательными признаками: отсутствие свидетельств смещений могилы относительно каменной насыпи кургана; непо потревоженности могилы с вторичным захоронением; отсутствие полного анатомического порядка в расположении костей, за исключением верхней и нижней части туловища; компактное размещение костей относительно друг друга, так как они могли находиться во вместилище. В расположении вторичных погребений Нижней Катунь выявлена устойчивая закономерность — они находятся на западном краю некрополей, что можно рассматривать как своеобразную границу кладбища с одной из сторон. Сопроводительный инвентарь вторичных погребений по своему количеству и ассортименту полностью соответствовал обычным погребениям. Исходя из особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря, вторичные погребения Нижней Катунь относятся к северному варианту пазырыкской культуры Горного Алтая.

Ключевые слова: Горный Алтай, Нижняя Катунь, ранний железный век, вторичные погребения.

A. P. Borodovskiy, E. L. Borodovskaya. Secondary burials of the Early Iron Age in the mountainous valley of the Lower Katun. The secondary burials of the mountain part of the Lower Katun valley can be subdivided into two types: single burials and collective ones. They are characterized by a number of mandatory characteristics: absence of any signs of grave displacement relative to the stone mound; undisturbed condition of the graves with secondary burials; anatomic disorder in the position of bones (except the upper and lower parts of the skeleton); compact arrangement of bones, as if they were placed in a container. The secondary burials of the Lower Katun are always found in the western part of cemeteries. Their inventory is fully identical to that of ordinary burials in both its quantity and composition. The character of funeral rites and burial goods suggests that the secondary burials of the Lower Katun belong to the northern variant of the Pazyryk culture of Gorny Altai.

Keywords: Gorny Altai, Lower Katun, Early Iron Age, secondary burials.

Введение

При изучении признаков древних ограблений и символических захоронений особенно важен историко-археологический аспект. Он включает в себя целый ряд компонентов, среди которых: 1) выявление и картографирование зон непо потревоженных погребальных комплексов различного времени; 2) обсуждение и анализ причин возникновения такого феномена (в рамках комплекса процедур критики археологического источника); 3) уточнение вариативности вторичной и ритуальной погребальной обрядности.

Археологизация надмогильных сооружений, в частности, курганов, зависит от целого ряда факторов, включая естественные природно-климатические условия. Сохранение отчетливых визуальных признаков этих объектов, особенно если они возведены из камня, напрямую зависит от уровня влажности и темпов почвообразования в том или ином регионе. Для территории Горного Алтая как зоны с ярко выраженной сезонностью выпадения осадков это имеет непосредственное значение при поиске таких объектов. Этот обширный регион в пределах Российской Федерации по климатическим условиям разделяется на южную, более засушливую часть и северную — более влажную и дождливую

в летний период. Одной из естественных границ между этими регионами является Семинский перевал. К югу от него каменные конструкции курганов обладают достаточно выразительными рельефными признаками и слабой задерновкой своей поверхности. От южного склона этого хребта и вплоть до Чуйской степи можно наблюдать различную степень задернованности краев каменных конструкций курганов.

К северу от Семинского перевала существенно увеличивается задерновка всей каменной конструкции курганов, вплоть до полной потери их рельефных признаков на территории горной долины Нижней Катуни. В конце 90-х гг. прошлого столетия даже была выдвинута гипотеза об отсутствии здесь археологических комплексов скифского времени вследствие особых климатических условий, и вся эта территория считалась буферной территорией между горными районами Алтая и степными территориями Верхнего Приобья (Могильников 1986а; 1986б). Однако в конце XX — начале XXI в. на территории Северного Алтая удалось локализовать участок горной долины Нижней Катуни (рис. 1) с неограбленными погребальными памятниками (Бородовский, Бородовская 2013). В настоящее время наиболее представительными являются погребальные комплексы раннего железного века (Барангол-1, 2, 4; Чулуков Лог-1, 2; Талда), в состав которых входит около 150 неограбленных курганов. При этом большинство погребений южнее, на Средней Катуни, являются ограбленными (Миронов 2000; Степанова 2000; Степанова, Неверов 1994).

Причины существования неограбленных погребальных комплексов на территории горной долины Нижней Катуни могут частично объясняться экологическими, орографическими и гидрологическими, а также статусными факторами. Во-первых, достаточно влажный климат Нижней Катуни, отличающийся значительным уровнем осадков в летнее время и высокими темпами формирования горно-долинного чернозема, обуславливает достаточно быстрые темпы задерновки каменных конструкций курганов. Во-вторых, особенности горного рельефа и гидрологии Катуни на указанном участке долины отличаются крутыми горными склонами, вплотную примыкающими к руслу реки. Они не проходимы в отдельные летние периоды во время повторных паводков на магистральной реке. В-третьих, зона распространения неограбленных курганов горной долины Нижней Катуни характеризуется отсутствием элитных курганов скифского времени, которые на территории Горного Алтая отличаются своим высоким уровнем «разграбленности».

Полное археологическое исследование непогробоженных погребальных комплексов целого ряда курганных групп скифского времени Чулуков Лог-1, 2 и Барангол-1, 2, 4 открывает объективные возможности оценки масштабов и разновидностей последующих действий с захоронениями этой эпохи. В частности, была выявлена достаточно представительная группа вторичных захоронений (рис. 2; 3).

Термином «вторичное погребение» здесь обозначается перемещение и перезахоронение человеческих останков в любом их состоянии после первичного или временного погребения. В таких захоронениях скелетные остатки фиксируются в анатомически несогласованном порядке или представлены неполным набором костей. Именно эти обстоятельства будут являться главными диагностирующими признаками вторичного погребения при условии отсутствия каких-либо смещений и нарушений могилы (см. Зайцева 2001). Было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью либо наблюдаемое анатомическое несоответствие в положении скелета вызвано постдепозиционными смещениями или нарушениями, определить на основе чисто археологических методов зачастую оказывается невозможным. Очень часто это порождает определенный скептицизм среди археологов. Например, вторичные погребения на территории Средней Катуни интерпретировались как ограбленные (Степанова, Неверов 1994) (рис. 4). С другой стороны, наблюдается обратная тенденция, когда любое нарушение анатомической целостности скелета объясняется вторичностью погребения без учета возможностей естественных смещений и истлевания части скелетных элементов (см. Зайцева 2001; 2005).

На территории горной долины Нижней Катуни известны одиночные и коллективные вторичные захоронения.

Одиночные вторичные погребения

Чулуков Лог-1, кург. 91 (рис. 3: 6; 5: 1; 6: 1; 7) расположен на северном краю некрополя (рис. 2). До раскопок курган не имел внешних рельефных признаков (рис. 2; 7: 1) и находился на краю полевой

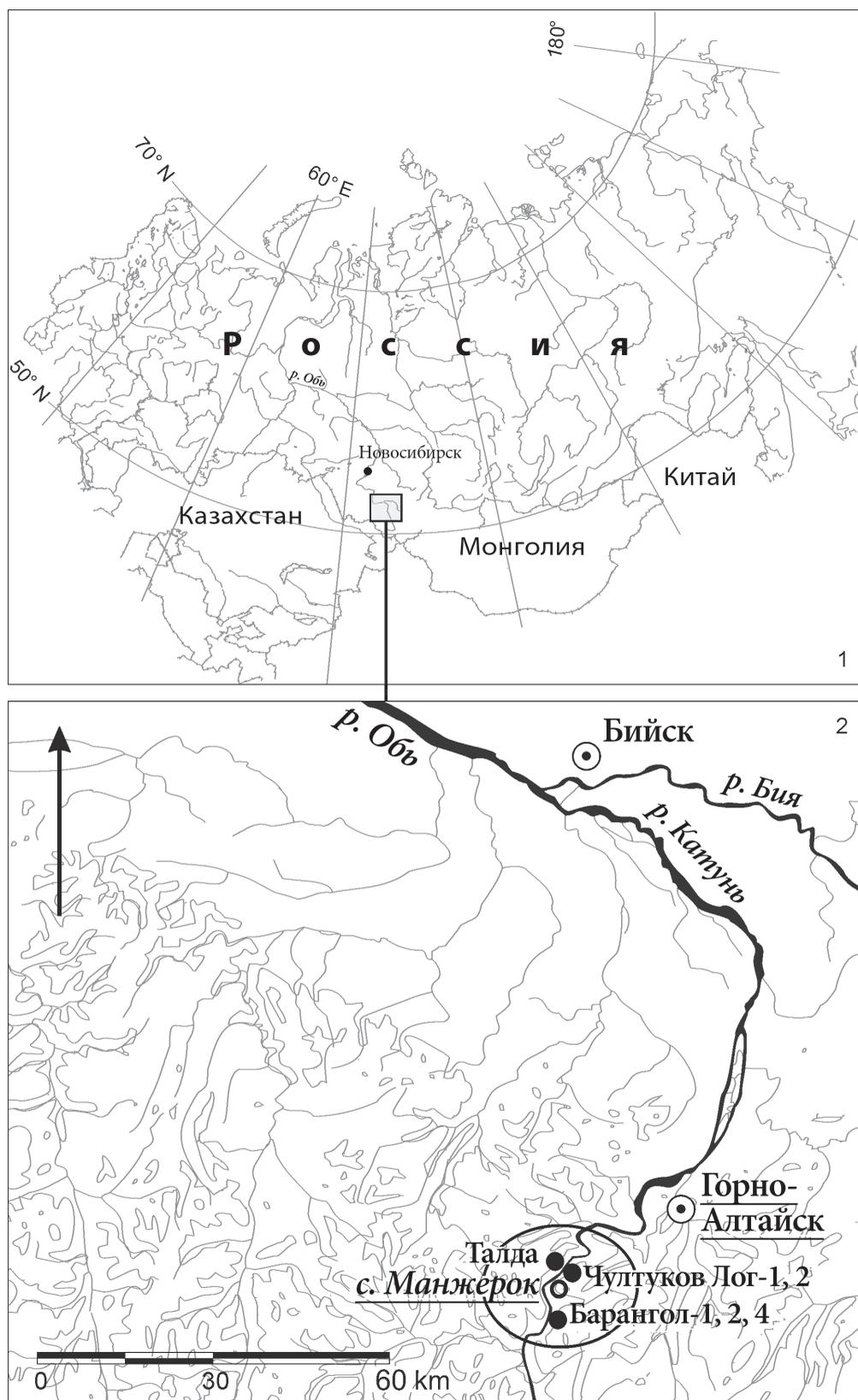

Рис. 1. Карта территории с неогранными погребальными памятниками раннего железного века в горной долине Нижней Катунь

Fig. 1. Map of the study area showing the location of undisturbed funerary monuments of the Early Iron Age in the Lower Katun valley

Рис. 2. Курганная группа Чултуков Лог-1 (Майминский район Республики Алтай)

Fig. 2. Chultukov Log-1 group of barrows (Maymino District, Altai Republic)

дороги. После расчистки было выяснено, что кург. 91 примыкает юго-западной стороной к каменной конструкции кург. 49, перекрывая его. Это свидетельствует о том, что его надмогильная конструкция была сооружена после возведения кургана-кенотафа 49. Камни из насыпи были мелкого и среднего размера и располагались друг на друге. Кольцевая крепида эллипсовидной формы, диаметром 5,5 м, сложена из грубообломочных камней крупного размера. С северной стороны кургана находился развал керамического сосуда. Такие скопления керамики, очевидно, размещенные в ритуальных целях, неоднократно встречались во многих курганах этого могильника. Курган был исследован с закладкой одного стратиграфического разреза (рис. 6: 2). Сверху находился дерн мощностью 4–8 см, под ним — камни надмогильной конструкции. В центральной части погребальной конструкции камни сильно просели в заполнение могильной ямы. Они находились на могильном выкиде в виде желтой глины мощностью 8–15 см. Под дерновой поверхностью, за пределами каменной конструкции, зафиксирован горный чернозем мощностью от 10 до 40 см. Материковая поверхность представлена коричневым суглинком. Под этим грунтом на глубине 40 см находился слой древнего погребенного чернозема, мощностью до 35 см. Дно могильной ямы представлено аллювиальным песком с суглинистыми включениями.

Погребение в кург. 91 располагалось в центральной части кольцевой крепиды. Форма ямы подпрямоугольно-овальная (размерами 2,2 × 1,6 м, глубина от условной материковой поверхности — 1,56 м), длинной осью вытянута по линии СЗ–ЮВ (рис. 6: 3, 4). Заполнение могилы представлено просевшими камнями из надмогильной конструкции кургана, желтой глиной и мешаным песком. С восточной стороны могильной ямы находилась приступка шириной 15 см и высотой 18 см. На приступке лежал грубообломочный камень обкладки. В заполнении могильной ямы встречены единичные угли

с продольными следами древесного тлена, вытянутого относительно длинной оси могилы. Вероятно, это следы от продольного деревянного перекрытия могильной ямы. Погребальная конструкция в могиле представлена подпрямоугольной деревянной рамой, внутри которой зафиксирована подпрямоугольная берестяная конструкция. Скелет был смещен к западной стенке и располагался на правом боку (рис. 5: 1; 7). Скопление костей было представлено частями костей таза, лопаток, позвоночных, реберных и черепных. Череп располагался ближе к ЮВ краю на правой височной кости. Нижняя челюсть находилась в центральной части могильной ямы, около нее обнаружены следы сажи. Еще несколько сажных линз образовались у теменных костей погребенного. В ЮВ углу находился развал кувшиновидного сосуда с сетчатым резным орнаментом на горловине (рис. 5: 3). Ниже у восточной стенки находилась деформированная бронзовая петельчатая серьга (рис. 5: 2). Ниже сопроводительного инвентаря по центру восточной стенки располагались жертвенные кости молодого барана, представленные курдючной частью — одной из самых престижных частей при разделке этого животного. Некоторые позвонки погребенного хаотично располагались по всей могиле, два позвонка — на керамическом сосуде, а первый шейный позвонок — у жертвенных костей за деревянной плахой у стенки могильной ямы.

Еще одно вторичное захоронение обнаружено в кург. 92 могильника Чултуков Лог-1 (рис. 3: 5). Внутри могильная конструкция была представлена тленом от деревянной рамы (рис. 5: 4). С ЮВ и СЗ стороны погребения, на приступке высотой 13 см, находились три камня от символической обкладки могильной ямы. Внутри деревянной конструкции совершенно вторичное погребение — это был скелет взрослого человека, уложенного головой на ЮВ. Остальные кости были сложены с учетом анатомического порядка: сверху — длинные кости рук, далее — тазовые и кости ног; в районе груди были уложены ребра и позвонки. Череп находился вблизи понора и был смещен с первоначального места расположения, на значительном расстоянии от него находилась нижняя челюсть, неподалеку от которой лежали бронзовая петлевидная серьга и железная заколка (рис. 5: 5). Под теменем черепа был обнаружена вторая петлевидная сережка (рис. 5: 6, 7). Около черепа и нижней челюсти зафиксированы сажистые пятна, очевидно являющиеся следами от парика. В ЮВ углу могилы располагался развал кувшиновидного сосуда с петлевидными наклепными ручками. С восточного края тулова сосуда зафиксированы еще два сажистых пятна. Комплект жертвенной пищи располагался почти в центре могильной ямы и состоял из железного ножа с петлевидным окончанием (рис. 5: 10), курдючных костей молодого барана и позвонков его поясничного отдела. Из сопроводительного инвентаря отметим лежащее в районе пояса бронзовое зеркало с боковой ручкой (рис. 5: 9).

Отметим, что все вторичные захоронения Чултукова Лога-1 располагались, как правило, на СЗ краю некрополя, маркируя тем самым одну из границ некрополя.

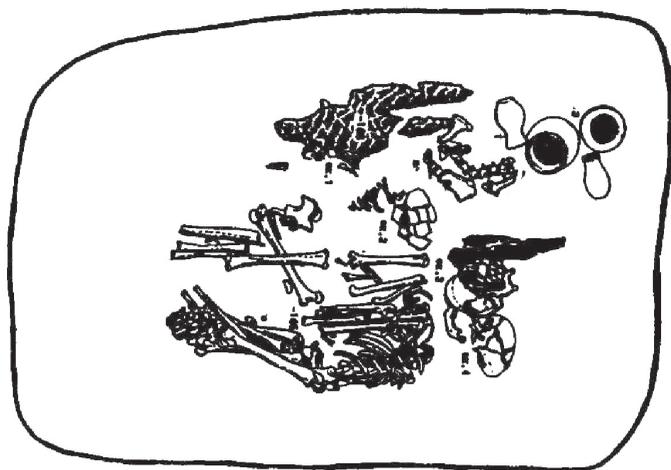
Коллективные вторичные погребения

В погребении кург. 1 могильника Барангол-2 были захоронены останки четырех человек, ориентированных головами на восток (рис. 3: 1). Два детских и два взрослых неполных скелета лежали в ряд в центральной части могилы. Останки погребенных были уложены с учетом общего анатомического порядка, когда мягкие ткани уже давно разложились (или были удалены). Компактность расположения костей, сложенных в отдельные кучки, позволяет предположить, что они могли находиться в каких-то вместилищах. Около первого детского скелета прослеживался обильный древесный тлен, возможно, от какой-то подстилки под погребенным (рис. 8: 1). В изголовье скелета располагались жертвенные кости (тазовые, позвоночные кости и лопатка одного или нескольких баранов). Два крупных фрагмента

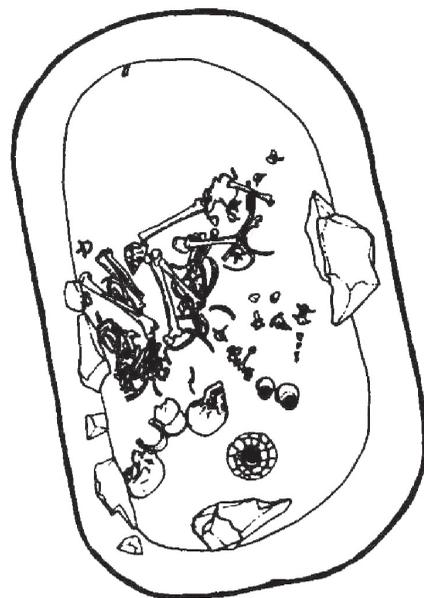
Рис. 3. Вторичные погребения раннего железного века горной долины Нижней Катунь.

1 — Барангол-2, курган 1; 2 — Барангол-2, курган 3; 3 — Барангол-2, курган 6; 4 — Барангол-2, курган 2;
5 — Чултуков Лог-1, курган 92; 6 — Чултуков Лог-1, курган 91

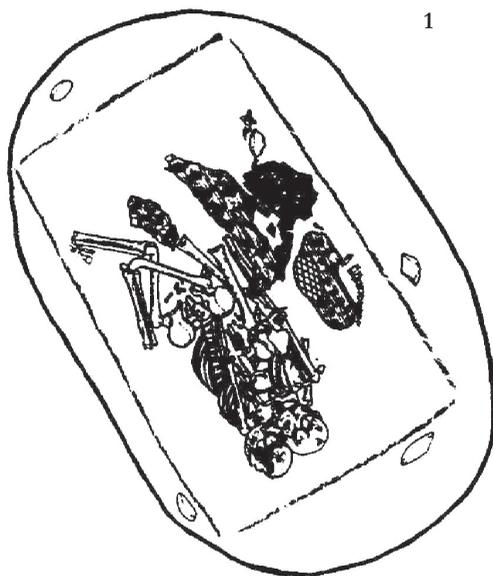
Fig. 3. Early Iron Age secondary burials in the mountain part of the Lower Katun valley. 1 — Barangol-2, barrow 1; 2 — Barangol-2, barrow 3; 3 — Barangol-2, barrow 6; 4 — Barangol-2, barrow 2;
5 — Chultukov Log-1, barrow 92; 6 — Chultukov Log-1, barrow 91

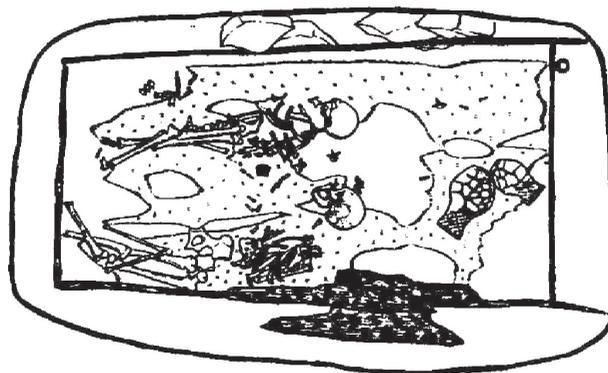
1

2

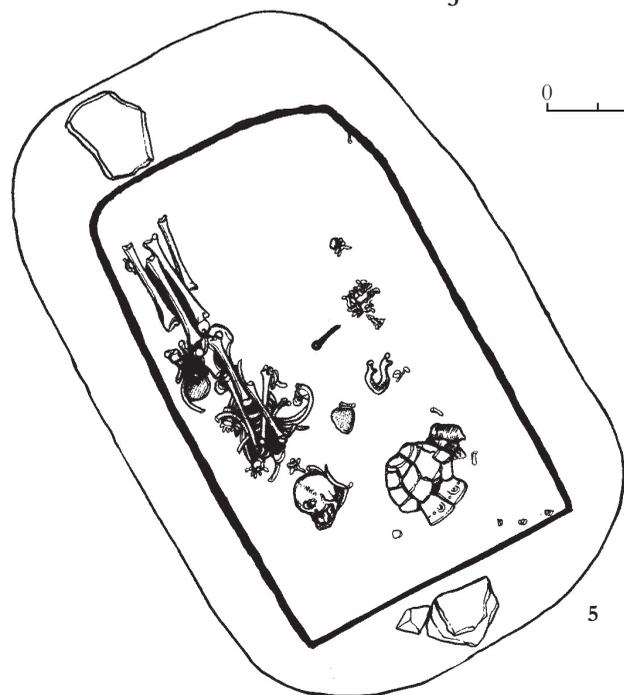

3

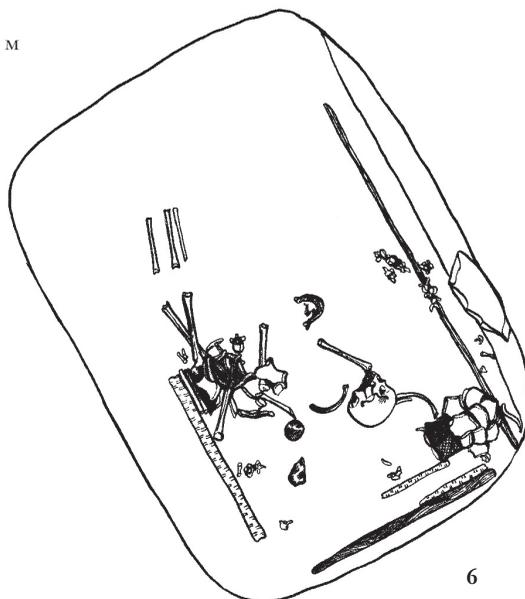

4

0 0,4 м

5

6

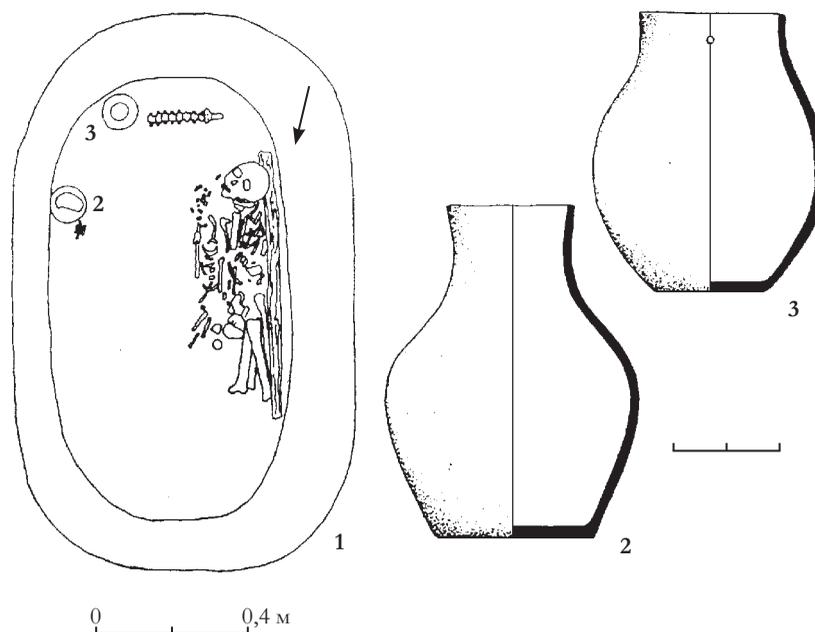

Рис. 4. Вторичное погребение раннего железного века горной долины средней Катунь Верх-Еланда 2, курган 7. 1 — план погребения; 2, 3 — керамические сосуды (по Кирюшин, Степанова 2004: рис. 103, 1, 4, 5)

Fig. 4. Early Iron Age secondary burial of Verkh-Elanda 2 (barrow 7) in the mountain part of the Middle Katun valley. 1 — plan of the burial; 2, 3 — ceramic vessels (after Кирюшин, Степанова 2004: рис. 103, 1, 4, 5)

позвоночных столбов животных были уложены параллельно друг другу, в одном из них (находящемся между детскими скелетами) воткнут железный пластинчатый нож с округлым отверстием на обушке (рис. 8: 4). За жертвенными костями у СВ края могилы располагались четыре глиняных кувшина, три из которых гладкостенные, один — с рельефным валиком с косой насечкой (рис. 8: 2). С СВ стороны около черепа скелета взрослого человека находился сравнительно большой обломок горелой деревянной плахи, который мог являться частью какого-то изделия или фрагментом обожженной деревянной внутримогильной конструкции. На южной приступке располагались жженые плахи внутримогильного перекрытия, а на северной — камни обкладки. При сооружении могилы использовался огонь, который сильно повредил деревянное перекрытие из досок над внутримогильной погребальной конструкцией. От перекрытия в южном углу сохранились три обгорелых доски, уложенные вдоль длинной оси могилы. Ширина их составляла от 10 до 15 см, толщина около 3–4 см. Доски располагались корой внутрь погребения и, вероятно, представляли собой разновидность горбыля. Вдоль длинных стенок могилы, на уровне деревянного перекрытия и под ним, находилась каменная обкладка могилы. Дно внутримогильной деревянной конструкции было выстлано широким полотнищем бересты (размерами 1 × 2 м) с ориентацией волокон вдоль длинной оси могилы.

Череп взрослых были ориентированы на В, а длинные кости рук и ног выложены по оси без особого порядка, но с преимущественным направлением по линии В–З. Захороненные, видимо, были погребены после основательного разложения тел, когда анатомическое расположение сохранили только кости ног, где расположены наиболее мощные сухожилия. Верхняя часть связок скелета к тому времени распалась уже полностью, и кости утратили исходный порядок. Из сопроводительного инвентаря в изголовье захороненных располагались два кувшиновидных сосуда с сетчатым орнаментом. При разборе могильного заполнения на глубине 50 см у северного края был обнаружен обрубленный костный стержень рога мелкого полорогого животного (козла или барана). Он мог использоваться для рытья могилы, а также иметь ритуальное значение.

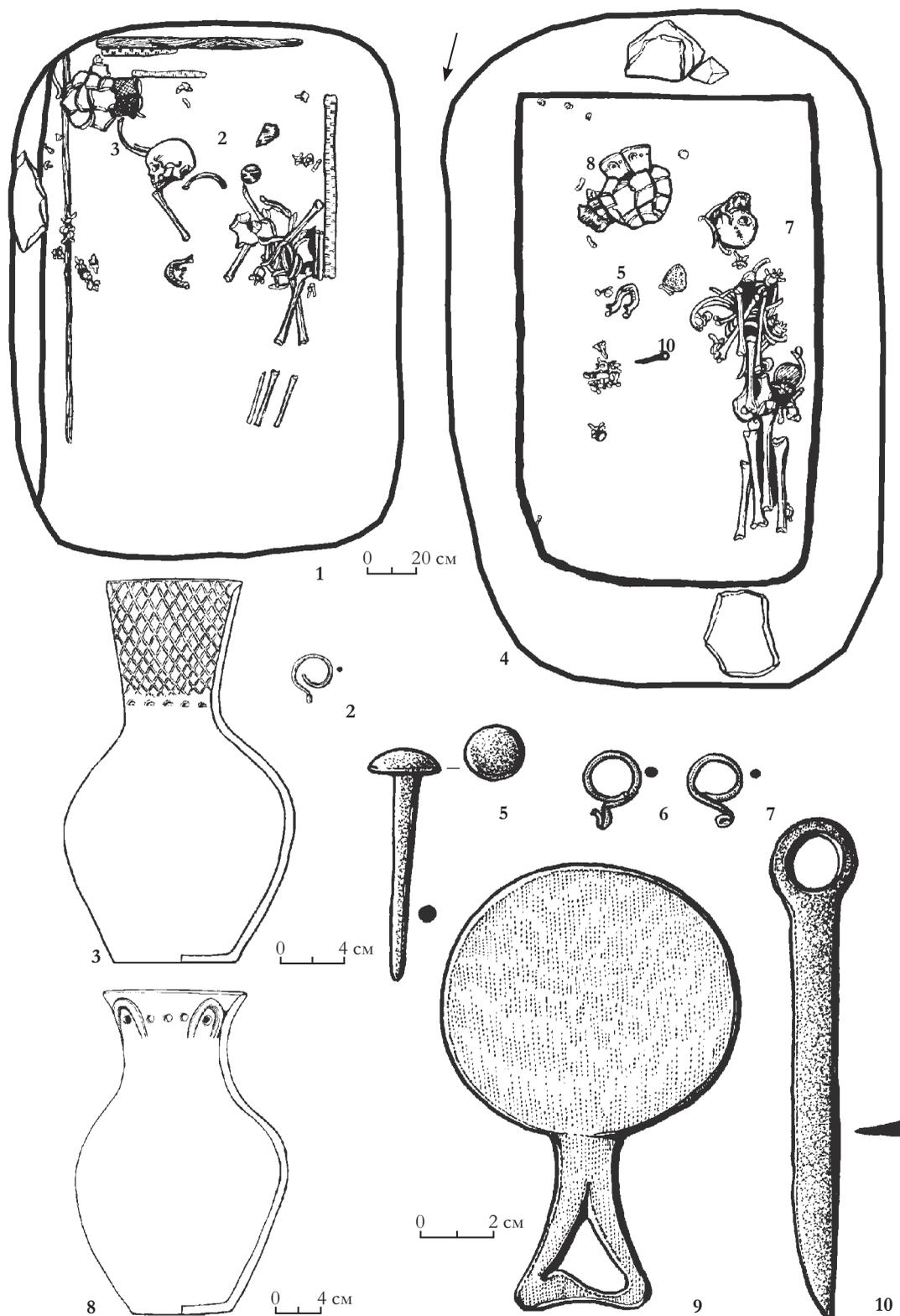

Рис. 5. Вторичные погребения Чултукова Лога (курганы 91, 92) и их сопроводительный инвентарь.
 1-3 — погребение кургана 91; 4-10 — погребение кургана 92
 (3, 8 — глина; 5, 10 — железо; 2, 6, 7, 9 — бронза)

Fig. 5. Secondary burials of Chultukov Log (barrows 91 and 92) and accompanying inventory. 1-3 — barrow 91;
 4-10 — barrow 92 (3, 8 — clay; 5, 10 — iron; 2, 6, 7, 9 — bronze)

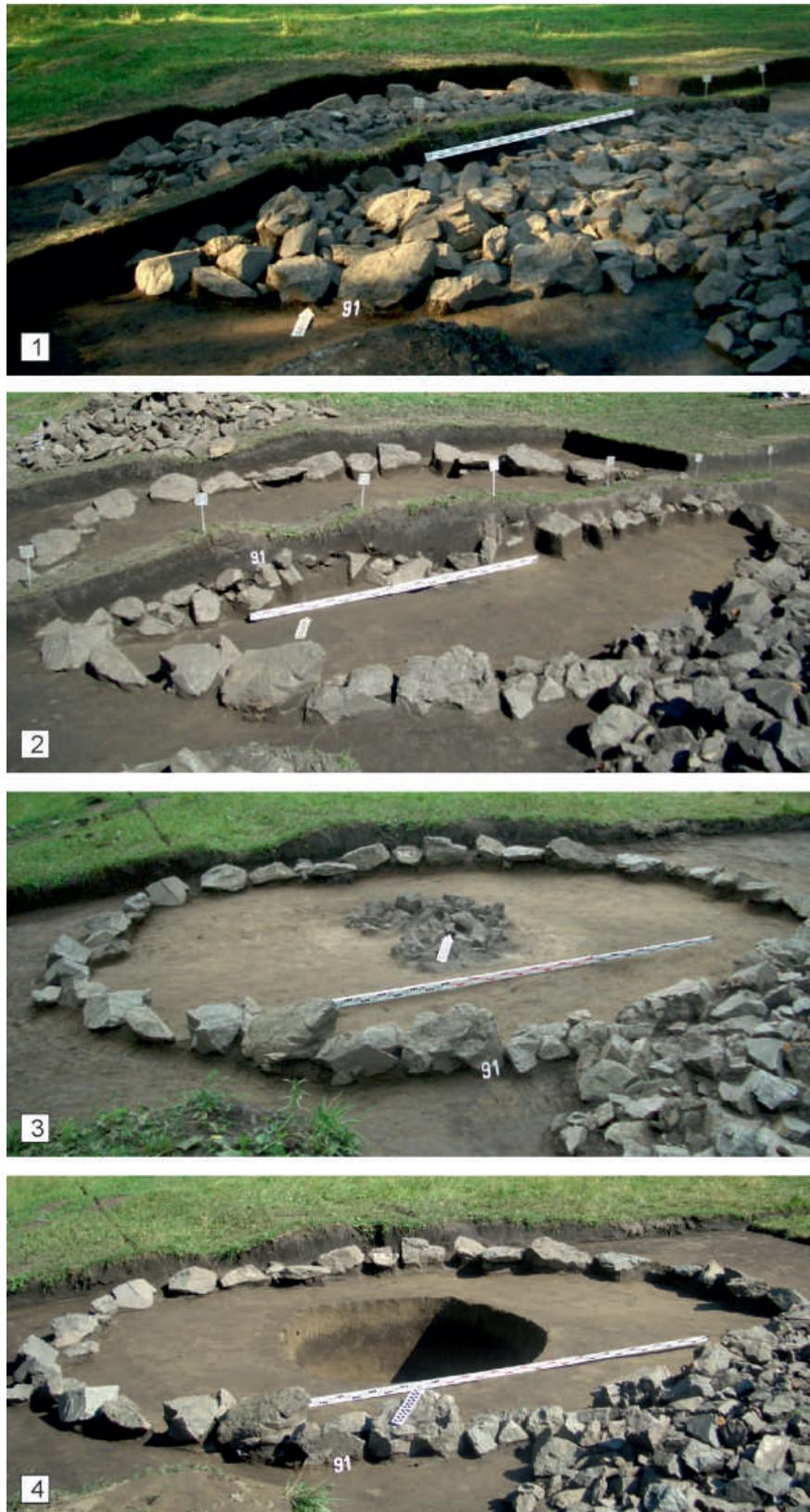

Рис. 6. Курган 91 Чултукова Лога-1 с вторичным погребением. 1 — расчистка каменной конструкции; 2 — стратиграфический разрез и крепида; 3 — могильное пятно и крепида; 4 — могила
Fig. 6. Chultukov Log-1, barrow 91 with a secondary burial. 1 — stone construction; 2 — stratigraphic section and crepidoma; 3 — grave spot and crepidoma; 4 — grave

В могиле кург. 6 могильника Барангол-2 от внутримогильных конструкций сохранились следы берестяного тлена, оконтуренного подпрямоугольной деревянной рамой, размерами 1,9 × 1,15 м, и фрагментами широких (до 20 см) обожженных деревянных плах (рис. 3: 3). Они были уложены вдоль могилы. Обкладка стенок могильной ямы представлена единичными камнями. Кости скелетов двух взрослых людей уложены головами на ЮВ. Черепы были перевернуты на темя. Нижние челюсти располагались отдельно среди других костей. Степень разложения мягких тканей скелетов перед погребением была различной. У первого скелета кости были уложены в анатомическом порядке. У второго скелета в анатомическом порядке сохранилась большая часть туловища, руки погребенного были вытянуты, ноги согнуты в коленях и брошены одна на другую.

Рис. 7. Вторичное погребение кургана 91 Чултукова Лога-1
 Fig. 7. Chultukov Log-1, secondary burial of barrow 91

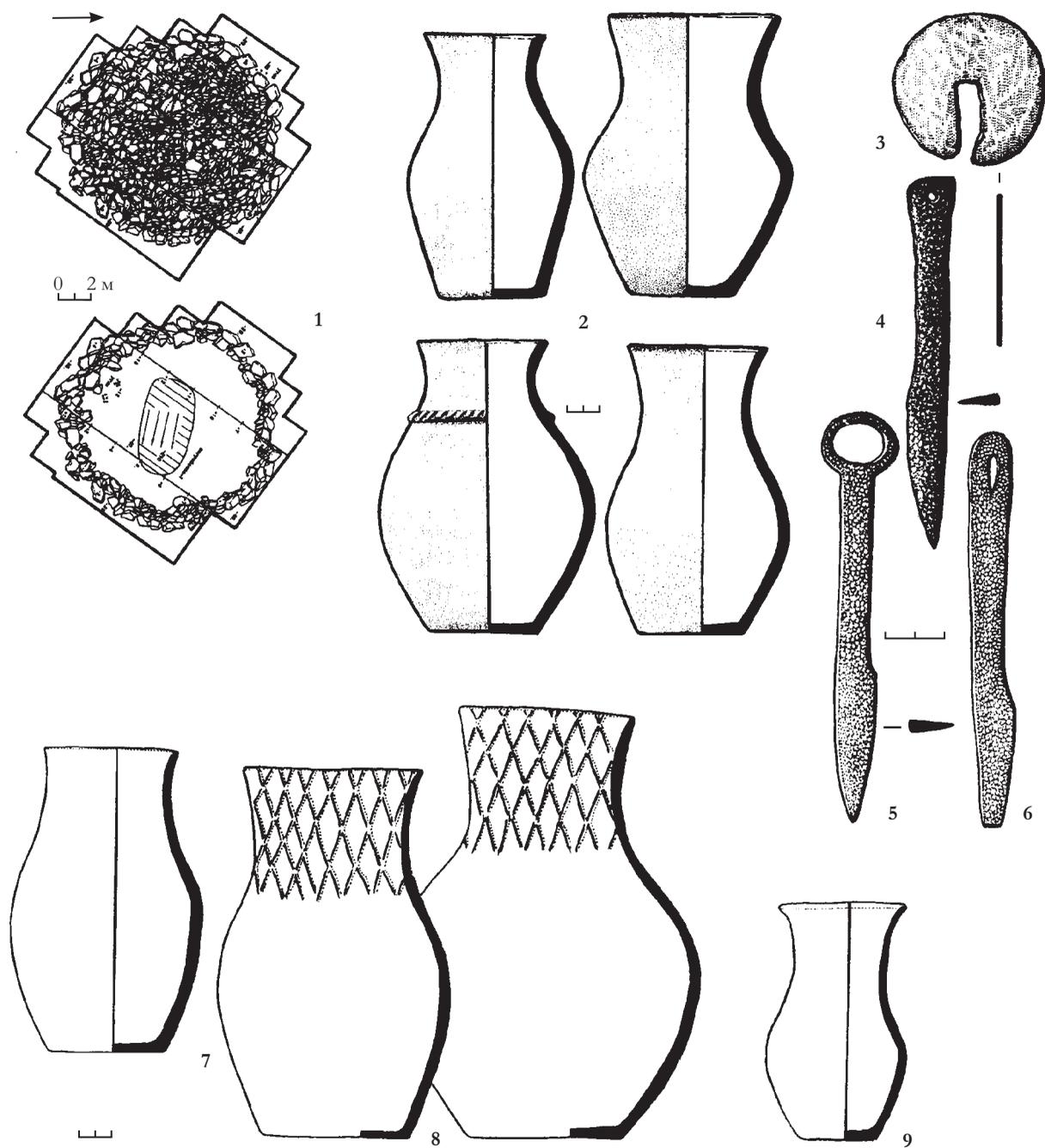

Рис. 8. Курганная группа Барангол-2. 1 — каменная конструкция кургана 1; 2 — керамические сосуды из кургана 1; 3 — бронзовое зеркало, курган 1; 4 — железный нож, курган 1; 5 — железный нож, курган 3; 6 — железный нож, курган 2; 7 — керамический сосуд, курган 3; 8 — керамические сосуды, курган 2; 9 — керамический сосуд, курган 3

Fig. 8. Barangol-2 group of barrows. 1 — stone construction of barrow 1; 2 — ceramic vessels from barrow 1; 3 — bronze mirror, barrow 1; 4 — iron knife, barrow 1; 5 — iron knife, barrow 3; 6 — iron knife, barrow 2; 7 — ceramic vessel, barrow 3; 8 — ceramic vessels, barrow 2; 9 — ceramic vessel, barrow 3

Сопроводительная пища в захоронении представлена позвоночным столбом барана, уложенного вдоль СЗ стенки могилы. Из сопроводительного инвентаря в изголовье первого скелета находился фрагмент серебряной или оловянистой фольги.

Еще одно коллективное вторичное погребение обнаружено в кург. 2 могильника Барангол-2 (рис. 3: 4; 8: 6, 8). Над захоронением располагалось деревянное продольное перекрытие из пяти толстых плах шириной до 10 см и толщиной до 20 см. Эта конструкция была сильно деформирована грунтом и просела в заполнение могилы. Стенки могилы были выложены камнями. В могиле было обнаружено захоронение трех человек (двух взрослых и ребенка), лежащих скорченно, на правом боку, головой на ЮЮВ. Около западной стенки лежал скелет взрослого человека с отверстием в височной кости. Голова погребенного лежала на массивной гальке овальной формы. Второй погребенный находился у восточной стенки могилы. В районе груди был зачищен развал керамического кувшина больших размеров с наклепными валиками с вертикальной насечкой и ажурным резным орнаментом. Рядом с сосудом был обнаружен фрагмент оловянистой фольги с отверстиями для пришивания. Между первым и вторым скелетами лежал фрагмент черепа ребенка со следами травматизма.

Отметим, что одной из особенностей вторичных могил могильник Барангол-2 является наличие в них следов огня, что проявлялось в наличии жженных деревянных плах в могильной яме, которые могли быть частью какого-то изделия или фрагментом обожженной деревянной внутримогильной конструкции. Огню, вероятно, придавалась особая роль при совершении погребальной обрядности. Ориентация останков погребенных во вторичных захоронениях осуществлялась головой на восток, юго-восток и юг. Размеры могильных ям для вторичных погребений отличались определенным стандартом, который составлял от 1,5 × 2 м до 2,5 × 3 м. Кроме того, эти могилы были самыми глубокими для всего некрополя — где-то 1,5–2 м. Наличие во вторичных погребениях могильника Барангол-2 останков младенцев или их черепов противоречит заимствованной из этнографии традиционной точке зрения, что захоронения детей чаще всего совершались за пределами основных кладбищ. Такие археологические факты крайне важны при оценке древних погребальных комплексов как демографических источников.

В целом можно выделить два варианта вторичных погребений раннего железного века на памятниках Нижней Катуни: одиночные и коллективные. Они характеризуются несколькими обязательными признаками: 1) отсутствие свидетельств смещений могилы относительно каменной насыпи кургана; 2) непо потревоженность могилы с вторичным захоронением; 3) наличие в могиле отдельных несочлененных скелетных элементов; 4) отсутствие полного анатомического порядка в расположении костей, за исключением верхней и нижней части туловища; 5) компактное размещение костей относительно друг друга, так как они могли находиться во вместилище.

Заключение

Выявленные на некрополях Нижней Катуни (Барангол-2, 4; Чултуков Лог-1, 2) вторичные погребения являются эталонными погребальными памятниками этого типа для скифского времени (Бородовский 2000). В расположении вторичных погребений этой территории выявлена одна устойчивая закономерность: эти захоронения находятся на западном краю некрополей, что можно рассматривать как своеобразную границу скифского кладбища с одной из сторон. Сопроводительный инвентарь вторичных погребений по своему количеству и ассортименту полностью соответствовал обычным погребениям. Расположение сопроводительного инвентаря соответствовало традициям обычной погребальной обрядности (Там же). Вторичные погребения были выявлены как под каменными надмогильными конструкциями, так и в грунтовых могилах в межкурганном пространстве. В последнем случае захоронение имело ярусный характер, что, возможно, демонстрирует динамику неоднократного ритуального проникновения в эту могилу.

Вторичные погребения обычно составляют незначительный процент по отношению к захороненным по первичному обряду. Так, в могильнике Чултуков Лог-1 из более 100 погребений раннего железного века только три вторичные; в могильнике Чултуков Лог-2 из семи захоронений два вторичные; в Барангольском некрополе (Барангол-2, 4) из 32 захоронений три вторичные. В целом пропорциональное их присутствие в зависимости от размеров курганной группы (от ста и нескольких десятков до десяти курганов) может быть различным. Такие статистические выборки, основанные

на материалах полностью исследованных курганных групп, дают объективное представление о распространённости вторичных захоронений в раннем железном веке этого региона. Они были выявлены в двух погребальных «контекстах» — монокультурном и поликультурном. В первом случае эти захоронения входили в состав могильника (Барангол-4) с явно выраженной северо-пазырыкской погребальной традицией. Во втором случае, такие погребения были локализованы в многокомпонентный некрополь (Чултуков Лог-1), включающий помимо преобладающих северо-пазырыкских захоронений также быстрианские и кара-кобинские могилы. В целом же рассматриваемые вторичные погребения по особенностям погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря (керамика) относятся к северо-пазырыкской культурной традиции (рис. 5: 3–10; 8: 2–9).

Видимо, погребальный обряд вторичных захоронений раннего железного века в Горном Алтае (в частности, на Нижней и Средней Катуни) никогда не существовал в его «классическом» виде, предполагающем периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков умерших. Вторичные погребения представлены захоронениями не только полностью скелетированных останков, но и погребениями останков трупов на самых разнообразных стадиях разложения. После выявления вторичных погребений раннего железного века благодаря нашим раскопкам (Барангол-2, 4; Чултуков Лог-1) на Северном Алтае также стали фиксироваться такие погребальные комплексы (например, Ханкаринский дол, см. Дашковский, Тишкин 2005). В заключение отметим, что необходимо накопление достоверных данных такого рода в каждом регионе.

Бородовский А. П. 2000. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катуни (по материалам Барангольского некрополя) // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (ред.). Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы науч.-практ. конф. Вып. 11. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 197–200.

Бородовский А. П., Бородовская Е. А. 2013. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Бородовский А. П., Бородовская Е. А. 2014. Вторичные погребения и кенотафы скифского времени горной долины нижней Катуни // Ситдников А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС. Т. II. Казань: Отечество, 69–73.

Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. 2005. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Тишкин А. А. (ред.). Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 62–68.

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.

Зайцева О. В. 2001. Вторичные погребения: проблемы изучения и интерпретации // Рындина О. М. и др. (ред.). Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западносибирской археолого-

этнографической конференции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 96–98.

Зайцева О. В. 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. 2004. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.

Мионов В. С. 2000. Культура населения Средней Катуни в скифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Могильников В. А. 1986а. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Суразаков А. С. (ред.). Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, 35–67.

Могильников В. А. 1986б. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 29–32.

Степанова Н. Ф. 2000. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Степанова Н. Ф., Неверов С. В. 1994. Курганный могильник Верх-Еланда 2 // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Археология горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 11–24.

С. А. Яценко

ХАРАКТЕР ДРЕВНИХ ОГРАБЛЕНИЙ КУРГАНОВ ДВУХ ГРУПП САРМАТСКОЙ ЭЛИТЫ I–II ВВ. Н. Э.

Среди курганов кочевой знати среднесарматской культуры бассейна р. Дон I — середины II в. н. э. выделяются две группы, различавшиеся по высоте (1,5–5 и 0,4–1,2 м) и диаметру (35–65 и 15–35 м). Для этих групп у грабителей были разные преобладающие способы проникновения в могилу и методы разборки трупа и вещей. В группе 1 («царские») всегда грабились особые тайники, в разных районах Дона разборка трупа производилась наверху или на дне ямы, в устье Дона иногда использовали длинную траншею шириной 0,6 м. В группе 2 («местные вожди») методы проникновения в могилы были просты, труп обычно разбирали у дна. Кроме обычных ограблений, известны и ритуальные проникновения, когда дорогие вещи оставались *in situ*.

Ключевые слова: кочевники бассейна Дона, среднесарматская культура, курганы знати, древние ограбления могил.

S. A. Yatsenko. The character of ancient robberies of barrows belonging to two groups of the Sarmatian elite of the 1–2 cc. AD. The Middle Sarmatian culture nomadic aristocracy barrows of the Don River basin dating from the 1 — middle 2 c. AD can be divided into two groups differing in height (1.5–5.0 and 0.4–1.2 m) and diameter (35–65 and 15–35 m). The robbers seem to have used different methods to penetrate into the graves of these groups and to work with corpses and burial goods. The barrows of group 1 («royal») contain special recesses which were always looted. The corpses were disentangled either outside the grave pit or on its bottom. Long trenches 0.6 m wide were sometimes used in the Don River mouth. Dealing with the barrows of group 2 («local chiefs») the robbers used simple methods of penetration, and the corpses were usually disentangled inside the grave (on its bottom). In addition to ordinary looting, there are known also ritual penetrations into the graves, when valuable burial goods were left *in situ*.

Keywords: nomads of the Don basin, Middle Sarmatian culture, aristocracy barrows, methods of ancient grave plundering.

Выявление и анализ древних ограблений сарматских курганов — задача, которая была впервые поставлена и стала решаться мной недавно¹. В качестве территории изучения я выбрал родные места — бассейн Дона. Эта территория была одной из основных областей распространения сарматских культур, а по многим природным и геополитическим параметрам того времени — наиболее благоприятной. Речь идет о самых многочисленных в бассейне Дона памятниках среднесарматской (рубеж н. э. — середина II в. н. э.) и ранней позднесарматской (середина II — середина III в. н. э.) культур. Выяснилось, что грабители прекрасно знали, какую могилу и когда лучше опустошить, и не трогали соседние, «неперспективные» в плане добычи ценных вещей погребения людей определенного пола, возраста и социального статуса, даже если их могилы по внешнему виду почти не различались. Судя по тому, что ими разрушались строго определенные части трупа, конкретные участки дна могилы, а также по отпечаткам изъятых вещей на дне могил и обломкам их в грабительских лазах (в сравнении с сохранившимися могилами) ясно, что их интересовали, прежде всего, материальные ценности: массивные золотые аксессуары костюма (гривны, браслеты и др.), дорогие оружие и доспех, парадная узда, металлическая посуда и т. п. В более глухих местах, где могильники принадлежали не столь богатым и влиятельным кланам, грабители не ленились проделывать это и в сравнительно бедных могилах.

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития Российского государственного гуманитарного университета.

В результате постоянной опасности ограблений в обеих культурах был выработан сложный комплекс приемов маскировки как самой могилы, так и наиболее ценных вещей в ней (увы, в большинстве случаев это не срабатывало). В предыдущих работах я рассматривал следы ограблений в группах могильников определенных микрорайонов, что было важно для их сравнительного анализа, в том числе — двух сменивших друг друга культур. Разумеется, в этих клановых могильниках преобладали рядовые погребения. Был установлен для каждого микрорайона и периода список вещей, которые грабителей не интересовали, а также выявлен перечень любимых приемов их действий (виды грабительских лазов, способы «разборки» трупов, вероятные рабочие инструменты и др.) и, наконец, поставлен вопрос об их социальном статусе. Последнее важно, поскольку, с одной стороны, работа с землей в кочевых обществах считалась непрестижной, с другой — «среднесарматское» общество характеризовалось настоящей имущественной пропастью между рядовыми пастухами и элитарными группами (Яценко 2013; Яценко, Вдовченков 2013).

Хотя данная статья продолжает мои прежние разработки в том же регионе бассейна Дона, ее основная цель иная и заключается в попытке выяснить, как грабили именно погребения аристократии, при этом рассматриваются захоронения одной лишь среднесарматской культуры. Она в семивековой истории сарматского мира обеспечила самую большую роскошь правящей элите, в быту которой было много золота, шелковых, шитых золотом и жемчугом тканей, римских и китайских престижных вещей и т. п. При этом в высоте курганов уже не было гигантомании прежней скифской эпохи: вместо 20-метровых насыпей ограничивались высотой в 4–7 раз меньшей. Даже в группе 1 для уменьшения трудозатрат подчас использовали как основу курган бронзового века, существенно увеличивая его высоту (Криволиманый I, кург. 16; Чалтырь, кург. 1; Липецкий курган — см. Медведев и др. 2008: 116), или же небольшой курган эпохи бронзы оказывался как в футляре внутри большой поздней насыпи (Соколовский, кург. 3), а для создания погребения основой мог служить провал ограбленной могилы скифской эпохи (Ново-Александровка, кург. 53, погр. 2).

В формировании социальных стереотипов не последнюю роль могла сыграть генетическая связь предков донских аланов с южно-казахстанской «кочевой империей» Кангуй/Кангха эпохи ее расцвета (Яценко 2006б: 123–125). К тому же низовья Дона в это время являлись центром политического объединения «аланов», которое, по письменным источникам, доставило более всего хлопот Риму, Ирану и государствам Закавказья (Яценко 2008а). В докладе от 16.06.1990 в ИА РАН мною были предложены критерии выделения двух групп сарматской аристократии этого времени по сохранившимся в могилах атрибутам и предложен список последних для каждой из групп (см. Яценко 2002: 131–132)². Группа 1 характеризовалась как представители «царских» кланов (термин, исходно близкий у сарматов, по В. И. Абаеву, скифскому *ksias/ksaya* — «сияющий»), группа 2 — как представители семей вождей мелких племен (носивших, по В. И. Абаеву, титул *ardar* — «рукодержец», сохранившийся у осетин до XX в. в форме *aldar/князь*, а у античных авторов, видимо, звучавший как «скипетроносец»). Эти группы объективно фиксируются современниками в письменных и эпиграфических источниках. Женщины группы 2 часто отличались, кроме прочего, большим количеством специфических культовых атрибутов, что, однако, не дает возможность видеть в них «профессиональных жриц» (Яценко 2007).

При попытке изучить особенности ограбления курганов двух групп знати разных уровней мы сталкиваемся с многочисленными трудностями:

(1). В большинстве погребений этих групп доля разрушений и хищений столь велика, что по одним лишь сохранившимся кое-где атрибутам выделить ранги невозможно. Пришлось опробовать другие возможности выделения рангов знатности. Неожиданно выяснилось, что здесь может «сработать»

² В группе 1 встречены золотые гривны с зооморфными изображениями или геммами, комплекты предметов импортной серебряной посуды и точильные камни в золотой оправе. Кроме этого, для мужчин характерны такие атрибуты, как обильно украшенные золотом и самоцветами пояс и меч, личные знамена (Дачи), конская упряжь с золотыми бляхами, серебряные сосуды разных типов с изображениями местных мифо-эпических сцен, серебряные кубки с зооморфными ручками. У женщин встречены золотые диадемы и браслеты с мифологическими сюжетами, золотые кубки с зооморфной ручкой и туалетные флаконы. В группе 2 у мужчин представлены пояса и конская упряжь с позолоченными пряжками и бляхами и простые по оформлению золотые браслеты, меч с золотыми элементами декора, жезлы с золотым декором. У женщин известны скромные диадемы или гривны с золотым декором, особые скипетры, специфические ожерелье из амулетов и сумочка с амулетами, единичные небольшие идола, серебряные туалетные флаконы и перстни, большинство предметов окрашено в красный цвет.

еще один критерий, важность которого я до сих пор отрицал — исходная высота и диаметр курганов. Среди погребений знати были выделены группа 1 (высота, в случае отсутствия интенсивной распашки — 1,5–5 м и видимый ныне диаметр 35–65 м)³ и группа 2 (высота 0,4–1,2 м, диаметр 15–35 м). Эти параметры учитываются, разумеется, именно для бассейна Дона⁴.

(2). Каждый аристократический курган отличается сложным ритуалом захоронения, который почти всегда был грубо нарушен, и обычно намного более индивидуален; такие сведения нелегко обобщать, и для работы с подобным уникальным, а не массовым материалом требуются особые навыки⁵.

(3). Раскопки таких курганов требуют от исследователя дополнительного труда и большого полевого опыта, осторожности, особой добросовестности, они часто проходят в нервной обстановке, связанной с охраной найденных ценностей, обилием нестандартных находок плохой сохранности и т. п. Результатом являются досадные умолчания в отчетах и публикациях о собственных промахах в фиксации, нежелание (подчас — десятилетиями) публиковать материалы полностью, противоречия в описании важных деталей между разными видами документирования (текстовое описание, чертежи, фото), между полевой документацией и публикациями.

(4). Хотя погребения «среднесарматской» знати обладают в принципе особо высокой информативностью, грабились они современниками, да и потомками, наиболее опустошительно.

(5). Серьезное разрушение большинства погребений дополняется отсутствием для части таких курганов сведений о поле и возрасте умерших, что зависело от сохранности костей и доступности данного материала для антропологов. Вместе с тем, трудность определений пола для конкретной культуры и местности не следует и преувеличивать⁶.

Исследованные могильники с интересующими нас погребениями локализуются в бассейне Дона весьма неравномерно, что связано с концентрацией зон мелиоративных и дорожных работ, курируемых археологами, подчас — с удаленностью объектов от современных поселений и т. п. Эти памятники на сегодняшний день концентрируются возле устья Дона: города Ростов-на-Дону, Новочеркасск и Азов, на реке Маныч и в Волго-Донском междуречье (рис. 1). Судя по письменным источникам, во второй половине I в. н. э. они относились к нескольким крупным политическим объединениям: «Алании» Лукиана (низовья Дона), а также упоминаемым Плинием «многочисленному народу периербидам» (Волго-Донское междуречье) и сарматам-конеодам (верховья Дона), — однако они были близки в культурном отношении. Обычно речь идет о весьма небольших группах курганов, принадлежавших нескольким родственным семьям или клану; крупные могильники, вроде Нового на р. Сал, встречаются редко. В таких группах рядом похоронены и влиятельные лидеры, и их бедные родственники: «элитарных» кладбищ аристократии в Сарматии почти нет, кроме Царского у Танаиса. Зачастую курганы

³ Эти параметры, конечно, «работают» при отсутствии интенсивной распашки самого кургана. Она иногда касалась даже крупных объектов (кург. 53 в Ново-Александровке, сохранивший высоту в 3 м). В результате такой распашки сильно пострадал богатейший курган Дачи у г. Азова, содержавший около 16 000 золотых вещей (к началу раскопок высота — 0,9 м) (ср. 1,4 м там же в кург. 28 Высочино VII и 1,75 м — Октябрьский V, кург. 1 у р. Иловля, которые по найденным вещам и конструкциям, несомненно, относились к высшему рангу). В Сладковке высота кург. 14 на момент раскопок составляла всего 0,25 м, а диаметр — 13 м. Кроме того, верхушки самых высоких курганов часто страдали при поздних земляных работах. Показателен материал по трем крупнейшим курганам в округе г. Новочеркаска. У Соколовского кург. 3 (высотой на момент раскопок всего 2,2 м) сохранилась крутая насыпь, а первоначальный его диаметр, как установлено, был 31 м вместо недавних 51 м. Курган Садовый (также с задернованной крутой насыпью) имел к 1962 г. точно такую же высоту, однако на его вершине ранее была установлена ветряная мельница, фундамент которой срезал его верхушку, а сам курган в плане представлял собой квадрат с обрезанными полами. Высота кургана Хохлач на момент земляных работ 1864 г. была 3,6 м, однако вершина его до этого, несомненно, срезалась и перекапывалась (в верхнем слое до глубины 0,5 м встречалась керамика XIX в. — см. Засецкая 2011: 10).

⁴ На Средней Кубани даже курганы не слишком знатных дружинников «Золотого кладбища» с одиночными захоронениями (Яценко, Вдовченко 2015: 174) могли иметь высоту до 3,2–4,5 м.

⁵ Я скептически отношусь к возможностям компьютерной обработки данных по курганам знати, но не многочисленных рядовых скотоводов того времени (ср. Мошкова 2002), именно из-за их большей уникальности и в среднем — разрушенности, а также обычного изъятия из могил именно наиболее значимых атрибутов их статуса. Но для тех и других непонятно, что именно будет означать на практике множество выявленных микрогрупп: обстоятельства смерти погребенных, их ритуальный статус, наследственную знатность, личные заслуги, старшинство в патронимии и клане или что-то иное?

⁶ В достоверно мужских могилах, например, изредка встречаются зеркала или пряслица от веретен (Мошкова 2012: 348), которые были амулетами. Однако в целом «список допустимого» для сопровождающих вещей у каждого социального слоя конкретного пола был вполне устойчивым.

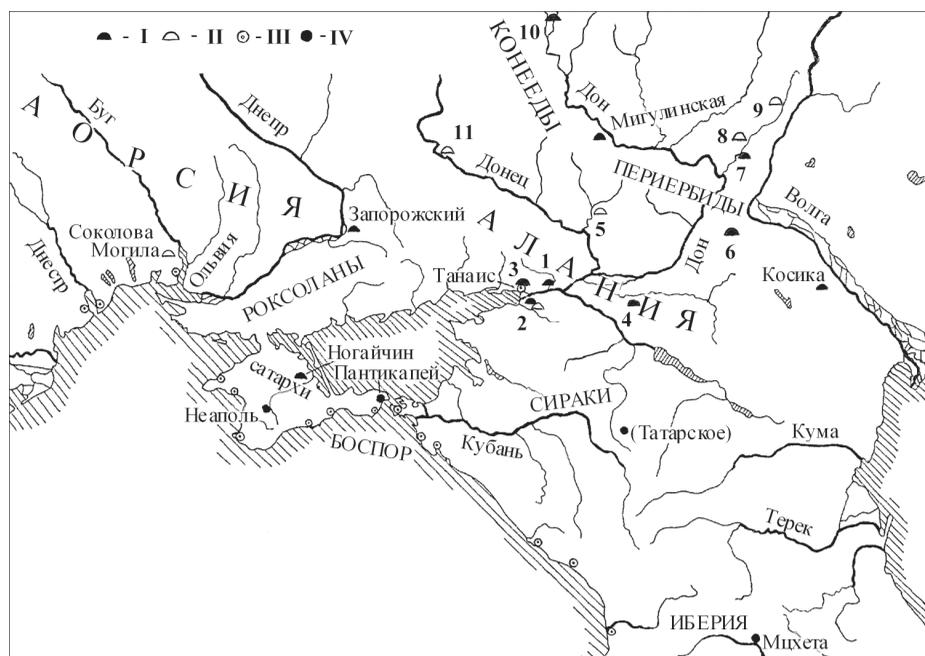

Рис. 1. Территория Сарматии во второй половине I в. н. э. I — «царские» могилы; II — курганы «местных вождей»; III — античные города; IV — столицы. 1 — Хохлач, Садовый, Соколовский; 2 — Дачи, Высочино, Ново-Александровка; 3 — Чалтырь, Царский, Пятихатки; 4 — Новый, Криволиманский; 5 — Сладковка; 6 — Октябрьский; 7 — Бердия; 8 — Терновский; 9 — Барановка; 10 — Липецк; 11 — Селимовка

Fig. 1. Territory of Sarmatia in the second half of the 1 c. AD. I — «royal» barrows; II — local chiefs' barrows; III — ancient cities; IV — capitals. 1 — Khokhlach, Sadovyi, Sokolovskii; 2 — Dachi, Vysochino, Novo-Alexandrovka; 3 — Chaltyr, Tsarskii, Pyatikhatki; 4 — Novyi, Krivolimanskii; 5 — Sladkovka; 6 — Oktyabrskii; 7 — Berdiya; 8 — Ternovskii; 9 — Baranovka; 10 — Lipetsk; 11 — Selimovka

излишне кратким. В одних случаях пишется: «могила полностью разрушена грабителями», после чего авторы не считают нужным ни приводить чертеж с размещением остатков костей, ни указывать, были ли вообще в могиле остатки скелета, какой сохранности кости, где они размещались, как помещались остатки вещей и т. п. (см. Ильюков, Власкин 1992). В других ситуациях ограничиваются констатацией того, что «погребение полностью разрушено, поза и ориентировка костяка не установлены»; при этом публикуется довольно подробный чертеж могилы, но никаких текстовых комментариев насчет того, на какой глубине (на дне или в заполнении или у самого верхнего края) лежали остатки костей и вещей, не дается; или же лишь указывается, что кости найдены только в заполнении ямы, а на чертеже их нет вообще (см. Сергацков 2000: 23, 72, 74; рис. 21: 1; 89: 1; 92: 1). Даже в публикации материалов такого первоклассного полевика, как Е. И. Беспалый, мы в ряде важных случаев при наличии текстового описания следов разрушений имеем вместо подробного чертежа ограбленной могилы лишь пятно ее ямы (см. Беспалый, Лукьяшко 2008: табл. LXII: 1; LXXVI: 2). Приведенные факты, конечно, не случайны. Изучение следов древних проникновений в курганы в течение всего столетия существования сарматской археологии считалось не слишком важным занятием, лишь отвлекающим от более значимых тем — классификации форм могильных ям и найденных в них артефактов, датировки последних и т. п. Однако в полевых отчетах описания разрушений могил оказываются в среднем гораздо более информативными, насыщенными дополнительными деталями, поэтому именно они стали основным источником нашей информации о конкретных комплексах⁷.

⁷ Данные об использованных отчетах (номера дел в архиве, фамилии авторов, годы работ) приведены в таблицах. Замечу, что отчеты в НОА ИА РАН по ряду важных комплексов отсутствуют.

рядовых скотоводов имеют тот же диаметр, что у знати, отличаясь лишь высотой. Погребения знати, как правило, располагались под индивидуальными насыпями, без других могил современников; лишь изредка они впускались в высокие курганы и помещались в их центре, а насыпи досыпались. Умершие чаще всего хоронились в больших ямах в форме квадрата (подчас с закругленными углами) или вытянутого прямоугольника, с ориентацией головой в южном секторе.

Увы, и в немногих «образцовых» итоговых публикациях целых групп могильников Нижнего Дона опытными полевиками описание следов древних проникновений даже в самые богатые могилы значимых лиц выглядит

Среднесарматских погребений знати, соответствующих указанным критериям, в бассейне Дона и его притоков немного, а часть из раскопанных комплексов остается пока недоступной. Для данной статьи мною отобрано по 14 хорошо документированных комплексов обеих групп, что является более чем представительной выборкой для нашего специфического материала (табл. 1; 2)⁸. Интересно попытаться понять приемы и методы действий древних грабителей и, возможно, выявить некоторые особенности их поведения в могилах обеих групп. Нетрудно заметить, что древние проникновения в могилы наблюдались в разное время после похорон. В одних случаях неизвестные нам люди действовали вскоре после этого, и в результате их «работы» остатки трупов встречаются целыми сочленениями, а металл, включая железо, был еще слабо корродирован и при изъятии не ломался. В других ситуациях грабители действовали позже, через несколько лет, скорее всего, через 1–2 поколения, когда бдительность родственников в охране могил резко уменьшалась, а какие-то особые внешние признаки «перспективных» могил и устная информация по ним еще сохранялись. В последнем случае металл был уже корродирован, и поврежденные клинки мечей⁹ и др. приходилось бросать в лазе или на дне; еще позже часто становились хрупкими кости умерших, и они бывают сильно фрагментированными.

Прежде всего, бросается в глаза разница в приемах ограбления могил этих двух групп. В группе 1 встречаются тайники в стенках могильной ямы или в ее дне. В отличие от тех, что помещались в насыпи¹⁰, эти тайники всегда бывают ограблены, за исключением случая в кург. 3 у Бердии, где тайник обвалился при работе грабителей и скрыл его содержимое (см. Мордвинцева, Сергацков 1995; Сергацков 2000: 67; рис. 83: 1) (рис. 2). В могилах группы 2 таких тайников нет. Интересно выяснить, где именно грабители разбирали свою добычу — труп и принадлежавшие ему вещи¹¹. В группе 1 в комплексах низовьев Дона они делали это у верхнего края ямы (табл. 1: № 1–9), а в Волго-Донском междуречье — на дне (табл. 1: № 10–13). В группе 2 картина иная: случай разборки добычи у верхнего края известен всего однажды (Царский, кург. 38), господствует разборка ее на дне или чуть выше. Рассмотрение способов разборки трупа важно и потому что позволяет объяснить полное отсутствие костей в ряде больших могил. На первый взгляд, это могут быть кенотафы. Однако нетрудно убедиться, что такое наблюдается только в тех могилах, где разборка трупов и иного содержимого могил производилась у верхнего края ямы, и остаются ее явные следы (табл. 1: № 2, 4–6, 14; табл. 2: № 4). Понятно, что более богатая «добыча» требовала более тщательно и неспешного осмотра и разборки при лучшем освещении — наверху, куда иногда вытаскивали практически все содержимое обширной ямы.

Столь же сильно различались и приемы проникновения в могилы обеих групп¹². В группе 2 (более низкого ранга) эти приемы были весьма просты и сводились обычно к выборке могильного пятна по контуру грунта, реже — чуть шире по сторонам, еще реже — это сравнительно узкий лаз вдоль стенки, у которой стояла гробовина (табл. 2: № 4, 8). Для курганов группы 1 характерны самые разнообразные приемы ограбления. Особенно интересны действия проникших в могилы в районе устья Дона. Здесь в трех случаях удалось достоверно проследить один и тот же прием: ограбление происходило узкой прямой траншеей (шириной всего 60 см) с вертикальными стенками. Подобный узкий лаз

⁸ В таблицах 1–2 нумерация полевых отчетов указана для Научно-отраслевого архива ИА РАН, фонд Р-1; для ряда опубликованных погребений такая нумерация не дается. Для удобства погребения в таблицах скомпонованы в определенной последовательности — по группам, от устья Дона к его верховьям. Далее при архивных ссылках на материалы НОА ИА РАН название архива не повторяется.

⁹ По мнению В. Ю. Малашева, повреждение железных клинков (при любых особенностях почв, их кислотных или щелочных свойств, рыхлости и увлажненности) могло произойти обычно через несколько столетий. Однако в действительности разрушение клинков определялось как особыми условиями конкретной могилы, так и качеством самих изделий. В случае принятия такой версии получится, что сарматские погребения (как рядовые, так и аристократические) разрушались чаще всего представителями поздних чужих культур. В связи с отмечаемыми нами ниже (и в более ранних статьях) прекрасным знанием вторгавшимися всех деталей устройства могил и размещения вещей в них, умением четко отличить ничем не различаемые внешне соседние могилы людей определенного пола, возраста и т. п., эта версия не кажется убедительной.

¹⁰ Эти знаменитые тайники и скопления приношений, прославившие курганы группы 1 в мировой археологии и сохранившие для нас лучшие сокровища сарматских курганов, здесь не рассматриваются.

¹¹ У донских казаков XVII в. такие действия называли бы «дуванить дуван» — делить добычу.

¹² Я не рассматриваю здесь специально лазы более поздних грабителей в курганы выше 1 м высотой: 8-метровую боковую траншею в кург. 8 Высочино I (Беспалый, Лукьяшко 2008: 19; рис. X: 1), вертикальную округлую яму в восточной части могилы Липецкого кургана (см. Медведев и др. 2008: 117; табл. 4: а) и позднюю воронку в Криволиманском I (Ф. Р-1, д. 8091, с. 33–34). Важнее другое: поздним «счастливчикам» не слишком повезло в этих случаях, так как в первом комплексе их предшественники поработали основательно, а во втором — сами грабители были низкоквалифицированными.

Таблица 1. Список рассматриваемых погребений аристократии группы 1
Table 1. List of the analyzed aristocratic burials of group 1

№ по порядку	Могильник	Год исследования	ФИО исследователя	Время приключения	Характер лаза	Разборка группа и вещей	Пол и возраст	№ арх. дела
1	Курган Хохлач	1864	Авилов Р. И., Тизенгаузен В. Г.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	У верхнего края ямы	Жен	
2	Курган Садовый	1962	Капошина С. И.	Через несколько лет	Ход шир. 0,6 м с ЮВ к тайнику	У верхнего края ямы и в 0,8 м от дна, кости изъяты, тайник обнаружен	Муж	497
3	Соколовский, кург. 3	1970	Клейн А. С.	Вскоре после похорон	Ход шир. 0,6 м с СЗ	На ступеньке	Жен?	216
4	Чалтырь / Халтры, кург. 3, погр. 5	1988	Горлин И. А.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	У верхнего края ямы, кости изъяты		2939
5	Дачи, кург. 1	1986	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	У верхнего края ямы, кости изъяты	Муж	1388
6	Высоchino VII, кург. 28	1982	Беспалый Е. И.	Через несколько лет	Шире контура ямы	У верхнего края ямы, кости изъяты	Жен?	978
7	Высоchino V, кург. 1, парное	1983	Беспалый Е. И.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	У верхнего края ямы и в 0,8 м от дна, тайник обнаружен	Муж и жен?	
8	Ново-Александровка, кург. 53, погр. 2, парное	1986	Беспалый Е. И., Парусимов И. Н.	Через несколько лет	Ход шир. 0,6 м с С	У верхнего края ямы, тайник обнаружен	Муж, жен	1387
9	Криволиманский I, кург. 1	1980	Кияшко В. Я.	Вскоре после похорон	Воронка в центр. части	В лазе и у верхнего края ямы	Муж 25–30	091
10	Бердия, кург. 3		Сергацков И. В.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру?	На дне, тайник сохранен обвалом	Жен, 60–65	
11	Октябрьский II, кург. 1, парное	1993	Мыськов Е. П.	Вскоре после похорон	Ошибка лаза (на 1 м к С), затем – выбор ямы по контуру	На дне, тайник обнаружен	Муж стар; жен, 20–25	8276
12	Октябрьский V, кург. 1, погр. 2	1995	Мыськов Е. П.	Вскоре после похорон	Лаз шире контура ямы на 130 см	На дне	Жен, 30–40	19689
13	Селимовка, кург. 2, погр. 2	1901	Городцов В. А.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру?	На дне	Жен	
14	Липецк / Ленино, кург. 1, погр. 2	2005	Сафонов И. Е.	Вскоре после похорон	Проникновение в частично погую камеру?	У верхнего края ямы, кости изъяты	Жен	

Таблица 2. Погребение группы 2 с неограбленным (обрушившимся) тайником: Бердия, курган 3 (по Сергацков 2000)
 Table 2. Burial of group 2 with a collapsed recess which was left un plundered: Berdiya, barrow 3 (after Sergaцков 2000)

№ по порядку	Могильник	Год исследования	ФИО исследователя	Время проникновения	Характер лаза	Разборка группа и вещей	Пол	№ арх. дела
1	Высочино I, кург. 8, погр. 2	1976	Лукьяшко С. И.	Вскоре после похорон	Шире контура ямы (есть позаний лаз)	У верхнего края ямы	Жен?	
2	Высочино II, кург. 1	1976	Лукьяшко С. И.	Через несколько лет	Шире контура ямы	На дне	Жен	
3	Высочино V, кург. 13, погр. 1	1984	Беспалый Е. И.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	Чуть выше ана ямы	Муж	
4	Царский, кург. 38, погр. 1	1987	Ильюков А. С.	Через несколько лет	Воронка в центр. части	У верхнего края ямы, кости изъяты	Жен?, 35–40	11889
5	Царский, кург. 64	1988	Ильюков А. С.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	На дне	Муж, 20–25	12890
6	Пятихатки I, кург. 7	1988	Ларенок П. А.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру?	У верхнего края ямы	Муж, 30	
7	Новый, кург. 118		Ильюков А. С.	Через несколько лет?	Выбор ямы по контуру	Выше ана ямы	Муж, 20–25	
8	Сладковка, кург. 14	1978	Максименко В. Е.	Вскоре после похорон	Вдоль ЮЗ стенки, к гробу	Чуть выше ана ямы	Жен	7094
9	Терновский, кург. 8	1966	Шилов В. П.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	На дне	Муж	4625
10	Барановка I, кург. 3		Сергацков И. В.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	На дне	Жен	
11	Барановка I, кург. 4		Сергацков И. В.	Вскоре после похорон	Выбор ямы по контуру	На дне	Муж	
12	Бердия, кург. 6		Сергацков И. В.	Через несколько лет	Выбор ямы по контуру	Выше ана ямы	Муж	
13	Бердия, кург. 8, погр. 1		Сергацков И. В.	Через несколько лет?	Шире контура ямы	Выше ана ямы	Муж	
14	Октябрьский I, кург. 1	1993	Мыськов Е. П.	Вскоре после похорон	Выбор ямы по контуру	На дне	Муж	18276

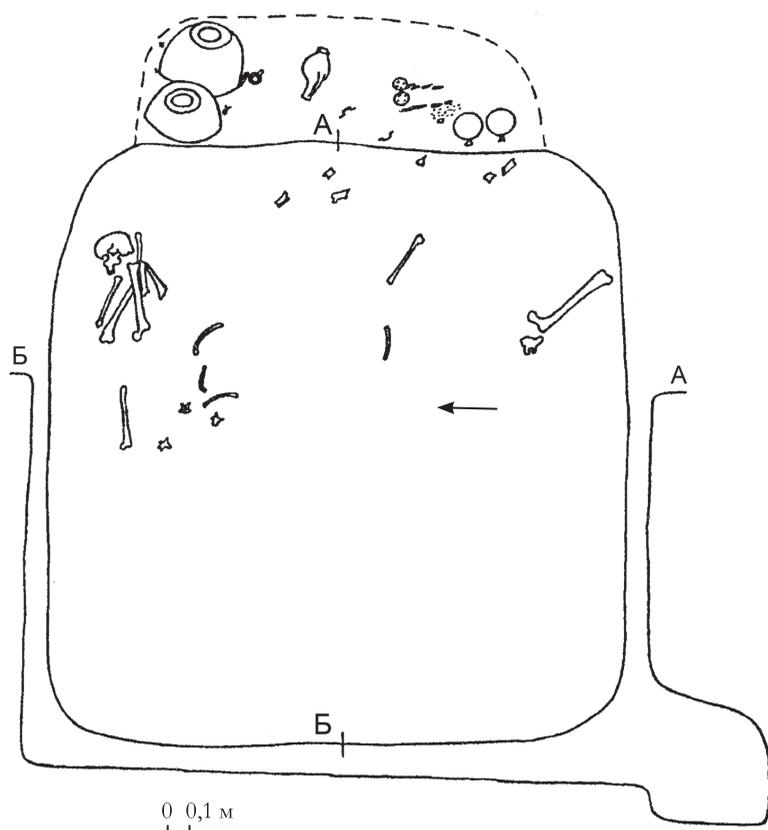

Рис. 2. Погребение группы 1 с неграбленным (обрушившимся) тайником: Бердия, курган 3 (по Сергацков 2000)

Fig. 2. Burial of group 1 with a collapsed recess which was left un plundered: Berdiya, barrow 3 (after Сергацков 2000)

крытие могилы еще не рухнуло. В самом лазе найдены сотни золотых бляшек от одежды обираемого покойника, отслоившиеся и обломившиеся детали парадного колчана и стрелы из него, детали щита и удила (Ф. Р-1, д. 2497, с. 147–149). Любопытно, что так грабили и несколько лет спустя, и вскоре после похорон (Соколовский, кург. 3). В данном случае речь идет об одном и том же подходе к ограблению в небольшом микрорайоне недалеко от дельты Дона на рубеже I–II вв. н. э. Нельзя исключить, что здесь действовала одна и та же группа людей... В погребениях из низовьев Дона в группе 2 всегда (табл. 2: № 1–7), а в группе 1 как правило (табл. 1: № 1, 2, 4–8) проникновение происходило не вскоре после похорон, а через несколько лет. Документируемые в группе 1 могилы с перекрытием из досок (Садовый, Соколовский, Ново-Александровка и Липецкий) обычно «дозревали» до ситуации, когда последнее успевало обрушиться (кроме Липецкого, где детали действий грабителей с пологом и т. п. предполагают их более раннее проникновение). Родственники умерших реагировали на эти вторжения по-разному. Во многих больших могилах группы 1 после разорения яма какое-то время, как принято считать, стояла открытой, и позже она была заполнена затекшим гумусом (Хохлач, Дачи, Чалтырь) или суглинком (Октябрьский V). В группе 2, в кург. 38 Царского сородичи покойного, видимо, закидали оскверненную могилу камнями, отчасти взятыми из внешней ограды (Ф. Р-1, д. 11889, с. 33).

Отдельный сюжет, заслуживающий внимания — это суеверия самих грабителей. Особенно ярко они проявлялись в отношении черепа покойника. Мною уже приводились примеры для средне- и позднесарматской культур, когда в могилах с различным социальным статусом череп

позволяет допустить привлечение к работе и подростков, что было весьма обычно для грабителей до настоящего времени¹³. К сожалению, применение бульдозера при раскопках насыпей помешало проследить начало хода и установить его длину. В Ново-Александровке он шел к середине северной стороны ямы (Ф. Р-1, д. 11387, с. 93–94, рис. 20). В Соколовском кург. 3 такой ход также шел к центру с СВ стороны (здесь его проложили вглубь строго до границы грунтов — до ранней насыпи небольшого кургана бронзового века) — к широкой ступеньке, откуда было удобно спускаться дальше вниз. Через лаз тащили труп, и здесь остались отдельные целые кости человека, несколько оброненных золотых бляшек и наконечник стрелы (Ф. Р-1, д. 4216, с. 14). В Садовом кургане лаз такого же типа шел не с С, а с ЮВ. Дело в том, что грабители заранее знали о наличии здесь в стенке тайника с драгоценными вещами, точно попали именно на него и полностью обобрали. С. И. Капошина полагала, что они приходили в ненастную погоду (когда охрана такого объекта не была столь тщательной), пока пере-

¹³ Характерен пример ограбления могилы 30 2009 г. на СЗ некрополя Танаиса (раскопки С. М. Ильяшенко) во II в. н. э., где в лазе после ограбления был придавлен обвалившейся землей подросток 10–12 лет со специальной костяной лопаткой для копания (см. статью Е. В. Вдовиченкова, С. М. Ильяшенко в настоящем сборнике).

старались отделить и разместить отдельно от остальных оставляемых у дна костей, а также специально захоронить его (Яценко, Вдовченков 2013: 87–88). Есть примеры отделения черепа от костей и в рассматриваемых в статье двух сериях в среднем течении Дона и на его притоках. Так, в кург. 1 Октябрьского I череп мужчины отбросили в дальний угол, а основные кости разместили кучкой вдоль стенки; в кург. 1 Октябрьского II черепа старика и молодой женщины оттащили к одной стенке ямы, а остальные кости положили двумя скоплениями к другой стенке и в разграбленный тайник (Ф. Р–1, д. 18276, с. 3, 4, 13–14). В кург. 1 Октябрьского V почти все кости женщины нашлись в заполнении ямы, за очень важным исключением наиболее ритуально значимых — черепа и правой руки¹⁴ (Ф. Р–1, д. 19689, с. 67).

Интересными представляются суеверия, связанные с изъятием или сохранением *in situ* определенных вещей в могиле. Так, в Барановке I в кург. 4 в центре основательно разграбленной мужской могилы был оставлен массивный золотой браслет, а в соседнем кург. 3 также в центре обобранной женской могилы лежал золотой кулон на цепочке (Сергацков 2000: 24–26). Такие единичные находки можно лучше понять, если обратиться к материалу нетронутых в насыпи тайников группы 1, где весь мужской костюм символически представлен одним массивным золотым браслетом (Дачи) или поясом (Чалтырь) (ср. ниже единственную оставленную грабителями массивную золотую вещь — полихромный кулон на цепочке у женщины в Сладковке). В кург. 38 в Царском грабители не взяли стоявшие рядом в головах три металлических сосуда, два из которых серебряные, составлявшие, вероятно, сакральный набор. В Селимовке (Городцов 1905: 236–237) «посетители», сняв с останков умершей золотые гривну, браслеты и т. п. и разворошив остатки сгнивших расшитых золотыми бляшками одежда, старались, похоже, не трогать сам скелет. Полагаю, это отчасти связано с оформлением лица умершей, редким для женщин-сарматок и пока не нашедшим своего объяснения: оно было покрыто слоем ярко-красной краски, перешедшей на череп (Яценко 2006а: 161).

В Сладковке (Ф. Р–1, д. 7094, с. 21, табл. XLV) проникшие вскоре после похорон люди вначале, видимо, отделили голову умершей женщины, потом ее поместили в противоположный угол лаза, при этом пару золотых серег положили у ее бедра. Затем труп перевернули ничком, при этом он оказался примерно на 30 см выше дна — видимо, это было сделано на крышке почти не сохранившегося дубового (?) гроба. Кроме того, была отделена левая рука, которая затем оказалась в заполнении ямы еще выше. При этом на теле оставили висевшее золотое кольцо с самоцветами и пояс, расшитый серией золотых бляшек. Разумеется, вообще не тронули предметы, обладающие большой магической силой — особое ожерелье с редкими амулетами (оно лишь было перевернуто вниз вместе с трупом) и в стороне — скипетр, изготовленный из обломка топора-молота эпохи бронзы (о серии подобных скипетров у сарматской знати см. Яценко 2008б). Однако это проникновение у нас нет оснований считать только ритуальным, поскольку значительная часть обильно покрытых золотыми аппликациями одежда была снята; видимо, были изъятые обычные для могил этой группы наиболее массивные золотые украшения (гривна и браслеты) и металлическая посуда. В Липецком кургане и в кург. 1 Октябрьского I воры скатали и отодвинули к стенке погребальный покров-полог, расшитый золотыми бляшками и полосами золотой фольги, закрывавший дно ямы; не исключено, что крупные аппликации на нем (в Липецке козлы, олени и птицы — обычные атрибуты Мирового древа) они побоялись тронуть. Такие специфические пологи у сарматов, укрывавшие только гроб или всю могилу, часто богато декорировались и, несомненно, имели и охранное, магическое значение (Яценко 1994).

Кроме ограблений, в курганах знати этого района нам известны (в частности, в Волго-Донском междуречье) и случаи явно ритуальных проникновений. Так, наряду с приводимым здесь женским (30–40 лет) центральным погр. 2 кург. 1 в Октябрьском V (группа 1), рядом было обнаружено одно-временное или лишь немногим более позднее погребение мужчины более старшего возраста (50–60 лет), такого же «царского» ранга (раскопки Е. П. Мыськова 1995 г. — Ф. Р–1, д. 19689, с. 41 сл.). В могиле весь богатый инвентарь, несмотря на повторное проникновение, явно полностью уцелел, в том

¹⁴ В реальной жизни, конечно, один и тот же круг представлений о роли головы и правой руки проявлялся как у родственников, иногда вскрывавших могилу для совершения дополнительных обрядов, так и у грабителей и, наконец, у врагов умершего. В условиях войн и набегов у ранних кочевников противник часто отрезал в качестве трофея именно голову или правую руку, и покойного хоронили без них. Этот момент часто не учитывается коллегами, увлекающимися лишь одной из трактовок.

числе положенный у левого локтя жезл с золотой обкладкой в полихромном «зверином стиле». Целью людей, навестивших могилу вторично, были лишь останки самого умершего: его правая рука, центральная часть туловища и ноги были сняты с первоначального места и положены аккуратной кучкой рядом — в области бывших колен. Еще один пример — главное впускное погребение среднесарматского времени в кургане у с. Писаревка (Сергацков 2000: 80–81, рис. 98). Здесь картина была похожа, хотя «имущество» покойного было намного скромнее: взрослый мужчина в одежде, расшитой золотыми нитями, был похоронен с различными приношениями (бронзовый котел, кинжал, глиняные кувшины и др.), которые уцелели. Однако кости были, в основном, смещены — здесь, наоборот, кости ног и кисти правой руки оставили *in situ*, а остальные сложили по левую сторону двумя аккуратными кучками. Особые обряды с кистями рук, особенно правой, были весьма обычны в ненарушенных могилах знатных женщин этого времени (см. Яценко 2006: 356; 2007: 64). Такие чисто ритуальные нарушения могил у элиты «средних сарматов» редки, и они, видимо, были связаны с особыми деталями биографии и обстоятельствами смерти конкретных покойников.

В заключение стоит подчеркнуть, что следы древних ограблений игнорируются незаслуженно. Они позволяют уточнить социальный статус ограбленных погребенных, составить представление о ряде религиозных верований и даже косвенно изучить сами личности попадавших в чужие могилы и их мотивы. Подобные нарушенные погребения, в частности, размещение костных остатков в них на разных уровнях и фрагментированных вещей в лазе, исследователям стоит описывать не менее тщательно, чем уцелевшие комплексы.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Власкин М. В., Ларенок П. А. 1991. Сарматские курганы в Северо-Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Азов: Азовский краеведческий музей, 65–71.

Городцов В. А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 174–225.

Засецкая И. П. 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во ГЭ.

Ильюков А. С., Власкин М. В. 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.

Медведев А. П., Матвеев Ю. П., Сафронов И. Е. 2008. Сарматское «княжеское» погребение у южной окраины г. Липецка // Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 116–125.

Мордвинцева В. И., Сергацков И. В. 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА 4, 114–125.

Мошкова М. Г. (ред.). 2002. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.: Восточная литература.

Мошкова М. Г. 2012. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Журавлев Д. В., Фирсов К. Г. (ред.). Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гушиной. М.: ГИМ, 338–350.

Сергацков И. В. 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та.

Яценко С. А. 1994. Погребальные покровы сармато-аланов // Тошев Г. Н. (ред.). Проблемы скифо-сарматской

археологии Северного Причерноморья. Т. 2. Запорожье: Изд-во Запорожского ун-та, 205–207.

Яценко С. А. 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. (ред.). Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: Ин-т Африки РАН, 126–135.

Яценко С. А. 2006а. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература.

Яценко С. А. 2006б. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской археологической культуры // Клеников В. М. (ред.). Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: Мат-лы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2006, 118–129.

Яценко С. А. 2007. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. — II в. н. э.) // Дашковский П. К. (ред.). Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 58–66.

Яценко С. А. 2008а. Алания I–II вв. н. э. как кочевая империя // Базаров Б. В. и др. (ред.). Монгольская империя и кочевой мир 3. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 281–310.

Яценко С. А. 2008б. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // НАВ 9, 117–126.

Яценко С. А. 2013. О сарматских ограблениях синхронных курганов // ТПАИ 2 (8), 25–41.

Яценко С. А., Вдовченков Е. В. 2013. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // НАВ 13, 78–90.

Яценко С. А., Вдовченков Е. В. 2015. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание. Умение. Понимание 1, 171–182.

Е. В. Вдовченков, С. М. Ильяшенко

ДРЕВНИЕ ОГРАБЛЕНИЯ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье анализируются обстоятельства и время ограблений погребений в Танаисе. На территории некрополя имеется достаточно свидетельств о разрушениях погребений, связанных как с ограблениями, так и подзахоронениями и постпогребальными обрядами. При этом есть определенные трудности с датировкой времени разрушения могил. Мы можем говорить об ограблениях некрополя в древности и в новое время. Комплекс, получивший название «погребение 27» (раскопки некрополя в 2009 г.), является примером неудачного ограбления, так как в грабительском лазе обнаружен заваленный землей ребенок 10–12 лет.

Ключевые слова: Танаис, некрополь, погребальный обряд, ограбления, нарушенные погребения.

E. V. Vdovchenkov, S. M. Iliyashenko. Ancient robberies of the necropolis of Tanais (problem statement). The paper deals with the circumstances and chronology of grave plundering at the necropolis of Tanais. There is rich evidence of destructions of burials, which were caused by either plunderers' activity or post-burial rituals and additional internments. The dating of the destruction episodes is associated with certain difficulties. We can state that some of the robberies were committed in the ancient time and some in the modern historical period. The assemblage known as «burial 27», excavated in 2009, is an example of an unsuccessful robbery, as is evidenced by the skeleton of a child (10–12 years old) piled with earth in the plunderers' tunnel.

Keywords: Tanais, necropolis, funeral rite, robberies, disturbed burials.

Исследования на территории городища и некрополя древнего Танаиса ведутся уже более 150 лет, а с 1955 г. раскопки проводятся ежегодно. Особое место занимает изучение курганного и грунтового могильника, окружавшего город с трех сторон. В последние годы произошло значительное увеличение количества открытых объектов городского некрополя. Только в 2006–2014 гг. при проведении спасательных работ здесь было исследовано более 1200 погребений, что связано с перспективой строительства нового комплекса «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Таким образом, к настоящему времени выявлено более 3000 погребальных комплексов, на основании анализа которых возможны различные реконструкции многих сторон этнополитической и экономической жизни этого достаточно удаленного от центров цивилизации поселения.

При изучении некрополя Танаиса приходится сталкиваться с определенными трудностями. Они во многом связаны с тем, что 90 % территории могильника (курганного и грунтового) и более половины участков древней городской застройки заняты современными усадьбами хутора Недвиговка, а также находятся в зоне интенсивной сельскохозяйственной обработки. В результате глубокой плантажной вспашки и несанкционированного строительства уничтожаются десятки комплексов. Обращаясь к разрушениям в древности, отметим, что на них обратил внимание еще во второй половине XIX в. один из первых исследователей Танаиса П. М. Леонтьев. В своей публикации, посвященной изысканиям на Нижнем Дону, он писал о том, что «у всех почти курганов были впадины на вершине» (Леонтьев 1853: 409). По сведениям, полученным тогда же, один курган «был раскопан по распоряжению начальства в 1824-м году; многие из других были раскапываемы крестьянами г. Мартынова и донскими казаками, но о предметах, которые в них были найдены, никто не сообщил ничего» (Там же). Кроме того, часть погребений уничтожалась местными жителями в ходе добычи камня (Толочко 2012: 102–105).

Факт многочисленных разрушений подтверждается и раскопками последних 70 лет. Сейчас можно констатировать, что не менее 60 % выявленных грунтовых и подкурганых погребений были сильно повреждены. Причем значительная часть погребений разрушалась еще во время существования города эллинистического и римского периодов. В полевых отчетах эти комплексы часто обозначены как «ограбленные в древности». Тем не менее проблема ограблений погребений Танаиса не рассматривалась в качестве отдельного исследования. Трудности изучения этой темы состоят, прежде всего, в определении времени подобных грабежей в связи с частым отсутствием сопутствующего инвентаря. Многие комплексы могут быть датированы только на основании стратиграфических наблюдений. Совсем не облегчает задачу сравнительно раннее начало изучения Танаиса и его окрестностей исследователями в XIX и начале XX в. Достаточно поверхностный уровень документации и фиксации выявленных объектов зачастую позволяет приблизительно определять места проведения первых раскопок на территории некрополя. С подобными проблемами в той или иной степени сталкивались все исследователи новейшего времени. Так, например, в двух случаях одни и те же насыпи курганов исследовались П. М. Леонтьевым, а затем Нижне-Донской экспедицией академии наук СССР. В отчете последней за 1965 г. зафиксированы данные о прослеженных траншеях в южной, западной и восточной полках кургана (Толочко 2001: 227–228). В. В. Чалый, проводивший исследования некрополя Танаиса в 70-х гг. XX в., также указывал на очевидные признаки исследованных комплексов на западном участке некрополя. Он отмечал: «При исследовании могильной ямы создается впечатление, что она была уже раскопана в относительно недавнее время. На это указывают отсутствие каких-либо фрагментов человеческого скелета и предметов погребального инвентаря, а также то, что яма заполнена черным гумусом, характерным для верхнего пахотного слоя поля, что не характерно для могильных ям некрополя Танаиса как не ограбленных, так и ограбленных в древности. Кроме того, в результате ограбления форма погребальной камеры изменена» (Чалый 1977: 16–17; Толочко 2001: 231–232). Глубокие следы траншей, крест-накрест пересекающих курганы (в полном соответствии с методикой раскопок XIX в.), и сейчас видны к северу и западу от цитадели городища Танаис. Таким образом, при дальнейшем рассмотрении заявленной выше темы следует учитывать неоднозначность самого понятия «ограбление» (см. Кузьмин 1991: 146; и др.).

В отношении Танаиса можно условно выделить несколько видов разрушений древних могил:

1. Разрушения в процессе хозяйственной деятельности нового и новейшего времени или ранних археологических исследований территории.
2. Разрушения (ограбления) с целью наживы.
3. Разрушения в процессе сооружения новых погребальных конструкций.
4. Разрушения ритуального характера.

В разные исторические эпохи мог преобладать один из указанных выше видов разрушений, также они могут сочетаться. Но последние два должны быть отражением каких-либо кардинальных перемен, а их преобладание может быть дополнительным свидетельством изменений, происходивших в жизни поселения. Совершенно очевидно, что пики разрушений должны совпадать с периодами безвластия либо с затуханием экономической жизни в городе. В первом случае некому было охранять могилы отцов, во втором — не было иного выхода для накопления средств.

К настоящему времени более или менее достоверно известны четыре значимых события, нарушавших устоявшееся течение городской жизни с момента образования города в первой половине III в. до н. э.:

1. Разгром Танаиса на рубеже эр «за неповиновение» боспорским царем Полемоном [Страбон XI, II, 3] и дальнейшее восстановление его, с возможной полной или частичной сменой населения, как в самом городе, так и на территории его ближней округи (Ильяшенко 2007: 28; Яценко 2001: 86);
2. Разрушения в середине II в. н. э. в ходе экспансии со стороны степи, после которых наблюдается значительное включение варварского (сарматского) элемента в состав городского населения (Шелов 1974);
3. Разрушения в середине III в. н. э., приведшие к почти столетнему перерыву в существовании этого крупного нижнедонского поселения (Шелов 1972: 299 и сл.);
4. Прекращение существования города в середине — второй половине V в. н. э. (Там же: 307 и сл.).

Эти события имеют первостепенное значение для изучения танаисского могильника, когда разновременные погребения «наслаивались» друг на друга. Отметим, что два из отмеченных выше событий

(полемоновский разгром и катастрофа середины III в. н. э.) могли привести к формированию на старом месте новых поселений с населением, никак не связанным с жизнью предыдущего города.

К разряду значимых событий можно добавить и еще одно, выявленное в начале 2000-х гг., когда при археологических работах на территории западного края хут. Недвиговка, в 300 м от основного четырехугольника городища Танаис (городская цитадель), был обнаружен участок жилого квартала с остатками каменных построек поселения VIII–IX вв. (Нидзельницкая, Ильяшенко 2007). Это раннесредневековое поселение (его можно условно назвать «Недвиговское Западное»), размеры которого пока неясны, бесспорно, не имело никакого отношения к прежнему городу античного периода. Его жители также могли разрушать более древний могильник, как случайно, так и целенаправленно.

Еще один достаточно удаленный от нас по времени период разрушений на танаисском некрополе мог быть связан с освоением в эпоху средневековья места и окрестностей в районе современного г. Азова. Хорошо известен случай участия в первой половине XV в. венецианца Иосафато Барбаро вместе с группой из 150 человек в грабительских раскопках древнего памятника на Правобережье Дона, предположительно Кобякова городища (Барбаро и Контарини о России 1971: 167, сн. 26). При этом он отмечал, что был уже не первым в этом деле: «В те времена, когда консулом в Танае был мессер Пьетро Ландо, приехал из Каира один человек по имени Гульбедин. Он рассказал, что в бытность свою в Каире слышал от какой-то женщины-татарки, что в одном из подобных курганов, называемом Контебе, Аланы спрятали большое сокровище. Эта самая женщина даже сообщила ему некоторые признаки, как холма, так и местности. Гульбедин принялся раскапывать курган; он проделал несколько колодцев, то в одном месте, то в другом. Так он продолжал копать в течение двух лет, после чего умер. Люди пришли к заключению, что он только по неспособности не сумел отыскать тот клад» (Там же). О масштабе грабительских работ, которые можно было произвести даже за достаточно короткий срок, говорят другие слова Барбаро: «Мы начали врезаться и копать на плоскости большого кургана, там, где начинается меньший курган. Мы имели намерение проникнуть внутрь снизу вверх, до самой верхушки, и хотели проделать широкий ход, идя в длину... До сих пор это место называлось „Гульбединовыми ямами“, а после наших раскопок оно стало называться — и именуется так до нынешнего дня — „Франкской ямой“, потому что проделанная нами в течение немногих дней работа была настолько велика, что казалось — здесь за это короткое время действовало не меньше тысячи человек» (Там же).

Пьетро Ландо был избран консулом Таны в 1429 г. Прибыл туда ранней осенью этого года и исполнение им должности точно зафиксировано до октября 1432 г. (хотя он мог быть консулом и дольше)¹. Что касается экспедиции Барбаро, то она проходила с 25 ноября 1437 г. по 14 апреля 1438 г. (Там же: 38). Таким образом, наблюдается устойчивый интерес к поискам «больших сокровищ» на Правобережье Дона в течение значительного промежутка времени, тем более что он был подкреплен «достоверными сведениями», распространившимися далеко за пределы региона. Надо полагать, Гульбедин и Барбаро были далеко не единственными искателями удачи в здешних местах. Известны и другие случаи ограблений комплексов раннего железного века в средневековую эпоху. Например, в Высочино в сарматском некрополе грабители золотоордынской эпохи оставили сосуд, произведенный в Азакке (Лукьяшко, Беспалый 2009: 15). Вполне возможно, что «исследователей» древних культур в Золотой Орде могли привлечь и окрестности танаисского акрополя, густо усеянного большими и малыми курганами.

В этой связи примечательной является находка, сделанная при исследованиях на территории грунтового некрополя в сезоне 2014 года². В ходе работ на площади 2 раскопа XXXIII, на уровне предметного суглинка, недалеко от ям ограбленных погребений I–III вв. н. э., было обнаружено небольшое скопление человеческих костей (фрагменты черепа, берцовые, плечевые, тазовые кости, ребра, фаланги пальцев и пр.), лежавших на площади 0,7 × 1,40 м (рис. 1: 1). К северу от костей располагались два плоских камня среднего размера, вероятно, выброшенные из заклада одного из погребений. Под одним из них была обнаружена монета белого металла (рис. 1: 2). В соответствии с определением

¹ Указанием на информацию о времени консульства Пьетро Ландо мы обязаны проф. МГУ Сергею Павловичу Карпову. Приносим ему свою искреннюю признательность.

² Археологические работы выполнялись в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)», на основании и в соответствии с условиями Государственного контракта № 1704-01-41/05-14 от 2 июня 2014 г.

Рис. 1. Некрополь Танаиса, 2014 г. 1 — кости, выброшенные грабителями;
2 — дирхем Абдуллаха 1368(9) г.

Fig. 1. Necropolis of Tanais, 2014. 1 — bones thrown out by grave plunderers;
2 — dirham of Abdullakh minted in 1368(9)

Н. М. Фомичева, монета — дирхем 770 г. (1368(9) г.). Надпись на лицевой стороне: «Султан справедливый / Абдулла хан / да продлится его царствие»; надпись на оборотной стороне: «Чекан Орду / семьсот семьдесят» (Савельев 1857: табл. I, рис. 8, 9; Фёдоров-Давыдов 2003: кат. № 221, табл. XVI). Появление этой находки, конечно, может быть связано с самыми различными обстоятельствами, в том числе и с наличием вблизи места обнаружения какого-то разрушенного средневекового погребения. Однако необходимо отметить факт, что в непосредственной близости от городища Танаиса пока не обнаружены слои золотоордынского времени. Поэтому нельзя исключать принадлежность монеты ордынским грабителям, которые имели время и возможность для масштабных разрушений.

Для массовых грабежей при наличии близлежащего поселения должны существовать особые условия: отсутствие контроля или полное равнодушие местного населения к происходящим актам вандализма. В этом случае грабители могли работать спокойно и тщательно, методично разрушая все подряд погребения. При этом, чем ближе ко времени разрушения было захоронение, тем больше вероятность его обнаружения и полного уничтожения. Но в случае Танаиса, где в среднем каждые 3–4 квадратных метра содержат погребение, особой трудности с поиском таковых нет.

Ограбление погребений на некрополе Танаиса, вероятно, имело место уже в II–I вв. до н. э. Преобладающим типом погребальных конструкций этого времени были ямы с заплечиками, перекрытые каменными плитами или деревянными плахами, а также ямы с подбоями, вход в которые закрывали каменные кладки (стенки), высотой до 1 м. Погребенные, как правило, имели В или СВ ориентировку. Места захоронений отмечались на местности каменными кольцевыми погребально-поминальными конструкциями, жертвенниками и антропоморфными изваяниями. Как показывают исследования, во многие подбойные конструкции грабители пробивались не через свод погребальной камеры (наугад), а проникали в нее со стороны входной ямы, разбирая часть заклада. При еще сохранявшихся надгробных сооружениях и знании общих традиций это было достаточно легко сделать. Часто в таких случаях грабители разбирали восточную половину стенки каменного заклада. В результате этих ограблений разрушалась (или перемещалась) восточная часть скелета (череп, грудная клетка, кости рук, таз). Кости ног, инвентарь в ногах, отсутствующую пищу и элементы вооружения, находившиеся в западной половине подбоя, грабители не трогали. Проще всего подобные ситуации объясняются интересом разрушавших к драгоценным украшениям, которые в большей своей части могли быть сосредоточены именно в восточной части могилы, в области головы и грудной клетки. Однако нельзя исключать и иную мотивацию, например, грабители могли остерегаться сопутствующей пищи у ног скелета. Примечательно, что среди камней закладов подбоев погребений II–I вв. до н. э. иногда также встречаются антропоморфные надгробия, которые могли быть изъяты из более ранних комплексов и использованы в качестве строительного материала. С чем это связано — сложно дать однозначный ответ. Существует предположение об апотропеической функции обломков эшар и столиков в погребениях из Кеп (Сорокина, Усачева 1997: 57). Не исключено также, что какая-то часть погребений этого времени в дальнейшем была ограблена уже на рубеже эр или несколько позже, при возобновлении активной городской жизни после разгрома Полемона. Если исходить из версии о значительных изменениях в составе населения после этого события, то можно полагать, что новые поселенцы не были обременены никакими обязательствами перед прежними жителями. В этом случае разрушения могли вестись как целенаправленно, так и случайно, при сооружении, например, курганных насыпей.

Одной из характерных черт некрополя Танаиса на ближних подступах к городищу является его многослойность. Здесь на одних и тех же участках концентрируются погребения от II в. до н. э. до V–VI вв. н. э. Эта особенность отчетливо проявляется на территории к западу от городских кварталов и цитадели. В результате плотной концентрации разновременных захоронений часть из погребений, скорее всего, разрушалась в ходе проведения постпогребальных ритуалов или при совершении подзахоронений. Следовательно, уничтожение более ранних комплексов могло происходить даже без грабительских намерений. Этим, в какой-то степени, можно объяснить и почти полное отсутствие погребальных комплексов середины — второй половины III в. до н. э., связанных с первыми десятилетиями существования колонии. Возможно, они располагались компактно в месте, еще не выявленном исследователями, либо были уничтожены в последующие годы освоения территории некрополя. Какие-то погребения эллинистического времени, как уже отмечалось, были повреждены или ограблены в процессе сооружения курганов и захоронений в первые века нашей эры. Остатки каменных

надмогильных конструкций перекрывалась насыпями курганов или использовались для нового строительства. В этом отношении показательными являются погр. 281 (II–I вв. до н. э.), разрушенное богатым погр. 298 (вторая половина II — начало III в. н. э.)³ (рис. 2: 1) и погр. 32 (I в. н. э.; рис. 3: 1), прорезанное погр. 33 второй половины II — начала III в. н. э. В обоих случаях более поздние погребения разрушены и ограблены, но совершенно очевидно, что люди, копавшие могильные ямы, не могли не заметить предыдущих захоронений. Однако они, скорее всего, не занимались грабежом и произвели частичные разрушения случайно — даже очевидный факт присутствия еще одного раннего погребенного, кости которого были частично повреждены, не заставил их отклониться от своих целей и заняться грабежом. Подтверждением этому предположению может служить наличие золотых вещей (пара серег, пронизи), сохранившихся *in situ* у черепа и в районе грудной клетки в погр. 281 (рис. 2: 2–5), а также почти полная сохранность инвентаря в погр. 33 (рис. 3: 2).

Известны в некрополе Танаиса и комплексы первых веков нашей эры, в которых совершены подзахоронения поверх прежде существовавших могил. Хотя кости скелета и инвентарь нижних захоронений были перемещены, но видимого изъятия предметов не прослеживалось. Примером тому может быть погр. 22 из раскопок некрополя западного в 1996 г. Здесь в большой яме с заплечиками изначально находилось достаточно богатое погребение, содержавшее массивный бронзовый канделябр и двурожковый светильник, богато украшенный уздечный набор, серебряный канфар и пр. При этом кости и инвентарь нижнего погребения (погр. 22.1) были перемешаны и смещены, но не изъятые из могилы. Позже поверх них были положены деревянные бруски, на которые потом была поставлена массивная ладьевидная колода погр. 22.2. В подобных случаях, вероятно, корректнее использовать термин «нарушенные» погребения (см. Кузьмин 1991: 146). Такое «нарушение» могло вполне соответствовать нормам времени. Совершавшие его осуществляли подзахоронение точно по контуру ранней могилы, вероятно, не столь отдаленной к ним эпохи. При этом прошло достаточно времени для того, чтобы тело разложилось полностью, и можно было переместить несочлененные кости. Верхнее погребение в дальнейшем было уже действительно ограблено, но грабители, вероятно, не знали и не заметили нижнего захоронения, оказавшегося в результате только нарушенным.

Очевидно и то, что даже в период, не отмеченный сколь-нибудь явными катастрофами в жизни города, происходило целенаправленное ограбление могил на некрополе. Вероятно, толчком мог послужить начавшийся со II в. н. э. очередной период расцвета города как мощного торгового центра. С этого времени отмечается увеличение количества погребений с богатым инвентарем в сравнении с предыдущими столетиями. Как и в эллинистический период, на некрополе сосуществовали подбойные и заплечиковые конструкции могильных сооружений, с В и СВ ориентировкой погребенных. Начиная со второй половины II в. н. э. на некрополе появляются богатые земляные склепы местной сильно варваризированной элиты. Хотя затруднительно судить, насколько массовый характер приобрели грабежи в то время, но необходимо отметить, что определенная часть их происходила через относительно небольшой промежуток времени после захоронения. Об этом могут свидетельствовать выявляемые погребения, явно ограбленные в период, когда тело еще не успевало до конца разложиться. Примером может служить погр. 122, обнаруженное в 2008 г. на некрополе западном (рис. 4). Погребальная конструкция — яма с заплечиками, ориентированная длинной осью по линии В–З. На уровне заплечиков и в слое между ними находились фрагменты плашек разрушенного при ограблении деревянного перекрытия. Фрагмент этого перекрытия, длиной до 0,8 м и шириной до 1,45 м, сохранился на уровне заплечиков лишь в восточной части могильной ямы. Под перекрытием в восточной части могильной ямы, поверх перемещенного слоя глинистого заполнения находился скелет взрослого человека, лежавшего вытянуто, головой на В. Сохранность костей удовлетворительная. Скелет располагался лицевой частью вниз на разных уровнях: череп находился почти в вертикальном положении, теменными костями вверх; нижняя челюсть отсутствовала; лицевая часть черепа была обращена на В. Скелет лежал наклонно, под острым углом по отношению к горизонту дна. Правая

³ Археологические работы выполнялись археологической экспедицией Государственного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие» и Государственного учреждения культуры Ростовской области «Археологический музей-заповедник „Танаис“» на основании и в соответствии с условиями Государственного контракта от 29.05.2008 № 139; Государственного контракта от 10.06.2008 № 220; Государственного контракта от 27.05.2008 № 08-10/3-2894 и доп. Соглашения от 19.08.2008 № 871-01-40/04-ПХ.

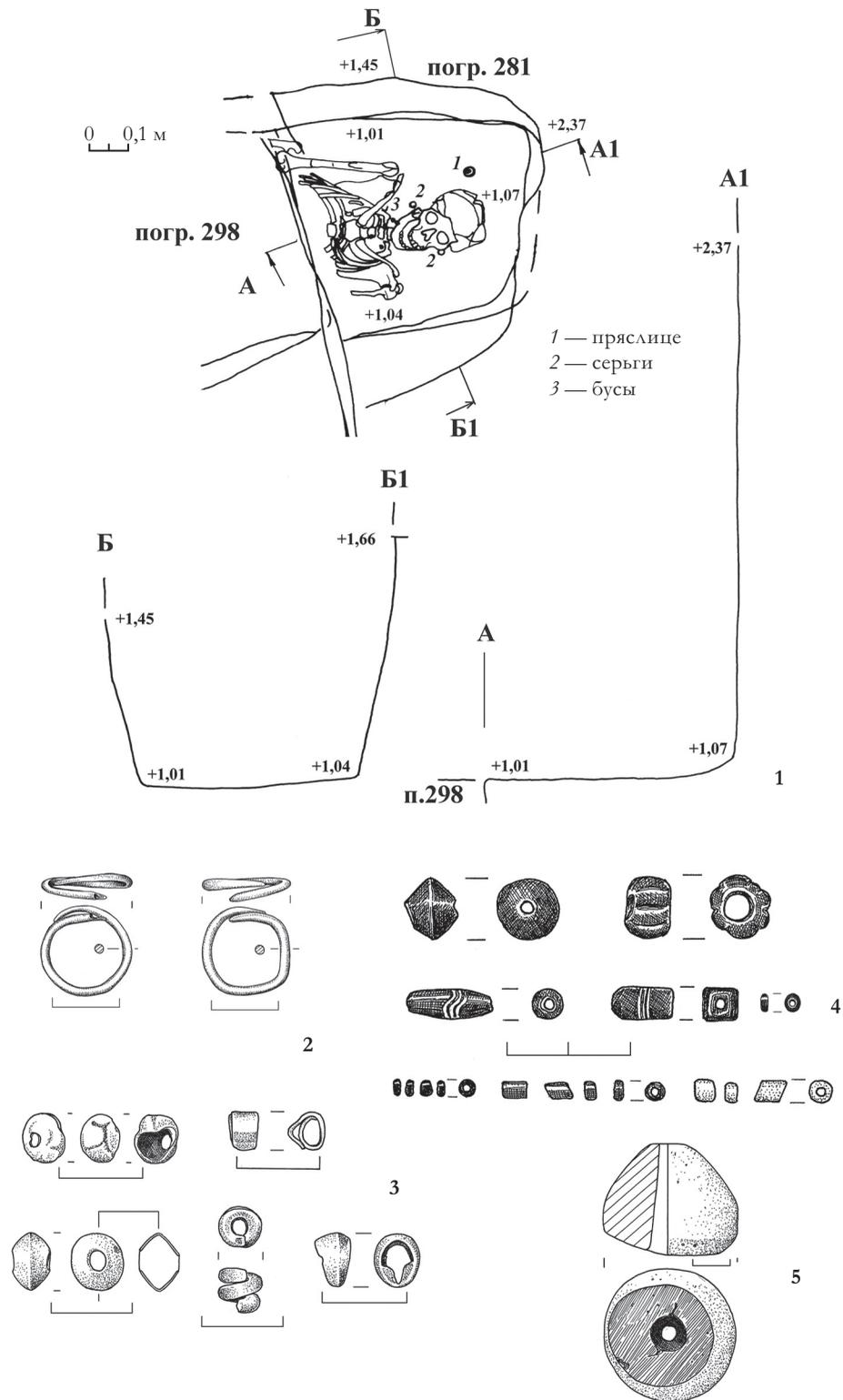
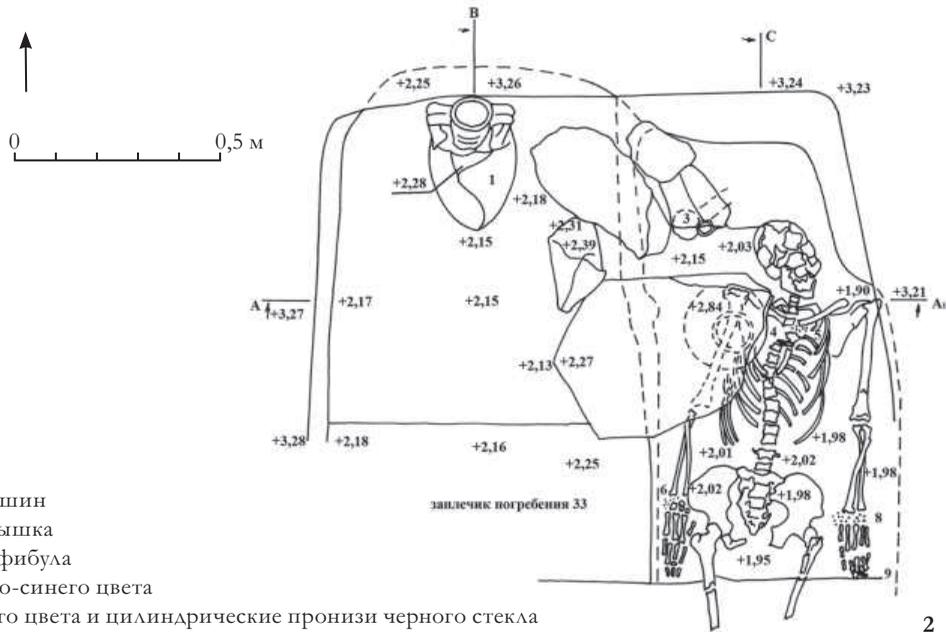

Рис. 2. Некрополь Танаиса, 2008 г., раскоп XVIII, площадь 5. 1 — план погребения 281; 2 — золотые серьги; 3 — золотые пронызы; 4 — стеклянные бусы и бисер; 5 — глиняное прясло

Fig. 2. Necropolis of Tanais, 2008, trench XVIII, area 5. 1 — plan of burial 281; 2 — gold earrings; 3 — gold pendants; 4 — glass beads; 5 — clay spindle whorl

1

2

- 1 — амфора
- 2 — лепной кувшин
- 3 — лепная кубышка
- 4 — бронзовая фибула
- 5 — бисер темно-синего цвета
- 6 — бисер белого цвета и цилиндрические пронизы черного стекла
- 7 — бронзовый перстень со стеклянной вставкой
- 8 — округлые стеклянные бусины и бисер
- 9 — бронзовый перстень со стеклянной вставкой

Рис. 3. Некрополь Танаиса, 2014 г., раскоп XXXIII, площадь 2.
1 — погребения 32 и 33; 2 — план погребения 32

Fig. 3. Necropolis of Tanais, 2014, trench XXXIII, area 2.
1 — burials 32 and 33; 2 — plan of burial 32

1

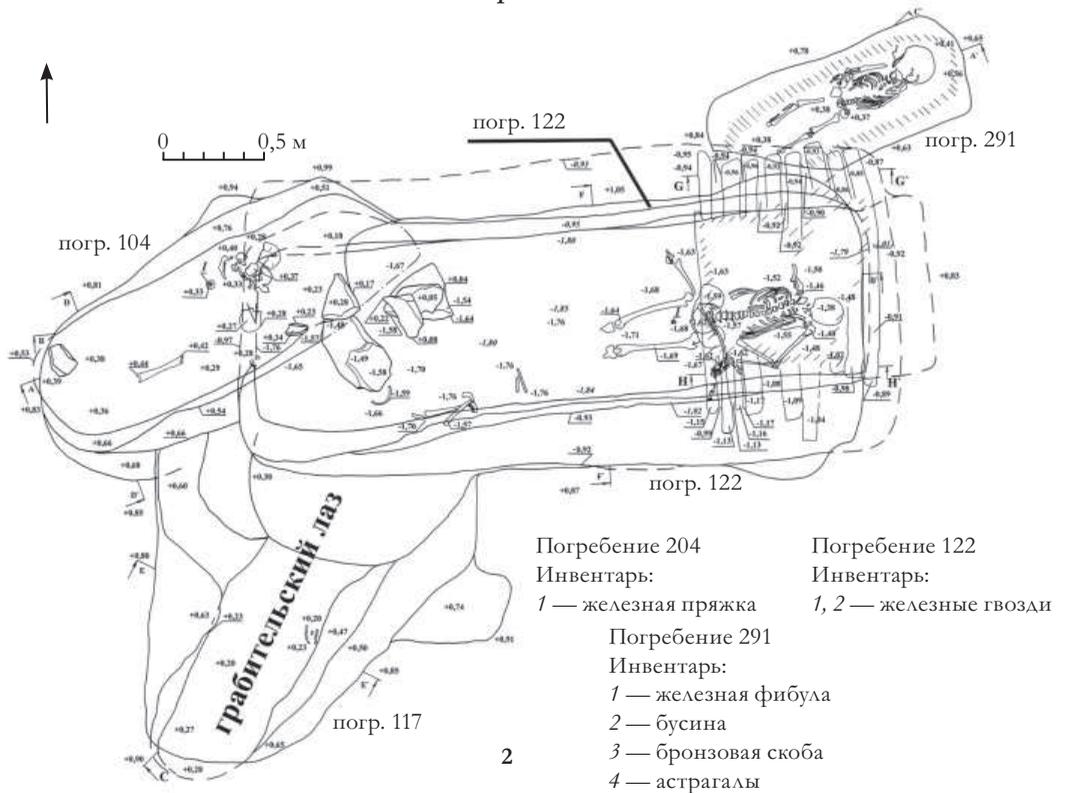

Рис. 4. Некрополь Танаиса, 2008 г., раскоп XVIII, площадь 4. 1 — погребение 122; 2 — план погребения 122 и грабительского лаза

Fig. 4. Necropolis of Tanais, 2008, trench XVIII, area 4. 1 — burial 122; 2 — plan of burial 122 with the plunderers' tunnel

рука согнута в локте под тупым углом, локтем к Ю. Кисть правой руки также согнута под тупым углом, суставом на С, и располагалась в 0,09 м к Ю от правого крыла таза. От ног сохранились лишь бедренные кости и головки берцовых костей в области коленных суставов. Кости левой руки в анатомическом порядке лежали по линии СЗ–ЮВ, поверх тазовых костей. Под костями скелета, под левой рукой и тазом прослеживались следы коричневого цвета органического происхождения, возможно, подстилки. В западной части могильной ямы, в заполнении на уровне скелета находилось три больших камня, под которыми найден фрагмент черепа, принадлежавшего другому человеку (возможно, он относился к располагавшимся выше ограбленным могилам). Вдоль южной стенки могильной ямы также лежали длинные кости и фрагменты человеческих ребер. Здесь же найдены фрагменты железных гвоздей от гроба (?). Инвентарь на дне погребения отсутствовал. Возможная дата погребения II — первая половина III в. н. э. Вероятно, ограбление происходило тогда, когда сочленение суставов погребенного было еще достаточно прочным.

Примером тайного грабежа в условиях существования процветавшего города, вероятно, может быть и другой комплекс (получивший название «погребение 27»), исследованный при раскопках северо-западного участка некрополя Танаиса в 2009 г.⁴ Здесь в перемешанном грунте был обнаружен грабительский лаз, ведущий в ЮЗ часть погр. 30 (II в. н. э.) — большую могильную яму с заплечиками, ориентированную длинной осью по линии ВЮВ–ЗСЗ. В средней части грабительского лаза (?) находился скелет ребенка 10–12 лет (рис. 5: 1). Судя по остаткам скелета, ребенок, изначально сидевший на корточках, был сдавлен слоем грунта, обрушившимся сверху в процессе прокопки тоннеля. Просевший слой откинул его на спину и придавил. Примечательно то, что рядом со скелетом находилось орудие для копания — лопатка, изготовленная из челюсти крупного копытного животного, края которого были заточены (рис. 5: 2). Этот комплекс с ребенком выходит за рамки традиционных танаисских захоронений, так как его невозможно сопоставить с уже известными здесь обрядами. В связи с этим оно может быть идентифицировано в качестве свидетельства неудачного ограбления. Кстати, заметим, что погр. 30, в которое вел указанный лаз, в дальнейшем, скорее всего, было ограблено (вторично?). Грунт в заполнении его могильной ямы был перемешан и содержал большое количество позднейшего и раннего мусора. Часть инвентаря (фрагментированные железные пружинные ножницы с прикипевшими к окислам остатками ткани; фрагменты тонкой железной иглы от фибулы, с прикипевшими также частицами ткани) и две большие трубчатые кости погребенного были оставлены грабителями на заплечиках. В заполнении ямы и ее придонной части встречались разрозненные кости погребенной взрослой женщины. На дне могильной ямы стояла большая ладьевидная колода (гробовище), по всей поверхности которой находились перемещенные при ограблении бусы и бисер. Под носовой частью колоды (у западной стенки погребения) грабители оставили нетронутыми две лепные курильницы. Здесь же находились части железного замка и деревянные фрагменты шкатулки. Примечательно то, что и в ограбленном погр. 22.2 (1996 г.), описанном выше, грабители тоже оставили нетронутыми некоторые предметы, находившиеся под носовой частью аналогичной ладьевидной колоды. Однако трудно сказать, остановила их ненужность и дешевизна предметов или они руководствовались какими-либо другими соображениями. В любом случае данный комплекс предоставляет дополнительную информацию о специфике некоторых ограблений, а также о круге лиц, вовлеченных в этот процесс. К сожалению, раздавленный череп ребенка, находившегося в лазе, не позволил определить антропологические характеристики погребенного и сделать какие-либо дополнительные выводы.

Вероятно, что самое значительное количество ограблений на некрополе произошло после глобального разрушения города в начале 50-х гг. III в. н. э. Здесь необходимо отметить, что часть непо потревоженных погребений, относимых исследователями ко второй половине IV — V в. н. э., располагаются в заполнении разграбленных погребений предыдущих столетий. Процент разрушений в общем количестве подобных поздних могил гораздо ниже, чем такое же соотношение среди более ранних. В условиях общего упадка экономики города грабежи могли стать вполне значимым источником для обогащения населения. При этом основная масса погребений IV–V вв. н. э. совершена

⁴ Исследования проводились в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» по государственному контракту от 11.09.2009 № 3526-01-41/10-АЕ на проведение охранно-спасательных археологических исследований на западном участке некрополя Танаис.

в неглубоких катакомбах Г-образной формы, погребенный в них располагался головой на запад, ко входу. Известно, что некоторые погребения этого периода совершались в подбойных ямах с камерой к северу, с западной ориентировкой погребенного, либо в узких заплечиковых ямах с северной ориентировкой погребенного. Инвентарь, в основном, достаточно скромен: лепной кувшин; нож; части мужского костюма, как правило, металлические поясные пряжки и пряжки на сапогах; в женских погребениях — металлические серьги, бусы, редко — золотые бляшки, пронизи, фибулы и зеркала. Возможно, из-за такого скудного инвентаря погребения этого периода грабились не так массово. Могилы, разрушенные вскоре после захоронения, редки и располагались, чаще всего, в недосягаемых для обзора из города местах.

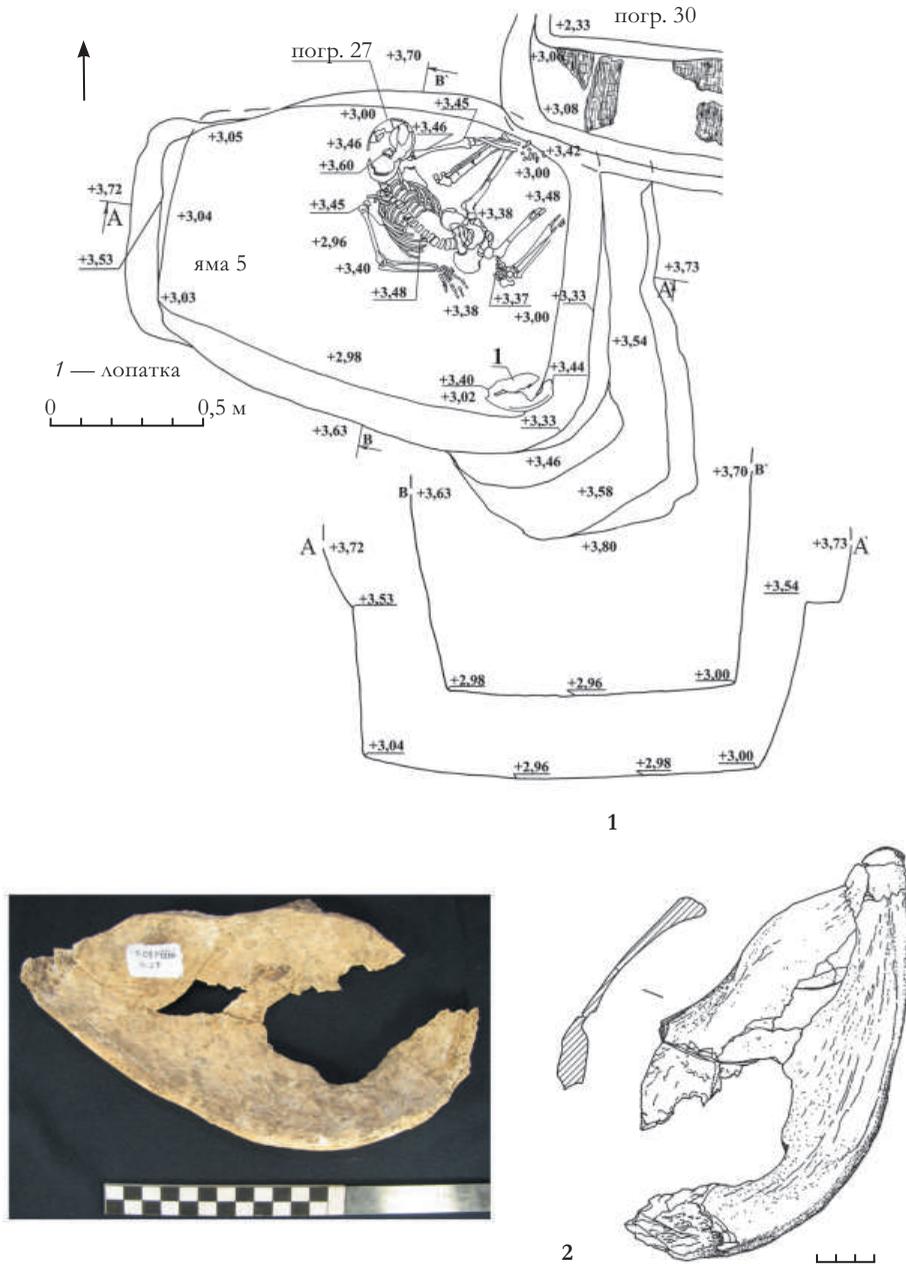

Рис. 5. Некрополь Танаиса, 2009 г., раскоп XXXIII, площадь 1. 1 — план погребения 27; 2 — орудие: костяная лопатка с заостренными краями из погребения 27

Fig. 5. Necropolis of Tanais, 2009, trench XXXIII, area 1. 1 — plan of burial 27; 2 — tool: bone spatula with sharpened edges from burial 27

В настоящее время достаточно трудным является выявление социального портрета грабителя. Исходя из имеющихся данных, мы можем предположить, что в древних ограблениях участвовали малоимущие люди и молодежь (неудачливый грабитель из «погребения 27»); новые переселенцы, не связанные моральными обязательствами с предшествующим населением; чужое по отношению к Танаису население. Есть гипотеза, что этим могли заниматься, например, сарматы, что может объяснить широкое бытование у них предметов прошлых эпох. Кроме того, сарматы могли грабить некрополи и на заказ (см. Яценко, Вдовченко 2013: 89). Дальнейшие перспективы этой темы следует связывать с анализом не только комплексов Танаиса, но и синхронных некрополей Кобякова и Нижне-Гниловского городищ и других нижнедонских поселений, хорошо известных и в значительной части уже введенных в научный оборот.

Барбаро и Контарини о России. 1971. К истории итало-русских связей в XVI в. Вступ. ст., подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. 2009. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник Высочино. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН.

Ильяшенко С. М. 2007. Верхний и нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // Вестник Танаиса 2, 23–39.

Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Хршановский В. А. (ред.). Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.

Леонтьев П. М. 1854. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Леонтьев П. (изд.). Прошлеи. Сб. статей по классической древности IV. М.: Тип. Университета, 397–524.

Нидзельницкая А. Ю., Ильяшенко С. М. 2007. Ранне-средневековое поселение на территории Танаиса // Гугуев Ю. К. (ред.). Средневековые древности Дона. Мат-лы и исследования по археологии Дона. М.; Иерусалим: Гешарим, 193–214.

Савельев П. С. 1857. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов, и другие, обращавшиеся в Золотой Орде

в эпоху Тохтамыша. Вып. 1. Екатеринославский клад. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Сорокина Н. П., Усачева О. Н. 1997. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Белоцерковская И. В. (ред.). Погребальный обряд. М.: ГИМ, 47–58 (Труды ГИМ 93).

Толочко И. В. 2012. Об одной находке 1908 г. из Танаиса // Вестник Танаиса 3, 102–107.

Толочко И. В. 2001. О топографии некрополя Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры 10, 227–251.

Фёдоров-Давыдов Г. А. 2003. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф.

Чалый В. В. 1977. Отчет об археологических спасательных раскопках курганного некрополя Танаиса в 1977 г. НОА ИА РАН, р-1, 6602.

Шелов Д. Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука.

Шелов Д. Б. 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ 1, 80–93.

Яценко В. В. 2001. Случайные находки (1998–2000 гг.) монет из Танаиса // ДА 3–4, 83–125.

Яценко С. А., Вдовченко Е. В. 2013. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // НАВ 13, 78–90.

Н. Н. Серегин

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «СИМВОЛИЧЕСКИХ» ЗАХОРОНЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

В статье рассмотрены возможности интерпретации объектов погребально-поминального характера раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Помимо кенотафов к «символическим» захоронениям отнесены «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось возведение обычной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры. Вероятно, особым видом кенотафов были также каменные оградки. Отмечена концентрация отдельных групп «символических» захоронений на начальных этапах развития культуры раннесредневековых тюрок. Вероятно, данная ситуация отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V–VI в. н. э. Распространение «стандартных» кенотафов в последующее время демонстрирует активное участие тюрок в военных походах на отдаленных территориях.

Ключевые слова: Центральная Азия, раннесредневековые тюрки, «символические» захоронения, кенотаф, «ритуальный» курган, оградка, интерпретация.

N. N. Seregin. Problems in interpretation of «symbolic» burials of the early medieval Turks in Central Asia. The paper deals with the interpretation of burial-commemorative complexes of the early medieval Turks in Central Asia. In addition to cenotaphs, the «symbolic» burials include also by «ritual» barrows which have regular mounds but no burial chambers under them. Another group of cenotaphs seems to have been represented by stone enclosures. The initial stages in the development of the early medieval Turkish culture seem to have been characterized by a high frequency of some groups of «symbolic» burials. In all likelihood, this situation reflects the process of formation of the complex of funeral traditions and rituals among the Turkish nomads in the second half of the 5–6 c. AD. The spreading of the «standard» cenotaphs in the subsequent time demonstrates the Turks' active participation in military campaigns in remote lands.

Keywords: Central Asia, early medieval Turks, «symbolic» burials, cenotaph, «ritual» barrow, enclosure, interpretation.

Введение

Комплекс ритуальных действий древних и средневековых обществ характеризуется сложностью, многоэлементностью и полисемантической. Помимо объектов, связанных с реализацией только погребальной или поминальной практики, известны памятники, характер которых сложно определить однозначно. В ряде случаев такие комплексы обозначаются как «символические» захоронения. Однако данный термин носит весьма широкий характер и нередко используется для характеристики совершенно различных по семантике и функциям памятников. Между тем, распространение каждого из видов объектов демонстрирует существование особых традиций, связанных с комплексом представлений конкретной группы населения. Поэтому интерпретация «символических» захоронений

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках базовой части государственного задания АлтайГУ «Использование естественнонаучных методов в реконструкции историко-культурных процессов на Алтае в древности» (код проекта 1006).

требует детального анализа всех имеющихся археологических материалов с привлечением дополнительных источников (письменных, этнографических и др.).

Одной из территорий, на которых получил распространение обычай совершения «символических» захоронений, является Центральная Азия. Традиция сооружения кенотафов населением данной историко-культурной области достоверно фиксируется начиная со скифо-сакского периода (Грач 1980: 77; Тишкин, Дашковский 2003: 266) и существует вплоть до этнографического времени (Тошаква 1978: 135). Высокую степень вариабельности «символические» захоронения Центральной Азии демонстрируют в раннем средневековье. Во второй половине I тыс. н. э. кочевниками региона сооружались разнообразные объекты, в значительной степени связанные с погребальной обрядностью, но отличавшиеся по ряду показателей, главным из которых являлось отсутствие умершего человека. В последние годы автором данной статьи неоднократно, в том числе совместно с коллегами, предпринимались попытки анализа и интерпретации кенотафов, «ритуальных» курганов, «самостоятельных» захоронений лошадей, а также специфичных каменных оградок раннесредневековых тюрок Центральной Азии (Серегин 2008; 2010а; Дашковский, Серегин 2008; Тишкин, Серегин 2013; и др.). Все перечисленные объекты в той или иной степени демонстрируют различные варианты традиции сооружения «символических» захоронений, что определило необходимость обобщения полученных сведений в настоящей публикации.

Изучение традиций сооружения «символических» захоронений раннесредневековыми тюрками Центральной Азии основывалось на детальном анализе материалов раскопок памятников кочевников. Привлекались, главным образом, погребальные комплексы, а также каменные оградки, интерпретация которых как исключительно «поминальных» объектов в настоящее время не представляется однозначной. Кроме того, круг затрагиваемых вопросов и решаемые проблемы интерпретации «символических» захоронений потребовали привлечения археологических материалов, полученных в ходе полевых работ на сопредельных территориях.

Кенотафы

Одним из видов «символических» захоронений во второй половине I тыс. н. э. являлись кенотафы. Анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии позволил выделить 25 объектов, демонстрирующих различные традиции совершения «пустых» погребений. Зафиксированные характеристики комплексов демонстрируют существование нескольких вариантов кенотафов.

Наиболее распространенными являются «классические» кенотафы (вариант 1). Такие объекты характеризуются соблюдением всех основных норм погребальной практики, присущих конкретной общности, при отсутствии самого умершего (рис. 1). К «классическим» кенотафам отнесено 22 объекта, исследованных на территории Алтая и Тувы (Грач 1960б: 137, 141, рис. 83; Мамадаков, Горбунов 1997: рис. VIII–X; Кубарев 2005: табл. 71; 109; и др.). Это составляет большую часть «пустых могил» и около 6 % от общего количества известных погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

В ходе раскопок «классических» кенотафов второй половины I тыс. н. э. зафиксирована наибольшая степень схожести со «стандартными» погребениями. Главным образом это относится к структуре наземных и подкурганных конструкций. В восьми случаях сопроводительное захоронение животного, помещенное в кенотаф, отделено от места предполагаемого погребения человека грунтовой, каменной перегородкой или рядом кольев. Погребальная камера в виде каменного ящика для отсутствовавшего покойного зафиксирована лишь однажды (Кубарев 1985: рис. 7). Сопроводительное захоронение животного находилось почти во всех «классических» кенотафах раннесредневековых тюрок. Чаще всего это одна лошадь, дважды отмечена пара животных и лишь однажды — три. В одном случае вместо лошади была положена овца (Бородаев, Мамадаков 1985: рис. 13). Ориентировка сопроводительных захоронений животных, в целом, стандартна. Наиболее распространенным является западное направление, однако присутствует также северная ориентировка.

В рамках группы «классических» кенотафов наблюдаются вариации некоторых признаков. В частности, при изучении «пустых могил» на памятниках Барбургазы-I и Монгун-Тайга на месте предполагаемого погребения человека зафиксировано изделие, напоминающее куклу (Грач 1960б: 137, 141, рис. 83; Кубарев 2005: 19) (рис. 1; 2). Подобная традиция встречена при исследовании

раннесредневековых некрополей и на других территориях (Грязнов 1982: 98). Не исключено, что редкость обозначенных находок в кенотафах тюрок Центральной Азии объясняется плохой сохранностью органических материалов, из которых могла быть изготовлена кукла.

«Парные» кенотафы — вариант 2. Специфика объектов заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрок на Алтае (Гаврилова 1965: 27, табл. XXIII; XXIV; Савинов 1982: рис. 2: 5). Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко это прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кург. 2 могильника Узунтал-I, анализ которого позволил Д. Г. Савинову предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника (Там же: 120).

Кенотаф с зависимым захоронением — вариант 3. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежавшего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус. Памятник с таким набором

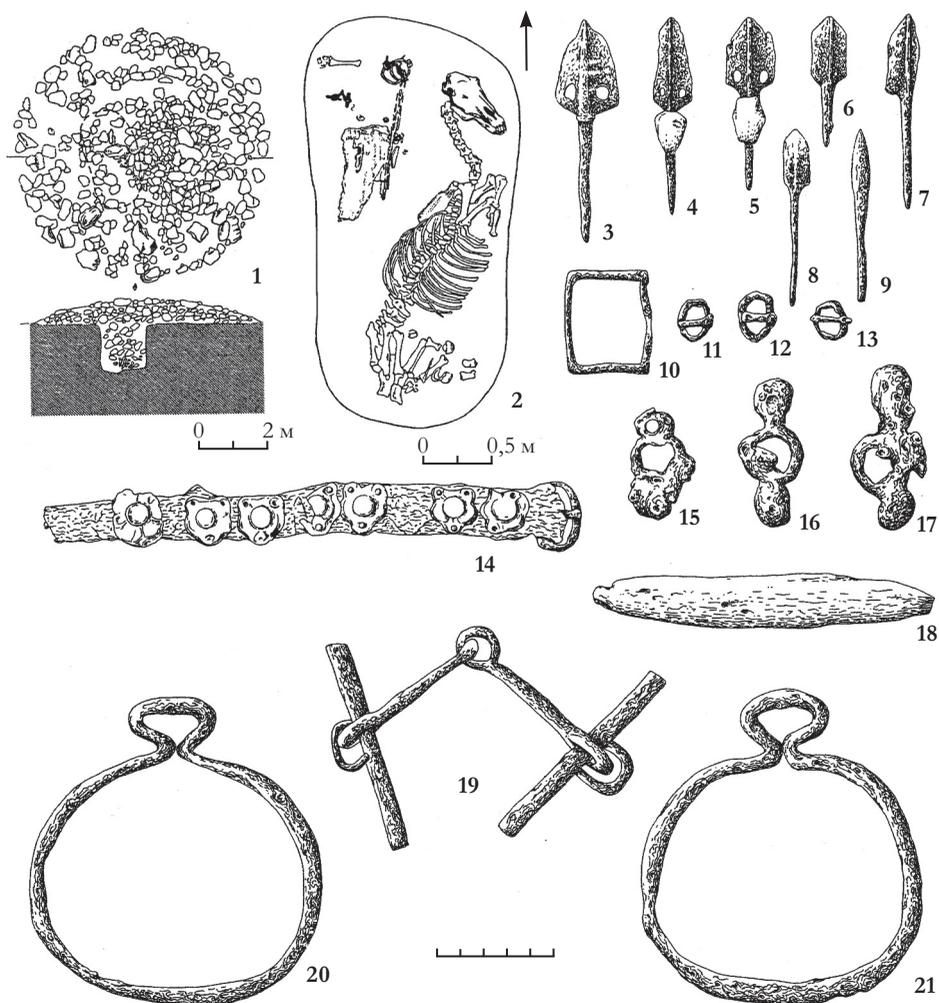

Рис. 1. «Классический» кенотаф. Мойгун-Тайга-58-V. 1 — план насыпи; 2 — план могилы; 3–21 — предметный комплекс (по Kenk 1982: Abb. 16)

Fig. 1. «Classical» cenotaph. Moigun-Taiga-58-V. 1 — plan of the mound; 2 — plan of the grave; 3–21 — burial goods (after Kenk 1982: Abb. 16)

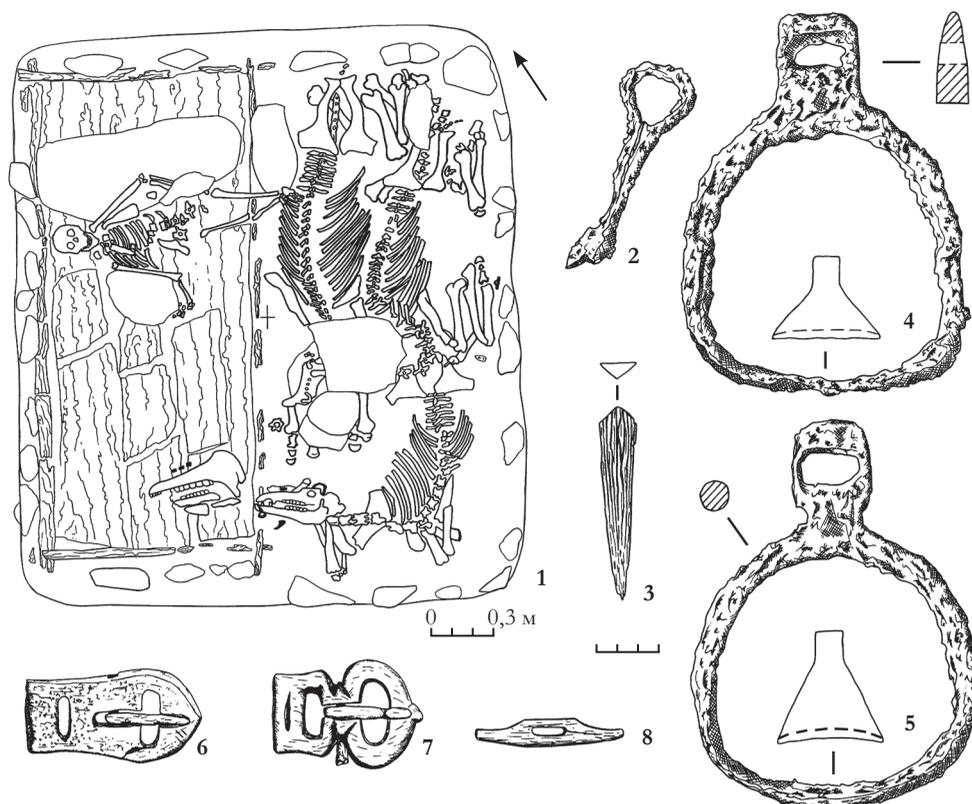

Рис. 2. Кенотаф с сопроводительным захоронением Боротал-I, курган 50. 1 — план могилы; 2–8 — предметный комплекс (по Кубарев 2005: табл. 107; 108)

Fig. 2. Cenotaph with an accompanying burial. Borotal-I, barrow 50. 1 — plan of the grave; 2–8 — burial goods (after Кубарев 2005: табл. 107; 108)

признаков исследован вместе с другими кенотафами на могильнике Боротал-I на Алтае (Кубарев 1985: рис. 4) (рис. 2). Основаниями для отнесения умершего к зависимым слоям населения можно считать его нестандартное положение и ориентировку, а также отсутствие инвентаря (Кубарев 2005: 17). Подобный ритуал отмечен и при изучении «стандартного» погребения тюркской культуры на могильнике Курай-IV (Киселев 1951: 535). Отметим, что схожие признаки обряда выделены В. А. Ильинской для захоронений «рабов» в скифских курганах (Ильинская 1966: 166–171).

Рассматривая традицию сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками, необходимо кратко остановиться на проблеме их сравнения с отдельными захоронениями лошадей. Такие объекты известны, главным образом, по материалам раскопок на территории Алтая (Гаврилова 1965: табл. VII; IX: А; Могильников 1994: 105–106, рис. 23–28; Савинов 1994: 91–92, рис. 112–117; Илюшин 1995: 122, рис. 1; и др.). Кенотафы и отдельные захоронения лошадей нередко исследователи не различают друг от друга, что объясняется, главным образом, неразработанностью дифференцирующих признаков таких объектов (Савинов 1994: 151). При этом основные показатели, характерные для «самостоятельных» захоронений животных, обозначены специалистами — это отсутствие сопроводительного инвентаря для человека (Нестеров 1990: 80) и места для его погребения (Кубарев 2005: 20). На наш взгляд, можно выделить и некоторые другие признаки, отличавшие кенотафы от захоронений лошадей: 1) внутримогильное сооружение, отделявшее лошадь от места предполагаемого погребения человека (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутых материка и др.); 2) погребальная камера, предназначенная для помещения в нее умершего человека (сруб, каменный ящик).

Археологические памятники раннесредневековых тюрков демонстрируют высокий уровень социальной дифференциации в обществе кочевников (Серегин 2013). Она нашла отражение и в материалах

кенотафов. К признакам, показывающим различный прижизненный статус предполагаемых погребенных, относятся такие элементы обряда, как количество лошадей, наличие зависимого захоронения человека, размеры наземных и внутримогильных конструкций и т. д. Основным показателем является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Помимо достаточно редких предметов вооружения и воинского снаряжения (фрагменты доспеха, копья), в «пустых могилах» фиксируются также детали одежды и бытовые изделия, зачастую выделяющие кенотафы среди других памятников некрополя (Грач 1960б: 129–143; Савинов 1982: рис. 6; 7; Мамадаков, Горбунов 1997: 117). С другой стороны, в ряде случаев при исследовании таких объектов отмечен весьма ограниченный набор вещей. Обозначенные характеристики являются подтверждением того, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, сохранялись прижизненный социальный статус и имущественное положение (Тишкин, Дашковский 2003: 270).

Традиция сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками Центральной Азии существовала на протяжении довольно длительного промежутка времени. Такие объекты появились уже на начальном этапе развития культуры кочевников (Савинов 1982: рис. 2: 6; 3). Однако большая часть кенотафов относится ко второй половине VII — VIII в. Вероятно, их распространение связано с частым ведением военных действий в Центральной Азии в указанный период (Мамадаков, Горбунов 1997: 118). Косвенно это подтверждается тем, что большинство кенотафов содержало сопроводительный инвентарь, предназначенный для мужчины-воина. Почти полное отсутствие «пустых» могил на начальных этапах развития культуры раннесредневековых тюрков может объясняться наличием других традиций, в том числе связанных с сооружением «ритуальных» курганов и оградок. Возможности интерпретации таких объектов рассмотрены далее.

«Ритуальные» курганы

Особую группу памятников раннесредневековых тюрков Центральной Азии представляют «ритуальные» курганы. Именно так, на наш взгляд, предпочтительно обозначать объекты, основной характеристикой которых является наличие курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры². При изучении «ритуальных» курганов основными являются две задачи: 1) выделение признаков для уточнения хронологической и культурной принадлежности объектов; 2) интерпретация и определение функций таких памятников, что будет способствовать также их более точному терминологическому обозначению.

Анализ археологических комплексов раннесредневековых тюрков Центральной Азии при учете результатов исследований памятников более раннего времени на обозначенной территории позволяет выделить признаки, на основе которых возможна хронологическая и культурная атрибуция «ритуальных» курганов: 1) особенности планиграфии объектов; 2) структура и размеры курганной насыпи; 3) предметы, в ряде случаев обнаруживаемые под наземной конструкцией.

Представим более подробно основные характеристики «ритуальных» курганов раннесредневековых тюрков. Чаще всего рассматриваемые объекты расположены в одной группе с погребальными или «поминальными» комплексами рассматриваемой общности. Такая ситуация зафиксирована на ряде памятников Алтая и Тувы (Грач 1960а; 1960б; Кубарев 1979: рис. 19; 20; Бородовский 1994; Мамадаков, Горбунов 1997; и др.). Характерной является идентичность не только размеров, но и структуры курганной насыпи. В данном случае имеется в виду, например, наличие такой же крепиды, что зафиксирована и при изучении «стандартных» объектов на некрополе (Бородовский 1994: рис. 3; Цэвэндорж и др. 2008: рис. 9; 10). Своеобразная ситуация отмечена на могильнике Белый Яр-II (Поселянин и др. 1999: 93) в Минусинской котловине, где под насыпью одного из курганов комплекса, помимо обычных погребений, зафиксированы две выкладки, под которыми отсутствовали какие-либо конструкции.

Наиболее точная атрибуция «ритуальных» курганов возможна в случае обнаружения предметов под насыпью. Такая ситуация зафиксирована в ходе раскопок объектов раннего средневековья на памятниках Боротал, Катанда-III, Кок-Паш, Усть-Карасу (Кубарев 1979: рис. 19; 20; Илюшин 1990: рис. 1;

² Варианты обозначения подобных комплексов достаточно многочисленны. Они определяются исследователями как курганы культового и специального назначения, «ложные» курганы, ритуальные курганы, кенотафы, поминальные кенотафы и др. (см. обзор Серегин 2010а: 78–79).

Мамадаков, Горбунов 1997: рис. VI: 24, 25; Бобров и др. 2003: рис. 55: 7, 8) на Алтае и Хар-Ямаатын-Гол (Цэвэндорж и др. 2008) в Монголии. В четырех случаях найдены предметы конского снаряжения, также обнаружены панцирные пластины, перстень и часть керамического сосуда.

Наибольшую сложность представляет вопрос, связанный с определением функций «ритуальных» курганов. Нет сомнений, что такие объекты сооружались не случайно. Объем трудозатрат на их возведение был таким же, как и для обычных памятников, за исключением отсутствия внутримогильных конструкций. Сомнения вызывает предположение, что «ритуальные» курганы сооружались для маскировки «стандартных» погребений и дезориентации возможных грабителей (Грач 1960а: 65).

На сегодняшний день наиболее обоснованный вариант интерпретации традиции сооружения «ритуальных» курганов предложен исследователями, которые обозначают подобные объекты как «поминальные» кенотафы (Тишкин, Дашковский 2003: 267). Однако в этом случае остается не совсем понятным соотношение «ритуальных» курганов с «классическими» кенотафами раннесредневековых тюрок. К примеру, известны случаи, когда «ритуальные» курганы были сооружены рядом с «пустыми» могилами, при этом была установлена их синхронность (Мамадаков, Горбунов 1997: рис. 1).

Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к начальным этапам развития тюркской культуры — вторая половина V — VI в. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных комплексов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Тюркские оградки как особая форма кенотафов

В последнее десятилетие в работах многих исследователей фигурирует тезис о том, что каменные оградки раннесредневековых тюрок не представляется возможным рассматривать исключительно как поминальные объекты (Кубарев 2001: 42; 2007: 50; Суразаков и др. 2008: 80–86; Серегин 2010б: 203; и др.). В связи с тем, что предположение о погребальном характере таких комплексов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации является их рассмотрение как своего рода кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В. А. Могильниковым (Могильников 1992: 185–186). Исследователь обратил внимание, что такие характеристики оградки 109 памятника Кара-Коба-I, как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода, находят аналогии в погребальном обряде раннесредневековых тюрок. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В. А. Могильникова (Там же: 192), имеются также некоторые основания для отнесения к «пустым» могилам сооружения, исследованного В. Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (рис. 3). Анализ материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрок позволяет утверждать, что по ряду существенных признаков каменные оградки могут быть сопоставлены с кенотафами (Тишкин, Серегин 2013). Суммируем основные доводы в пользу данной точки зрения.

Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади (Гаврилова 1965: табл. III–V; Могильников 1992: рис. 10; 11; Мамадаков 1994: рис. 2: 7–12; Илюшин 2000: рис. I; II; и др.). Весьма вероятным представляется предположение о том, что такие конструкции в раннетюркских оградках отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры (Матренин, Сарафанов 2006: 210). В свою очередь, обряд захоронения лошадей в округлых оградках, получивший распространение у кочевников региона во второй половине V — первой половине VI в., близок традициям конских захоронений в «ритуальных» курганах «булан-кобинцев» (Матренин, Шелепова 2007: 85). Данные факты указывают на возможность того, что в материалах оградок, относящихся к ранним этапам развития тюркской культуры, получили отражение обычаи, связанные с сооружением кенотафов населением Алтая предшествующего периода.

Важным элементом «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок были сооружения, находящиеся рядом с оградками — изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. Исследование погребальных памятников показывает, что такие конструкции фиксируются и рядом с курганами второй половины I тыс. н. э. (Сергеев 2010б). «Околокурганые» объекты в большинстве случаев расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок. Важно отметить, что нередко «околокурганые» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами — памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Интересная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон-I на Алтае (Соенов, Эбель 1997: рис. 1; 2). В одной из смежных оградок данного комплекса исследовано захоронение лошади, а во

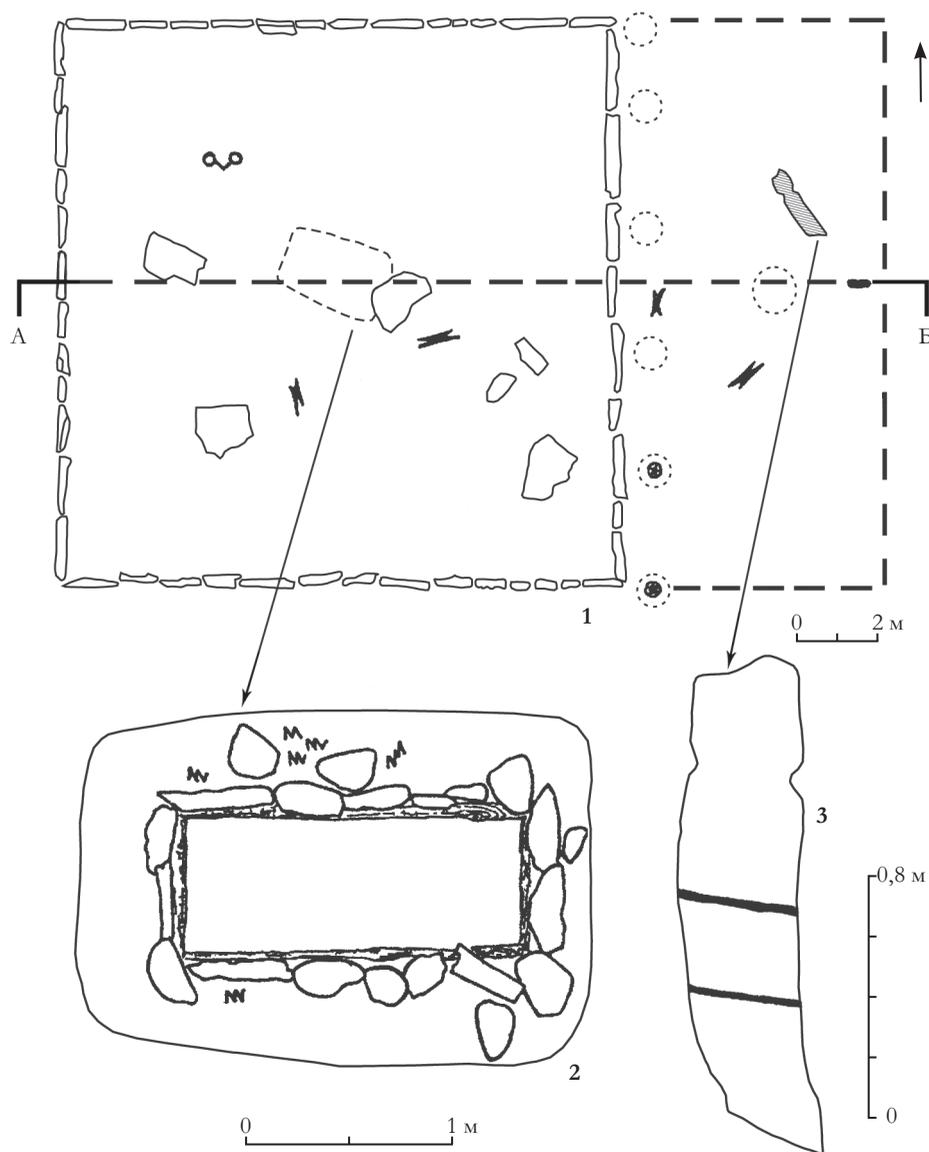

Рис. 3. Оградка в местности Ян-Гобо. 1 — план оградки; 2 — сооружение в центре оградки в виде сруба, обложенного камнями; 3 — каменное изваяние (по Кубарев 1984: табл. XXXIX)

Fig. 3. Enclosure, Yan-Gobo district. 1 — plan; 2 — construction in the center of the enclosure in the form of a timber frame faced with stones; 3 — stone sculpture (after Кубарев 1984: табл. XXXIX)

второй — миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина (Ткачев, Ткачева 1999: 142–144).

Характерной чертой, которая некоторым образом объединяет каменные оградки раннесредневековых тюрок с кенотафами, а также, в меньшей степени, «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и фрагменты кольчуги весьма редко встречаются в погребениях тюрок. Остатки защитного вооружения зафиксированы лишь однажды при раскопках «элитного» захоронения (Кубарев 2005: табл. 132; 133). Кроме единичной находки на поселении, все остальные части доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах (см. обзор Тишкин, Серегин 2013: 78). Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения — наконечников копий. Такие находки, крайне редко обнаруженные в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов (Кубарев 2005: табл. 73: 10; 145: 1) и, особенно, каменных оградок на различных территориях (Соенов, Эбель 1996: рис. 3: 2; Загородний, Григорьев 1998: рис. 3: 22; Досымбаева 2006: рис. 8: 4; и др.). Весьма своеобразная ситуация зафиксирована в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копья была изготовлена из панцирной пластины (Досымбаева 2006: фото 9). Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копье, наряду с лошадью и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека (Фиельструп 2002: 134, 166–167, 178–179).

Изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрок демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря (Кубарев 1984: табл. XXXIX; Могильников 1992: 184–185, рис. 13; 14; Соенов, Эбель 1996; 1997: рис. I–IV; и др.) (рис. 3). Существенным фактором является принадлежность большинства таких объектов к ранним этапам развития тюркской культуры (вторая половина V — первая половина VII в.). Интересно, что к этому же времени относится ряд достоверно датированных «ритуальных» курганов рассматриваемой общности (Илюшин 1990: рис. 1; Мамадаков, Горбунов 1997: 117, рис. VI: 24, 25; Бобров и др. 2003: рис. 53: 14–21; 55: 7, 8). Вероятно, концентрация подобных комплексов на начальных этапах истории раннесредневековых тюрок отражает период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников. Поэтому не исключено, что в более позднее время функции оградок и, соответственно, представления, связанные с их сооружением, могли трансформироваться.

Заключение

Таким образом, исследование особенностей погребально-поминальной обрядности кочевников Центральной Азии второй половины I тыс. н. э. продемонстрировало существование у раннесредневековых тюрок устойчивой и разнообразной традиции сооружения «символических» захоронений. Наиболее распространенным видом таких объектов были кенотафы, вариативность которых дает основания для выделения нескольких вариантов «пустых» могил. Кроме того, к «символическим» захоронениям по ряду показателей относятся «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось сооружение обычной курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры. Вероятно, особым видом кенотафов на начальных этапах развития культуры раннесредневековых тюрок были каменные оградки. На это указывает совокупность показателей, характерных для отдельных объектов (захоронение лошади, каменный ящик с инвентарем для человека и другие сооружения, набор предметов и др.). Концентрация «ритуальных» курганов и каменных оградок, напоминающих кенотафы, на ранних этапах развития тюркской культуры, редкость «классических» кенотафов в тот период, а также схожесть рассмотренных комплексов с некоторыми сооружениями булан-кобинской

культуры гунно-сарматского времени не случайны. Очевидно, это отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V — VI в.

Представленный опыт интерпретации «символических» захоронений требует подтверждения и конкретизации, и, вполне вероятно, с появлением новых материалов сделанные выводы будут скорректированы. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрок Центральной Азии, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавший сооружение рассмотренных объектов.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. 2003. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Бородаев В. Б., Мамадаков Ю. Т. 1985. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Деревянко А. П. (ред.). Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 51–88.

Бородовский А. П. 1994. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 75–82.

Гагрилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука.

Грач А. Д. 1960а. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Потапов А. П. (ред.). Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 7–72.

Грач А. Д. 1960б. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // Там же, 73–150.

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука.

Грязнов М. П. 1982. О кенотафах // Медведев Г. И. (ред.). Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 98–99.

Дашковский П. К., Серегин Н. Н. 2008. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Дашковский П. К. (ред.). Мироззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Т. 2. Барнаул: Азбука, 83–100.

Досымбаева А. 2006. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие.

Загородний А. С., Григорьев Ф. П. 1998. Дополнительные данные о могильнике Иссык // Самашев З. С. (ред.). Вопросы археологии Казахстана 2. Алматы; М.: Гылым, 117–123.

Ильинская В. А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя // СА 3, 152–171.

Илюшин А. М. 1990. Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 117–119.

Илюшин А. М. 1995. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Кирюшин Ю. Ф. (ред.). Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. Вып. V, ч. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 122–125.

Илюшин А. М. 2000. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Молодин В. И. (ред.). Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 157–169.

Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР.

Кубарев В. Д. 1979. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Погожева А. П. (ред.). Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 135–161.

Кубарев В. Д. 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука.

Кубарев В. Д. 1985. Древнетюркские кенотафы Боротала // Васильевский Р. С. (ред.). Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 136–148.

Кубарев В. Д. 2001. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Тишкин А. А. (ред.). Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 24–54.

Кубарев Г. В. 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Кубарев Г. В. 2007. Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Хузин Ф. Ш. (ред.). Средневековая археология евразийских степей. Т. I. Казань: Институт истории АН Республики Татарстан, 50–59.

Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. 1997. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Соенов В. И. (ред.). Известия лаборатории археологии 2. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 115–129.

- Матренин С. С., Сарафанов Д. Е.* 2006. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири 3–4, 203–218.
- Матренин С. С., Шелепова Е. В.* 2007. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э. — V в. н. э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири 5, 84–90.
- Могильников В. А.* 1992. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Суразаков А. С. (ред.). Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 175–212.
- Могильников В. А.* 1994. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Суразаков А. С. (ред.). Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 94–116.
- Нестеров С. П.* 1990. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука.
- Поселянин А. И., Киргинеков Э. Н., Тараканов В. В.* 1999. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Митько О. А. (ред.). Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 88–116.
- Савинов Д. Г.* 1982. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Васильевский Р. С. (ред.). Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 102–122.
- Савинов Д. Г.* 1994. Могильник Бертек-27 // Деревянко А. П. (ред.). Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 88–94.
- Серегин Н. Н.* 2008. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Илюшин А. М. (ред.). Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во Кузбасского тех. ун-та, 144–153.
- Серегин Н. Н.* 2010а. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры) // Дашковский П. К. (ред.). Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Т. 4. Барнаул: Азбука, 78–83.
- Серегин Н. Н.* 2010б. «Околокурганые» сооружения тюркской культуры (систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология 4/2 (68/2), 201–205.
- Серегин Н. Н.* 2013. Социальная организация ранне-средневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Соенов В. И., Эбель А. В.* 1996. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири 3, 115–118.
- Соенов В. И., Эбель А. В.* 1997. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Соенов В. И. (ред.). Известия лаборатории археологии 2. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского ун-та, 103–115.
- Суразаков А. С., Тишкин А. А., Шелепова Е. В.* 2008. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К.* 2003. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Тишкин А. А., Серегин Н. Н.* 2013. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // ТПАИ 2 (8), 75–81.
- Ткачев А. А., Ткачева Н. А.* 1999. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // ВААЭ 2, 136–145.
- Тоцакова Е. М.* 1978. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука.
- Фильструп Ф. А.* 2002. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука.
- Цзвэндорж Д., Кубарев В. Д., Ахундэв Г., Кубарев Г. В., Баярхуу Н.* 2008. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтаагын үр дүн // Археологийн судлал 26, 262–273.
- Kenk R.* 1982. Frühmittelalterliche Gräber aus West-Tuva. München: Verlag C.H. Beck.

А. Л. Белицкая

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЕ РАЗРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ
КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА¹

В статье анализируются погребения четырех курганных могильников Европейского Северо-Востока (Юванаягского, Борганьельского, Веслянского I, Шойнаягского). Большинство захоронений на них подвергалось разрушениям, совершенным в древности и более позднее время. Их изучение позволяет выделить два вида вторичных проникновений: аккуратные вкопы, ведущие к верхней части туловища или голове, не нарушающие контуры могильных ям, и бессистемные разрушения, почти полностью уничтожающие погребение. В первом случае погребальный инвентарь сохранялся на дне могилы, во втором — вещи обычно находились в заполнении ямы, нередко были сломаны. Вероятно, часть погребального инвентаря изымалась, однако оставались предметы культового назначения и воинские атрибуты. Сильно разрушенные могильные ямы со скудным инвентарем, найденным в заполнении, вероятнее всего, документируют действия грабителей. Не исключено, что погребения с аккуратными траншеями также подверглись действиям древних грабителей, которые забирали только часть вещей. Однако в ряде случаев, когда следы проникновений стратиграфически не фиксируются, но их можно предполагать по косвенным признакам, вторичные проникновения совершались с ритуальной целью, как часть постпогребального обряда.

Ключевые слова: Европейский Северо-Восток, курганные могильники, разрушенные погребения, грабительские действия, постпогребальные обряды.

A. L. Belitskaya. Intentional destruction of graves in the burial mound cemeteries of the European Northeast. The paper is devoted to the materials of four burial mound cemeteries of the European North-East — Yuvanayag, Borganyol, Veslyana I, Shoynayag. Most of the burials experienced humanly induced destructions in both the ancient time and later periods. The study of the destructions allows distinguishing two types of secondary penetrations: accurate trenches leading to the upper body or the head and leaving the contours of grave pits intact, and unsystematic actions resulting in a nearly complete destruction of burials. In the first case the grave goods are found intact on the grave bottom, while in the second case they usually occur in the pit infill, not infrequently being broken. Probably, a part of grave goods was removed, but cult objects military paraphernalia were left in place. The heavily destroyed graves with scarce inventory found in the infill are most likely the result of plunderers' activity. One cannot rule out that the burials with accurate trenches too were disturbed by plunderers, who took away only a part of things. However, it is possible that in some cases, when there are only indirect signs of secondary penetrations, the graves were disturbed with ritual purposes in the course of post-burial ceremonies.

Keywords: European Northeast, burial mounds, destroyed burials, grave plundering, post funeral rites.

Несмотря на свою отдаленность, регион Европейского Северо-Востока (далее — ЕСВ) в середине I тыс. н. э. оказался вовлеченным в события эпохи Великого переселения народов², благодаря

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

² Первые результаты исследований см. Белицкая 2014.

чему здесь появился новый вид памятников — курганные некрополи³. Исследователи единодушно связывают их с приходом на ЕСВ иноэтничного населения со своеобразной культурной традицией.

В настоящее время на ЕСВ известно семь курганных некрополей: Вомынъягский, Эжольский, Юванаягский, Боргангёльский, Веслянский I, Шойнаягский, Сэбысьский. Первые шесть выявлены в бассейне р. Вычегда, Сэбысьский могильник относится к бассейну р. Печора. Памятники датируются второй половиной V — VII в., хронологически их можно разделить на две группы: раннюю, к которой принадлежат Вомнынъягский, Юванаягский, Шойнаягский и Сэбысьский могильники (вторая половина V — первая половина VI в.), и позднюю, к которой относятся Боргангёльский и Веслянский I могильники VI и VII в., соответственно⁴.

При раскопках исследователями были прослежены целенаправленные разрушения курганных насыпей и погребений, производившиеся в древности и более позднее время. Следы современных нарушений хорошо видны на поверхности до начала работ, а синхронные времени функционирования могильников — выявлены в процессе их изучения.

При описании потревоженных объектов в отчетах применялись выражения «древние грабители», «грабительские вкопы» и т. д. С. А. Яценко (2013) на примере сравнительного анализа серии степных курганных могильников II в. до н. э. — III в. н. э. бассейна р. Дон обосновал грабительский характер разрушений сарматских погребений. Объяснения мотивов вторичных проникновений древнего населения в погребения курганных могильников ЕСВ в работах ученых до настоящего времени отсутствуют. Это позволяет поставить вопросы о причинах и характере разрушения некрополей, существовании возможных закономерностей в нарушениях, наблюдаемых на разных памятниках, и правомочности применения термина «грабительские разрушения» по отношению к курганным могильникам ЕСВ. Настоящая статья посвящена анализу потревоженных погребений четырех наиболее изученных могильников (Юванаягский, Боргангёльский, Веслянский I и Шойнаягский) (рис. 1) с целью попытки определения возможных мотивов действий древнего населения при вторичных проникновениях в захоронения курганных некрополей ЕСВ⁵.

Размеры могильников различны — от 9 до 25 курганов⁶. В изучении нарушенных погребений существует ряд проблем, связанных «с уровнем полевой документации, опытом конкретных исследователей и их интересом к подобной проблематике. Вторичные земляные лазы зачастую фиксируются и публикуются весьма небрежно, отсутствуют их классификации; приемы разрушения (характер „работы“ с костями и с погребальными приношениями), следы „бытовой“ деятельности предполагаемых грабителей в кургане (вероятные рабочие инструменты, следы их питания, освещения и т. п.), группы грабителей-неудачников специально не анализируются» (Яценко 2013: 25). Поэтому в исследовании разрушений важно детально охарактеризовать погребальный обряд курганных могильников ЕСВ.

Умерших хоронили на возвышенности близ водоема (реки или старицы реки), ориентируя на воду. На Юванаягском, Боргангёльском и Весляском I могильниках покойных клали головой к воде, на Шойнаягском — параллельно, ногами вверх по течению⁷. Под насыпями находилось, преимущественно, по одному погребению, однако на каждом могильнике есть курганы с групповыми захоронениями. На Весляском I могильнике не выявлены курганы с одиночными могилами.

³ Строго говоря, правильным будет название «курганно-грунтовые могильники», так как все памятники содержат как курганную, так и грунтовую части, но в тексте статьи будет использоваться закрепившийся в научной литературе термин «курганные могильники».

⁴ Исследование открытого в 2013 г. Эжольского могильника продолжается, делать окончательные выводы о его датировке преждевременно. Предварительно памятник датируется VI в.

⁵ В статье не рассматриваются погребения, разрушенные при сооружении более поздних могильных ям, так как при этом целенаправленные разрушения более ранних могил проследить невозможно. Сам факт нарушения одним погребением другого представляется, скорее, случайностью, нежели закономерностью в связи с немногочисленностью подобных случаев.

⁶ При сильно различающихся данных принято переводить количественные характеристики в процентное соотношение, однако в настоящей статье абсолютные цифры представляют достаточно небольшую выборку, поэтому числовые показатели не переводились в относительные.

⁷ Положение умерших на Шойнаягском могильнике учитывается относительно старичного озера, которое на момент функционирования могильника, вероятно, было руслом реки. По отношению к современному руслу р. Сысола умершие похоронены ногами к реке.

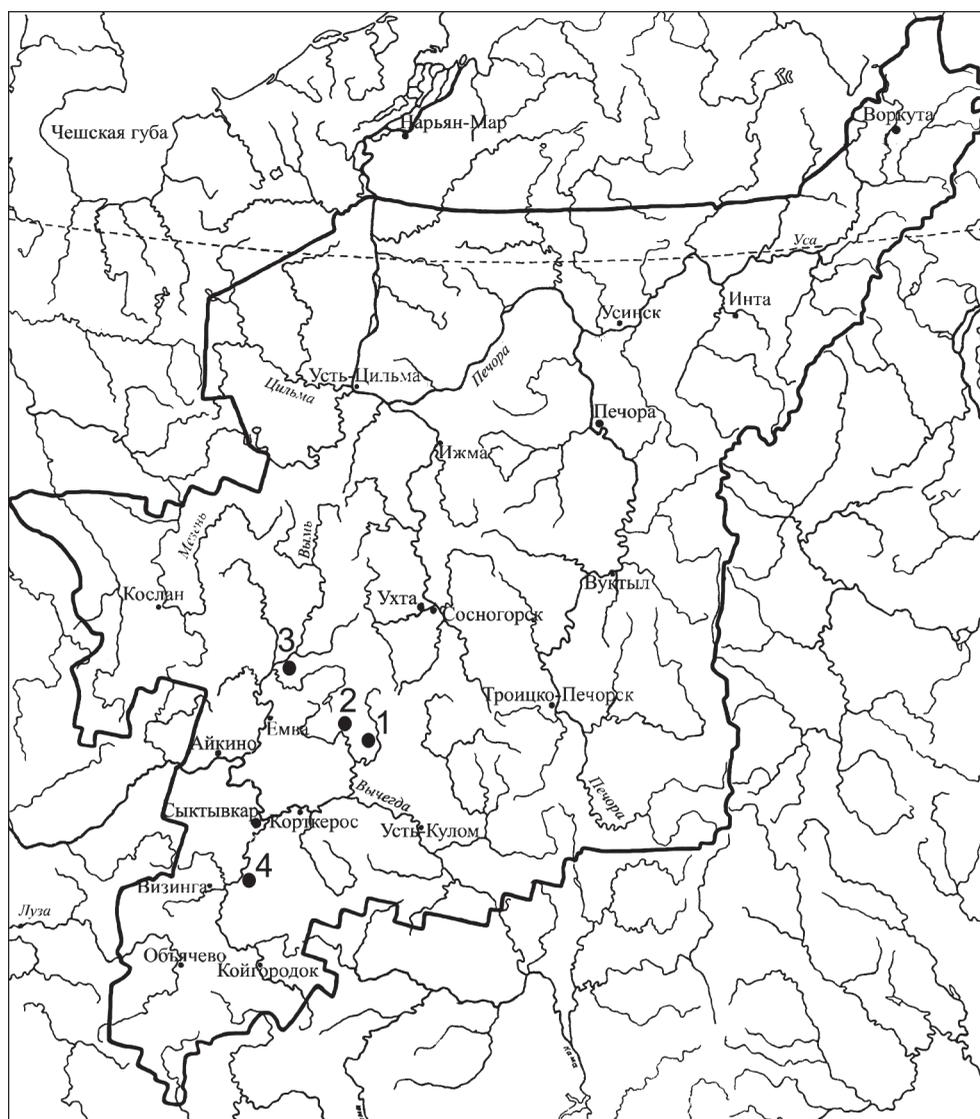

Рис. 1. Расположение рассматриваемых в статье курганных могильников.
1 — Юванаягский; 2 — Борганьёльский; 3 — Веслянский I; 4 — Шойнаягский

Fig. 1. Location of the burial mound cemeteries analyzed in the paper.
1 — Yuvanayag; 2 — Borganyol; 3 — Veslyana I; 4 — Shoinayag

Более ранние по времени сооружения курганы окружены кольцевидными и серповидными ровиками, более поздние — ямами, из которых брался грунт для возведения насыпи. Высота курганов — 0,1–0,5 м, при этом ранние курганы были более высокими. В ряде случаев вместе с насыпью строились деревянные надмогильные конструкции, «домики мертвых», следы которых сохранились в виде фрагментов обугленных жердей. М. Л. Перескоков (2014: 379) считает сооружение «домиков мертвых» в Пермском Прикамье традицией, характерной для местных племен. Появление гибридных конструкций, сочетающих курганные насыпи и деревянные надмогильные сооружения, он рассматривает как один из этапов эволюции погребального обряда курганно-грунтовых могильников Прикамья в середине V в.

Могильные ямы неглубокие, в большинстве случаев до 1 м, характерно наличие внутримогильных конструкций, встречаются уступы или заплечики на продольных или поперечных стенках. Преобладают могилы простой конструкции прямоугольной или овальной формы, за исключением

Шойнаягского могильника, где большинство ям имело овальную форму, но отсутствовали погребения с уступами.

Умерших в могиле располагали вытянуто на спине, исключение составляет погр. 1 кург. XXI Борганьельского могильника, где покойник лежал скорченно на левом боку. Преобладает ингумация, хотя в погребальном обряде широко использовался огонь: внутримогильные конструкции обуглены, на уровне древней поверхности под насыпями встречаются углисто-зольные прослойки. Существовала традиция оборачивания умершего и внутримогильной конструкции берестой или тканью, за исключением Шойнаягского могильника.

Погребальный инвентарь располагали на дне могильной ямы, кроме керамики, которую ставили под насыпью вверх дном. Детали костюма и украшения располагались согласно тому, как они носились при жизни, только пояс мог быть разомкнут и положен вдоль тела умершего. Оружие и хозяйственный инвентарь помещали в центре погребения, сбоку от умершего. Украшения могли входить в состав жертвенных комплексов — берестяных коробочек, расположенных в центре погребения. В зависимости от категории культовые предметы находились в разных частях могильной ямы: металлическая и деревянная посуда ставилась в изголовье или в ногах покойника, лицевые маски находились в области головы, дроты были помещены в центр погребения.

Отличия в погребальном обряде могильников касаются расположения и количества курганных рядов (параллельно или перпендикулярно водоему, один или два), формы и высоты курганных насыпей, конструктивных особенностей и размеров могильных ям и внутримогильных сооружений, положения умершего относительно водоема (головой к нему или параллельно), состава погребального инвентаря, наличия следов трезны. Они могут быть обусловлены разным временем функционирования могильников или особенностями культурной традиции группы населения, оставившего могильника.

В силу особенностей почв ЕСВ в исследуемых захоронениях слабо прослеживаются костные останки, в большинстве случаев от них оставались только тлен или небольшие фрагменты, не позволяющие судить о поле и возрасте погребенного. Плохо сохранились другие органические материалы, металлические изделия подвержены окислению, часть погребального инвентаря находится во фрагментарном состоянии, нельзя оценить, были ли они испорчены преднамеренно. К тому же вторичные вкопы не всегда прослеживаются стратиграфически и планиграфически. В этом случае Л. И. Ашихмина (1986) высказала предположение, что «грабительские вкопы могли попасть прямо в погребение» (НА КНЦ, ф. 5, оп. 2, д. 334, л. 6⁸).

Поэтому для всех половозрастных и социальных категорий непотревоженными захоронениями считались те, в которых покойные лежали вытянуто на спине в центре погребения на внутримогильной конструкции, закрытой сверху берестой, в сопровождении определенного набора погребального инвентаря. Смещение костей скелета или деталей костюма, погребального инвентаря, отсутствие берестяного покрытия считались нарушением погребения. Также к нарушенным комплексам относились погребения с неоднородным или углистым заполнением могилы, различными изделиями и их обломками в засыпи.

При анализе разрушенных погребений курганных могильников ЕСВ учитывались: их количество и локализация на памятнике, содержание могильного заполнения, направления лазов, положение инвентаря в могильной яме и его наличие в целом, степень целостности покрытия погребальной камеры, положение костей. Взаимовстречаемость погребального инвентаря в захоронениях не анализировалась, также не рассматривалась хронология могильников, что требует отдельного исследования. В работе использованы датировки, предложенные авторами раскопок, а также их гипотезы относительно трансформации элементов погребального обряда.

На Юванаягском могильнике, расположенном в 3 км к ЮВ от дер. Ивановка (Корткеросский район Республики Коми), вскрыто 9 курганов и 23 погребения, из которых четыре — грунтовые (рис. 2) (Ашихмина 1989). Зафиксированы нарушения 17 погребений (70,8 %) (табл. 1; 2). Два разрушенных погребения, прорезающие канавку кург. I, скорее, впускные, а не грунтовые. Следы нарушений не прослеживаются у погр. 7 кург. I, погр. 3 кург. VI, погребений под курганами VIII и IX, грунтовых погр. 3 и 4.

⁸ Далее при архивных ссылках на материалы Коми научного центра УрО РАН название архива не повторяется.

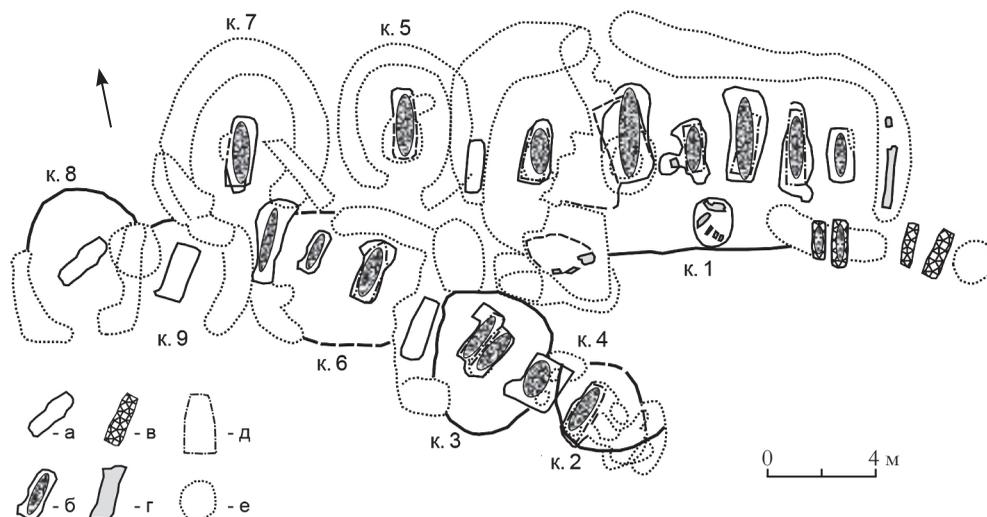

Рис. 2. Юванаягский могильник. Условные обозначения к рисункам 2–5: а — непогрешенные погребения; б — потревоженные погребения; в — грунтовые погребения; г — остатки дерева и древесный тлен; д — внутримогильные конструкции; е — ямы, ровики, лазы (сокращение: к. — курган)

Fig. 2. Yuvanayag cemetery. Legend to figures 2–5: a — undisturbed burials; б — disturbed burials; в — ground burials; г — wood residues and decay; д — inner-grave constructions; е — pits, ditches, tunnels (abbreviation: к. — barrow)

Таблица 1. Характер разрушений могильных ям курганных могильников Европейского Северо-Востока

Table 1. Character of grave destructions in the burial mound cemeteries of the European Northeast

Могильник \ Характер разрушения	Контуры не нарушены, траншеи прослеживаются стратиграфически	Сильно или полностью разрушенные	Контуры не нарушены, вкопы не прослеживаются стратиграфически
Юванаягский	5 погр.	11 погр.	1 погр.
Борганьельский	21 погр.	5 погр.	5 погр.
Веслянский I	2 погр.	—	16 погр.
Шойнаягский	6 погр.	20 погр.	—

Таблица 2. Направления вкопов в разрушенных погребениях курганных могильников Европейского Северо-Востока

Table 2. Directions of plunderers' trenches in the destroyed graves of four burial mound cemeteries of the European Northeast

Могильник \ Направление	Юванаягский	Борганьельский	Веслянский I	Шойнаягский
Область головы	6 случаев	12 случаев	5 случаев	12 случаев
Область ног	3 случая	5 случаев	3 случая	2 случая
Вкоп сверху в центральную часть	1 случай	3 случая	5 случаев	7 случаев
Боковой вкоп к верхней части тела	8 случаев	10 случаев	4 случая	4 случая

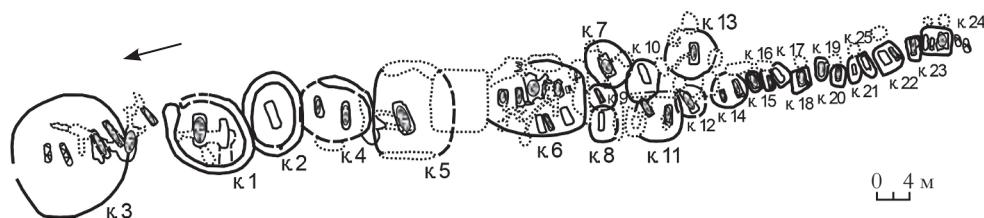

Рис. 3. Борганьёльский могильник

Fig. 3. Borganyol cemetery

Состав погребального инвентаря потревоженных и нетронутых погребений не имеет особых отличий. Его коллекция на памятнике немногочисленна, но выразительна и представлена оружием, украшениями, культовыми предметами, деталями костюма. В неразрушенных погребениях найдены: две деревянные чаши с металлическими накладками по венчику; керамический сосуд, поставленный в изголовье в заполнении; фрагменты поясов; обувные пряжки; ножи; кинжал в ножнах и жертвенный комплекс с украшениями. В нарушенных погребениях встречены аналогичные вещи, за исключением деревянных чаш, а также фрагменты кольчуги, выброшенной в заполнение, гривна, меч. Керамика, найденная в засыпи ям, скорее всего, представляла собой сосуды, поставленные вверх дном под насыпью, которые были разбиты в процессе вторичного проникновения. Среди разрушенных захоронений преобладают комплексы с сохранившимся на дне погребальным инвентарем (табл. 3).

На Борганьёльском могильнике, расположенном в 2–2,5 км к СВ от дер. Алексеевка (Корткеросский район Республики Коми), исследовано 25 курганов и 48 погребений, из которых пять — грунтовые (рис. 3) (Ашихмина 1988а). Следы разрушений прослежены у 31 захоронения (64,6 %) (табл. 1; 2). Преднамеренные нарушения не выявлены у грунтовых погребений, погр. 2 кург. I, погр. 5 и 6 кург. VI, погр. 1 кург. XXII, погр. 1 кург. XXIV, погребений кург. II, VIII, X, XVII, XXI и XXIII.

Коллекция найденного погребального инвентаря разнообразна и многочисленна: предметы вооружения, украшения, культовые изделия, детали костюма, хозяйственный инвентарь и посуда. В тех захоронениях, которые не подверглись вторичным проникновениям, обнаружены: керамический сосуд, поставленный в засыпи погребения; кинжалы; ножи; мечи в ножнах или отдельно от них; обувные и поясные пряжки и остатки ремней; украшения, лицевые маски и жертвенные комплексы.

В разрушенных погребениях инвентарь чаще оставался на дне погребений (табл. 3), в засыпи встречена керамика, вероятно, фрагменты сосудов, поставленных вверх дном под насыпью, обломки меча, фрагменты украшений, обломки бляхи или зеркала. Предметы, найденные на дне погребений, отличаются по своему составу от тех, которые сохранились в нетревоженных комплексах, большим разнообразием: помимо вышперечисленных вещей встречены наконечники копий, бронзовые котлы, топоры, деревянные чаши с металлическими накладками, хозяйственный инвентарь.

Таблица 3. Местонахождение погребального инвентаря в разрушенных погребениях курганных могильников Европейского Северо-Востока

Table 3. Location of burials goods in the destroyed graves of four burial mound cemeteries of the European Northeast

Могильник \ Инвентарь	Юванаягский	Борганьёльский	Веслянский I	Шойнаягский
Безынвентарное	1 погр.	2 погр.	2 погр.	5 погр.
На дне ямы	9 погр.	20 погр.	3 погр.	8 погр.
В заполнении ямы	3 погр.	3 погр.	8 погр.	4 погр.
На дне и в заполнении	4 погр.	6 погр.	4 погр.	1 погр.

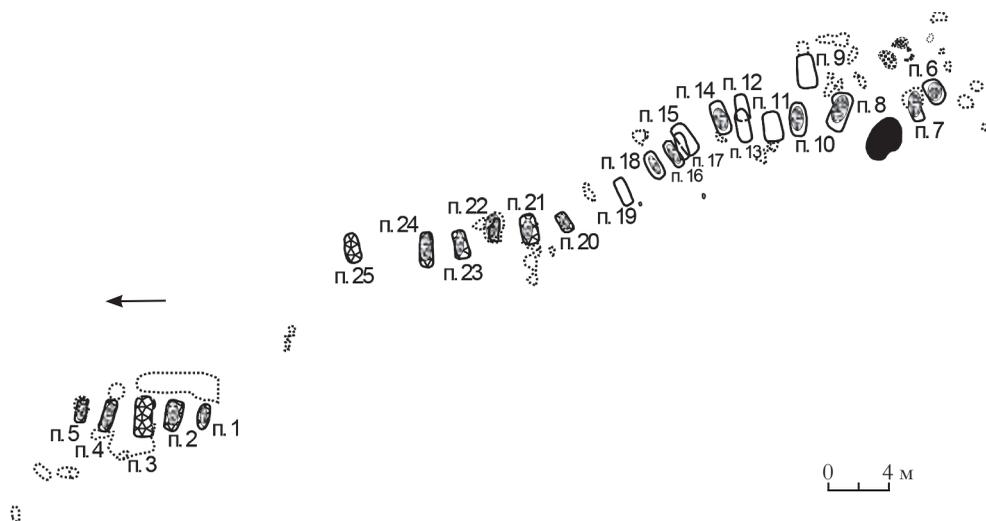

Рис. 4. Веслянский I могильник (сокращение: п. — погребение)

Fig. 4. Veslyana I cemetery (abbreviation: п. — burial)

Это может объясняться тем, что потревоженных погребений оказалось вдове больше среди раскопанных комплексов.

На Веслянском I могильнике, расположенном в 1 км к северу от дер. Весляна (Княжпогостский район Республики Коми), выявлено два кургана и 27 погребений (Савельева 1979: 91), из которых, предположительно, 13 грунтовые (рис. 4)⁹. Зафиксированы нарушения 17 погребений (62,7 %), из которых, предположительно, 10 — грунтовые (табл. 1; 2). При его изучении возникают значительные сложности. Это первый курганный некрополь, открытый в эпоху становления археологии на ЕСВ, и многие важные детали (нарушения слоя, лазы, траншеи, вкопы) не фиксировались.

Коллекция Веслянского I могильника также богата разнообразными изделиями. Как и на других памятниках — это оружие, предметы быта, украшения, культовые изделия, детали костюма. Часть инвентаря встречена в пространстве между могилами, в кострищах на площади памятника или в непосредственной близости от могильных ям.

В неповрежденных погребениях найдены: серебряная чаша, поставленная в засыпи, в изголовье умершего; лицевые маски; керамика; кинжалы и ножи с ножнами и отдельно от них; пояса и поясные накладки и пряжки; обувные пряжки; украшения; деревянная чаша и жертвенные комплексы.

Чаще всего в разрушенных погребениях инвентарь встречался в заполнении ям (табл. 3), где найдены оружие, фрагменты керамики, стоявшей на уровне древней поверхности под насыпью курганов, украшения, жертвенный комплекс. Вероятно, жертвенный комплекс был положен в заполнение могилы целенаправленно. Еще в двух погребениях встречены остатки берестяных коробочек от жертвенных комплексов, но украшений, которые обычно в них находятся, в могилах не было.

Состав инвентаря из потревоженных погребений отличался большим разнообразием, помимо вышеперечисленных вещей найдены: кольчуга; деревянная чаша с металлическими накладками и ручкой в виде медведя; серебряный ритон с головой быка; монеты; мечи; хозяйственный инвентарь; разные виды украшений, в том числе не встречающиеся на других памятниках. В неразрушенных погребениях не найдено ни одного браслета, все они происходят из разрушенных погребений и пространства между могилами.

На Шойнаягском могильнике, расположенном примерно в 1,5 км к востоку от дер. Кагорт (Сыктывдинский район Республики Коми), выявлено 17 курганов и 23 погребения, исследовано 16 курганов и 22 погребения, из которых два грунтовые (рис. 5). Курган XVII и совершенное под ним захоронение полностью разрушены (Васкул, Овчинников 1999).

⁹ На Веслянском I могильнике выявлено две курганные насыпи, но не исключено, что их было больше.

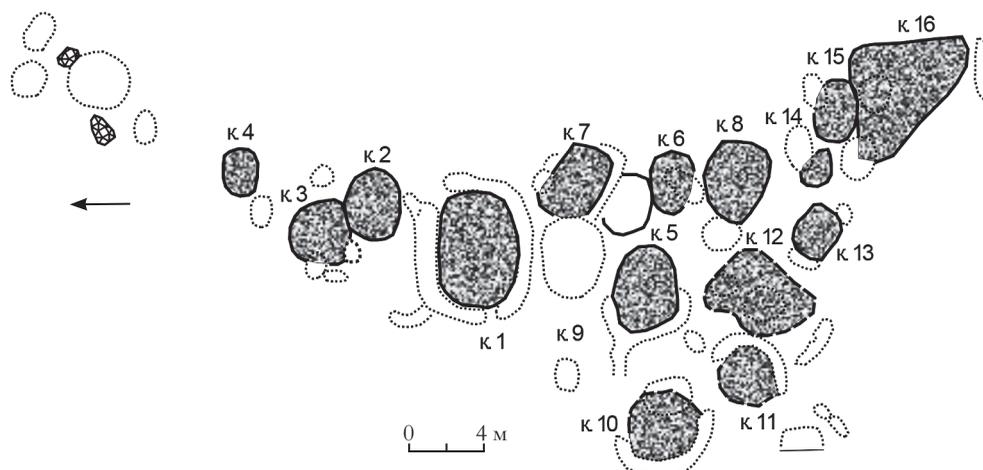

Рис. 5. Шойнаягский могильник

Fig. 5. Shoinayag cemetery

Шойнаягский могильник пострадал сильнее остальных: он разрушался дважды — в древности и современности. 18 погребений (81,8 %) могильника нарушены, оба грунтовых погребения остались нетронутыми (табл. 1; 2). Ямы, оставшиеся от древних грабителей, оплыли, они хорошо задернованы, их контуры на поверхности не прослеживаются. Часть ям была хорошо видна на поверхности до начала раскопок и имела четкие очертания. Вероятнее всего, они принадлежат «искателям чудских кладов», т. е. грабителям, действовавшим в последние 100 лет (Там же: 44). В нескольких случаях грабительские вкопы приходились на ямы, из которых брался грунт для сооружения курганных насыпей. Видимо, грабители принимали их за грунтовые могилы. Наличие современных разрушений затрудняет поиск следов вторичных проникновений более раннего времени.

Как и на Юванаягском могильнике, коллекция предметов Шойнаягского могильника немногочисленна. Она состоит из украшений, оружия, культовых предметов, деталей костюма. В заполнении погребений найдены обрывки кольчуги, обломки бронзовой чашечки, гривны, фрагменты поясных наборов, кинжала, нож, керамика. На дне погребений оставались жертвенный комплекс, обувные и поясные пряжки, нож, топор, меч, ножны, гривна, браслет, коньковые пронизки и дроты. Сравнение состава погребального инвентаря памятников показывает, что Шойнаягский могильник отличается от других некрополей только меньшим количеством предметов.

Анализ разрушенных погребений курганных могильников ЕСВ показывает сходные способы вторичного проникновения для всех четырех некрополей, несмотря на некоторые отличия в погребальном обряде.

На всех памятниках разрушены курганы по всей площади могильника, т. е. вторичные проникновения в погребения продолжались в течение функционирования некрополя. Необходимо отметить, что сильнее пострадали более ранние части памятников, где курганные насыпи выше. Грунтовые погребения, считающиеся более поздними по времени, не потревожены на Юванаягском, Боргангьельском и Шойнаягском могильниках. На Веслянском I могильнике достаточно большое количество нарушенных погребений отнесено к грунтовым, однако, возможно, часть из них в реальности относилась к подкурганам, о чем говорит бо́льшая, чем на других памятниках, глубина захоронений.

Поскольку костные останки плохо сохраняются в условиях песчаных почв ЕСВ, о половозрастном составе погребенных на могильниках судить сложно, нельзя определить, захоронения каких групп населения подвергались разрушениям. Исходя из размеров погребений и того факта, что нарушено большинство могильных ям на памятниках, можно полагать, что пол и возраст погребенных не имели значения при вторичном проникновении.

Выделяется несколько видов нарушений, свойственных всем четырем некрополям (см. табл. 1). К некоторым погребениям ведут аккуратные ходы, которые чаще всего берут начало от канавок, окружающих курганы. Они не нарушают очертаний погребения, однако хорошо прослеживаются стратиграфически или планиграфически. Очертания других захоронений сильно или полностью нарушены, чаще всего, несколькими вкопами, иногда количество и направления ходов невозможно проследить. В иных случаях, наоборот, следы проникновения не прослеживаются, однако заполнение таких могильных ям составляет серый смешанный песок, что указывает на наличие лазов.

Направления прослеженных вкопов различны. Это либо траншеи, подходящие к погребению сбоку, либо лазы, врезающиеся сверху. К одному погребению могло подходить несколько траншей, каждая из которых учитывалась за отдельный случай проникновения. Возможно, это были лазы, сооруженные в разное время. В частности, Л. И. Ашихмина (1986) отмечает, что на Борганьельском могильнике можно усмотреть следы более поздних разрушений кургана VI: «Курган разрушен дважды, второй раз грабители шли по хорошо заметному следу своих предшественников» (Ф. 5, оп. 2, л. 334, л. 8).

Из данных табл. 2 видно, что вкопы могли совершаться в область головы, центральную часть погребения и область ног. Преобладают лазы, ведущие к верхней части туловища умершего и изголовью. Для сарматских могильников Придонья С. А. Яценко объясняет этот факт тем, что в ногах находились вещи, представлявшие меньшую ценность для грабителей (Яценко 2013: 37). Однако можно предположить, что разрушавшие погребение люди могли ошибиться при сооружении лаза, стремясь попасть в область головы.

В ряде случаев, несмотря на плохую сохранность костных останков, зафиксировано, что кости могли быть выброшены в заполнение могилы или сдвинуты, либо при сохранении остальных костей скелета и погребального инвентаря мог отсутствовать или быть сдвинут череп (погр. 14 Веслянского I могильника, погр. 1 кург. XI Борганьельского могильника, соответственно). В. С. Флёров (2007: 121–154) считает разрушение скелетов частью постпогребального обряда обезвреживания покойника. Также нахождение костей в заполнении можно объяснить небрежностью или торопливостью при вторичном вскрытии могильной ямы.

Из данных табл. 3 видно, что безынвентарные погребения составляли лишь небольшую часть разрушенных захоронений: вещи сохранялись на дне погребения либо в его засыпи. Для Шойнаягского могильника с большей долей уверенности можно говорить об ограблениях, которые, скорее всего, были совершены в позднейшее время, о фактах и условиях изъятия инвентаря на остальных курганных могильниках ЕСВ судить сложно.

Рассматриваемые памятники существовали в течение короткого периода времени, тенденций к оставлению одних вещей и изъятию других не наблюдается. В погребениях сохраняются различные категории инвентаря, одни и те же вещи находятся в разных частях памятника. Зато можно отметить факт разрушения на всех могильниках погребений воинов в кольчугах, которые Л. И. Ашихмина (1988б: 13) относит к захоронениям военной знати, при этом были оставлены воинские атрибуты. Исключение составляет Борганьельский некрополь, где подобное захоронение отсутствовало.

Существуют разные точки зрения на причины вторичных проникновений в погребения. В. С. Флёров (2007: 121 сл.) обосновывает вторичные проникновения в погребения как проявление постпогребального обряда, направленного на обезвреживание умершего. С. А. Яценко доказал грабительский характер действий древнего населения для сарматских могильников Придонья. Обряд обезвреживания он считает вторичным по отношению к ограблению, а нарушение целостности скелета и отделение черепа объясняет суеверием грабителей (Яценко 2013). Высказываются и иные возможные причины совершения вторичных проникновений в погребения, наблюдаемые на некрополях разных периодов и территориях.

Можно предположить, что люди, разрушавшие погребения курганных могильников ЕСВ, в большинстве случаев хорошо знали обустройство ям, однако их не интересовали вещи покойного, даже из разряда престижных, на что указывают количество и разнообразие найденного инвентаря.

Л. И. Ашихмина (1988а) при раскопках Юванаягского могильника отметила, что «часть погребений нарушена грабительскими ямами, но в некоторых из них грабительские вкопы не прослеживаются, но, тем не менее, результат разрушений налицо. Обычно эти нарушения за пределы могильной

ямы не выходят и, скорее всего, связаны с определенными ритуалами» (Ф. 5, оп. 2, д. 387, л. 5). С этим можно согласиться. Действительно, избирательность в разрушении скелетов, относительная сохранность погребального инвентаря, аккуратность траншей, подходящих к краю, или вкопов в центральную часть погребения, не нарушающих контуров ямы, указывают на ритуальный характер проводимых действий.

На Борганьёльском могильнике, где наиболее отчетливо прослеживается эволюция погребального обряда, зафиксирован меньший, по сравнению с остальными могильниками, процент захоронений со следами разрушений, что может свидетельствовать о постепенном изживании этого ритуала. Не потревожены, преимущественно, погребения в южной части могильника, большинство из которых находится под прямоугольными насыпями высотой 0,1–0,2 м. А. И. Ашихмина (1988б: 5) считает их переходными сооружениями, а не собственно курганами. Нетронутость грунтовых погребений позволяет предполагать, что с утратой традиции сооружения кургана утрачивается и традиция разрушения погребений.

Тем не менее, вскрытие могильных ям с целью ограбления также нельзя исключать. Предполагать следы ограбления можно в двух случаях на Веслянском I могильнике (погр. 6 и 27), где были найдены фрагменты берестяных туесков без украшений. И. О. Васкул (1986) при раскопках Шойнаягского могильника отмечает, что «беспорядочное расположение вещевого инвентаря является свидетельством того, что курган был разрушен грабителями» (Ф. 5, оп. 2, д. 339, л. 11). Можно предположить, что те захоронения, к которым ведет несколько вкопов, бессистемно разрушенные, безынвентарные или те, в которых вещи сохранились только в заполнении в виде обломков, подверглись грабительским действиям.

Особая ситуация сложилась на Шойнаягском могильнике. Несмотря на то что могильник сильно поврежден «искателями чудских древностей», характер зафиксированных нарушений позволяет думать, что в его северной части сохранились курганы со следами древних разрушений (кург. I–V), которые могли носить ритуальный характер. Наблюдаются более аккуратные вкопы и сохранение погребального инвентаря в заполнении и на дне могильных ям. Южная часть (кург. VII–XVII) сильно пострадала от грабителей, действовавших к течению последних ста лет — там разрушениями уничтожалась большая часть погребений, вероятно, изымался весь инвентарь, имевший какую-либо ценность, поэтому проследить следы действий древнего населения невозможно.

Изучение потревоженных погребений и вторичных проникновений расширяет представления о погребальном обряде курганных могильников ЕСВ и позволяет взглянуть на него с новой стороны. Однако окончательные выводы о причинах разрушений захоронений можно сделать только с расширением источниковой базы и привлечением новых данных других курганных некрополей региона.

Ашихмина А. И. 1986. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1985 году // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 334.

Ашихмина А. И. 1988а. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 году // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 387.

Ашихмина А. И. 1988б. Погребальный обряд курганного могильника Борганьёль. Серия препринтов «Научные доклады»; Вып. 191. КФ: КНЦ АН СССР.

Ашихмина А. И. 1989. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 404.

Белицкая А. Л. 2014. Разрушенные погребения курганных могильников Европейского Северо-Востока // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 279–282.

Васкул И. О. 1986. Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда в 1985 году // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 339.

Васкул И. О., Овчинников Ф. В. 1999. Шойнаягский могильник // Савельева Э. А. (ред.). Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 44–56.

Перескоков М. А. 2014. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Ситдииков А. Г. и др. (ред.). Труды IV (XX) ВАС в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 378–381.

Савельева Э. А. 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА 158, 91–96.

Флёров В. С. 2007. Постпогребальные обряды центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и центральной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус.

Яценко С. А. 2013. О сарматских ограблениях синхронных курганов // ТПАИ 2 (8), 25–42.

В. С. Аксёнов

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗРУШЕННЫХ СКЕЛЕТОВ
В ПАМЯТНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО IV КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА)

В работе на примере некоторых захоронений Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника показано, что: 1) в некоторых случаях в камеры помещались останки людей, тела которых до этого уже были подвержены естественному нарушению (катакомба № 102); 2) в катакомбы осуществлялось преднамеренное проникновение через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру; 3) через этот повторный вход в камеру помещали не только тела умерших людей для подзахоронения, но проникали для совершения каких-то действий, в результате которых нарушалась целостность тел/скелетов помещенных там покойников; 4) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство камер и расположение покойников, зачастую их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (сабли, поясные наборы, золотые серьги и т. п.); 5) избирательность в разрушении скелетов и относительная сохранность погребального инвентаря указывает на ритуальный характер проводимых действий.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский IV могильник, катакомбное захоронение, разрушение скелетов, аланы, обезвреживание покойников.

V. S. Aksenov. Some remarks on the question of interpretation of the destroyed skeletons in the sites of the Saltovo-Mayaki Culture (based on the materials of the Verchne-Saltov IV catacomb cemetery). The analysis of a number of burials of the Verchne-Saltov (Upper Saltov) IV catacomb cemetery has shown that: 1) in some cases the burial cameras contain the remains of humans, whose bodies had already been exposed to natural disturbances before their placement into the catacomb (cat. No. 102); 2) the catacombs were re-accessed through a special opening made in the dromos close to the entrance to the burial camera; 3) this opening was used not only for secondary interments, but also for human intrusions associated with some actions which destroyed the integrity of the dead bodies/skeletons; 4) the intruders seem to have had a good knowledge of how the cameras were constructed and where the dead bodies were placed; not infrequently they were not interested in burial goods, leaving in place even the most prestigious objects (swords, belt sets, gold earrings, etc.); 5) the selectivity of the destructive actions and a relatively good preservation of burial goods are indicative of the ritual character of the intruders' activity.

Keywords: Verchne-Saltov IV cemetery, catacomb burials, destruction of skeletons, Alans, purification of the deceased.

Вопрос о причинах разрушения скелетов людей в захоронениях салтово-маяцкой культуры предстал в новом ракурсе после работ В. С. Флёрова, который предложил трактовать их сквозь призму постпогребальных обрядов (Флёров 1993; 2000). Главным противником данной гипотезы выступил Г. Е. Афанасьев (2010: 64; 2012: 124), доказывающий на материалах Маяцкого могильника, что проникновения в катакомбы осуществлялись с целью ограбления (изъятие металлоемких предметов). Выдвинутые исследователями аргументы вызвали дискуссию, благодаря которой открываются возможности интерпретации захоронений с разрушенными человеческими скелетами на салтовских катакомбных могильниках. В этой дискуссии принимает участие и автор, опубликовавший в ряде статей свои полевые наблюдения (см. Аксёнов 2002; 2012–2013; 2013).

В настоящее время можно констатировать, что мотивация повторного проникновения в салтовские катакомбные захоронения, как это отмечал Г. Е. Афанасьев (2012: 114), могла быть разной: подзахоронение, ограбление, осквернение, «ритуальное вскрытие», вторичный обряд погребения и т. д. Однако необходимо выделить те признаки в заполнении дромосов, погребальных камер, составе и состоянии человеческих останков, расположении и структуре погребального инвентаря, которые позволят четко определить, с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае. Для этого, как представляется, необходимо рассмотреть катакомбы, интерпретация состояния людских останков в погребальных камерах которых не вызывает сомнения. Наши многолетние работы на Верхне-Салтовском IV могильнике (далее — ВСМ-IV) позволяют это сделать. На сегодня на могильнике исследовано 114 катакомб, девять грунтовых погребений, одна заготовка дромоса, одно погребение в незаконченном дромосе.

Рассмотрим случаи, когда в камере находились скелеты людей не в анатомическом порядке, но заполнение дромоса не отличалось от погребальных комплексов с ненарушенными скелетами (Аксёнов 2012–2013: 30–32, рис. 3, 1; 4). Примером может служить катакомба № 102 (рис. 1). Пятно дромоса данной катакомбы на уровне обнаружения имело в плане форму вытянутого прямоугольника размерами 3,46 × 0,36...0,44 м (рис. 1: 16). Заполнение дромоса на всю его глубину (–2,74 м от уровня современной поверхности) было однородным (рис. 1: 17). Вход в погребальную камеру на фоне светло-зеленой материковой глины выделялся темным цветом его заполнения. В заполнении входа была выявлена бронзовая литая бляшка поясного набора.

Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. Свод камеры лишь незначительно обвалился, местами на нем сохранились следы мотыжки. Стены камеры были покрыты белыми известковыми отложениями. Кости погребенного были присыпаны грунтом, попавшим в камеру через арочный вход и упавшим со свода в результате незначительного его обрушения.

В погребальной камере было совершено одиночное захоронение. Анатомический порядок скелета погребенного мужчины 25–30 лет был нарушен (рис. 1: 1). Череп с нижней челюстью стоял на своем основании и был обращен лицевым отделом к правой торцевой стене камеры. Вплотную к затылочным костям был положен на ребро позвонок грудного отдела. В 5 см от черепа к центру камеры лежало несколько костей в анатомическом соединении: правые лопатка, ключица и плечевая. Они находились на уровне пола *in situ*. Эпифиз правой плечевой кости находился в 0,45 м от дальней продольной стенки камеры, в 0,6 м от левой торцевой стенки; в 0,8 м от него (по направлению к правой торцевой стенке) лежали кости правой стопы. Интересно, что дистальные концы обеих берцовых костей находились рядом, почти в правильном сочленении с костями стопы, в то время как проксимальные концы были разнесены, у малой берцовой кости эта часть была обломана.

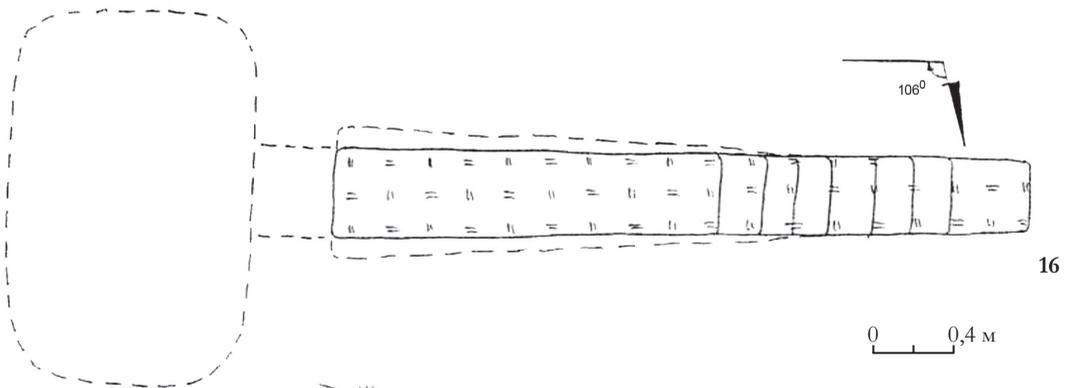
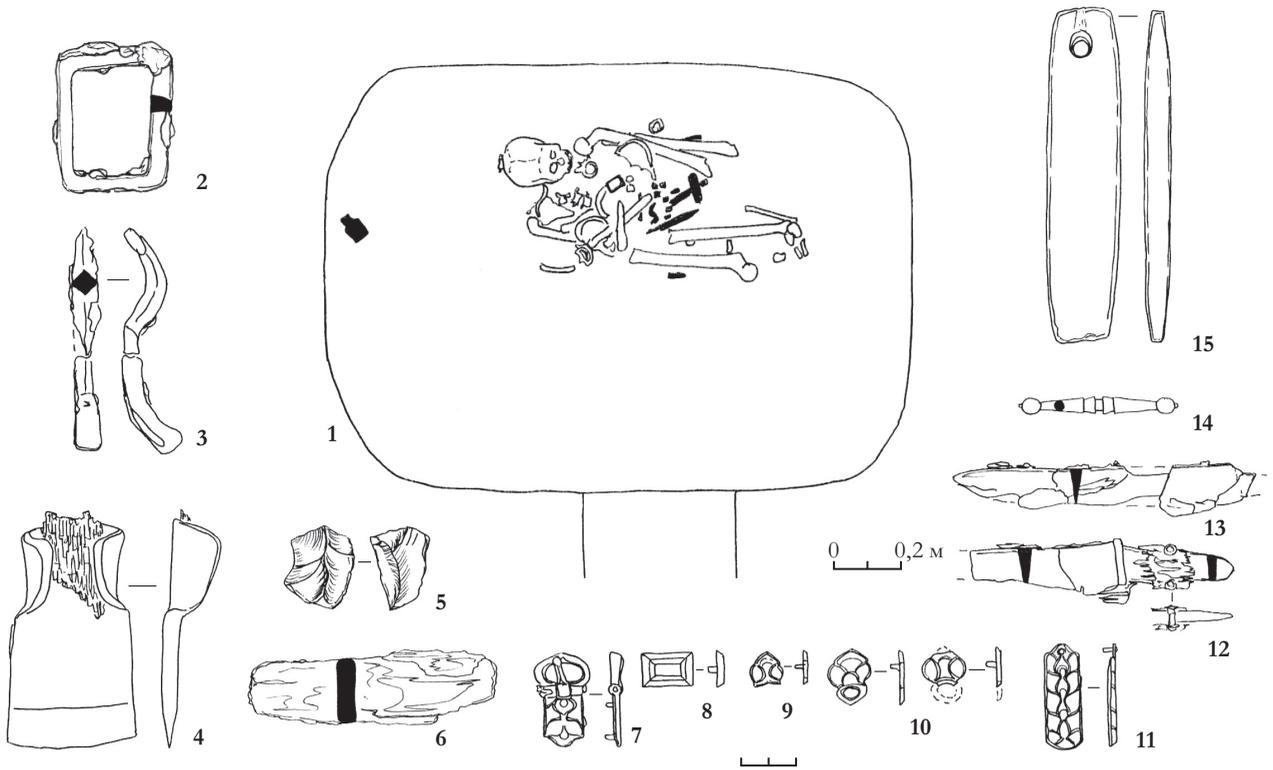
Между черепом и дистальным концом правой плечевой кости было расположено скопление позвонков, перекрытое одним концом левой ключицы. Нижний сустав указанной плечевой был перекрыт вертикально поставленной костью таза, в отверстие которой была вставлена правая локтевая кость. Это свидетельствует, что на момент нарушения анатомического порядка кости таза и рук уже были полностью освобождены от мягких тканей и сухожилий. Продолжая ось правой плечевой кости, ближе к правой торцевой стенке камеры, располагалась правая бедренная кость с обломанным эпифизом и поврежденным дистальным суставом. Такие повреждения также свидетельствуют о значительном времени, прошедшем от совершения погребения до нарушения анатомического порядка

Рис. 1. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 102. 1 — план погребальной камеры; 2–15 — инвентарь погребения; 16, 17 — план катакомбы; 18 — вход в камеру.

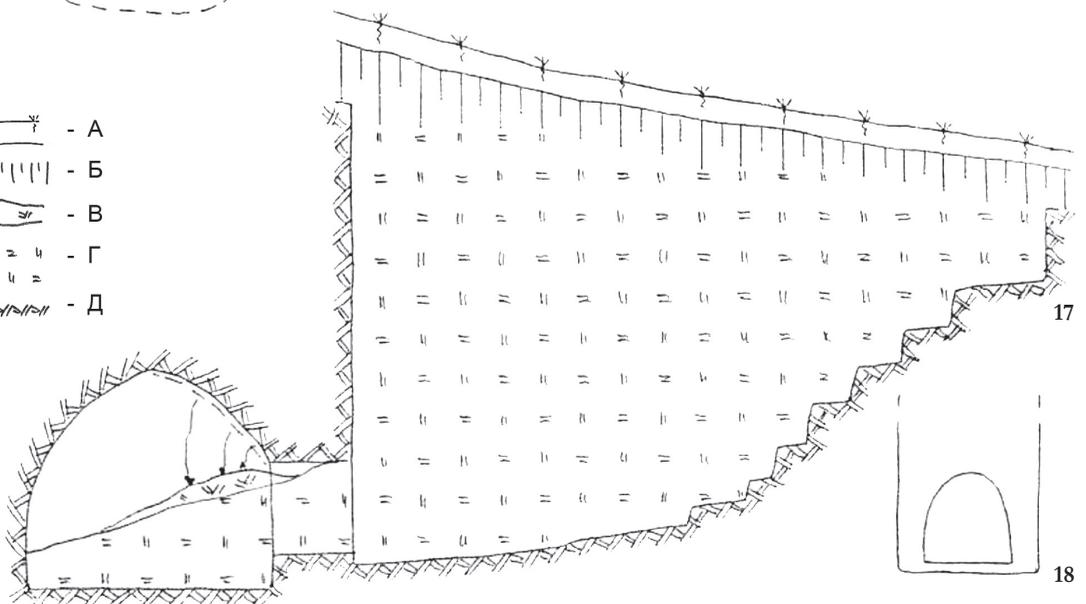
Условные обозначения: А — дерн; Б — чернозем; В — глина, перемешанная с черноземом; Г — первоначальное заполнение дромоса; Д — материк (светло-коричневая глина)
(2, 3, 5, 6 — железо; 4, 15 — камень; 7–11, 14 — бронза; 12, 13 — железо, дерево)

Fig. 1. Verchne-Saltov IV catacomb cemetery. Catacomb No. 102. 1 — plan of the burial chamber; 2–15 — burial inventory; 16, 17 — plan of the catacomb; 18 — entrance to the chamber.

Legend: A — turf; Б — black soil; В — clay mixed with black soil; Г — initial filling of the dromos; Д — natural ground (light brown clay) (2, 3, 5, 6 — iron; 4, 15 — stone; 7–11, 14 — bronze; 12, 13 — iron, wood)

- А
- Б
- В
- Г
- Д

скелета. Бедренная кость левой ноги лежала ближе к дальней продольной стенке камеры, ее эпифиз почти вплотную примыкал к зубам, а проксимальный сустав был обломан в древности. Середина длины кости была перекрыта обломком таза, под самой костью фиксировалась большая берцовая той же (левой) ноги, ориентированная вдоль длинной оси камеры. Оба сустава большой берцовой истлели и были обломаны. Под бедренной и большой берцовой костями левой ноги располагалась плечевая кость левой руки. Состояние всех костей плохое, большинство позвонков и ребер истлели, видимо, тело человека подвергалось процессу разложения, не будучи присыпанным грунтом.

Погребенного мужчину сопровождали тесло-мотыжка (рис. 1: 4), железная прямоугольная пряжка (рис. 1: 2), остатки наборного поясного набора, представленного бронзовыми литыми бляшками трех типов (рис. 1: 8–10), наконечником пояса (рис. 1: 11) и пряжкой (рис. 1: 7), бронзовая литая стержневидная пуговица (рис. 1: 14), сланцевый оселок с отверстием (рис. 1: 15), кремь и железное пластинчатое кресало (рис. 1: 5, 6), два железных ножа в деревянных ножнах (рис. 1: 12, 13), разломанная на три части железная фибула (рис. 1: 3).

Судя по состоянию скелета, нарушение анатомического порядка произошло после того, как кости освободились от мягких тканей, а связки уже не удерживали кости в анатомическом сочленении. Расположение костей правой стопы вместе с дистальными концами берцовых костей можно объяснить наличием обуви, которая удерживала стопу в анатомическом порядке, в то время как мягкие ткани и сухожилия на коленном суставе истлели, и он распался. Скелет мужчины составлял относительно компактную кучу у торцевой стенки, напротив входа в погребальную камеру. При этом положение черепа, длинных костей ног и рук в некоторой степени моделирует характерную для могильника позу покойников — вытянуто на спине, головой влево от входа. Особенно показательным является более чем бережное отношение к черепу погребенного мужчины. В захоронениях с явными следами проведения постпогребальных обрядов зачастую нижняя челюсть отделяется от черепа, и они оказываются в разных частях камеры (Аксёнов 2002: рис. 1, 3; 2, 4; 3, 2, 4; 5, 2; 6, 4). Отсутствие хода повторного проникновения в дромосе данной катакомбы, перекрывание костных останков грунтом, попавшим в камеру из дромоса, идентичность по составу, консистенции и структуре грунта попавшего в камеру из дромоса и грунта первоначального заполнения дромоса свидетельствуют о том, что останки умершего мужчины были помещены в погребальную камеру уже в полуистлевшем виде. Погребальный инвентарь был найден на свойственных ему местах (тесло-мотыжка у стены, поясной набор, набор для добывания огня в районе пояса погребенного). Личные вещи были помещены вместе с останками покойника в камеру. Как полагает В. С. Флёров (2000: 84), они были, по-видимому, табуированы. Хотя в аланских захоронениях V–VIII вв., где кости свалены в относительно компактные груды, вещей, как правило, нет (Там же). Вещи отсутствовали и в сложенных кучей человеческих останках в катакомбе № 16 Старосалтовского могильника (Аксёнов 1999: рис. 6: 20).

Сказанное позволяет дать два возможных объяснения данному случаю. Мужчина мог умереть/погибнуть вдали от родных мест и спустя значительный промежуток времени его останки были доставлены на родовое кладбище и погребены в соответствии с погребальными обычаями аланского населения Подонцовья. Практика доставки и погребения на родовом кладбище умерших во время сезонных перекочевков или военных походов известна у многих народов. Не исключено и другое: умерший мужчина был первоначально похоронен в другой катакомбе могильника или даже в другом месте, а перенесение его останков в новую катакомбу было связано с какими-то неординарными для его живых родственников событиями. Перенесение/перезахоронение костей погребенного, как вариант подзахоронения, зафиксирован В. С. Флёровым у аланского населения, оставившего могильник Клинь-Яр III на Северном Кавказе (Флёров 2007: 158–160). В таком случае мы имеем дело с фактом вторичного погребения, что, в свою очередь, объясняет отсутствие в камере жертвенной пищи: завершившийся переход из мира живых в мир мертвых умершего мужчины исключил за ненадобностью помещение в могилу жидкой (в сосуде) и мясной жертвенной пищи.

В некоторых исследованных катакомбах рассматриваемого могильника наблюдалась ситуация, когда в дромосе присутствуют следы его преднамеренного вскрытия, а скелеты помещенных в камеру людей находятся в полном анатомическом порядке. Любопытный пример — катакомба № 119 (рис. 2). На уровне зачистки пятно дромоса в плане имело форму сильно вытянутого прямоугольника с закругленными углами, размерами 5,5 × 0,52...0,58 м (рис. 2: 3), а цвет его был не однородным.

Восточная его часть на 2,9 м от края имела светло-серый цвет, тогда как остальная часть была немного светлее окружающего материка, представленного светло-коричневой глиной. Заполнение западной (начальной) части дромоса состояло из материковой глины с вкраплениями мелких меловых конкреций, и поэтому трудно читалось на фоне окружающего материка. В начальной части оно было однородным до самого дна дромоса.

Светло-серое заполнение восточной части дромоса связано с преднамеренным проникновением в погребальную камеру, совершенным уже после того, как дромос был засыпан. Заполнение этой части дромоса было не однородным (рис. 2: 3). Глубина дромоса у его восточной стенки составляла –2,95 м от уровня зачистки. В вертикальном разрезе, возле восточной торцевой стенки дромоса (на удалении 0,4 м от нее) заполнение этой части дромоса было представлено тремя массивами грунта, отличающимися по цвету и составу. От уровня фиксации пятна дромоса и до глубины –2,2 м от зачистки шел массив затечного грунта, состоящий из различных по цвету и структуре слоев: чистая материковая глина, материковая глина с примесью чернозема, чернозем с незначительной примесью материковой глины. Все слои данного массива грунта имели прогиб в сторону дна дромоса и наклон в сторону его восточной торцевой стенки. С отметки –2,2 м от зачистки и до отметки –2,75 м от зачистки фиксировался массив плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом. Ниже, с отметки –2,75 м от зачистки до отметки –2,95 м от зачистки шел массив светло-коричневой материковой глины с вкраплениями мелких меловых конкреций. Этот массив грунта аналогичен заполнению западной (начальной части дромоса) и являлся первоначальным его заполнением.

Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. На ее полу располагался скелет женщины 20–25 лет (погр. № 2) (рис. 2: 2). Погребенная была уложена в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела и слегка разведены в стороны, ноги прямые. Кости ступней обеих ног отсутствуют — результат действия землеройных животных (одна фаланга пальца ноги была найдена в кротовине в 0,1 м к северу от черепа). При скелете был обнаружен богатый инвентарь, представленный личными украшениями: серьги, гривна, бусы, превращенные в подвески 10 монет, амулеты, браслеты, перстни. В кротовинах, в районе ступней ног женщины, были найдены две серебряные штампованные бляшки и один серебряный штампованный наконечник от ремешков обуви. У северной боковой стенки камеры лежал посмертный дар, состоящий из бронзового зеркала, бронзового проволочного браслета, трех бронзовых пуговиц-зеркалец, десяти бронзовых спиралевидных пронизей и 274 бусин. В левом ближнем углу камеры находились остатки мясной жертвенной пицци в виде трубчатой кости шестимесячной козы, рядом стоял кувшинчик.

Останки женщины были перекрыты слоем грунта толщиной 0,2 м, аналогичным по составу первоначальному заполнению дромоса. На этом слое лежал скелет ребенка 4–5 лет в анатомическом порядке (погр. № 1) (рис. 2: 1). Вдоль боковых и дальней торцевой стенок погребальной камеры прослеживался затечный грунт темно-коричневого цвета, состоявший из светло-коричневой глины, перемешанной с большим количеством чернозема. Останки ребенка располагались в слое плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом, аналогичный второму массиву из заполнения хода повторного проникновения. Верхняя граница слоя грунта, в котором находились останки ребенка, находилась на уровне верха входа в погребальную камеру. Выше него располагалась чистая материковая глина — рухнувший свод погребальной камеры. Ребенка сопровождали бронзовые серьги, литые бубенчики, амулеты с соколиными головками, две нашивки на налобную ленту, сделанные из обрезанных арабских дирхемов.

Стратиграфия заполнения дромоса и погребальной камеры показывает, что после помещения в камеру тела женщины (погр. № 2) камера была засыпана грунтом до уровня дна входа в нее. Вход в камеру был закрыт каким-то закладом, дромос засыпан. Спустя какое-то время дромос в восточной его части был вскрыт, но не до самого дна, вход в погребальную камеру был открыт, и на находившийся в камере грунт, перекрывавший погр. № 2, было уложено тело ребенка. После этого вход повторного проникновения в погребальную камеру был частично засыпан (второй массив грунта в заполнении повторного вкопа в дромос). При этом грунт из дромоса попал и в погребальную камеру, перекрыв собой тело ребенка. Однако вход повторного проникновения в погребальную камеру, по-видимому, до конца не был засыпан грунтом, и только со временем его заполнил затечный грунт. Позже свод

камеры обвалился, перекрыв собою останки ребенка. Со временем в камеру просачивалась вода с землей, образуя затечное заполнение в пустотах по периметру камеры.

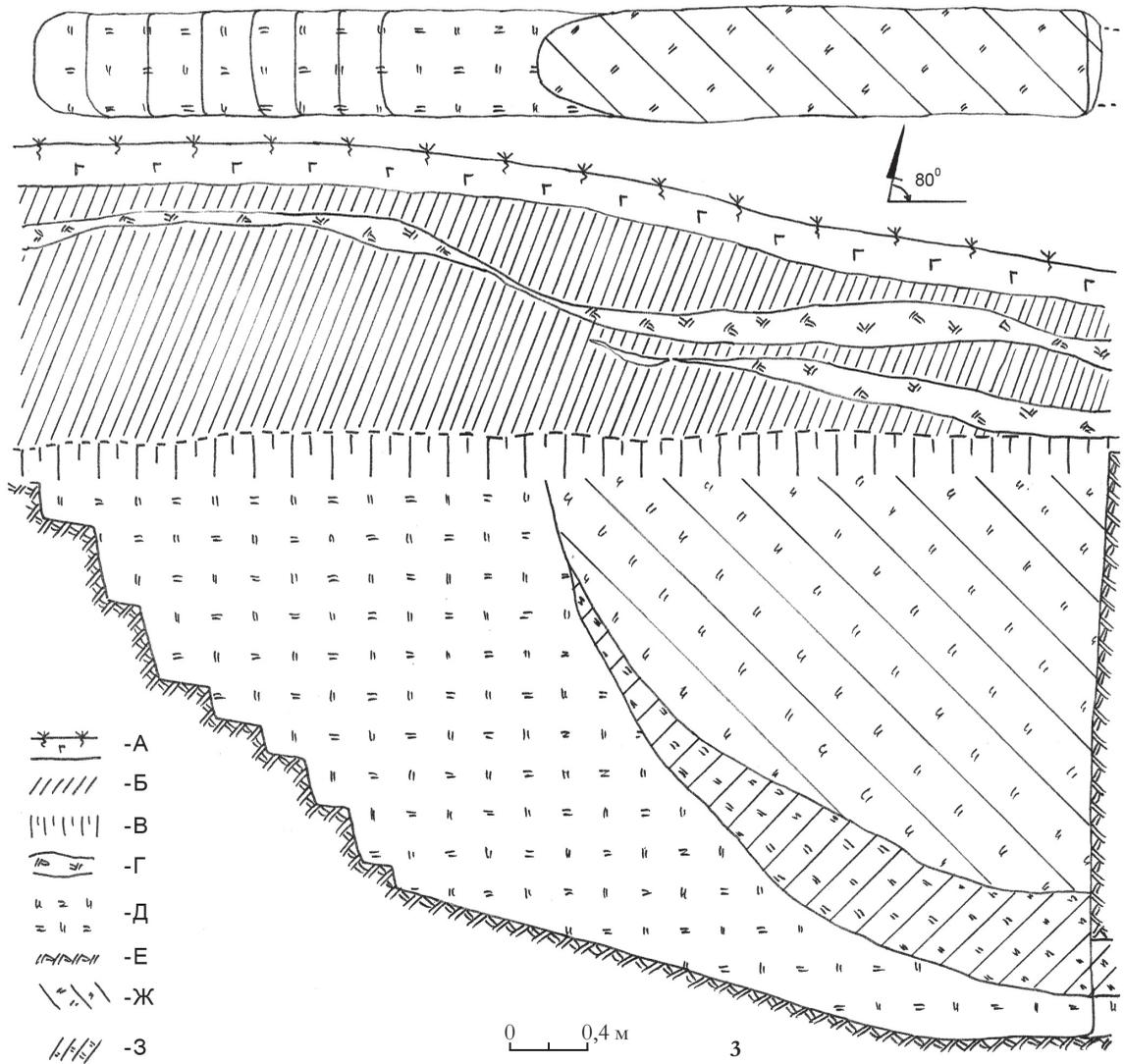
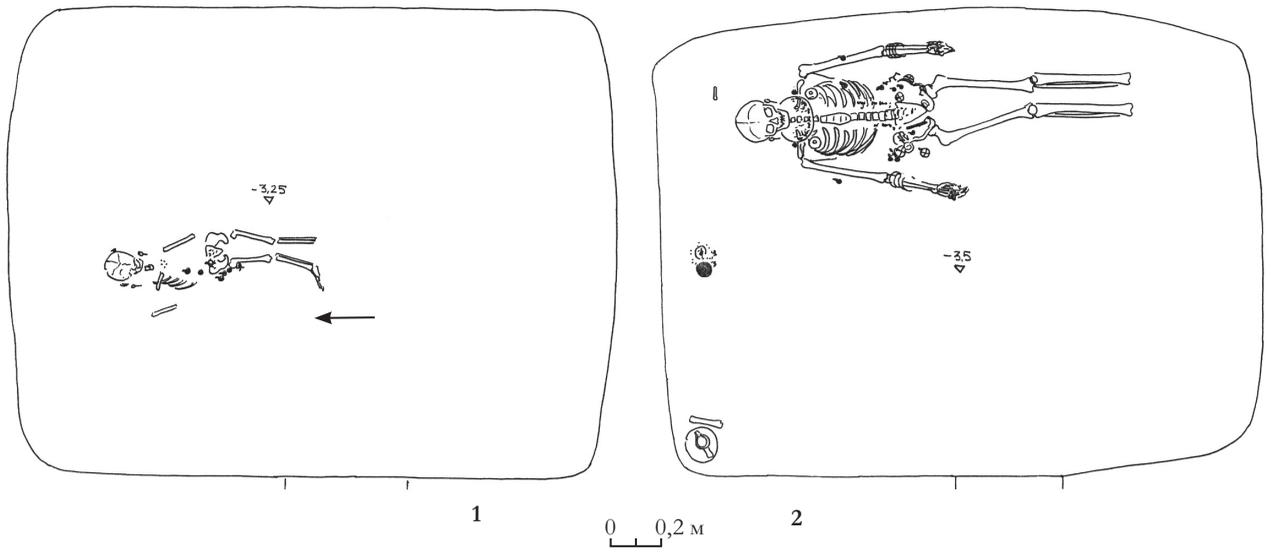
Таким образом, в этом погребении была произведена преднамеренная засыпка хода повторного проникновения в погребальную камеру как при первом захоронении, так и при подзахоронении тела нового умершего в ту же катакомбу.

Факт преднамеренной засыпки грунтом тел помещенных в погребальную камеру людей подтверждает и ситуация в катакомбе № 111 (рис. 3), дромос которой еще предстоит исследовать. На полу камеры был зафиксирован в анатомическом порядке скелет женщины (погр. № 3) с достаточно богатым инвентарем, посмертными дарами (зеркало, бусы), сосудом и напутственной мясной пищей (рис. 3: 2). Скелет погребенной женщины находился в слое грунта, попавшего в камеру из дромоса при засыпке последнего. Этот слой заполнения камеры состоял из материковой глины с незначительной примесью чернозема, у входа в камеру он имел толщину 0,25 м, у дальней торцевой стенки не превышал 0,1–0,15 м. Верхняя поверхность этого слоя имела заметный наклон от входа в камеру в сторону торцевой и боковых стенок камеры. На этом слое грунта были зафиксированы преднамеренно разрушенные скелеты двух людей (мужчины и женщины) (рис. 3: 1). Грудная клетка женщины (погр. № 1) была разрушена, тогда как кости позвоночника, таза и обеих рук, с находившимися на них браслетами, сохранили свой анатомический порядок. Берцовые кости и кости ступней обеих ног, сохранившие свой анатомический порядок, были сдвинуты в правый ближний угол камеры. Поверх них покоился череп женщины с преднамеренно отделенной от него нижней челюстью. Личные украшения и детали одежды погребенной находились на свойственных им местах. Скелет мужчины (погр. № 1) был разрушен полностью. Его кости образовывали две кучи, череп в сочленении с нижней челюстью находился в левом ближнем углу камеры. Череп мужчины почти соприкасался с венчиком кувшина, стоявшего на полу камеры. Лучевая, локтевая кости, кости кисти правой руки мужчины, сохранившие анатомический порядок, лежали в правом дальнем углу камеры поверх грунта, перекрывшего погр. № 3 (за черепом женщины на отметке +0,12...0,14 м от пола) (рис. 3: 2).

Таким образом, после помещения на пол камеры тела женщины (погр. № 3) дромос был засыпан. При этом грунт из дромоса попал в камеру и перекрыв тело погребенной. Спустя какое-то время в камеру поместили тела еще двух людей (погр. № 1 и № 2). Еще спустя непродолжительное время, когда связи, удерживающие кости в сочленении, еще не сгнили, тела двух последних погребенных подверглись преднамеренному разрушению, при этом большинство их личных украшений осталось на своих местах. Однако тело ранее погребенной женщины не было потревожено, хотя его трудно было не заметить. Людей, производивших нарушение целостности скелетов погребенных, не интересовали находившиеся в камере вещи, которые остались на своих местах. Такая же ситуация была отмечена и в других катакомбах могильника, где при разрушенных скелетах обнаружены статусные вещи (серьги из благородных металлов, серебряные монеты, элементы поясной гарнитуры) и предметы вооружения (сабли, топоры) (см. Аксёнов 2010: рис. 1; 2; 2013: рис. 7; Аксёнов, Лаптев 2009: 243–247, рис. 3; 4; 8). На момент проникновения в камеру мягкие ткани еще до конца не разложились. Полное разрушение мягких тканей происходит в течение 3–5 лет после похорон (Рубежанский 1978: 19). Следовательно, проникновение в захоронение имело место спустя непродолжительное время после помещения тел в камеру, т. е. в период существования салтово-маяцкой культуры, а люди, проникавшие в катакомбы через вырытый в торцевой части дромоса ход, относились к алано-болгарскому населению Подонцовья хазарского времени.

Рис. 2. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 119. 1 — план погребения № 1; 2 — план погребения № 2; 3 — план дромоса. *Условные обозначения:* А — дерн, Б — насыпной грунт, В — чернозем, Г — глина, перемешанная с черноземом, Д — первоначальное заполнение дромоса, Е — материк (светло-коричневая глина), Ж — заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру (смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом), З — массив затёчного грунта

Fig. 2. Verchne-Saltov IV catacomb cemetery. Catacomb No. 119. 1 – plan of burial 1; 2 — plan of burial 2; 3 — plan of the dromos. *Legend:* А — turf; Б — fill-up earth; В — black soil; Г — clay mixed with black soil; Д — initial filling of the dromos; Е – natural ground (light brown clay); Ж — filling of the intruders' tunnel opening into the burial chamber (mixture of light brown clay and black soil); З — flowed-in soil mass

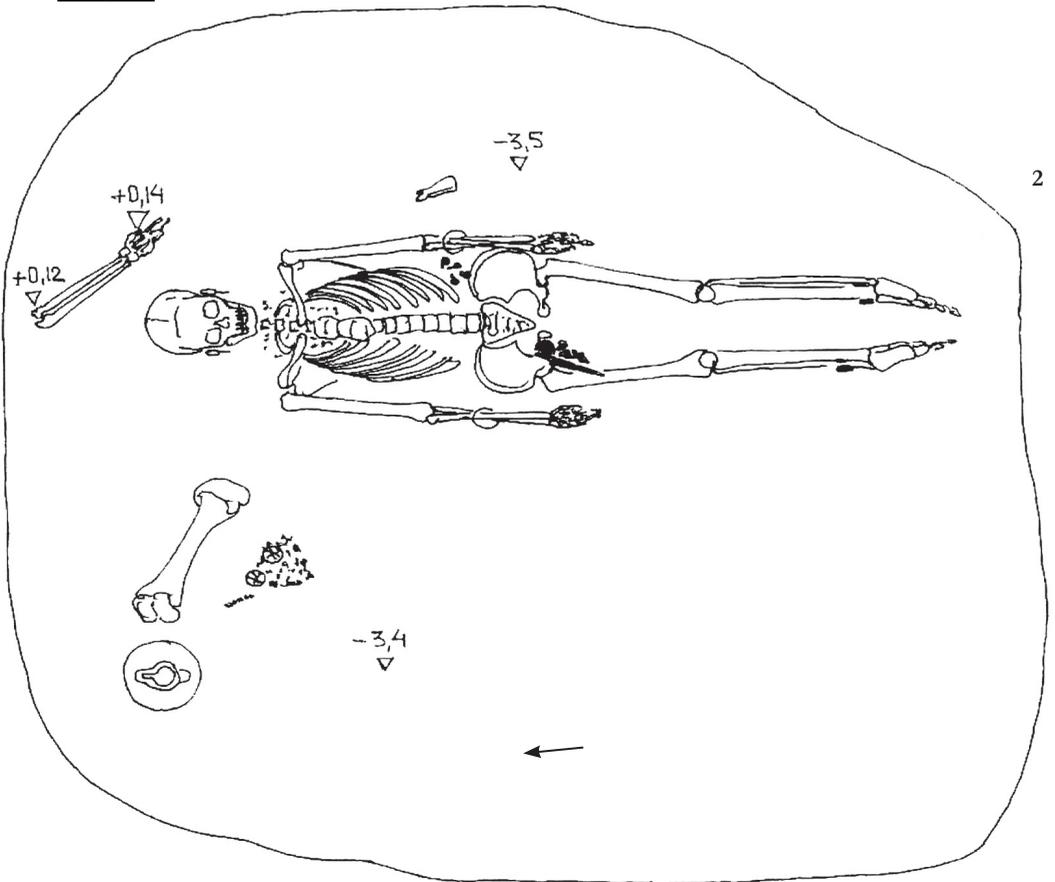
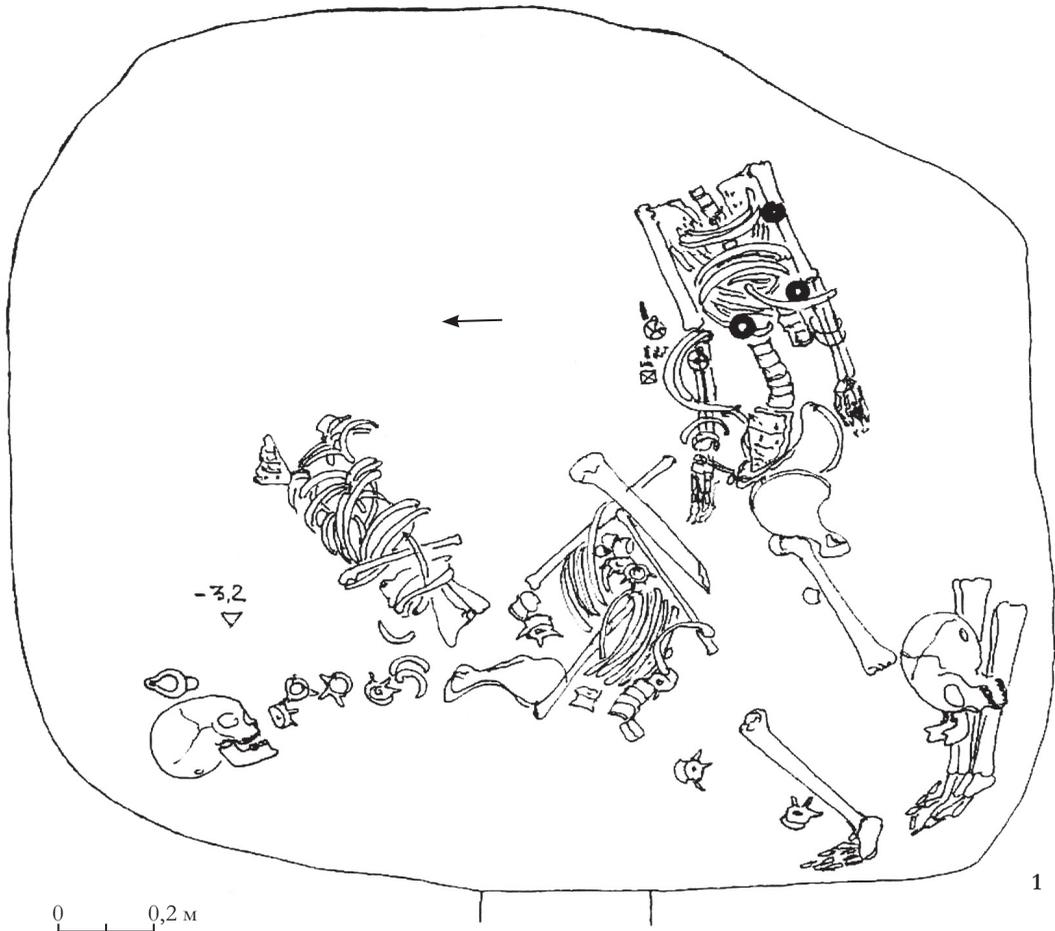
Состав погребального инвентаря из катакомб ВСМ-IV с разрушенными скелетами людей позволяет констатировать, что преднамеренные проникновения в камеры были совершены не с целью «ограбления» в общепринятом смысле этого слова. В исследованных захоронениях обнаружены такие знаковые предметы, как золотые серьги, серебряные поясные наборы, серебряные монеты, сабля и другие личные украшения (браслеты, перстни, бусы и т. п.). Хотя нельзя исключать и того, что в процессе проникновения в камеру из нее могли быть изъяты какие-то отдельные вещи. Проникать в камеры, находящиеся на глубине 2 м и более, ради какого-то «металлоемкого предмета» (по выражению Г. Е. Афанасьева) типа железного топорика, оставляя на месте другие предметы, изготовленные из стекла, бронзы, серебра и даже золота, лишено смысла с точки зрения как современного, так и древнего грабителя могил. Как свидетельствуют письменные и археологические материалы, при ограблении из могил изымались в первую очередь изделия из драгоценных металлов, престижные вещи, примером чего являются скифские курганы, большинство которых до настоящего времени дошло в ограбленном состоянии (Полін 2003: 20–22; Мозолевский, Полін 2005: 427–445). Целью ограбления могил, как в древности, так и в более позднее время, была жажда наживы. Цель проникновения в погребальные камеры катакомб ВСМ-IV явно была другая.

Проникать в камеру с разными целями могли неоднократно. Свидетельство этому — катакомба № 109 (рис. 4: 1–10). Отличает данную катакомбу от других наличие двух одновременных входов в погребальную камеру и хода повторного проникновения с тремя разными по структуре заполнениями (рис. 4, 8, 10). Первоначально через вход № 1 в камеру были помещены умершие люди, после чего он был закрыт каменным закладом. Спустя какое-то время в дромосе был сделан ход повторного проникновения и люди проникли через вход в погребальную камеру. В результате их действий каменный заклад (рис. 4: 9) был отброшен от входа (рис. 4: 7, 8), тела людей подверглись какому-то воздействию, был разбит один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд был извлечен из камеры и поставлен в дромосе перед отброшенным закладом. После совершения этих действий вход в камеру и ход повторного проникновения были преднамеренно засыпаны. Об этом свидетельствуют слой чистой материковой глины, перекрывавший дно хода повторного проникновения, и заполнивший вход в погребальную камеру отброшенный заклад. Этот же слой грунта перекрывал большую часть пола камеры и сохранившие свой анатомический порядок кости ног погребенных людей (рис. 4, 1). Вход № 2 появился в результате еще одного проникновения в камеру. Совершавшие новое проникновение люди шли уже по засыпанному ходу повторного проникновения. Докопав до слоя чистой материковой глины на дне первоначального хода проникновения в камеру, они приняли его за дно дромоса. Не заметив забутованный таким же грунтом вход № 1 в камеру, они прорубили свой вход в камеру (№ 2) (рис. 4: 8, 10). Высота этого входа (1,03 м) свидетельствует, что на тот момент камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей людей в слое чистой материковой глины и на его поверхности указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали с пола камеры отдельные кости и, возможно, вещи. После их посещения камеры ход повторного проникновения не был преднамеренно засыпан и постепенно заполнялся грунтом, обваливавшимся со стенок хода повторного проникновения.

Материалы ВСМ-IV показывают, что в одних случаях после проникновений в камеру ход повторного проникновения преднамеренно засыпался, в других — он оставался открытым или засыпался только частично, заполняясь со временем землей, обрушившейся с его стенок, и грунтом вместе с попадавшей сюда водой. При этом ширина пятна хода повторного проникновения в первом случае лишь немного превышала среднюю ширину дромоса, тогда как при оставлении его открытым ширина пятна хода повторного входа в камеру достигала 1 м и более. В последнем случае пятно хода повторного проникновения по периметру имело черный или темно-серый цвет, центральная часть пятна имела светло-серый цвет.

Рис. 3. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Погребальная камера катакомбы № 111.
1 — план погребений № 1 и № 2; 2 — план погребения № 3

Fig. 3. Verchne-Saltov IV catacomb burial. The burial camera of catacomb No. 111.
1 — plan of burials 1 and 2; 2 — plan of burial 3

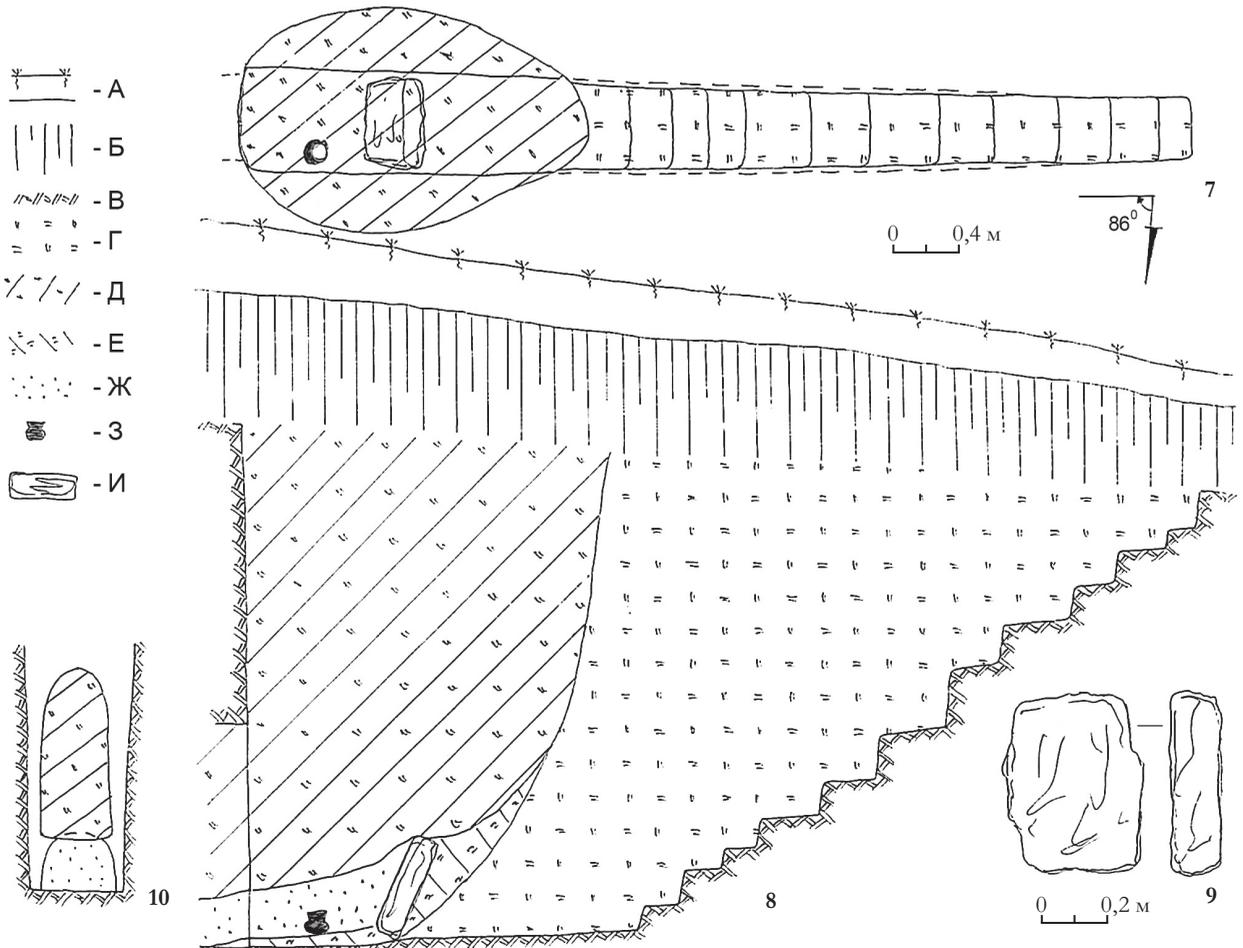
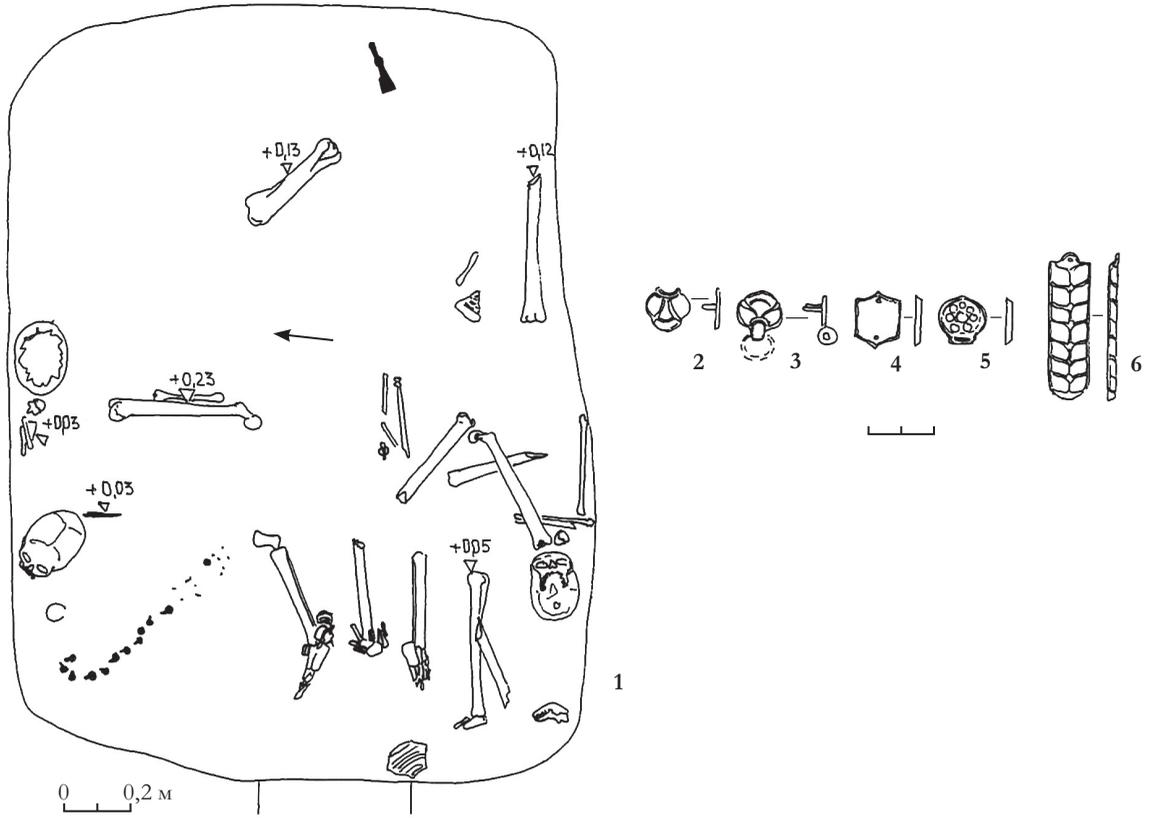
Можно предположить, что оставление хода повторного проникновения в погребальную камеру незасыпанным, при нарушенной целостности человеческих останков, связано с идеей окончательного разложения тела, что означало завершение и самой смерти (см. Леви-Брюль 1994: 253). В таком случае преднамеренное проникновение в катакомбу спустя 3–5 лет после совершения захоронения и следующее за этим разрушение скелетов должны были символизировать окончательную смерть конкретного человека и его готовность возродиться к новой земной жизни в лице нового члена семьи.

В большинстве дромосов катакомб ВСМ-IV присутствует ход повторного проникновения в погребальную камеру и, соответственно, два массива заполнения (см. Аксёнов 2002: 98–99). Подобное явление отмечалось и на других памятниках аланского населения (Флёров 1993: 43–51). В качестве примера рассмотрим дромос катакомбы № 69, при вскрытии которого был сделан поперечный и продольный разрезы на всю его глубину (рис. 5: 2). Первый массив грунта заполнения находился в начальной части дромоса (рис. 5: 2, 3). Он связан с первичным погребением и представляет собой почти чистую материковую глину (рис. 5: 6), из-за чего эта часть дромоса едва выделяется своим цветом на фоне окружающего материка. Второй массив грунта находился в конце дромоса, расположенном выше по склону, у стенки, в которой сделан вход в погребальную камеру. Он связан с ходом повторного проникновения в погребальную камеру. Этот массив грунта покоится на останце первоначального заполнения дромоса и имеет наклонное в сторону входа в погребальную камеру основание (рис. 5: 4). По структуре этот массив заполнения дромоса слоистый. Все его слои имеют ярко выраженный наклон в сторону входа в погребальную камеру. К тому же они имеют прогиб в сторону дна дромоса (рис. 5: 5). Здесь чередуются слои светло-коричневой глины с большой примесью чернозема; слои почти чистой без примесей материковой глины светло-коричневого и темно-коричневого цвета; слои материковой глины с включением чернозема, зеленоватой глины и мелких древесных угольков. На границе двух массивов заполнения дромоса встречаются отброшенные от входа в погребальную камеру камни заклада или фиксируются остатки деревянных закладов в виде тлена коричневого цвета. В слоях заполнения данной части дромоса встречались отдельные фрагменты керамики. Здесь же был найден нож, обращенный острием к входу в камеру. Состав и структура заполнения хода повторного проникновения свидетельствуют о его затечном характере. На уровне зачистки ход повторного проникновения в плане имел форму овала (рис. 5: 2). Длина хода составляла 2,17 м при общей длине дромоса 4,7 м. Максимальная ширина его достигала 0,86 м при максимальной ширине дромоса до 0,5 м. При этом боковые стенки хода повторного проникновения в его верхней части имели наклон внутрь дромоса, а затем переходили собственно в стенки дромоса (рис. 5: 5). Таким образом, ход повторного проникновения в своей верхней части имел воронкообразную форму. Образование таких стенок хода при слоистости его заполнения, наиболее ярко выраженной в верхней его части, могло произойти только в том случае, если после преднамеренного проникновения в камеру вход в нее оставался открытым или лишь частично засыпанным, а впоследствии заполнялся затечным грунтом и землей с его обваливавшихся стенок.

Слоистым по структуре было и заполнение входа в погребальную камеру. Слои глины с большой примесью чернозема чередовались со слоями относительно чистой материковой глины, в которых встречались мелкие древесные угольки. По высоте входа в камеру таких слоев насчитывалось 11.

Рис. 4. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 109. 1 — план погребальной камеры; 2–6 — бронзовые элементы поясной гарнитуры из камеры; 7, 8 — план дромоса; 9 — каменный заклад; 10 — входы (№ 1 и № 2) в погребальную камеру. *Условные обозначения:* А — дерн; Б — чернозем; В — материк (светло-коричневая глина); Г — первоначальное заполнение дромоса; Д, Е — слоистое заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру; Ж — светло-зеленая глина; З — кружка; И — каменный заклад

Fig. 4. Verchne-Saltov IV catacomb burial. Catacomb No. 109. 1 — plan of the burial chamber; 2–6 — bronze details of the belt set from the camera; 7, 8 — plan of the dromos; 9 — stone setting; 10 — entrances (No. 1 and No. 2) into the burial camera. *Legend:* А — turf; Б — black soil; В — natively ground (light brown clay); Г — initial filling of the dromos; Д, Е — layered filling of the intruders' tunnel opening into the burial chamber; Ж — light green clay; З — mug; И — stone setting

Толщина слоев заполнения входа в камеру колебалась от 10–12 см (нижний слой) до 2–3 см (остальные слои).

В катакомбах, где в дромосах и погребальных камерах была зафиксирована такая структура заполнения, скелеты людей имели следы преднамеренного разрушения. Степень разрушения человеческих скелетов различна: от отделения черепа от тела или только нижней челюсти до полного разрушения скелета (Аксёнов 2002: 99). Так, в катакомбе № 69 все три человеческих скелета были разрушены в той или иной степени (рис. 5: 1). У женщины (погр. № 1), уложенной вдоль дальней торцевой стенки, череп был отброшен к левому плечу, тогда как нижняя челюсть находилась в районе грудной клетки погребенной. Череп погребенного № 2 (ребенок) лежал поверх коленных суставов погр. № 1, тогда как нижняя челюсть сохранила свое первоначальное место положения. Скелет погребенного мужчины (№ 3), расположенный у входа в камеру, был разрушен сильнее остальных. Череп погребенного с отделенной нижней челюстью располагался с внешней стороны плечевого сустава левой руки. Кости кисти левой руки были разбросаны по полу камеры в районе колен погребенного мужчины. Бедренные кости мужчины смещены, его берцовые кости образовывали кучу в правом ближнем углу камеры. Здесь же находились лучевая и локтевая кости правой руки погребенного мужчины. Немногочисленный инвентарь, сопровождавший погребенных в камере людей, располагался на естественных для него местах.

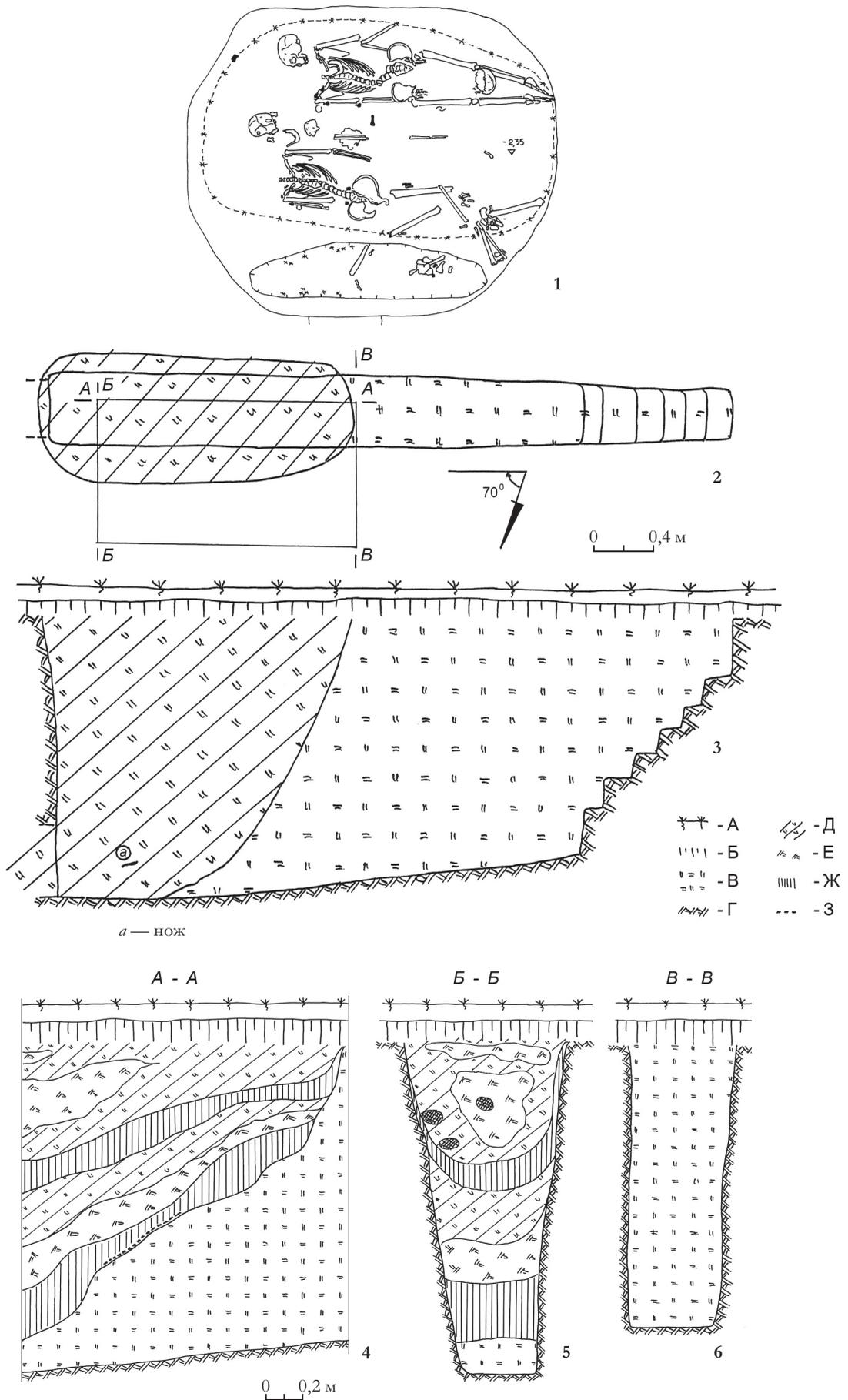
Такое избирательное смещение костей, когда инвентарь оставался на своих первоначальных местах, не может быть объяснено постепенным заполнением камеры грунтом и водой, как это предполагает Г. Е. Афанасьев (2012: 115), на что уже обращалось внимание (см. Аксёнов 2012–2013: 28–34, рис. 3).

Преднамеренное проникновение в погребения кроме их ограбления связывают также с осквернением захоронений или с проведением определенных ритуальных действий, таких как обряды инициации, получение шаманского дара, изъятие вещей и т. п. (Кузьмин 1991: 149–150). При этом осквернение могил большинство исследователей связывает со сменой населения, когда пришельцы, заняв территорию прежнего населения, для утверждения своего права на данную местность не только разрывали и оскверняли могилы аборигенов, но и использовали их для своих захоронений (Мозолевский, Полин 2005: 444; Кузьмин 1991: 150; Дашевская 1994: 81–83; Хазанов, Черненко 1979: 24–26). Для оскверненных погребений характерны разбросанные по дну захоронения в беспорядке человеческие кости, разломанные вещи, отсутствие многих костей скелета (Кузьмин 1991: 150), что на исследуемом нами могильнике не наблюдается. Поэтому, учитывая также время проникновения, считать, что катакомбы ВСМ-IV были вскрыты для проведения обряда осквернения, не представляется возможным.

В большинстве исследованных катакомб ВСМ-IV проводились явные манипуляции с головами/черепами погребенных: череп отбрасывался в сторону, нижняя челюсть отделялась. Голова/череп является вместилищем души, общей жизненной силы и олицетворением человека (см. Дмитриев 1997: 212–219; Штернберг 1936: 303), поэтому отделение головы от тела трупа вело к полному уничтожению личности и к полной уверенности в том, что уже покойник не навредит живым. Здесь можно говорить об одной из форм обезвреживания покойника (Леви-Брюль 1994: 470). Вполне вероятно, что

Рис. 5. Катакомба № 69. 1 — план погребальной камеры; 2, 3 — план дромоса; 4 — стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в камеру (продольный разрез); 5 — стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру (поперечный разрез); 6 — стратиграфия заполнения не потревоженной перекопом части дромоса (поперечный разрез). Условные обозначения: А — дерн; Б — чернозем; В — первоначальное заполнение дромоса; Г — материк; Д — слои материковой глины с вкраплениями чернозема; Е — слои чистой материковой глины; Ж — слои чернозема с вкраплениями материковой глины; З — прослойка светло-серого цвета (сгнивший деревянный заклад?)

Fig. 5. Verchne-Saltov IV catacomb burial. Catacomb No. 69. 1 — plan of the burial chamber; 2, 3 — plan of the dromos; 4 — longitudinal section the of filling of the intruders' tunnel leading into the burial chamber; 5 — cross section of the filling of the intruders tunnel leading into the burial chamber; 6 — cross section of the filling of the part of dromos undisturbed by the intrusion. Legend: А — turf; Б — black soil; В — initial filling of the dromos; Г — natural ground; Д — layers of parent clay with black soil inclusions; Е — layers of pure parent clay; Ж — layers of black soil with parent clay inclusions; З — layer of light gray color (rotten wooden setting?)

в данном случае мы имеем дело с так называемой заключительной церемонией, проведение которой означает конец траура, делает для живых смерть сородича полной и окончательной, после чего «душа покойника уже не будет оказывать индивидуальное воздействие на общественную группу по крайней мере в течение неопределенного периода, пока она ждет своего перевоплощения» (Там же: 250–251). Как показывают этнографические данные, после проведения заключительной церемонии живым уже нечего больше бояться покойника (Там же: 252).

Г. Е. Афанасьев, ссылаясь на этнографические наблюдения над похоронными обрядами осетин, не допускает возможность того, что генетически связанные с ними донские аланы могли проникать в захоронения и тревожить останки своих сородичей (Афанасьев 2012: 122–123). При этом он оставляет без внимания тот факт, что в салтовских катакомбах при подзахоронениях, если места в камере было мало, кости ранее умерших родственников частично или полностью сдвигались в сторону (Плетнева 1989: 185, рис. 95; 224, рис. 108: II; 240, рис. 111: I; Семёнов-Зусер 1949: 131, рис. 12). Как было показано выше, у алан Подонцовья все же допускалось нарушение анатомической целостности скелета погребенных их родственниками. Соответственно, можно предположить, что аланы Подонцовья загробную жизнь своих умерших родственников представляли несколько иначе, чем их потомки — осетины. К тому же этнографические данные по некоторым народам Северного Кавказа (Нагорный Дагестан) свидетельствуют, что могилы людей, ведущих себя при жизни непристойно, жадных и богатых, и вследствие этого ставших *ххурттаймой*, раскапывались, голова умершего отрубалась металлическим клинком, после чего голова помещалась у ног, и могила обратно закапывалась (Гаджиев 1991: 31). Поэтому представляется, что нельзя полностью переносить отношения осетин к могилам своих предков на Кавказе в XIX в. на алан, проживавших более чем за десять веков до них. На момент фиксации этнографических данных по осетинам в XIX в. они уже достаточно долго находились под влиянием монотеистических религий, что не могло не отразиться на представлениях осетин о потустороннем мире¹.

Основной идеей погребального обряда была идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, его ориентировка, наделение умершего имуществом, надмогильное сооружение, напутственное слово покойнику и т. д. — все это должно было обеспечивать бесперебойность цикла возрождения человека (Косарев 2003: 185). Отсюда правильное отправление погребального обряда должно было привести к тому, что умерший человек через какое-то время должен был возвратиться в новую земную жизнь младенцем. По представлению некоторых народов срок между смертью человека и его последующим рождением тем короче, чем моложе был покойник (Там же: 183). Поэтому окончательная смерть в потустороннем мире, а следовательно, и полная готовность к новому возрождению в земном мире у некоторых народов Сибири (остяков, вогулов) для стариков определялась 3–4 годами после похорон, для зрелых людей — в 2 года, для молодых — в 1 год (Там же: 192). Возможно, что подобные воззрения существовали и у аланского населения Подонья, ибо проникновения в погребальные камеры с последующим разрушением скелетов умерших происходили, как представляется, в период от 3 до 5 лет после совершения похорон (Аксёнов 2002: 109). Развитие таких воззрений у алан Подонья могло произойти под влиянием тюркоязычных соседей, для которых характерно окончательное уничтожение тула (заместителя умершего, где сохранялась одна из его душ) после проведения последних поминок — через год после смерти (Шишло 1975: 250), что знаменует окончательный разрыв связи живых родственников с покойником.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что у предков алан — скифов отсутствовало представление о святости могил предков. Священными для каждого коллектива были только свои могилы или могилы родственных групп (Хазанов, Черненко 1979: 25). Можно предположить, что существовавшая на славяно-хазарском пограничье борьба за главенство между разными аланскими родами (выходцами

¹ На том свете умерший, после ознакомления с поучительными зрелищами, состоящими из сцен вечного воздаяния и вечного возмездия, прибывает на распутье трех дорог. «Две крайние ведут: одна — на небо, другая — в преисподнюю; лучше всех средняя. Избравший ее попадает туда, где на троне в окружении Нартов восседает царь мертвых Барастыр» (Дюмезиль 1990: 197). «Рай в нартском эпосе — это огромный цветущий сад, где стоят золотые столы, накрытые всякими яствами и напитками. Ад — это окруженное высоким забором место, где находятся грешники» (Калоев 1984: 91). Появление дорог, ведущих на небо и в преисподнюю, рая и ада связано с влиянием монотеистических религий на первоначальное языческое мировоззрение алан/осетин.

из разных районов Северного Кавказа) на новых заселенных землях лесостепного Подонцовья могла привести к ситуации, когда представители одного возвысившегося рода для закрепления своего главенствующего положения могли разрушить/осквернить могилы своих противников за власть, происходивших из другого аланского рода. На факт присутствия на Верхнем Салтове нескольких групп аланского населения указывает существование нескольких участков катакомбного могильника (ВСМ-I, ВСМ-III, ВСМ-IV), функционировавших одновременно (Хоружая 2012: 165, рис. 1). Незначительные отличия между катакомбными захоронениями разных участков могильника были отмечены еще В. А. Бабенко (1905: 548–549) и подтверждены последующими работами на памятнике (Хоружая, Аксёнов 2005: 154–156). Неоднократные переходы главенства от одного рода алан к другому, возможно, и обусловили в разной пропорции присутствие катакомб с разрушенными скелетами на всех участках могильника у с. Верхний Салтов (Аксёнов 2002: 110, табл.). О том, что такая ситуация возможна, свидетельствует осетинский эпос, повествующий о вражде между двумя родами нартов — Бората и Ахсартагкатак, приведшей к войне между ними (цепной кровной мести) и полному истреблению одного из враждующих родов (Дюмезиль 1976: 198–234). Такая вражда не могла не отразиться на целостности могил предков представителей побежденного рода. Подобные явления нашли отражение в ранне-средневековых письменных источниках (Дмитриев 2001: 185–188).

Таким образом, материалы ВСМ-IV могильника позволяют сделать следующие выводы:

- 1) в катакомбы осуществлялось преднамеренное проникновение через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру;
- 2) через этот повторный вход в камеру не только помещали тела умерших людей для подзахоронения, но проникали для совершения каких-то действий, в результате которых нарушалась целостность тел/скелетов помещенных там покойников;
- 3) разрушение скелетов погребенных связано именно с этим повторным проникновением в камеру, а не обусловлено природными факторами;
- 4) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство камер и расположение покойников, зачастую их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (сабли, поясные наборы, золотые серьги и т. п.);
- 5) избирательность в разрушении скелетов, относительная сохранность погребального инвентаря указывает на ритуальный характер проводимых действий.

Аксёнов В. С. 1999. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua* 2, 137–149.

Аксёнов В. С. 2002. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // *РА* 3, 98–114.

Аксёнов В. С. 2010. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Куковальская Н. М. (ред.). *Сугдейский сборник 4*. Киев; Судак: Горобец, 354–364.

Аксёнов В. С. 2012–2013. К вопросу о повторном проникновении в катакомбные захоронения салтовской культуры Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского могильника) // *Хазарский альманах* 11. Киев; Харьков: Суточный Друк, 20–44.

Аксёнов В. С. 2013. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // *Древности* 2013. Харьков: НТМТ, 192–210.

Аксёнов В. С., Лантнев А. А. 2009. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93

могильника у с. Верхний Салтов) // *Древности* 2009. Харьков: НТМТ, 242–258.

Афанасьев Г. Е. 2010. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // Гуляев В. И. (ред.). *Кульг предков, вождей, правителей в погребальном обряде*. М.: ИА РАН, 63–64.

Афанасьев Г. Е. 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // *РА* 2, 113–126.

Бабенко В. А. 1905. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // *Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в Екатеринославе*. Харьков: Типография «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 553–577.

Гаджиев Г. А. 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука.

Дашевская О. Д. 1994. О разорении греческих и скифских могил в древности // *РА* 4, 79–84.

Дмитриев С. В. 1997. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии

(общеазийский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор-История, 212–219.

Дмитриев С. В. 2001. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Бочаров В. В., Тишков В. А. (ред.). Антропология насилия. СПб.: Наука, 178–190.

Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. М.: Наука.

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и Нарты. Сокращ. пер. с франц. М.: Наука.

Калоев Б. А. 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. // Гарданов В. К. (ред.). Кавказский этнографический сборник 8. М.: Наука, 72–105.

Косарев М. Ф. 2003. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100.

Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Христановский В. А. (ред.). Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.

Левин-Брюль А. 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс.

Мозолевский Б. Н., Полин С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев: Сталос.

Плетнева С. А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука.

Полин С. В. 2003. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортомлика // Археологія 2, 10–25.

Рубежанский А. Ф. 1978. Определение по костным останкам давности захоронения трупа. М.: Медицина.

Семёнов-Зусер С. А. 1949. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки України. 1. Киев: Наукова думка, 112–137.

Флёров В. С. 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград: Перемена.

Флёров В. С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: ПолиМедиа.

Флёров В. С. 2007. Постпогребельные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус.

Хазанов А. М., Черненко С. В. 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія 30, 18–27.

Хоружая М. В. 2012. Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса: проблемы и перспективы // Древности 2012. Харьков: НТМТ, 160–171.

Хоружая М. В., Аксёнов В. С. 2005. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Отрощенко В. В. (ред.). Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ: Шлях, 154–156.

Шишло Б. П. 1975. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Басилов В. Н. (ред.). Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 248–260.

Штернберг А. Я. 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР.

Т. Р. Садыков, Н. С. Курганов

ПОДЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ ПАМЯТНИКА ХАРБАС 1 В ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

В статье публикуются материалы двух подземных склепов памятника Харбас 1 в Приэльбрусье, имеющие некоторые отличия от материалов известных синхронных памятников VII в. Указывается на отсутствие следов ограбления, при этом погребения явно потревожены. Ставится вопрос о возможной неоднородности склеповой традиции. На основе одной из находок (украшение с восемью стеклянными вставками в виде мужских лиц) предполагается возможность активных контактов между Северным Кавказом и Европой в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Приэльбрусье, раннее средневековье, VII в., аланы, фибулы, подземные склепы, постпогребальные практики.

T. R. Sadykov, N. S. Kurganov. Underground burial vaults of Harbas 1 in the Elbrus region. The paper is devoted to two underground burial vaults of the Harbas 1 site in the Elbrus region, which show a number of differences from the well-known synchronous sites of the 7 c. AD. While there are no signs of plundering, it is quite obvious that the burials were disturbed. The authors discuss a possible heterogeneity of the burial vault tradition. One of the archaeological finds from Harbas 1 (a brooch with eight glass inserts in the form of male faces) suggests the existence of active contacts between the North Caucasus and Europe in the period under consideration.

Keywords: North Caucasus, Elbrus area, Early Middle Ages, 7 c. AD, Alans, fibulae, underground burial vaults, post-burial activities.

Памятник Харбас 1 (Зольский район Кабардино-Балкарии), исследовавшийся в 2010 г. Эльбрусским отрядом Отдела охранной археологии ИИМК РАН, расположен на высоком мысу при впадении в р. Харбас безымянного ручья, на абсолютной высоте около 1880 м. Расстояние до реки составляет 100 м на юг и не менее 150 м вниз, прямая дорога отсутствует. Река Харбас — левый приток р. Малки, берущей начало от Эльбруса. Расстояние от памятника до впадения Харбаса в Малку около 2 км, до Эльбруса около 30 км по прямой (рис. 1). Зафиксированный первоначально как скальный могильник (Керефов, Звягин 2008), по результатам экспедиции 2010 г. памятник может быть определен как сложносоставной (рис. 2; 3) — нами были исследованы два склепа, около половины площади скального могильника (пещеры) и жилая постройка. Материалы поселенческого комплекса были предварительно опубликованы (см. Садыков 2011), в настоящей статье рассматриваются склепы.

Склеп 1 представлял собой каменную конструкцию подпрямоугольной формы, с округленными углами, размерами по верху $2,5 \times 1$ м и по дну $2,9 \times 1,5$ м, глубина 1,2 м; ориентирован длинной осью по линии СЗ–ЮВ (рис. 4). Кладка стенок регулярная, насухо. Нижний ряд сложен из крупных подработанных камней (рис. 5), сверху склеп перекрыт тремя массивными плитами (рис. 6). Щели между плитами заложены мелкими камнями и замазаны глиной. Дно склепа — материковый скальник (сланец), который довольно мягок, что, видимо, позволило выровнять этот участок. В западном углу склепа, ориентированном вниз по склону, кладка несколько отходит от строгой регулярности. Возможно, здесь был вход в склеп, подобный описанному В. Ф. Миллером «близ аула Озорукова» (Миллер 1888: 88).

Заполнение склепа одинаково по всему объему и представляет собой темно-коричневую глину с включениями серой и светло-коричневой глины, мелких камней и угля. Между заполнением склепа и перекрывающими плитами осталось пустое пространство, весь материал и погребения расположены на дне. Исключение составляют несколько фрагментов керамики, найденные в самой верхней части заполнения и, возможно, попавшие в склеп случайно, через щели.

В склепе находились останки как минимум четырех захоронений (рис. 7); хотя сохранность костей плохая, можно утверждать, что ни один из погребенных не лежал в анатомическом порядке.

Похожая ситуация фиксируется и в не полностью сохранившемся склепе 2 (рис. 8), западная его часть не сохранилась. Он ориентирован также по линии СЗ–ЮВ и, видимо, имел сходную со склепом 1 конструкцию. Единственная сохранившаяся стена (ЮВ, высотой 1 м) имеет тот же способ кладки — основана на больших камнях с плоской лицевой (внутренней) стороной. Склеп разрушен, но, по всей видимости, не ограблен — это закрытый, но неполный комплекс. Заполнение склепа в нижней его части (особенно в ЮВ углу) сохранилось — оно идентично заполнению из склепа 1. Кости находились не в анатомическом порядке, в западной части склепа они, видимо, перемещены; в склепе находились как минимум два человека.

Наблюдение о перемешанности скелетов дополняет расположение находок: вещи лежали не на своих местах — браслеты не на руках, бусины не составляли каких-то последовательностей. Единственное исключение — парные серьги (754¹ и 996 — см. ниже), располагавшиеся по обе стороны черепа. Таким образом, мы не можем разделить находки на отдельные «наборы». Очевидным показателем близости погребений во времени или сильной перемешанности материала являются две фибулы (753 и 791 — см. ниже), найденные в противоположных углах склепа 1, но являющиеся одинаковыми и, возможно, парными. С другой стороны, сосуды в восточных углах склепов располагались идентично и, по всей видимости, могут быть соотнесены со всем склепом целиком, а не с каким-то конкретным погребением. Согласно массе и характеру находок, вначале дается характеристика погребального инвентаря из неполного склепа 2, затем — из склепа 1.

Погребальный инвентарь из склепа 2 представлен на иллюстрациях полностью. Внутри кувшина (рис. 9: 2/888), лежавшего на боку, находилось изделие из медного сплава (рис. 11: 4/997). Среди 12 бусин (рис. 10), расположенных на площади склепа без видимого порядка, нет стеклянных, только янтарные и каменные. Интересен гагатовый крестик (рис. 10: 7/905), немного отличающийся по форме от известных экземпляров, например, из раскопок в Мокрой Балке (см. Афанасьев, Рунич 2001: 173, 201). Три браслета из медного сплава не обладают какими-то дополнительными морфологическими особенностями и не могут служить аргументом в вопросе о количестве погребенных, так как одному человеку могли принадлежать несколько браслетов, что неоднократно фиксируется в синхронных памятниках. Трехлопастная равносторонняя накладка с тремя отверстиями по центру и тремя шпеньками с задней стороны (рис. 11: 5/842) находит самые широкие аналогии (Афанасьев, Рунич 2001: 125; Рашев 2005: 295; Амброз 1989: 109, 115, 123). Орнаментированное зеркало диаметром 58 мм (рис. 11: 1/900) не сломано (в склепе 1 оба зеркала испорчены в древности).

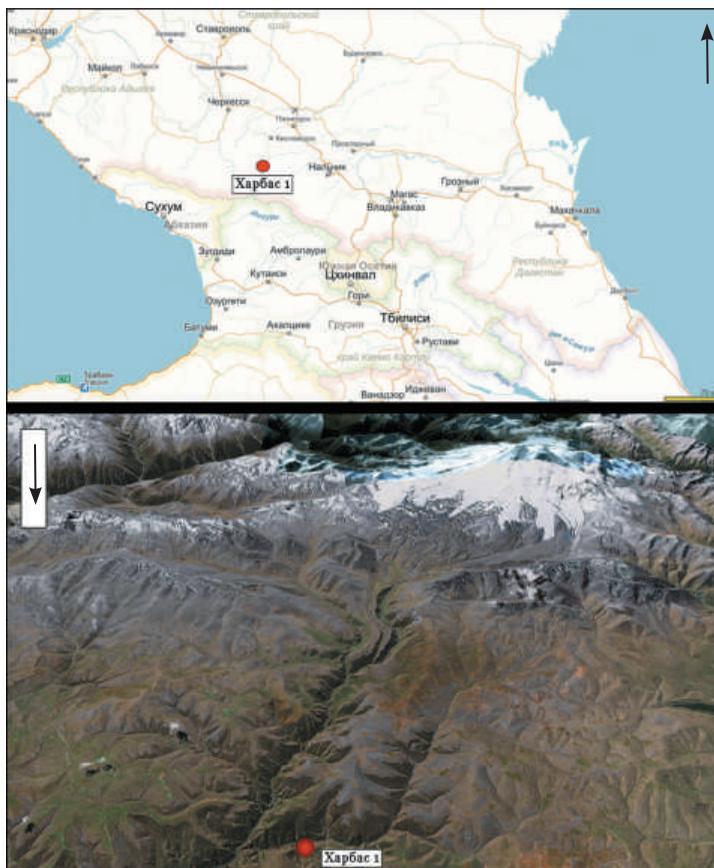

Рис. 1. Харбас 1 на карте и относительно Эльбруса

Fig. 1. Map showing the position of Harbas 1 relative to Elbrus

¹ В тексте статьи и на рисунках даются номера согласно полевой описи (все участки памятника исследовались одновременно, поэтому нумерация находок была сквозной).

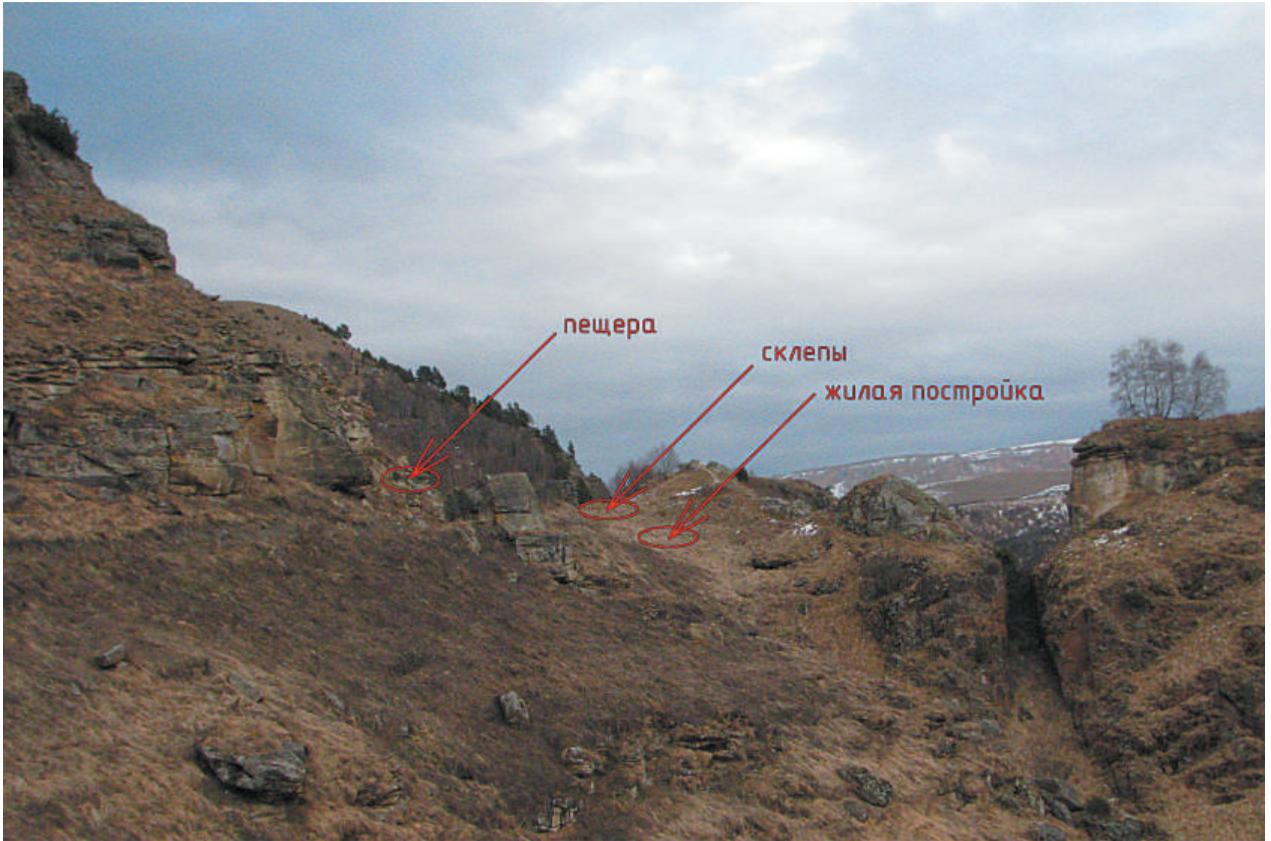

Рис. 2. Харбас 1 до начала работ
 Fig. 2. Harbas 1 before the excavations

Погребальный инвентарь из склепа 1 представлен на иллюстрациях почти полностью, за исключением нескольких железных бесформенных фрагментов, серьги 754 (для которой представлена парная ей серьга 996) и плохо сохранившегося фрагмента тонкой изогнутой пластины.

Два сосуда (рис. 12: 1/833, 2/832) находились в восточном углу, меньший из них лежал. Среди найденных восьми бусин только янтарные и каменные, не было стеклянных (рис. 13).

Железо (рис. 14) в склепе сохранилось очень плохо, во многих случаях металлическая основа полностью утратилась, заместившись окислами, все же некоторые предметы можно идентифицировать. Четыре предмета (рис. 14: 1/834, 2/772, 3/787, 5/774) могут быть определены как ножи, в двух случаях (рис. 14: 1/834, 2/772) на поверхности остались следы дерева, по всей вероятности, от ножен. Возможно, имелся трехгранный (или трехлопастной) железный наконечник стрелы (рис. 14: 4/786) и железная фибула, игла которой утрачена, но форма читается достаточно определенно (рис. 14: 6/810).

Кроме этого, из нескольких фрагментов собираются ножницы (рис. 15). Это довольно распространенный предмет в погребениях исследуемого времени. Можно заметить, что части, из которых они собираются, находились в разных частях склепа, т. е. сломаны и разбросаны они были еще в древности. Возможно, были и вторые ножницы, что допускают количество и объем оставшихся фрагментов.

Также сломаны в древности были и два зеркала (рис. 16), обломки одного из них находились на некотором расстоянии друг от друга. Два браслета находились не на руках: один из них, с утолщенными концами (773), является латунным (25 % цинка), второй — чисто медным (831)².

Две фибулы (рис. 17: 1, 2) найдены в разных концах склепа. Для одной из них (рис. 17: 1/791) проводилось определение состава. Подтвердилось, что игла была железной, а основная часть сделана из латуни (около 20 % цинка). Такие биметаллические фибулы — группа 19, серия 2, по Амброзу

² Здесь и далее определение состава металла сделано Сергеем Владимировичем Хавриным (Государственный Эрмитаж), за что авторы выражают ему благодарность.

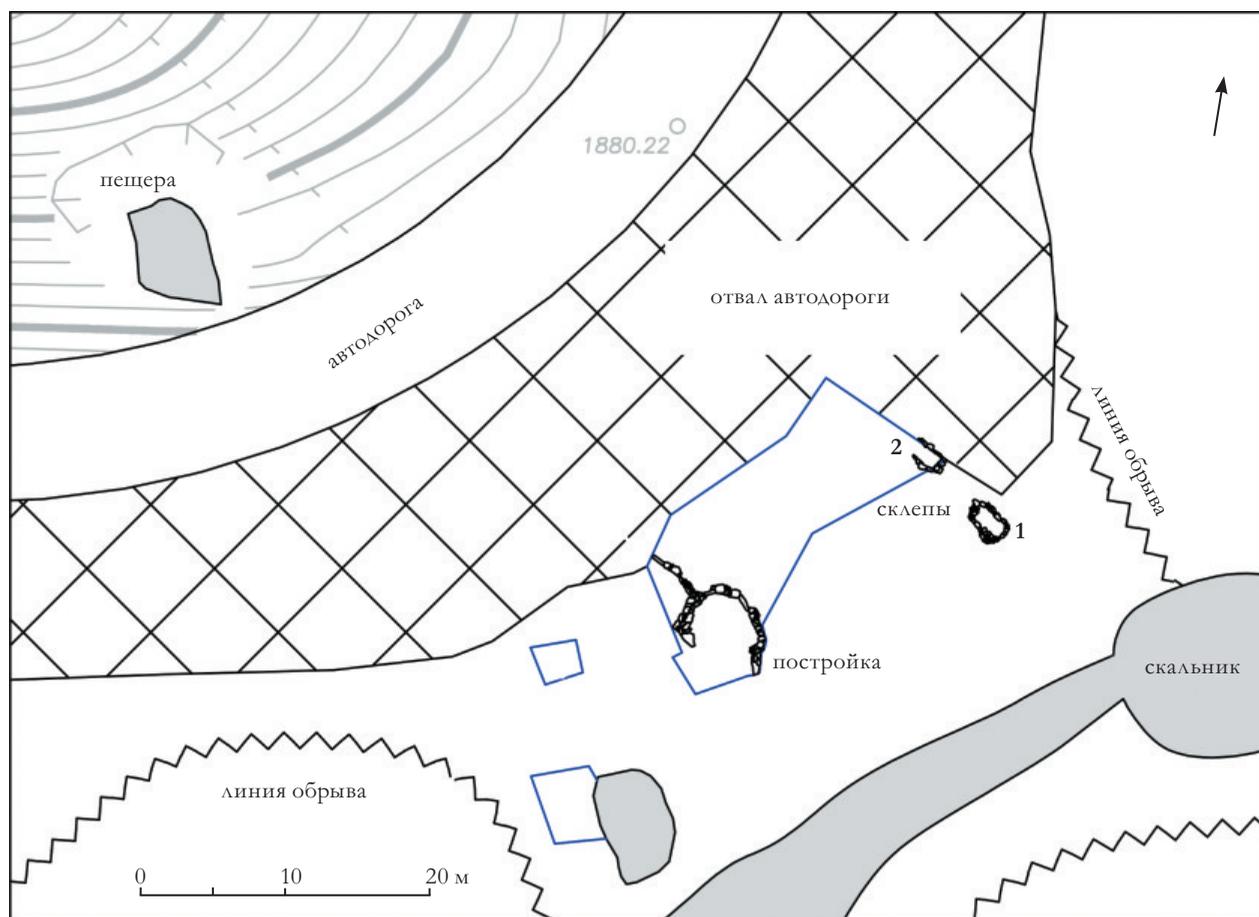

Рис. 3. Харбас 1. Внутренняя структура памятника

Fig. 3. Harbas 1. The internal structure of the site

(Амброс 1966: 75) — достаточно широко представлены на Северном Кавказе и часто служат основой для датировки.

Парные серьги из северного угла склепа, находившиеся в ожидаемом положении по обе стороны головы, были сильно фрагментированы, однако их детальное изучение позволило сделать обоснованную реконструкцию (рис. 17: 3). К верхней части серег — простой швензе в виде кольца — посредством скобки крепился переходник в виде небольшого цилиндра, к низу которого был припаян тетраэдр, направленный вниз одной из вершин. Для пайки использовался мягкий оловянно-свинцовый припой (Sn — 30 %, Pb — 70 %), имеющий температуру плавления около 256 °С. Тетраэдр был изготовлен из четырех тонких треугольных пластин из латуни (Cu — 70 %, Zn — 25 %, Pb — 1,5 %), три нижние пластины декорированы пуансонным орнаментом, имитирующим зернь. Треугольники пластин крепились на глинистую массу и затем пропавались по ребрам тем же припоем. После сборки глинистая масса оставалась внутри тетраэдра, что было заметно в местах утрат пластин. К вершине, направленной вниз, крепился штифт, зафиксированный с концов небольшими шайбами. На него нанизаны половинки трех маленьких сфер, объединенных в один элемент, и половинки большой сферы, завершающей композицию. После фиксации на штифте половинки сфер были спаяны между собой. В результате все элементы лучшей сохранившейся серьги собраны в целую форму с небольшими утратами (рис. 17: 3/996), вторая, хуже сохранившаяся, остается фрагментированной. Хотя этот тип серег достаточно широко представлен в погребениях исследуемого периода (см. Уварова 1900: табл. СХХIV; Макарова, Плетнева 2003: 253, 401), достаточно специфическая форма изделий позволяет предполагать некую локальную культурную традицию, поиск которой, на наш взгляд, требует специального исследования.

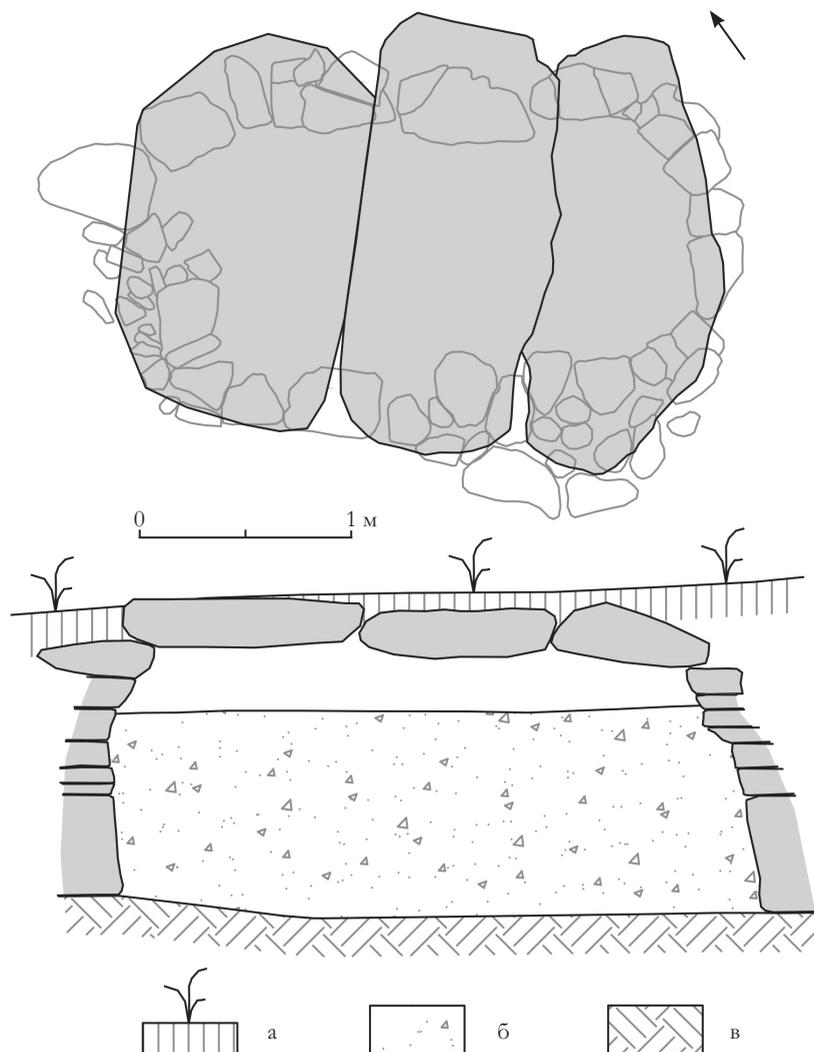

Рис. 4. Харбас 1. Конструкция склепа 1. Условные обозначения: а — дерн; б — мешаная глина; в — материк
 Fig. 4. Harbas 1. Burial vault 1. Legend: a — turf; б — mixed clay; в — native soil

Самой, пожалуй, неожиданной находкой стало украшение сложной конструкции, найденное в перевернутом положении (лицевой стороной вниз) (рис. 18). На латунной (Cu — 90 %, Zn — 8 %, Sn — 0,7 %) пластине в форме цветка с восемью полукруглыми листьями закреплены декоративные вставки стекла. Центральная вставка в виде полусферы, ее окружают восемь вставок в виде рельефных человеческих лиц, расположенных фронтально. Лица мужские, с выраженными усами, крупными прядями волос, уходящими назад и вверх, массивными бровями, большими миндалевидными глазами, крупным носом, без бороды (рис. 18: 2). Они оттиснуты в одночастную форму и одинаковы. Прозрачное стекло имеет немного желтый оттенок из-за плохой очистки в процессе изготовления. Вставки крепятся на мастику из пластичного материала, окрашенную сверху в желтый цвет, благодаря этому желтый цвет стекла кажется более насыщенным. Сверху вставки закреплены накладками из тонкого листового серебра (Ag — 93 %, Cu — 4 %, Pb — 2 %), оттиснутого по рельефной форме и вызолоченного амальгамным способом. Накладки крепятся к основной пластине маленькими медными гвоздиками с декоративной полусферической головкой с лицевой стороны и расклепанными с тыльной стороны. На задней стороне украшения сохранились остатки бабочковидной пластинки, к которой, по-видимому, крепились игла или через которую продевался подвес.

Рис. 5. Харбас 1. Склеп 1. Каменная кладка. Вид изнутри
Fig. 5. Harbas 1. Burial vault 1. Stone walls. Inside view

Рис. 6. Харбас 1. Склеп 1. Плиты перекрытия
Fig. 6. Harbas 1. Burial vault 1. Ceiling slabs

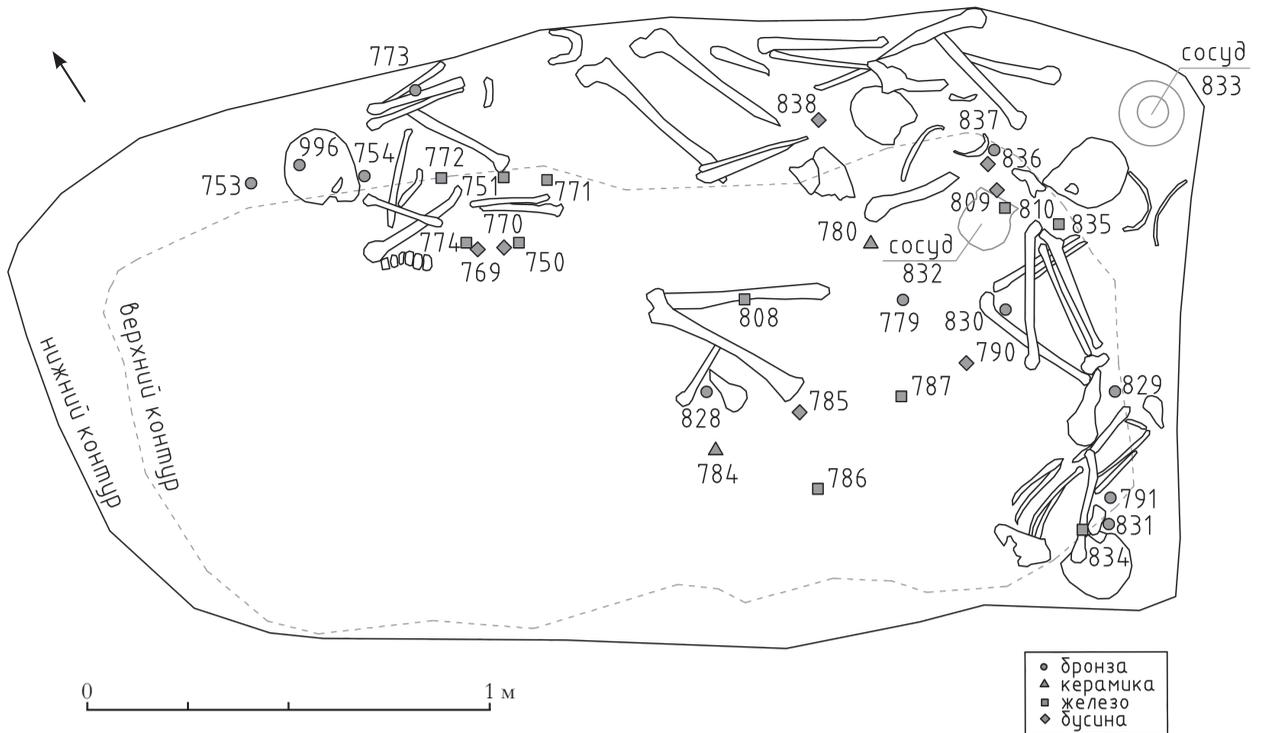

Рис. 7. Харбас 1. Склеп 1. План погребений и находок

Fig. 7. Harbas 1. Vault 1. Plan of burials and finds

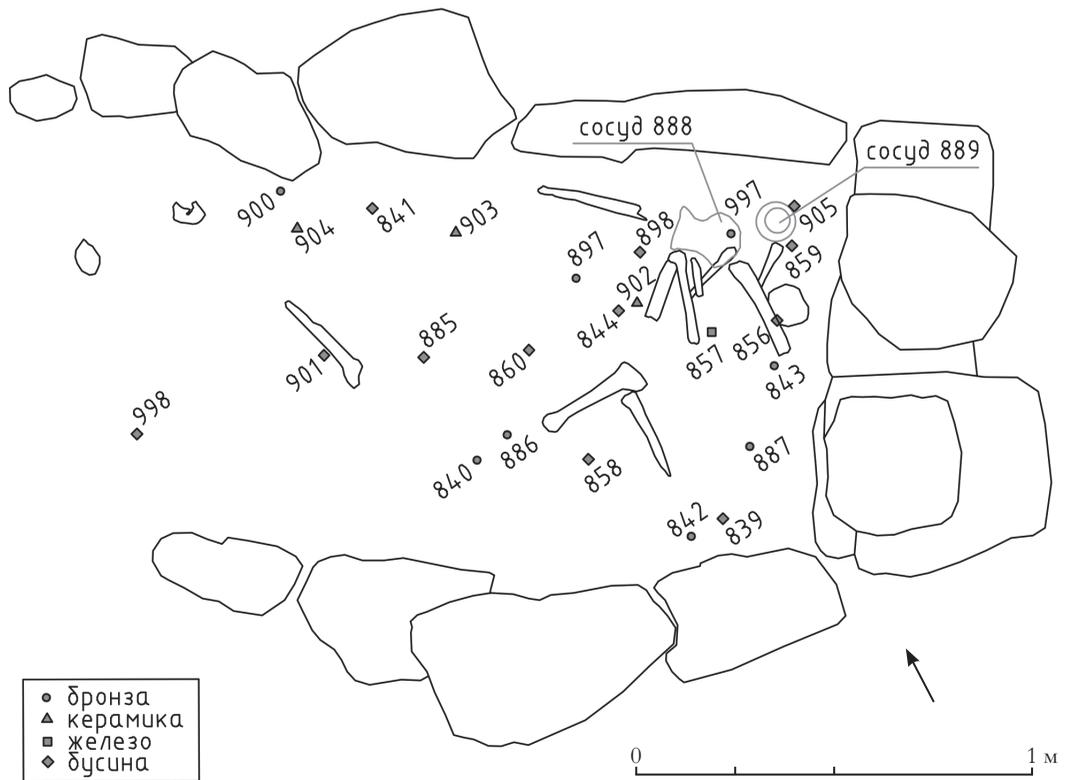

Рис. 8. Харбас 1. Склеп 2. План погребений и находок

Fig. 8. Harbas 1. Vault 2. Plan of burials and finds

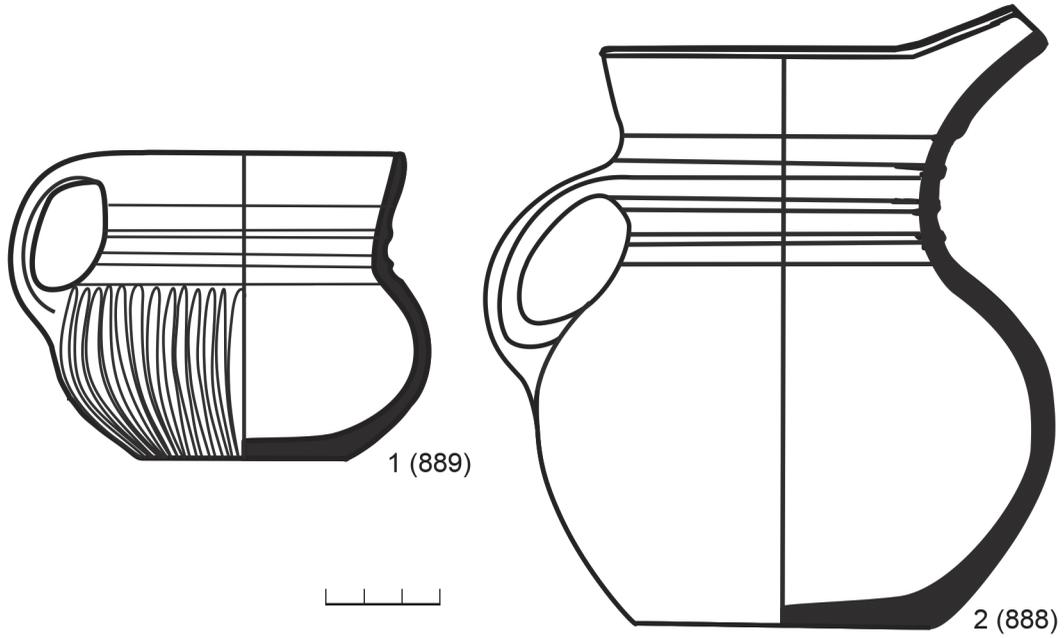

Рис. 9. Харбас 1. Склеп 2. Керамика
Fig. 9. Harbas 1. Burial vault 2. Pottery

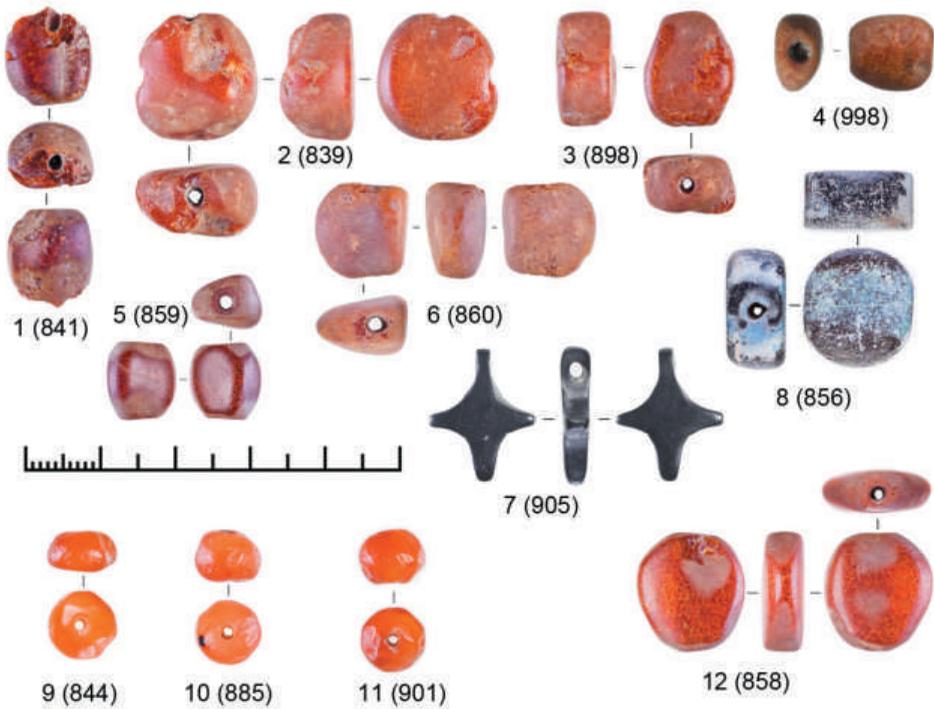

Рис. 10. Харбас 1. Склеп 2. Бусы
Fig. 10. Harbas 1. Burial vault 2. Beads

Рис. 11. Харбас 1. Склеп 2. Погребальный инвентарь (857 — железо, остальное — медные сплавы)

Fig. 11. Harbas 1. Burial vault 2. Grave goods (857 — iron, the rest — copper alloys)

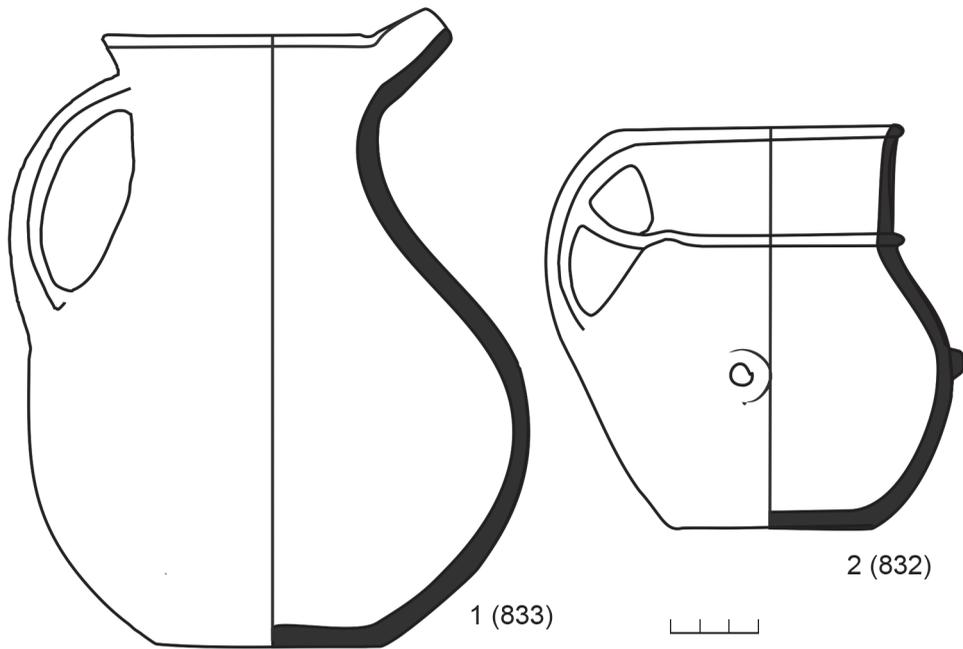

Рис. 12. Харбас 1. Склеп 1. Керамика
Fig. 12. Harbas 1. Burial vault 1. Pottery

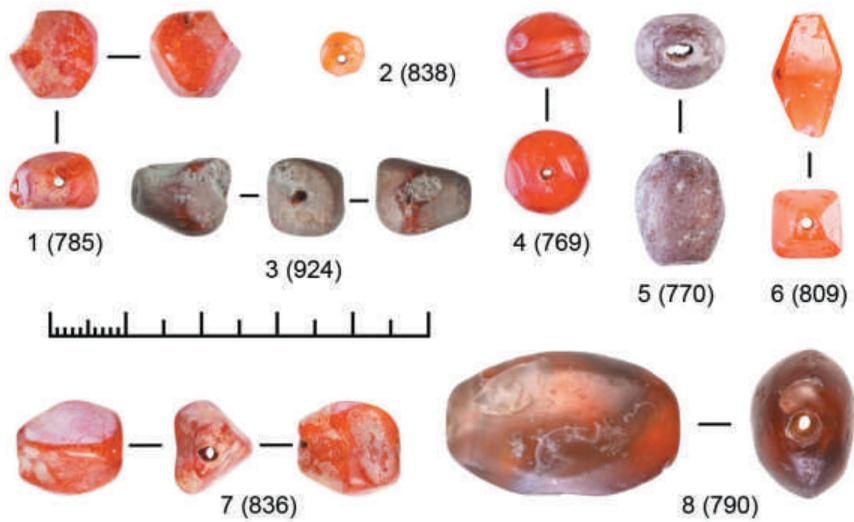

Рис. 13. Харбас 1. Склеп 1. Бусы
Fig. 13. Harbas 1. Burial vault 1. Beads

Рис. 14. Харбас 1. Склеп 1. Изделия из железа
Fig. 14. Harbas 1. Burial vault 1. Iron objects

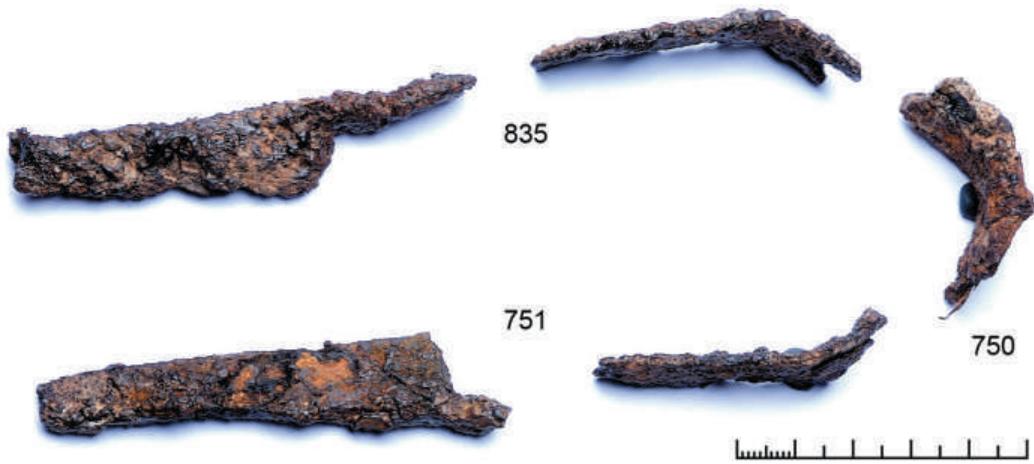

Рис. 15. Харбас 1. Склеп 1. Железные ножницы

Fig. 15. Harbas 1. Burial vault 1. Iron scissors

Рис. 16. Харбас 1. Склеп 1. Браслеты и зеркала

Fig. 16. Harbas 1. Burial vault 1. Bracelets and mirrors

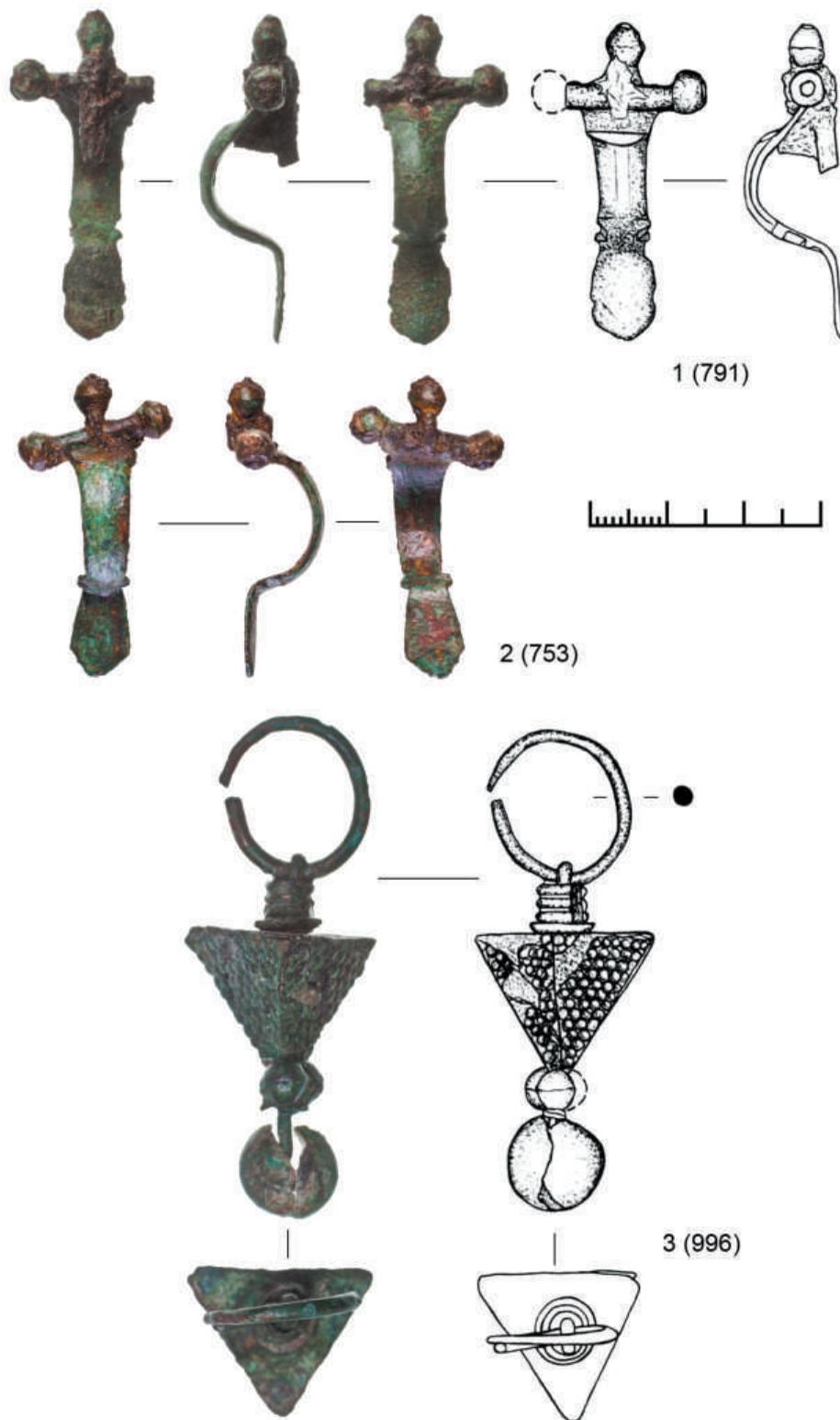

Рис. 17. Харбас 1. Склеп 1. Фибулы (1, 2) и серьга (3)
Fig. 17. Harbas 1. Burial vault 1. Fibulae (1, 2) and an earring (3)

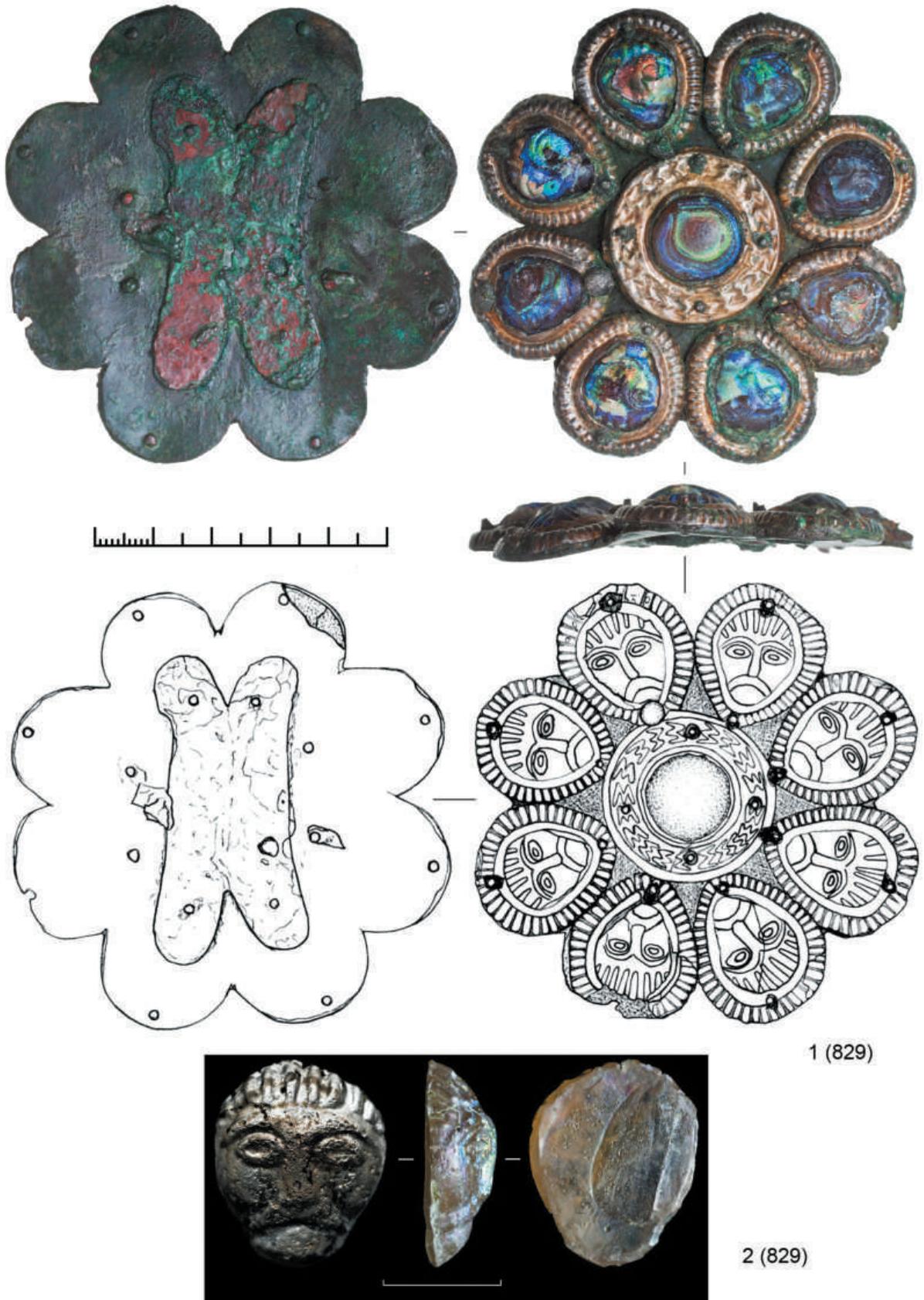

Рис. 18. Харбас 1. Склеп 1. Латунная фибула (брошь) со стеклянными вставками (1) и ее фрагмент (2)
Fig. 18. Harbas 1. Burial vault 1. Brass fibula (brooch) with glass inserts (1) and its fragment

На Северном Кавказе есть только одна прямая композиционная, но не технологическая аналогия из Камунты, Северная Осетия (Уварова 1900: 308; Габуев 2005: 45), которая, судя по всему, не происходит из документированного комплекса. С другой стороны, небольшие отдельные «личины», как стеклянные (Габуев 2005: 45), так и золотые (Бетровов 1987: 37; Миллер 1888: табл. XXVI), в регионе встречаются.

Высказано мнение о связи этого типа находок с европейскими (германскими) контактами или с непосредственным присутствием носителей этих традиций (Левада 2006: 215–217). Хотя это касается чуть более раннего времени, однако находка из Камунты также рассматривается в этом ряду. Собственно, для VII в. такие аналогии выглядят более очевидными, чем для V в. — такие изделия близки фибулам или брошам меровингского времени. Сходство прослеживается не только в общем композиционном построении, но также в иконографии отдельной «личины»: резкие линии бровей; волосы, уходящие назад широкими рельефными полосами; однозначно показанные усы, часто при этом без бороды; глаза, оконтуренные отдельным выступающим рельефом. Все эти детали характерны для европейских древностей и даже отсылают к кельтскому искусству, где можно встретить композиционно и иконографически идентичные вещи (см. Шукин 2005: 369).

Перечислим особенности погребального обряда, зафиксированные в склепе 1 и, в меньшей степени, в склепе 2: 1) засыпка производилась одновременно специально предназначенным для этого грунтом; 2) к этому моменту погребенные уже не лежали в анатомическом порядке; 3) после этого вход в склеп, при наличии такового, закрывался снаружи кладкой.

Стоит подчеркнуть и основные отличия материалов из склепов Харбас 1 от наиболее типичных и лучше изученных для этого времени и региона катакомбных погребений — перемешанность скелетов; отсутствие стеклянных бус; сломанные предметы (ножницы, бусы и зеркала); браслеты не на руках; восемь лиц на одном украшении (при этом фактически весь погребальный инвентарь находит полные аналогии в одной только Мокрой Балке).

Поиск аналогий особенностям обряда затруднен отсутствием специальных исследований по классификации склепов Северного Кавказа. Судя по общим работам, традиция возведения склепов долговременная, охватывает все средневековье (Кузнецов 1962: 76–80) и, по всей видимости, не была единообразной. Перемешанность скелетов в подземных склепах, близких по времени к склепам Харбас 1, как правило, рассматривается как ограбление (Акритас 1957: 409) или погребение «в полусидячей позе» (Владимиров 1901: 138). Однако нам представляется, что в перспективе можно будет выделить отдельную группу подземных склепов с тремя плитами перекрытия и крупными камнями в основании сложенной насухо кладки. В отдельных случаях эти конструктивные признаки выражены очень явно, и эта традиция может не иметь отношения к другим типам каменных подземных сооружений. Не исключено, что на этой основе далее можно выделить и локальный вариант раннесредневековой культуры Северного Кавказа с коллективными перемешанными погребениями в подземных склепах. В таком случае обряд может быть объяснен как «обезвреживание покойника», «захоронение тел, растерзанных дикими зверьми» (или птицами, или собаками), либо появятся новые предположения о бытовавших пред-, пост- или просто погребальных практиках.

Акритас П. Г. 1957. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ 11, 407–415.

Амброз А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука (САИ Д1-30).

Амброз А. К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. 2001. Мокрая Балка. Выпуск 1: дневник раскопок. М.: Научный мир.

Бетровов Р. Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Абрамова М. П., Козенкова В. И. (ред.). Археологические исследования на новостройках

Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик: Эльбрус, 11–37.

Габуев Т. А. 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: каталог выставки. М.: Государственный музей искусства народов Востока.

Владимиров И. А. 1901. Извлечение из отчета И. А. Владимирова о раскопках, произведенных им в 1898 году в Нальчикском округе Терской области // ОИАК за 1898 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 124–140.

Кереев Б. М., Звягин В. Н. 2008. Новый раннесредневековый скальный (?) могильник в высокогорной долине р. Харабаз в Кабардино-Балкарии // Белинский А. В. (ред.)

Крупновские чтения 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Наследие, 922.

Кузнецов В. А. 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Наука (МИА 106).

Левада М. Е. 2006. «Другие германцы» в Северном Причерноморье римского времени // БИ 11, 194–251.

Макарова Т. И., Плетнева С. А. (ред.). 2003. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука.

Миллер В. Ф. 1888. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК 1, 70–91.

Рашиев Р. 2005. Прабългарите през V–VII век. София: Орбел.

Садыков Т. Р. 2011. Поселенческий комплекс в составе памятника Харбас 1 // Бюллетень ИИМК РАН 2, 331–340.

Уварова П. С. 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова. (МАК 8).

Чеченов И. М. 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус.

Шукин М. Б. 2005. Готский путь. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ.

Э. Ю. Шестопалова

РИТУАЛЬНЫЕ РАЗРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ДАГОМСКОГО И АРХОНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

В статье представлены неопубликованные материалы Дагомского и Архонского катакомбных могильников, расположенных в соседних Урсдонском и Архонском ущельях Алагирского района Республики Северная Осетия — Алания (раскопки автора). Оба памятника оставлены аланами в конце VI — начале IX в. Они представляют интерес для сравнительного анализа погребального обряда, включавшего ритуал посмертного разрушения погребений. Выявлены детали, характерные для обоих могильников, а также отличительные особенности, которые можно объяснить наличием своеобразных локальных верований или предпочтений в выборе ритуальных действий.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Северная Осетия — Алания, аланы VII–VIII вв., катакомбы, обряд разрушения.

E. Yu. Shestopalova. Ritual destruction of burials as reflected in the materials of the Dagom and Arkhon cemeteries. The paper presents previously unpublished materials of the Dagom and Arkhon catacomb cemeteries situated in the neighboring Ursdon and Arkhon gorges of the Alagir district of North Ossetia-Alania (excavated by the author). Both sites were left by Alans at the end of the 6 — early 9 c. They are of great interest for the comparative analysis of the funeral ceremony, which included a post-mortem ritual destruction of the burials. The paper reveals details specific to both cemeteries, as well as some distinctive features, which can be attributed to certain peculiar local beliefs or preferences in the choice of ritual procedures.

Keywords: North Caucasus, North Ossetia — Alania, Alans in the 7–8 cc., catacombs, burial destruction ritual.

При исследовании катакомбных захоронений часто выявляются сложнообъяснимые детали погребальной обрядности. Существование ритуала, связанного с посмертными манипуляциями с телом и/или скелетом умершего, в настоящее время сомнений уже не вызывает. Истоки этого обычая уходят в глубокую древность и археологически зафиксированы у самых разных народов на обширной территории Евразии с эпохи неолита до позднего средневековья. Хотя имеются довольно много исследований на эту тему, однако многие вопросы далеки от разрешения.

В статье представлены материалы двух синхронных однокультурных катакомбных могильников — Дагомского и Архонского, оставленных аланским населением в конце VI — начале IX в. Оба памятника находятся в Алагирском районе Республики Северная Осетия — Алания, в соседних Урсдонском и Архонском ущельях, на высоте 1200–1300 м над уровнем моря.

Некомплектность скелета или его смещенность помимо преднамеренных действий может быть обусловлена и естественными процессами, поэтому могут возникать сомнения в определении причин анатомической нестабильности погребений. Случаи, когда изменения в расположении костей произошли естественным путем и не вызывают сомнений, нами не рассматриваются. Норы и ходы грызунов не зафиксированы в стенах камер и пола катакомб, также не зафиксировано разрушений от корней деревьев или других растений, поэтому ни зоогенный, ни дендрогенный факторы не рассматриваются. Представленные ниже погребения не относятся к вторичным захоронениям, так как анатомическая целостность скелетов была нарушена уже после захоронения. Все зафиксированные детали свидетельствуют о преднамеренном посмертном разрушении, проходящем уже непосредственно в камере.

Представленные материалы происходят из раскопок автора (далее в тексте в скобках указан год раскопок), датируются VII–VIII вв. по комплексам находок из катакомб. Антропологические определения проведены автором по методике отождествления пола и возраста погребенных по скелетированным останкам (см. Джамолов 1978; Звягин 1983; Пашкова, Резников 1978). Иллюстративный материал представлен частично ввиду ограниченности объема статьи. Последовательность изложения определена лучшей сохранностью остеологического материала и, соответственно, лучшей фиксацией деталей погребального обряда на Дагомском могильнике.

В могильнике Дагом исследовано 14 катакомб с общим количеством погребенных до 45 человек. Следы посмертных разрушений и перемещений костей были отмечены в восьми катакомбах (кат. 2, 4–6, 9, 10, 12 и 16), в которых было захоронено девять мужчин, шесть женщин, четверо детей, в еще четырех случаях пол не определен — всего 23 человека. Из них ритуальным действиям подверглись останки 12 человек: пяти мужчин (кат. 2, 4, 6, 12 и 16), трех женщин (кат. 6, 9 и 16), трех детей (кат. 2, 10 и 16), пол одного погребенного (кат. 5) не определен. В некоторых случаях это касалось всех погребенных в камере (кат. 6 и 16), иногда следы разрушений выявлены только у одного из погребенных (кат. 4 и 12). Ниже приводится краткое описание зафиксированных разрушений и, по возможности, обоснование преднамеренности этих действий.

В катакомбе 2 (2003 г.) были захоронения трех взрослых мужчин и мальчика подросткового возраста, все на спине в вытянутом положении. Погр. мужчин 1, 2 и ребенка 3 были сильно разрушены в области грудных клеток и черепов, но при этом ноги всех погребенных остались *in situ*. Вероятно, во время этих действий, характер которых достоверно не определен, связки и сочленения нижних конечностей еще сохраняли свою целостность, и их разрушение не предполагалось на этом этапе или вообще. Очевидным можно считать только преднамеренное перемещение коленной чашечки левой ноги погр. 1, которая находилась сбоку, на удалении от коленного сустава. Погр. 3 мальчика интересно тем, что его череп не находился на месте своего анатомического расположения, не было даже пятна тлена там, где он должен был быть. Фрагменты черепа в виде мелкого крошева зафиксированы в тлене тазовых костей мужского погр. 2. Не ясно, был ли череп 3 туда перемещен преднамеренно или оказался в результате смещения костей грудных клеток погр. 1 и 2. Последнее в камере погр. 4 не соприкасалось с предыдущими и видимых следов преднамеренного разрушения не имело.

В катакомбе 4 (2003 г.) было совершено парное захоронение мужчины и женщины (рис. 1: 1, 2). Мужской скелет в погр. 2 вытянут на спине, отчетливо зафиксировано неестественное расположение черепа, сильно смещенного влево от шейного отдела позвоночника. Вероятно, голова мужчины изначально лежала ровно на затылочной части, сильно упираясь в стену, что подтверждается сохранившимся в стене на высоте 8–10 см от пола пятном тлена от черепа и соответствующим положением шейных позвонков *in situ*. Через определенное время череп, уже освобожденный от мягких тканей, но еще сохранявший сочленения верхне-челюстно-лицевого сустава, был преднамеренно перевернут на левый бок с сильным разъединением челюстей, которое могло произойти естественным образом, когда череп находился в положении «на затылке» (при боковом положении черепа распадаения челюстей не происходит). Особо следует отметить, что один из шейных позвонков находился справа от плеча правой руки, в 35–40 см от места своего анатомического расположения, что можно объяснить преднамеренным изъятием и перенесением его на отдаленное место. Других целенаправленных разрушений не зафиксировано. Женское погр. 1, на левом боку с согнутыми ногами, не имело видимых следов преднамеренных разрушений. Для сравнения отметим женский череп 1, который находился в аналогичном с мужским черепом 2 левостороннем положении, но имел иное расположение челюстей, соответствующее анатомической целостности, без посмертного вмешательства извне.

В катакомбе 6 (2004 г.) совершено парное захоронение мужчины и женщины, оба погребения имели следы преднамеренных разрушений. Скелет мужчины в погр. 1 вытянут на спине, четко зафиксировано только смещение коленной чашечки его левой ноги, которая находилась слева, на удалении от коленного сустава, других нарушений не отмечено. Положение женского погр. 2 правостороннее на боку с согнутыми ногами. Целенаправленному разрушению подвергся, вероятно, череп, его лицевая часть, о чем могут свидетельствовать перевернутая и смещенная нижняя челюсть и измельченные или раздавленные лицевые кости, при этом фрагменты черепной коробки и все остальные кости скелета находились на местах своего анатомического положения (рис. 2: 1, 2).

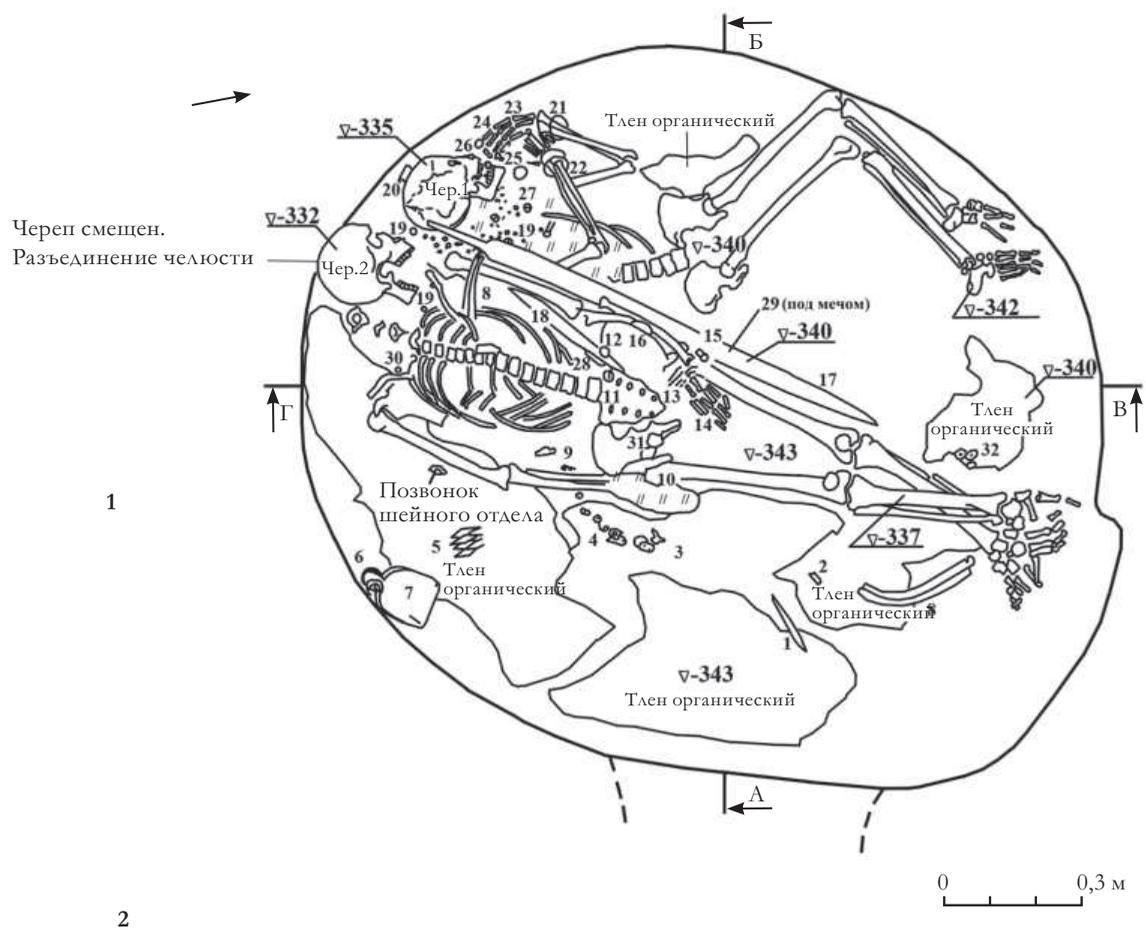

Рис. 1. Могильник Дагом. Катакомба 4. Парное захоронение мужчины-воина и женщины.
1 — план; 2 — фотография

Fig. 1. Dagom cemetery. Catacomb 4. Pair burial of a male warrior and a woman.
1 — plan; 2 — photo

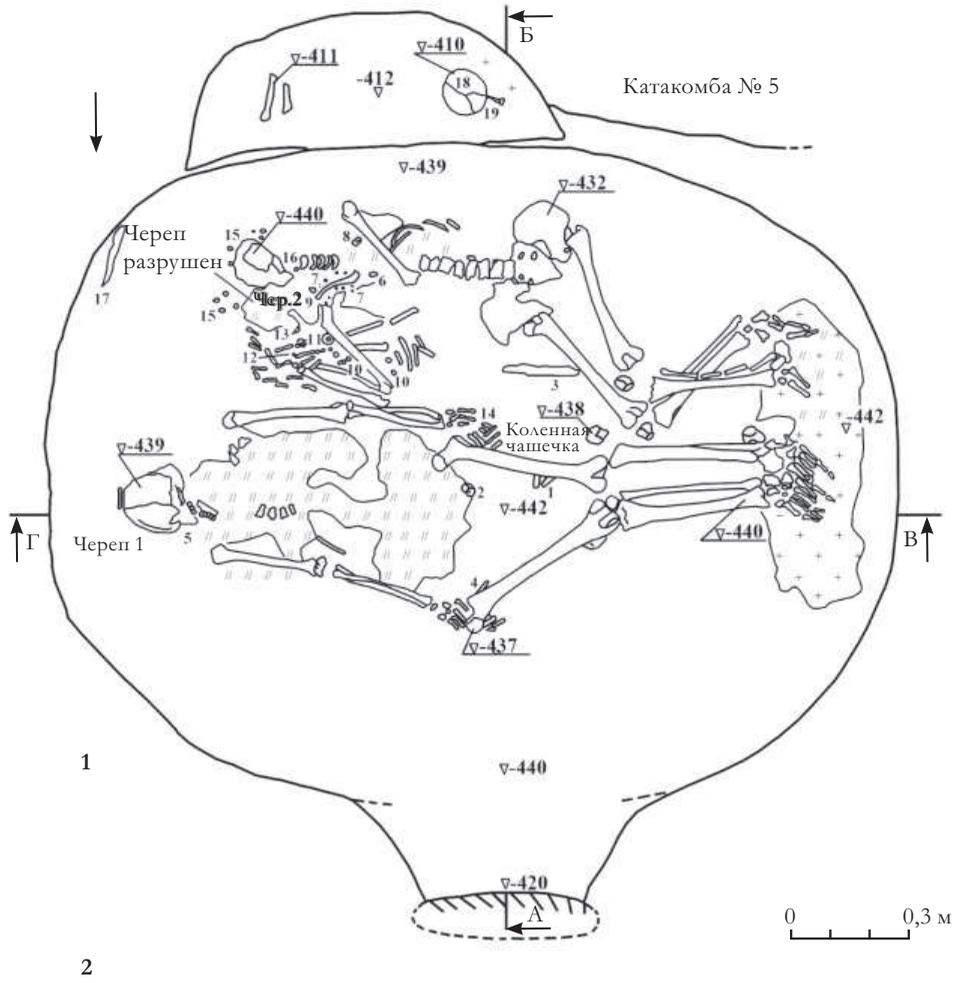

Рис. 2. Могильник Дагом. Катакомба 6. Парное захоронение мужчины и женщины.
1 — план; 2 — фотография

Fig. 2. Dagom cemetery. Catacomb 6. Pair burial of a man and a woman. 1 — plan; 2 — photo

В катакомбе 9 (2005 г.) совершено четыре погребения, три из которых были сильно разрушены и перемешаны вместе с погребальными предметами, характер разрушений неоднозначен, пол не определен. *In situ* осталось только последнее в камере женское погр. 1, расположенное у лаза, на левом боку с сильно согнутыми ногами. Отчетливо прослеживается разрушение тазового пояса: обе подвздошные кости были развернуты почти в противоположную от естественного положения сторону таким образом, что правая нога оказалась отделена от таза, а позвонки поясничного отдела находились на удалении и перевернуты, положение крестца также не соответствовало анатомическому расположению. Такое разрушение не могло произойти только естественным путем без преднамеренного вмешательства, для сравнения можно привести женские погребения в катакомбах 4, 6 и 12, где кости таза не нарушены (рис. 1; 2; 4) и соответствовали анатомическому положению погребенных.

В катакомбе 9 зафиксирована еще одна деталь, которая может быть связана с ритуалом разрушения. Слева от лаза, у стены, на удалении от погребений, находились компактно и вперемешку кости стоп, вероятно, специально изъятые у кого-то из погребенных или у нескольких и положены отдельно, их принадлежность конкретным погребенным не определена.

В катакомбе 10 (2005 г.), несмотря на очень плохую сохранность костей, достаточно надежно были определены погребения мужчины вытянуто на спине, женщины на правом боку с согнутыми ногами и ребенка, предположительно, мужского пола подросткового возраста, уложенного между ними вытянуто на спине. Также было зафиксировано компактное пятно глина с мелкими фрагментами черепа и тремя стеклянными бусинами, расположенное у дальней от лаза стены, за спиной женского погр. 1 (рис. 3: 1, 2). Можно предположить, что это остатки черепа 3 ребенка, который был туда преднамеренно перемещен со своего первоначального положения. Это предположение можно объяснить тем, что ни фрагментов черепа, ни зубов, ни четкого пятна глина от черепа не было найдено на месте его анатомического положения. Следов преднамеренных разрушений мужского погр. 2 и женского погр. 1 достоверно не зафиксировано.

В катакомбе 12 (2005 г.) находилось парное захоронение взрослой женщины и юноши (рис. 4: 1, 2). Все кости женского погр. 1 находились в анатомическом порядке, соответствующем позе погребенной на правом боку с согнутыми ногами, без видимых следов преднамеренных разрушений. Погр. 2 юноши вытянуто на спине, оно также не было потревожено, за исключением коленной чашечки правой ноги, которая находилась справа от бедра, выше коленного сустава, заметное смещение стоп влево произошло естественным путем в результате наложения правой голени на левую. Манипуляции с коленными чашечками отмечены у взрослых мужчин в Дагомском некрополе (кат. 2, погр. 1; кат. 6, погр. 1), фиксация этого действия у юноши могло означать, что он уже перешел в разряд взрослого населения.

В катакомбе 16 (2007 г.), где было захоронение мужчины, женщины и младенца, нарушения скелетной целостности отмечены у всех трех погребенных (рис. 5: 1, 2). Положение женского погр. 1 правостороннее на боку с подогнутыми ногами и сильно разрушенными костями тазового пояса. На месте своего анатомического положения осталась только левая подвздошная кость, правая была отделена от бедра и развернута в противоположную сторону, крестец и один поясничный позвонок находились у стены, в неестественно развернутом и удаленном положении, поясничный отдел позвоночника был разрушен. Посмертные манипуляции с костями таза происходили, предположительно, в то время, когда еще сохранялись сочленения некоторых костей, на что указывает положение нескольких смещенных, но не разъединенных позвонков поясничного отдела. По всей видимости, целенаправленному разрушению подвергся и череп этой женщины — была уничтожена (раздавлена) его лицевая часть, за исключением нижней челюсти и небольшого фрагмента черепной коробки, которые остались *in situ*. Очевидно смещение двух шейных позвонков, которые могли быть преднамеренно отделены от позвоночного столба и положены на удалении, позади черепа 1, у стены.

Положение мужского погр. 2 вытянуто на спине с неестественно согнутыми ногами. Ноги были резко подогнуты в коленях таким образом, что обе ступни находились справа от тазовых костей, вероятно, они были связаны так изначально при положении в камеру или в камере во время погребения, так как ничто не указывает на их иное расположение. В камере было достаточно места, чтобы уложить погребенного в обычной позе с вытянутыми ногами, однако ноги были связаны не в голених, как было принято, а сложены именно таким образом. Эта деталь выходит за рамки ритуала, который

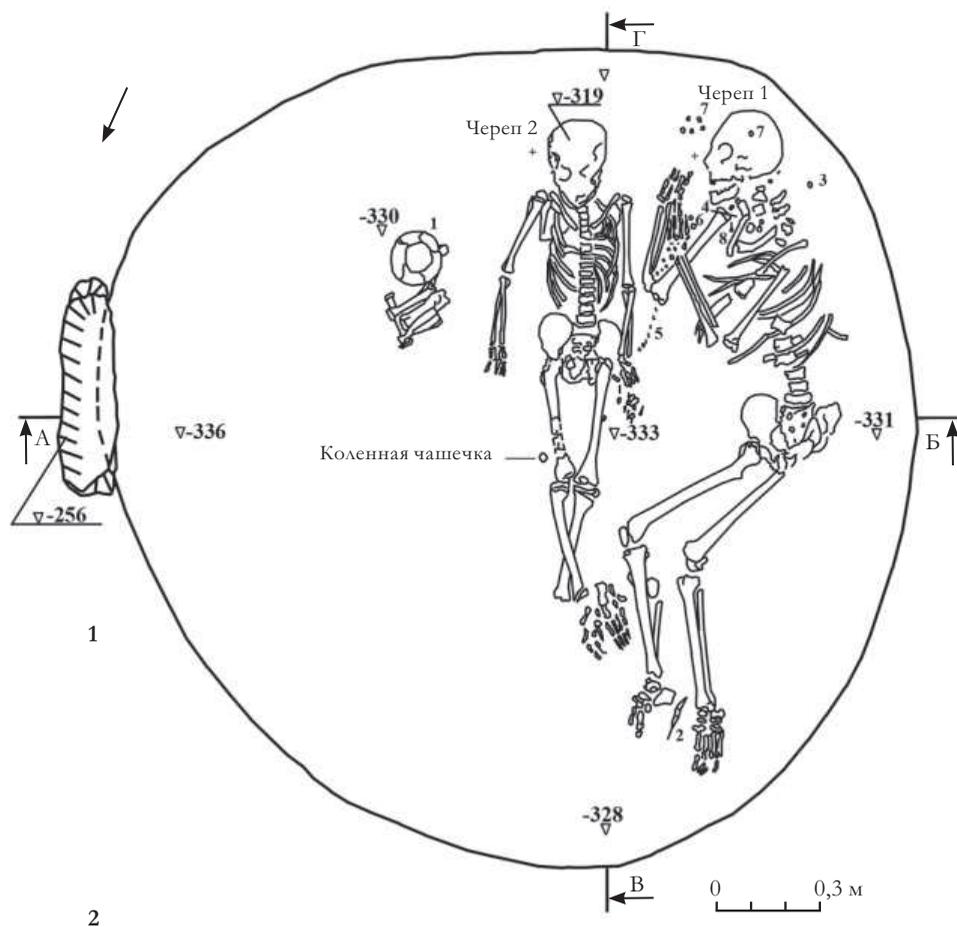

Рис. 4. Могильник Дагом. Катакомба 12. Парное захоронение женщины и юноши.
1 — план; 2 — фотография

Fig. 4. Dagom cemetery. Catacomb 12. Pair burial of a woman and a youth.
1 — plan; 2 — photo

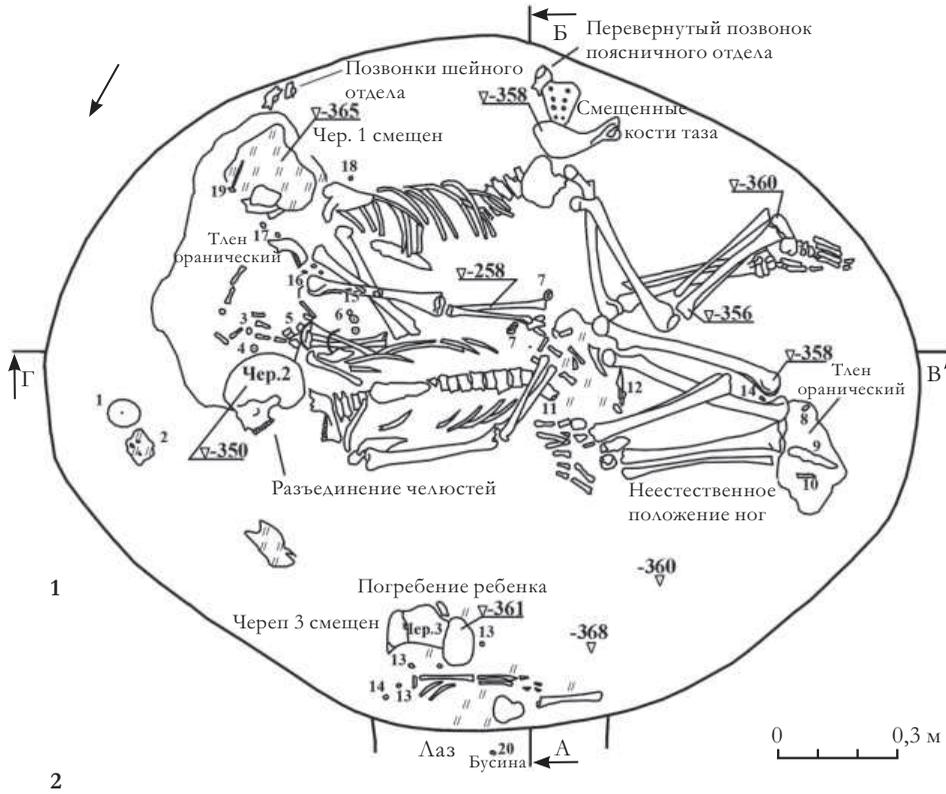

Рис. 5. Могильник Дагом. Катакомба 16. 1 — план; 2 — фотография, на переднем плане мужское погребение; на заднем плане женское погребение с разрушенным черепом и тазом

Fig. 5. Dagom cemetery. Catacomb 16. 1 — plan; 2 — photo, male burial in the foreground; in the background there is a female burial with her skull and pelvis disrupted

проводился через некоторое время после погребения, хотя определить достоверно время связывания ног, равно как и смысл этого действия, пока не представляется возможным. У мужчины зафиксировано также неестественно сильное разъединение челюстей при боковом правостороннем положении черепа. Возможно, изначальное положение головы было «на затылке», при котором происходит естественное распадаение челюстей, а позже череп был преднамеренно перевернут набок с уже разъединенными челюстями, но сохранявшими сочленения верхнего челюстно-лицевого сустава. При изначально боковом положении головы, что также вероятно, такое разъединение челюстей могло быть преднамеренным. Возможно, разрушения мужского и женского черепов совершались одновременно.

В камере, сразу под лазом, находилось погр. 3 девочки-младенца. По частично сохранившимся костям положение ребенка определяется вытянуто на спине, головой на В, характер разрушений скелетной целостности ребенка не однозначен. Развал детского черепа зафиксирован слева от предплечья левой руки ребенка, не на месте своего анатомического положения, возможно, он был преднамеренно смещен и как бы «разобран» на части.

Помимо ясно выраженных и видимых деталей преднамеренного разрушения погребений, почти в каждой катакомбе Дагомского некрополя можно обнаружить и косвенные указания на этот же обряд, пусть не столь очевидные, но заслуживающие внимания. Здесь встречаются катакомбы, в которых погребения разрушены полностью, ни одна кость не находилась на месте своего анатомического положения и даже приблизительное положение погребенных не определяется — катакомбы 7–9, 11 и 18.

В катакомбе 11 (2005 г.), с парным захоронением мужчины и женщины, все кости были беспорядочно разбросаны так, будто проникшие люди стремились не оставить на месте ни одной из них, мужской череп 1 был перевернут. Камера была ограблена, по всей видимости, в древности через пролом над лазом, и уже скелетированные останки могли быть разрушены грабителями, но такие разрушения могли иметь также и преднамеренный характер.

Катакомба 18 (2007 г.) отличалась большим количеством погребенных, приблизительно 7 взрослых и 2–3 детей, но только последнее в камере мужское погр. 1, у лаза, осталось *in situ* (рис. 6: 1, 2). Положение мужчины вытянуто на спине, у него разрушены лицевые кости черепа, фрагменты челюстей смещены, но характер разрушения не однозначен и других видимых изменений не зафиксировано. Кости и черепа всех остальных погребенных были не просто сдвинуты к стенам, но перемешаны и разбросаны так, что лишь несколько из них осталось *in situ*, например, бедренные кости одного из погребенных были отброшены друг от друга почти на 1,5 м. Очевидно, что погребения сдвигались, чтобы освободить место в камере, но такие разрушения могли быть и преднамеренными, следов ограбления не зафиксировано. Следует сопоставить похожие разрушения трех погребений в катакомбе 9, а также разрушенные катакомбы 7 и 8 (2005 г.) с сильно перемешанными костями без признаков ограбления.

В катакомбе 5 (2004 г.) было три захоронения: мужское погр. 1, вытянуто на спине, и погр. 2 девочки, на спине с подогнутыми ногами, не сохранили следов преднамеренных разрушений; погр. 3 взрослого человека, пол которого определить не удалось, было совершено без соблюдения принятого обряда. Умерший или умерщвленный человек, был, очевидно, связан, а возможно, и расчленен, и в таком виде «запакован», предположительно, в мешок и уложен в ногах мужского погр. 1, занимавшего центральную часть камеры. Кости сильно истлели, определить анатомическую комплектность и хотя бы приблизительное их положение оказалось невозможным, сохранилось только несколько неинформативных фрагментов черепной коробки. Характер захоронения не ясен, но кости не были по-смертно сдвинуты или специально собраны компактно у стены, так как изначально иного положения в камере это погребение не имело, никаких следов тлена или пятен от него не зафиксировано. Можно предположить, что это расчлененное и/или парциальное погребение, но определить это достоверно невозможно. Такие захоронения не типичны для Дагомского и Архонского могильников, но могут иметь отношение к интересующему нас ритуалу, учитывая многообразие его проявлений.

На Архонском могильнике (1996–2000, 2002 гг.) во многих катакомбах кости не сохранились, а расплывчатые пятна тлена не позволяют достоверно представить все детали погребения. Из 25 исследованных катакомб только в шести (кат. 11, 22, 23, 26, 28 и 30) можно отметить очевидные детали преднамеренных разрушений и перемещений костей. В трех катакомбах (кат. 11, 22 и 30) было погребено четверо мужчин и две женщины, всего шесть человек, но очевидные разрушения зафиксированы

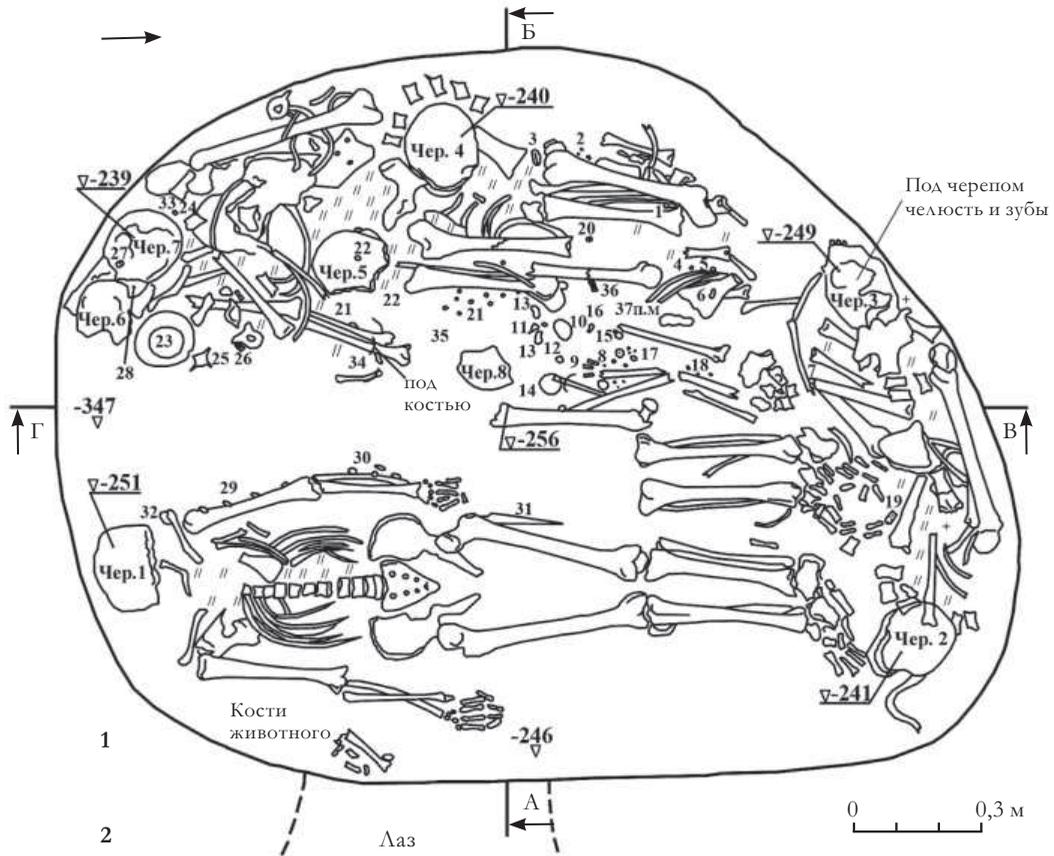

Рис. 6. Могильник Дагом. Катакомба 18. 1 — план погребения; 2 — фотография, зачистка разрушенных погребений (на переднем плане мужское погребение 1 с разрушенным черепом)

Fig. 6. Dagom cemetery. Catacomb 18. 1 — plan; 2 — photo, clearing of destroyed burials (a male burial with his skull disrupted in the foreground)

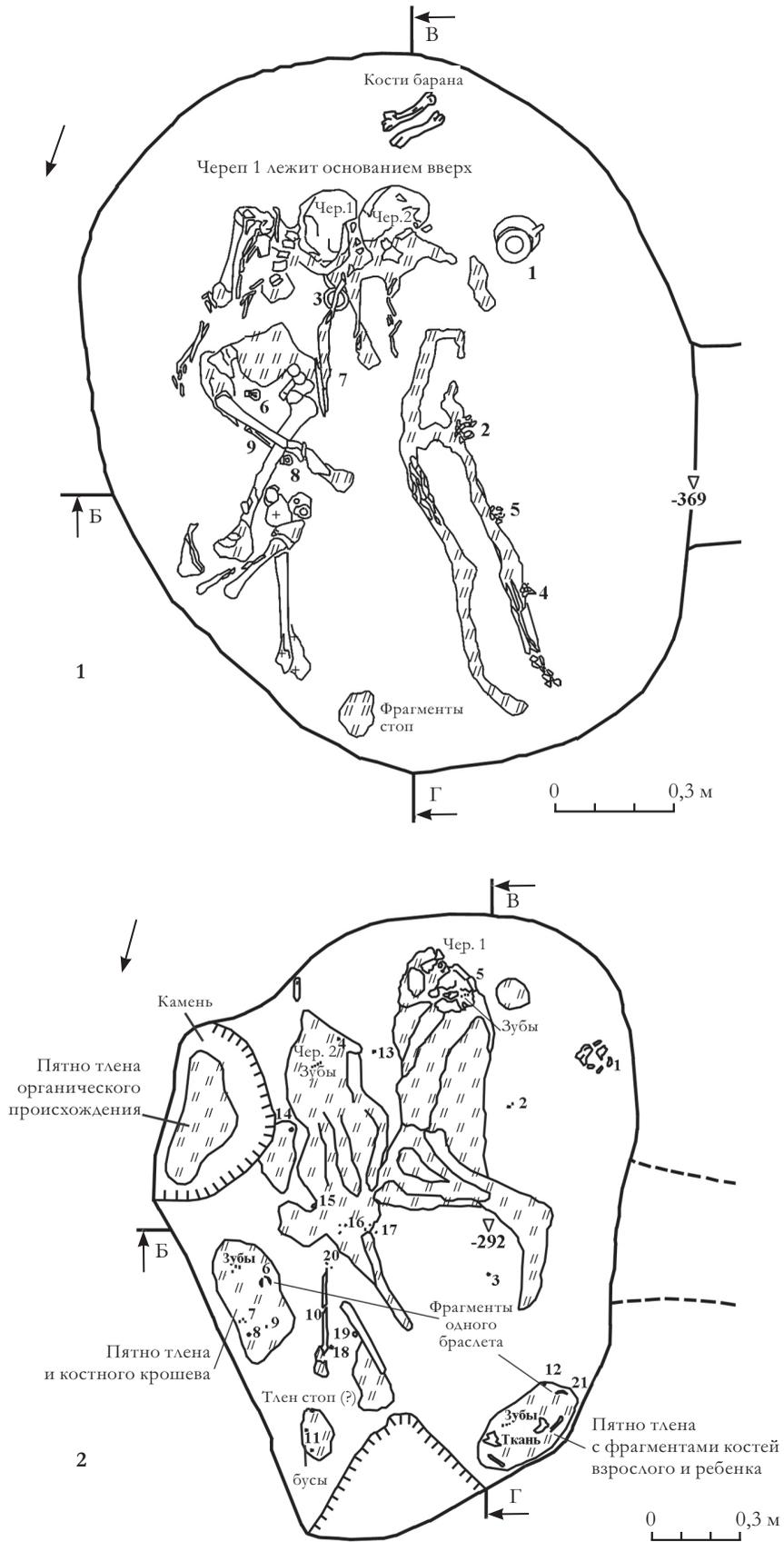

Рис. 7. Могильник Архон. 1 — катакомба 11, план; 2 — катакомба 22, план

Fig. 7. Arkhon cemetery. 1 — catacomb 11, plan; 2 — catacomb 22, plan

только в двух случаях: у мужчины в катакомбе 11 и у женщины в катакомбе 30. Разрушения в катакомбе 22 связаны с удалением отдельных костей погребенных в пределах камеры. В трех катакомбах (кат. 23, 26 и 28) погребений не было, но они содержали разрозненные кости 3–4 и более человек. Разрушения в катакомбе 45 имеют неоднозначный характер.

В катакомбе 11 (1997 г.) находилось захоронение двух мужчин. Погр. 2, предположительно, вытянуто на спине, истлело полностью, за исключением фрагментов черепной коробки, и не сохранило видимых следов преднамеренных изменений. Погр. 1 подверглось значительному разрушению (череп, позвоночный столб, ноги), вероятно, на стадии глубокого разложения, когда все соединительные ткани уже распались, и стало возможным беспрепятственное разъединение всех костей. Первоначальное расположение погребенного, предположительно, вытянуто на спине. Четко зафиксировано неестественное положение черепа, который лежал лицевой частью вниз на левом плече (рис. 7: 1), зубы верхней челюсти в беспорядке находились под ним, нижняя челюсть занимала положение, соответствующее перевернутому положению черепа. Очевидно, что череп преднамеренно был отделен от позвоночного столба и положен таким образом. У этого же погребенного отмечено неестественное положение бедренных костей — они пересекались под прямым углом в верхней трети своей длины и были отделены от тазобедренных суставов, голени тоже были отделены от коленных суставов и смещены. На удалении 20 см от голени, у стены зафиксировано локальное пятно тлена, предположительно, оставшееся от стоп.

В катакомбе 22 (1998 г.) было совершено парное захоронение мужчины и женщины (рис. 7: 2). Кости истлели полностью, но пятна тлена дают представление об их приблизительном положении: мужское погр. 2 вытянуто на спине и женское погр. 1 на левом боку с согнутыми ногами. Следов преднамеренных разрушений не выявлено, но обращают на себя внимание три локальных пятна тлена, занимавшие независимое положение от погребений и очевидно не бывшие случайными. В пятне тлена у СЗ стены, слева от лаза, зафиксированы отдельные зубы и мелкие фрагменты костей взрослого человека (возможно, не одного) и ребенка, а также фрагменты ткани, бусины, мелкое бронзовое колечко и фрагмент железного браслета. Остальная часть этого браслета была обнаружена в другом пятне тлена у СВ стены камеры, вместе с бусами, пряжкой, отдельными зубами и фрагментами позвонков взрослого человека. В небольшом пятне тлена у северной стены обнаружено несколько бусин, вероятно, это пятно от смещенных со своего места стоп погр. 2. Обычай помещать бусы у стоп или голени мужского погребения известен, в том числе, и в Дагомском некрополе. Определить, у кого были изъяты фрагменты костей (или тела) и на каком этапе разложения, не представляется возможным, не ясно также происхождение нескольких фрагментов детских костей.

В катакомбе 30 (2000 г.) было два погребения, не соприкасающихся друг с другом (рис. 8: 1–3). Женское погр. 1, у противоположной от лаза стены, было сильно разрушено, первоначальное положение не определяется. Все кости были смещены со своих мест и перемешаны так, что фрагмент черепной коробки оказался в середине, приблизительно, на уровне тазовых костей, но при этом все кости остались в пределах того места, которое женщина занимала изначально. Очевидно, что ее останки не сдвигались к стене, чтобы освободить место, а подверглись преднамеренным действиям, связанным с разрушением погребения путем полного перемешивания костей и погребальных предметов. Мужское погр. 2, вытянуто на спине, не сохранило видимых следов посмертных манипуляций.

В частично разрушенной катакомбе 28 (2000 г.) погребений не было, не обнаружено никаких следов тлена от погребений или вещей на полу камеры. Вплотную к восточной стене, противоположной лазу, и у ЮВ стены, на полу камеры были расчищены две компактные группы отдельных костей 3–4 человек, происхождение которых не определимо: фрагменты ребер, голени, бедренных костей, предплечий, челюсти с тремя зубами, крестца, пяточные кости, позвонки, невыразительные фрагменты черепа и других костей, а также зуб ребенка. С ними было найдено несколько типичных для VII–VIII вв. бус из стекла и кремневый отщеп.

Такая же ситуация наблюдалась в катакомбе 23 (1999 г.), где вплотную к противоположной от лаза стене было зафиксировано компактное пятно тлена с фрагментами отдельных костей (4–5 человек), в том числе и детских, а также бронзовые накладка, гвоздик и фрагмент наконечника, которые датируются VII–VIII вв. Достоверно зафиксированных следов погребений в камере обнаружено не было, за исключением нечетких пятен, предположительно, от тлена неясного происхождения.

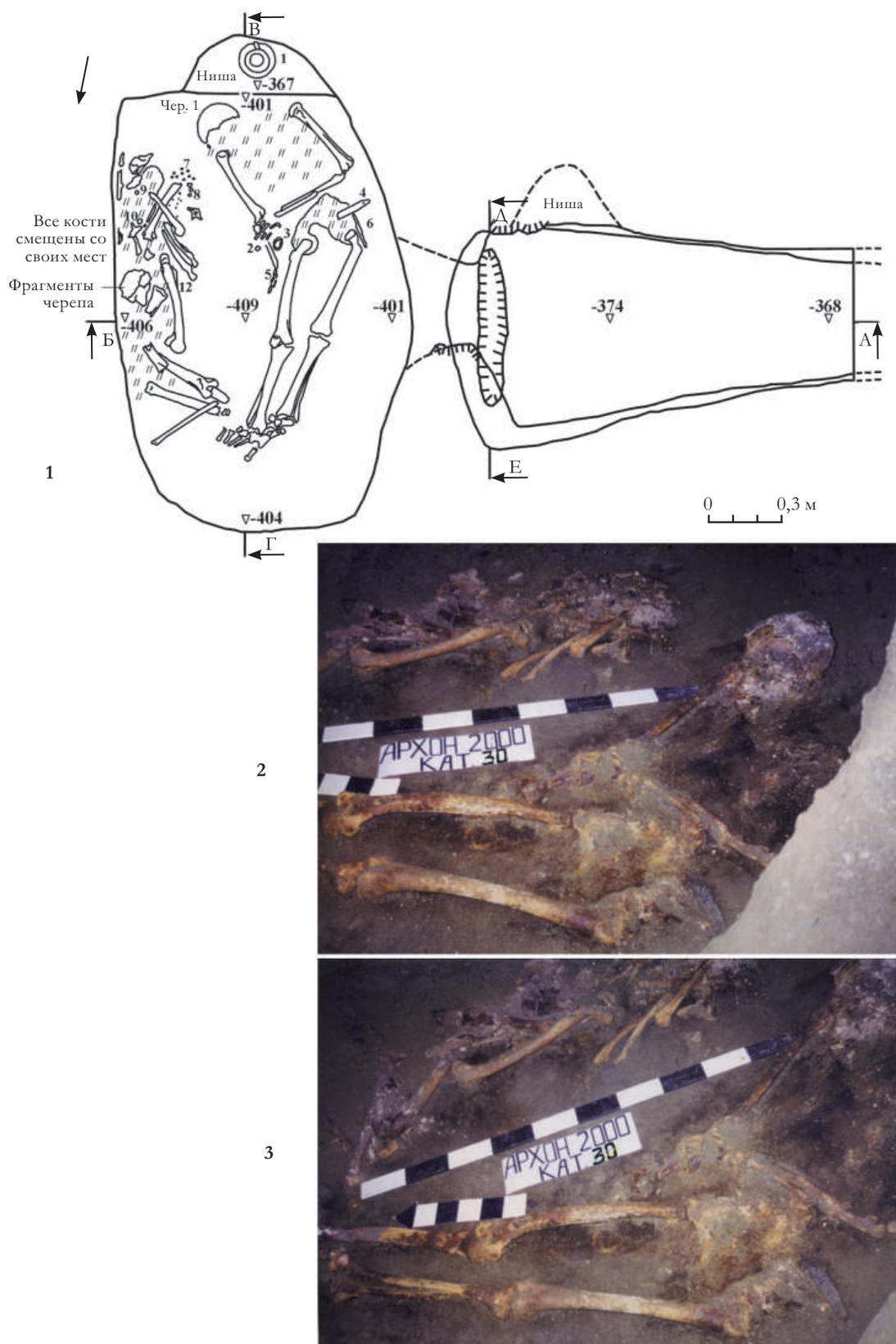

Рис. 8. Могильник Архон. Катакомба 30. 1 — план; 2 — фотография, на заднем плане разрушенное женское погребение 2

Fig. 8. Arkhon cemetery. Catacomb 30. 1 — plan; 2 — photo, destroyed female burial in the background

Особо следует отметить катакомбу 26. Она сооружена по общепринятым правилам: входная яма, лаз, камера, — но параметры и конструктивные особенности не позволяют отнести ее к обычным погребальным сооружениям этого типа (рис. 9: 1–3). Маленькая камера в разрезе имела яйцевидную форму с сильно вогнутым полом, изначальная высота не более 45–50 см, длина и ширина камеры не превышали 70 см. Размеры камеры не предполагали погребение в ней взрослого человека, тем более двух или нескольких человек, однако на полу камеры было найдено *in situ* множество разрозненных костей, как минимум, 3–5 человек: крестец взрослого и ребенка, фрагменты черепа взрослого и ребенка, позвонки, отдельные зубы, фрагменты челюсти, ребер, малой и большой берцовых, предплечий и др. Все эти кости находились в полном беспорядке, как будто были просто заброшены в камеру, происхождение их не определено. Следов погребений, хотя бы в виде пятна тлена, зафиксировано не было. В этом случае можно представить два объяснения: катакомба 26 была сооружена специально для выполнения какого-то ритуала, связанного с изъятием костей у погребенных в других местах и перемещением их в специальную катакомбу; либо в эту катакомбу собирались кости от более ранних захоронений, которые встречались при сооружении аланских катакомб. Компактное расположение отдельных костей в катакомбах 23 и 28 имеет с катакомбой 26 общие черты и является, вероятно, своеобразным проявлением погребального обряда у населения, оставившего Архонский могильник. Надо отметить, что эти катакомбы отличались от обычных своими размерами, пропорциями, конструктивными особенностями и сооружались без особой тщательности, вероятно, специально для размещения отдельных костей. Похожих деталей не было обнаружено в Дагоме.

Катакомба 45 отличалась насыщенностью погребений (10–12 человек) и инвентаря. Кости истлели полностью, очевидных следов ритуала не зафиксировано, но в камере отмечена сильная перемешанность погребальных предметов без следов ограбления, что предполагает также и перемешанность останков погребенных. Это могло происходить в процессе расчистки места в камере, а также в результате преднамеренного разрушения анатомической целостности погребений, определить однозначно характер разрушений невозможно.

Анализ четко определенных преднамеренных нарушений анатомической целостности погребений в катакомбах Дагома и Архона дает основание предполагать, что характер посмертных манипуляций связан с последовательными этапами разложения трупа и каждому этапу соответствовали определенные действия. Все биохимические процессы при распаде мягких тканей и костей проходят в определенной последовательности и остаются неизменными с момента появления человека. Разносторонние исследования в этой области дают сходные характеристики биологического разложения, некоторые расхождения имеются в определении длительности этапов, но они несущественны и общей картины не меняют. Учеными-медиками выделено пять основных этапов (стадий) этого процесса, от начального микробного разложения до полного распада костной ткани (Марченко, Кононенко 1991).

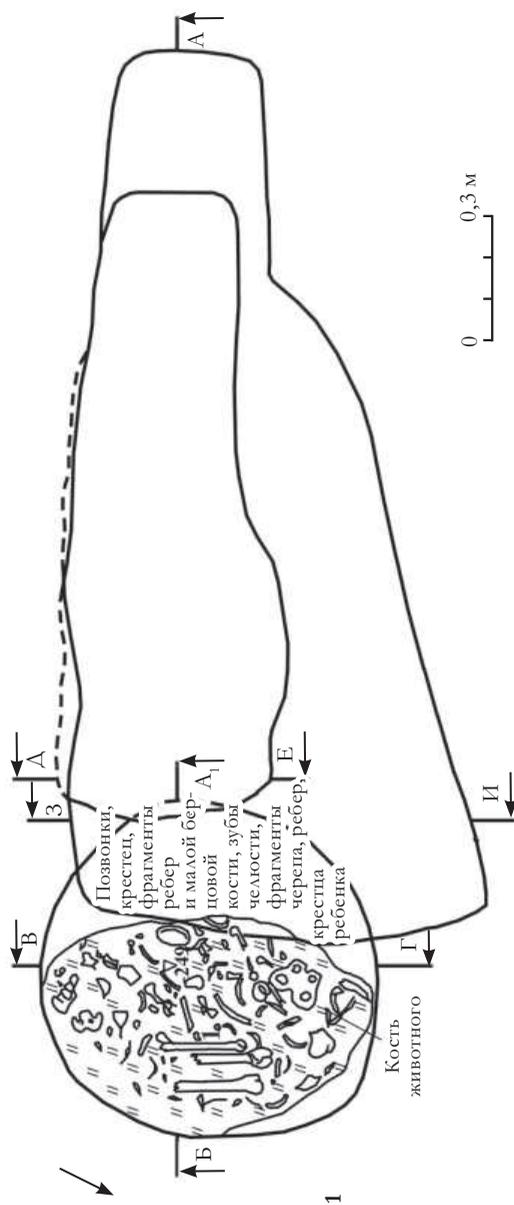
Первый этап раннего разложения начинается с момента смерти человека и длится от 1 до 5 дней. Действий, связанных с разрушением погребения, скорее всего, не проводилось, так как на этом этапе еще сохранялась целостность поверхностных тканей. В это время могли проходить церемонии, связанные с подготовкой к погребению, и само погребение, хотя нам достоверно неизвестно, сколько времени проходило с момента смерти человека до помещения в камеру.

На втором этапе активного разложения (61–81 дней) уничтожается почти вся масса мягких тканей, причем в первую очередь мягкие ткани лицевой зоны. На этом этапе уже могли проводиться действия, связанные с разрушением лицевой части черепа, перемещением мелких костей.

На третьем этапе позднего (глубокого) разложения (504 дня) уничтожаются все оставшиеся мягкие ткани, связки, хрящи и становится возможным беспрепятственное отделение и перемещение отдельных костей. Вероятно, большая часть ритуальных воздействий (разрушений) начиналась на этом этапе и продолжалась на следующем.

Рис. 9. Могильник Архон. Катакомба 26. 1 — план; 2 — фотография входной ямы катакомбы; 3 — фотография камеры катакомбы, в камере скопление человеческих костей

Fig. 9. Arkhon cemetery. Catacomb 26. 1 — plan; 2 — photo of the catacomb entrance pit; 3 — photo of the catacomb chamber with a pile of human bones inside

Четвертый этап разложения (976 дней) характеризуется распадом скелета на отдельные кости (постдепозиционные смещения костей). На этой стадии могли проводиться разрушения погребений в виде полного перемешивания или разбрасывания всех костей. Возможно, на этом этапе заканчивался ритуал преднамеренного разрушения погребений и камера закрывалась окончательно в том случае, если предназначалась только для уже погребенных в ней.

Пятый этап распада остеологической ткани, когда от костей остается тлен или только пятно тлена, может протекать в течение многих столетий. Средняя продолжительность скелетирования (по М. И. Марченко) составляет 205–1074 дня для «открытых» погребений и значительно меняется для грунтовых захоронений.

На продолжительность этапов влияет множество причин: климатические условия региона и местности на момент смерти и погребения, изменение климатических условий в течение разложения, сезонные колебания температуры и атмосферных осадков, характер почвы и глубина залегания погребений, доступ воздуха или его отсутствие, причина смерти, возраст и конституция погребенного.

Все процессы, за исключением, возможно, первого этапа, применительно к катакомбным захоронениям Дагома и Архона замедлялись, предположительно, в 2,5–3 раза по сравнению с приведенными сроками. Этому способствовали следующие условия: катакомбы в Дагоме залегали на довольно большой глубине, в среднем 3–5 м; материковая глина отличалась плотностью и однородностью состава, что обеспечивало низкую воздушную и водную проводимость; глубоколежащие пласты в наименьшей степени подвергались вентиляционным процессам; доступ воздуха в камеру ограничивался также очень небольшими размерами закрываемых лазов; следов подтопления или размыва грунтовыми водами не зафиксировано. В Архоне несколько иные условия залегания катакомб: в районе раскопов материк представлял собой слой осадочной породы, состоящей из щебня, сцементированного желтой глиной с включением камней разной величины. Камеры, залегающие в этом слое на глубине до 4 м, были более доступны для проникновения воздуха и грунтовых вод, что, вероятно, способствовало ускоренному процессу разложения и, соответственно, плохой сохранности костей. Проследить во времени, поэтапно весь процесс разложения погребений в катакомбах и соотнести с ним конкретные разрушения в пределах одного могильника и тем более отдельного погребения не представляется возможным. Однако исследованиями физиологов установлено, что в глинистой малопористой почве окончательное разложение детских погребений происходит не менее чем через 7 лет, а взрослых — через 9 лет и более (Пальцев 2000). С учетом глубины залегания катакомб в плотных материковых слоях, можно предположить, что посмертные разрушения на Дагомском и Архонском могильниках могли продолжаться, приблизительно, в течение 8–10 лет после захоронения. Разумеется, все временные характеристики весьма условны.

Всего в данной работе учтено 14 катакомб (восемь в Дагоме, шесть в Архоне), в которых следы посмертных разрушений очевидны. Из 29 погребенных в них у 14 зафиксированы нарушения анатомической целостности преднамеренного характера: у шести мужчин, четырех женщин, трех детей, пол одного не определен. В шести катакомбах (пяти в Дагоме, одной в Архоне) с общим количеством погребенных приблизительно 28–33 человека отмечены разрушения неоднозначного характера.

Анализ выявленных разрушений показал, что предполагаемым ритуальным действиям подвергались мужчины, женщины и дети, но характер разрушений мог зависеть от пола и возраста умершего, зависимость от социального статуса не прослежена. Разрушения зафиксированы не у всех погребенных, вероятно, они имели избирательный характер, но необходимо учитывать, что они могли просто не сохраниться или ритуал предусматривал такие минимальные изменения, следы которых не прослеживаются. Определенные посмертные манипуляции совершались со всеми частями тела или скелета: 1) небольшие перемещения отдельных костей (коленные чашечки, кости стоп) с сохранением основной анатомической целостности погребений; 2) значительные разрушения и перемещения тазовых костей, черепов, позвонков; 3) полное разрушение погребений, когда ни одна кость не оставалась на месте своего анатомического положения; 4) изъятие отдельных костей и перемещение их в специально сооруженные катакомбы.

На Дагомском и Архонском могильниках выявлены следующие особенности посмертных разрушений, предположительно, ритуального характера:

1. Разрушения черепов характерны для всех половозрастных групп, зафиксированы в семи случаях: трое мужчин (Дагом — кат. 4, погр. 2 и кат. 16, погр. 2; Архон — кат. 11, погр. 1); две женщины (Дагом — кат. 6, погр. 2 и кат. 16, погр. 1); двое детей (Дагом — кат. 10, погр. 3 и кат. 16, погр. 3). Следует отметить еще шесть случаев, когда характер разрушения черепов неоднозначен: четверо мужчин (Дагом — кат. 2, погр. 1 и 2; кат. 11, погр. 1; кат. 18, погр. 1), женщина (Дагом — кат. 10, погр. 2) и ребенок (Дагом — кат. 2, погр. 3). Разрушения черепов имеют свои отличительные особенности, связанные, вероятно, с половозрастными показателями. Для мужчин характерно отделение черепа от позвоночного столба и переворачивание его набок с сильным разъединением челюстей (Дагом — кат. 4, погр. 2 и кат. 16, погр. 2) и основанием вверх (Дагом — кат. 11, погр. 1?; Архон — кат. 11, погр. 1). У женщин (Дагом — кат. 6, погр. 2; кат. 16, погр. 1 и кат. 10, погр. 2?), вероятно, чаще уничтожались именно лицевые кости, на их месте обычно фиксируется расплывчатое пятно тлена с мелкими фрагментами костей, причем в некоторых случаях *in situ* сохранялась черепная коробка или ее крупные фрагменты. При боковом положении черепа у женщин, верхние челюсти разрушались вместе с лицевыми костями, а нижние оставались *in situ* или смещались и переворачивались, разъединенных, как у мужчин, не отмечено. В двух случаях, зафиксированных в Дагоме, разрушение черепов сопровождалось удалением на расстоянии отдельных шейных позвонков: у мужчины (кат. 4, погр. 2) и у женщины (кат. 16, погр. 1). Детские черепа в Дагоме, по всей видимости, отделялись от позвоночного столба и удалялись в пределах камеры (кат. 2, погр. 3; кат. 10, погр. 3 и кат. 16, погр. 3), но оснований для однозначных выводов пока недостаточно. В катакомбах Архонского могильника не зафиксировано детских погребений, хотя отдельные детские кости встречались. Детей до определенного возраста, вероятно, хоронили на специальном участке, который не попал в зону наших раскопок.
2. Разрушения ног зафиксированы в семи катакомбах и связаны только с мужскими погребениями. В трех случаях удалены коленные чашечки левой (Дагом — кат. 2, погр. 2) и правой ног (Дагом — кат. 6, погр. 1 и кат. 12, погр. 2). Эта деталь обряда не зафиксирована в Архоне. Надо также отметить, что в Архоне и Дагоме не было явных манипуляций с коленными чашечками у женских погребений. В двух случаях отмечено необычное положение ног, связанное с разрушением их анатомической целостности (Дагом — кат. 16, погр. 2; Архон — кат. 11, погр. 1), в трех случаях были удалены кости стоп (Дагом — кат. 9, погр. 2; Архон — кат. 11, погр. 1 и кат. 22, погр. 2).
3. Разрушение костей тазового пояса хорошо прослеживается только в семи случаях в Дагоме и связано с женскими погребениями (кат. 9, погр. 1 и кат. 16, погр. 1). Достоверно такие детали не зафиксированы у женских погребений в Архоне, что можно объяснить чрезвычайно плохой сохранностью остеологического материала. Надо отметить, что в Архоне и Дагоме не зафиксировано очевидных разрушений тазового пояса у мужчин.
4. Полные разрушения погребений зафиксированы в семи катакомбах и характерны для всех половозрастных групп (Дагом — кат. 7, 8, 9, 11 и 18; Архон — кат. 30 и 45). Характер разрушений в них не однозначен и связан с хаотичным разбрасыванием костей по камере, в результате чего невозможно достоверно определить ни количество погребенных, ни их первоначальное расположение, ни принадлежность им инвентаря. Только в одном случае в Архоне (кат. 30, погр. 2) вполне определенно зафиксировано преднамеренное разрушение анатомической целостности всего скелета: кости женского погр. 2 были перемешаны, но локализованы в пределах первоначального местоположения. Во всех отмеченных катакомбах есть вероятность преднамеренности действий ритуального характера, так как только в двух катакомбах (Дагом, кат. 18 и Архон, кат. 45) с большим количеством погребенных была необходимость перемещения останков для расчистки места для следующих погребений и одна катакомба 11 в Дагоме имела следы ограбления в древности, в остальных случаях признаков ограбления и необходимости разрушения не было.
5. Изъятие отдельных костей погребенных и перемещение их в специально сооруженные катакомбы отмечено только в Архоне (кат. 23, 26 и 28). Эти катакомбы отличались от обычных размерами, способом сооружения и конструктивными деталями. Происхождение костей в них не ясно, там же были обнаружены немногочисленные предметы VII–VIII вв., что дает основание предполагать их одновременность.

Не удалось проследить устойчивой закономерности в перемещениях или разрушениях кистей и пальцев рук. По наблюдениям автора, кисти и стопы подвергались наименьшему разрушению на Дагомском могильнике.

Не выявлено очевидных фактов преднамеренного разлома костей или полного отсутствия каких-то костей или частей тела у погребенных, за исключением катакомбы 3 (2003 г.) в Дагоме, где у мужского погр. 4 полностью отсутствовала голень и стопа правой ноги (не было даже следов тлена, как будто этой части тела не было вовсе), а бедро левой ноги сломано и смещено в двух местах, но невозможно определить, были это прижизненные травмы или результат каких-то сложных ритуальных действий.

Материалы Архонского и Дагомского могильников дают возможность предполагать существование в погребальной обрядности алан VII–VIII вв. ритуала полного или частичного преднамеренного разрушения и/или перемещения погребений на нескольких этапах разложения. Представленный материал показывает, что при всей схожести ритуальных действий на Дагомском и Архонском могильниках имеются некоторые отличия в соблюдении этого ритуала. Вероятно, в каждом ущелье были свои варианты или предпочтения ритуальных действий, и различия объясняются не временными рамками или этническими особенностями, а существованием каких-то локальных верований, так как до сих пор в каждом горном ущелье Осетии почитают «своих» покровителей и связанные с ними святые места.

Джамолов Д. Д. 1978. Методические рекомендации об определении видовой, половой, возрастной принадлежности поясничных позвонков скелета взрослого человека. М.: Изд-во Министерства здравоохранения СССР.

Звягин В. Н. 1983. Методика краниологической диагностики пола человека // Судебно-медицинская экспертиза 3. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 15–17.

Марченко М. И., Кононенко В. И. 1991. Практическое руководство по судебной энтомологии. Харьков: Изд-во Украинского института усовершенствования врачей.

Свадковский Б. С. 1974. Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М.: Медицина.

Пашкова В. И., Резников Б. Д. 1978. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Архонского катакомбного могильника в 1997 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 22130-22131.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Архонского катакомбного могильника в 1998 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 21468-21470.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о проведении раскопок Архонского катакомбного могильника в 1999 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 22754-22755.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о проведении раскопок Архонского катакомбного могильника в 2000 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 24242-24243.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о проведении раскопок Дагомского катакомбного могильника в 2003 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 32367-32368.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Дагомского катакомбного могильника в 2004 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 25488.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Дагомского катакомбного могильника в 2005 году // НОА ИА РАН. Ф-1, р-1, № 27029-27030.

Шестопалова Э. Ю. Отчет о раскопках Дагомского катакомбного могильника в 2007 году // НОА ИА РАН. Номер не присвоен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтайГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул
АН	— Академия наук
АС	— Археологический съезд
БНЦ СО РАН	— Бурятский научный центр СО РАН
ВАС	— Всероссийский археологический съезд
ВГУ	— Волгоградский ГУ
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГМИР	— Государственный музей истории религии. Санкт-Петербург
ГУ	— государственный университет
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону
ЕСВ	— Европейский Северо-Восток
ЗГУ	— Запорожский ГУ
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва
ИАЭ СО РАН	— Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИрГУ	— Иркутский государственный университет
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
КНЦ	— Коми научный центр УрО РАН
КРС	— крупный рогатый скот
кург.	— курган
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Москва
МАК	— Материалы по археологии Кавказа. Москва
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МРС	— мелкий рогатый скот
НА	— Научный архив
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИЛ	— научно-исследовательская лаборатория
НОА ИА РАН	— научно-отраслевой архив ИА РАН. Москва
ОИАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ООО	— Общество с ограниченной ответственностью
погр.	— погребение
РА	— Российская археология
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАН	— Российская Академия наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СЭ	— Советская этнография
ТАЭ	— Тувинская археологическая экспедиция
ТПАИ	— Теория и практика археологических исследований. Барнаул

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
УЗ КБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
УрО РАН	— Уральское отделение РАН
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону
PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin
RA SN	— Revista Arheologică, seria nouă. Chişinău
SN	— seria nouă
UPA	— Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bonn

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аксёнов Виктор Степанович**
(Харьков, Украина) — кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии, Харьковский исторический музей (aksyonovviktor@gmail.com)
- Белицкая Анастасия Леонидовна**
(Сыктывкар, Россия) — научный сотрудник, Отдел фондов, Национальный музей Республики Коми; младший научный сотрудник, Отдел археологии, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (Belitskaia522@yandex.ru)
- Бондаренко Анастасия Владимировна**
(Москва, Россия) — старший лаборант, Отдел эпохи бронзы, Институт археологии Российской Академии наук (sturabondarenko@gmail.com)
- Бородовский Андрей Павлович**
(Новосибирск, Россия) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (altaicenter2011@gmail.com)
- Бородовская Елена Львовна**
(Новосибирск, Россия) — кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (elena_ikar@mail.ru)
- Вдовченков Евгений Викторович**
(Ростов-на-Дону, Россия) — кандидат исторических наук, доцент, кафедра археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (vdovchenkov@yandex.ru)
- Гаврилюк Надежда Авксентиевна**
(Киев, Украина) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел античной археологии, Институт археологии Национальной Академии наук Украины (gavr51@mail.ru)
- Гришин Артём Евгеньевич**
(Новосибирск, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии палеометалла, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (artem-grishin@mail.ru; grishin@archaeology.nsc.ru)
- Ильяшенко Сергей Михайлович**
(Ростов-на-Дону, Россия) — кандидат исторических наук, заместитель директора по работе с музейным фондом и археологическим исследованиям, Археологический музей-заповедник «Танаис»; доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (silyas@list.ru)

- Кашуба Майя Тарасовна**
(Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
(mirra-k@yandex.ru)
- Килуновская Марина Евгеньевна**
(Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
(kilunmar@mail.ru)
- Курганов Николай Сергеевич**
(Санкт-Петербург, Россия) — старший преподаватель, кафедра реставрации, факультет искусств, Санкт-Петербургский государственный университет
(nikolai.kurganov@gmail.com)
- Куприянова Елена Владиславовна**
(Челябинск, Россия) — кандидат исторических наук, директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека, Челябинский государственный университет
(dzdan@mail.ru)
- Новоженков Виктор Александрович**
(Караганда, Республика Казахстан) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Казахский НИИ культуры (г. Алматы) и Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. Е. А. Букетова
(vnovozhenov@gmail.com)
- Очир-Горяева Мария Александровна**
(Казань, Россия) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А. Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан
(mariaochir@rambler.ru)
- Садыков Тимур Рашитович**
(Санкт-Петербург, Россия) — младший научный сотрудник, Отдел охранной археологии, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
(tim.sadykov@gmail.com)
- Семёнов Владимир Анатольевич**
(Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
(kilunmar@mail.ru)
- Серегин Николай Николаевич**
(Барнаул, Россия) — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии; старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Алтайский государственный университет
(nikolay-seregin@mail.ru)
- Смирнов Николай Юрьевич**
(Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
(kolaksais@yandex.ru)

Тимченко Николай Петрович
(Киев, Украина)

— кандидат технических наук
(gavr51@mail.ru)

Усманова Эмма Радиковна
(Караганда, Республика Казахстан)

— кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова
(emmadervish2004@mail.ru)

Шестопалова Эвелина Юрьевна
(Владикавказ, Россия)

— научный сотрудник, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания
(e.yu.shestopalova@yandex.ru)

Яценко Сергей Александрович
(Москва, Россия)

— доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет
(sergey_yatsenko@mail.ru)

Научное издание

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ И ПОСЕЛЕНИЯ:
ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ,
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И ОГРАБЛЕНИЯ**

Редактор *М. А. Молчанова*

Художественный редактор *И. Н. Лицук*

Корректор *М. А. Молчанова*

Верстка *М. В. Меркурьевой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги. 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 01.08.2016. Формат 60 × 90/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 26. Печ. л. 31. Тираж 300 экз. Заказ 175

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
Отпечатано в ООО «Невская Книжная Типография»
197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., дом № 31, литера Б, помещение 1Н
Тел./факс: +7 (812) 380-79-50

Настоящий сборник статей посвящен проблеме нарушенных в древности или символических погребений. Авторы рассматривают несколько взаимосвязанных направлений изучения этих явлений: следы постпогребальных обрядов (часто принимаемые за следы ограблений), методы их выявления и интерпретации; различные категории символических захоронений, где само тело умершего полностью или частично отсутствовало. Часть статей посвящена приемам выявления древних ограблений могил, выяснению методов и мотивов действий грабителей. Важными являются уточнение терминологии, повышенное внимание к полевой фиксации и публикации деталей таких комплексов; возможности корректного привлечения этнографических параллелей. Немаловажны также датировка поздних проникновений в могилы; критерии выявления синхронных захоронениям и более поздних ограблений; активное использование данных физической антропологии; выявление характеристик сакрального пространства некрополя и его окружи. В ряде работ отражены ценные полевые наблюдения; в других содержится критический анализ преобладающей методики фиксации и имеющихся реконструкций ритуалов; третьи продолжают ведущуюся в литературе полемику. Тексты размещены по хронологическим блокам (бронзовый век — ранний железный век — раннее средневековье), а внутри таких блоков — по регионам. Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Евразии.